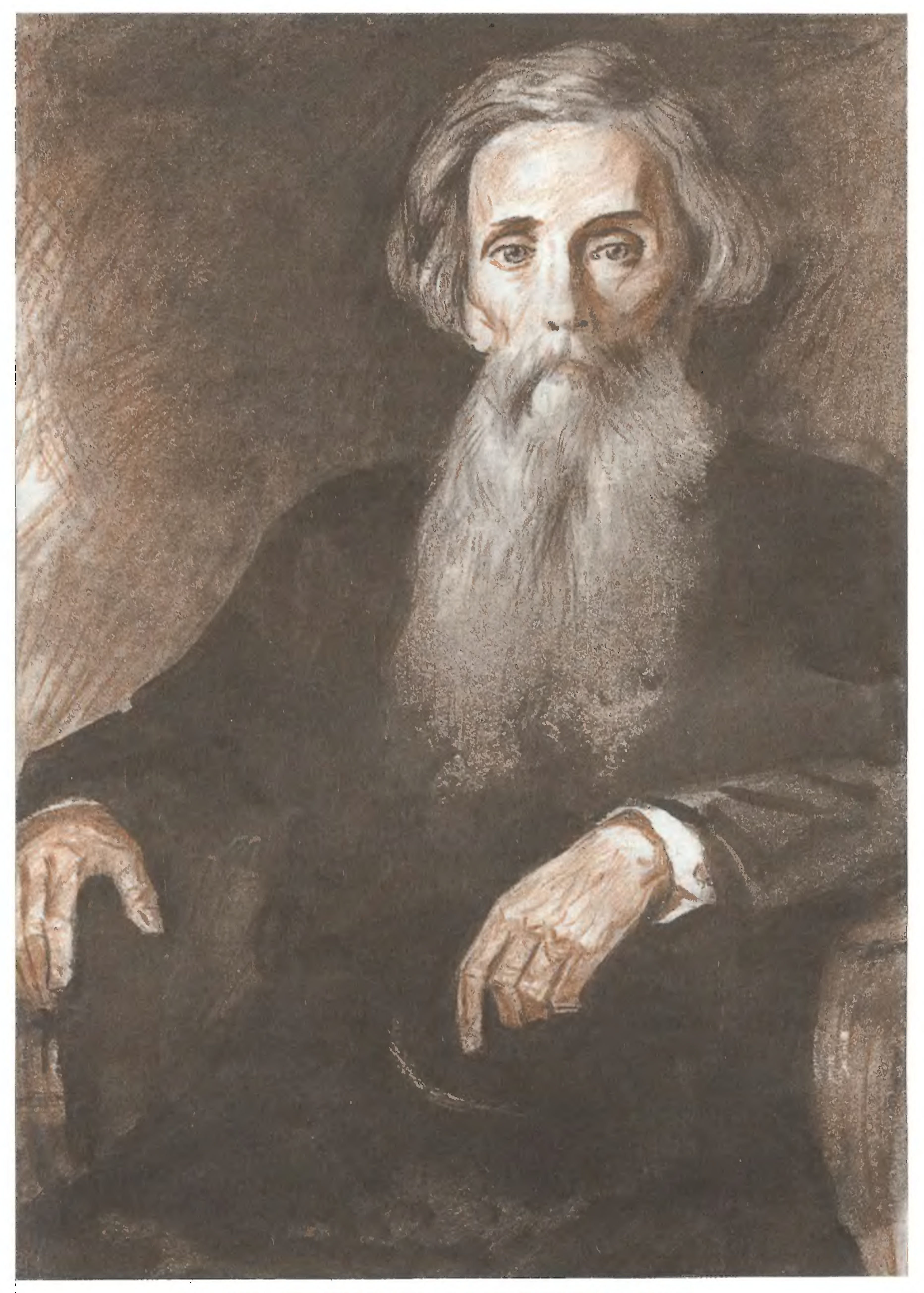

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДАЛЯ

Портрет В. И. Даля работы художника С. Трофимова

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

Москва, ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическое объединение «Молодая гвардия»

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки:
Ноябрь. Фотоэтюд А. Аникина

«Молодая гвардия», 1991, № 11, 1—288

НАШ АДРЕС:

125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а, телефоны редакции: для справок — 285-88-58, 285-56-90, отдел прозы — 285-80-15, отдел поэзии — 285-88-40, отдел очерка и публицистики — 285-80-26, отдел критики — 285-80-14, отдел «Товарищ» — 285-89-66, отдел писем — 285-80-16.

Борис ПРИМЕРОВ

ЛЕБЕДИНОЕ ИГО

ПОЭМА

А я хотел, чтоб голубое иго
Еще звенело...
А. П.

**Справляя по прошлому тризну,
Вопросом встает полумесяц
Над потрясенной отчизной,
Багровыми думами свесясь,
В воспоминаньях о весях,
Убитых трагической вестью.**

**Терзаемых снами упрямо,
Тревожными, мутными снами,
Тяжелыми снами о драмах —
С напудренными шутами,
С глазами грядущего хама
Под ручку с кисейною дамой.**

Урод за уродом. Как дурно,
Как боязно тянет пустыней
Вот здесь, над заплеванной урной,
Где все в роковой паутине,
В инструментовке трясины
Теснит родовые картины.

И нет ни вчера, ни сегодня,
Одни рудокопные гномы.
Лишь слово и вера господня
До странности в снах незнакома.
Был дом — вдруг развалины дома:
Шуршит голубая солома.

Солома мгновений, столетий...
— Креста на тебе нет! — вдогонку
Кричит нарастающий ветер
И сквозь просыревшую пленку
Торопит мою плоскодонку:
Пространство, кабак, лошаденку —

библейский прообраз сегодняшних смутных годин,
похожих на сон, что вдохнул Достоевский в убийцу...

Перед убийством убийце
Сон снится в картинах и лицах,
Помноженных на небылицы
О красных засовах темницы, —
Притихший, как в лапах тигрицы,
Не дай Бог, и мне он приснится.

...Приснился: лилась по дешевке
Хмель-кровушка без укоризны
В свободные руки торговки
На всех перекрестках отчизны —
О, эти дешевые жизни
При страшной дороговизне.

Когда хороши все приемы,
Свобода не милует нищих
И сытых. Свобода, опомнись!
Но поздно. Берут топорище.
Удар — и одно пепелище —
Тоска во все стороны свищет.

Душа — как без дома собака,
Скулит на луну монотонно,
Скулит из какого-то мрака
Под страшным пустым небосклоном
Во сне по скользящей наклонной
Раскольникова Родиона.

Высокою раной болея,
Зачем в ослеплении общем
«Хватаем за ус Водолея»,

На землю красивую ропщем:
На ясновельможные рощи,
На почести храбрых и мощи?

Коль это мое — на колени
Поставим его у порога,
Чтоб где-то горело отмщенье,
Какая-то злоба на Бога.
А что, разве черт не двуногий?
Народ, ты не прав перед многим.

Народ, ты не прав пред Россией,
Цветком полевым, жаворонком.
Глаза полонили Батыи,
Темно в них — одни похоронки.
Бесшумные слезы ребенка.
Пространство. Кабак. Лошаденка.

«Кобыленка эта, — кричит Миколка, — только сердце мое надрывает: так бы ее и убил! Садись! Всех довезу! И десять и двадцать садись!» — и хлещет, хлещет, хлещет...
«Да на тебе креста, что ли, нет?» — говорит один старик, и Миколка ему: «Не тронь, мое добро! Что хочу, то и делаю!»

Все то, что случалося всуе,
Словцом проливным прополощут:
— Садись! Все садись! — прокачу я
Стремглав через красную площадь!
Бьют лошадь кнутом и не ропщут.
Вы видели плачущей лошадь?

Несчастное тело трясется,
Стоит лошадиное око
Над миром — в нем черное солнце
Раскинулось кругом широким.
Бьют лошадь настырно, жестоко,
Рукою в закате по локоть.

Бьют лошадь, бьют слева и справа,
Бьют ломом, могильной лопатой,
Бьет ангел и сумрачный дьявол,
Бьет встреча и круглая дата,
Особенно через «когда-то»
Два кучера, два демократа.

Креста на вас нет, богоборцы,
Плутишки, докучные гномы,
Вы видите черное солнце?
Вы слышите падшие громы?
Был дом. Вдруг — развалины дома.
Шуршит голубая солома...

Миколка хрипит: «По мордам ее! Эх, по глазам!» Хохочет толпа, и старик сердобольный смеется. «Живуча! — кричит. — Топором ее кончить, и все». Миколка рукой ухватился за лом: «Изувечу!»

Перед ударом Ей снится:
Она молода, как жар-птица,
Стоит у Нескучной криницы
С тугим животом кобылицы,
В котором крепыш шевелится,
Что должен вот-вот народиться.

В предвечном покое младенец
Живые из матери соки
Сосет — ну куда его денешь,
Когда округлился, как око
Живот ее...
Снится ей цокот,
Чабрец и густая осока.

Она — в целомудренном мире,
В стране иван-чая и кашек,
Там «брошены звездные гири
На задрожавшие чаши»
Озер и бесчисленных пашен,
Где «взвешены сущности наши».

Там — много простора и шума
Для памяти, слуха и глаза.
Как смотрит столетняя дума
Ей в душу с высокого вяза,
Что кроной с лазурью повязан
До самого крайнего часа.

Там — годы и годы, и годы,
Подернуты синь-синевою,
А поле — зерцало природы
Картиной лежит под луною
Безрамной, шумя вековою,
Почти невесомой травою.

Траву невозможно покинуть,
Плывешь по волнам иван-чая,
Стреноженных сизой полынью
В день золота, в день урожая;
В ноздрях до конца сохраняя
Тоску половецкого края.

Рассвет жеребеночком пахнул
Сквозь вязов ажурные купы:
Шло солнце подобное Баху,
Вздымая органные трубы,
Согрев лошадиные губы,
Текучим дыханием глуби.

...Синица зарю высекала
Вишневого цвета кресалом —
От края до края — такая
Во сне Ей картина предстала:
Открылось великое в малом
При встрече конца и начала.

Очнулась... Ночного замеса
Над мордой у самого уха
Висел золотой полумесяц,
Духмяного хлеба краюха.
И вдруг, как в войну, как в разруху,
Лом взвился и на спину рухнул!

И рухнул удар! Кобыленка взметнулась, осела. «Доконал!» — прошумела толпа. А Миколка свое: «Как хочу поступаю! Мое, наживное добро». И глаза его светят, наполнившись ржавою кровью. Вот уж стонет Миколка, жалеет, что некого бить.

Не знает железо без пресса
О том, что оно не железо:
В течение вечера бесу
Закажем железную мессу
Про то, как кружилась над лесом
Лень — черная птица прогресса.

Креста на тебе нет, Миколка!
Ты крестишься кованым ломом.
Грозит твоя рыжая челка
Языковым идиомам.
Был дом. Вдруг развалины дома —
Шуршит голубая солома.

Удар за ударом. Как жутко
Лицо горизонта темнело,
Когда без судьбы и рассудка
Ты брался за смутное дело.
Ведь сказано в высших пределах:
Темница души — ваше тело.

Ведь сказано: перед порогом
Безропотно слушаться Бога.
...Но вдруг зашатались чертоги;
В итоге беспутные ноги —
И вспоминают дороги
О том, что они не дороги.

Шумит, как шумит непогода,
Страна потрясенная — вон как!
Хлебнувшая горечь свободы
Отчаянно, памятно, звонко.
О, Родина, наша сторонка:
Колокола, лошаденка.

Шумит она полночью темной,
Лета ее — многие тыщи.
Свобода, постой-ка, опомнись,
Но поздно. Берут топорища —
Удар. И одно пепелище,
Тоска во все стороны свищет.

Воинствующее начало,
Катапультирует слово.
За будущим очередь встала
С утра, на обломках былого —
Глотая пустоты, ждут повод
Узнать хоть какую-то новость.

Язык, луговую тропинку,
Меня и тебя, как породу,
Я слышал, пора сдать в починку
Лихой перестройке в угоду:
Сменять, променять на свободу
Все наше — и сушу, и воду.

Как будто монахиня в ризе,
Вошла постаревшая проза.
Креста, видно, нет на Борисе.
Толпилися длинные слезы
Из времени черного спроса
На всякого рода разносы.

Разнос учинялся страницам,
Написанным перьями мэтров,
Разнос учинялся границам
Свободно, раскованно, щедро,
Границам простора и ветра.
Вокруг нерушимого центра.

А было — крестом осиянна
Божественного начала
Рука самодержца Ивана
Россию в кулак собирала,
В порыв, адресованный далям.
Неужто Отчизна устала?!

Не знаю, не знаю, оттуда ль
Судьба наша тоньше, чем волос,
Легла на достаток и удаль,
Неся соловьиную волость,
Туда, где свирель раскололась
На белый и траурный голос.

Раскол на расколе — в расколе.
Сидит на московском престоле
Страх, вздрагивающий поневоле
От нищего колоса в поле,
Пустеющих полок, юдоли.
Сидеть ему, Боже, доколе?!

Лишь Солнце над старою хатой
В садах, на ставàх, на баштанах
Хозяйничает, как диктатор,
Как будто рука Иоанна,
Что Божьим крестом осиянна.
Тоскует по прошлому рана,

Болит — как насыпали соли
Нетлеющей памяти возле.
Есть острая память у боли,
И я, консерватор, за весла
Сажусь и под небом промерзлым
Качу на свидание с прошлым.

. . . .

Мир женщиной утренней пахнул
Сквозь вязов ажурные купы.
Шло солнце, подобное Баху,
Вздымая органные трубы,
Мои опалившее губы
Набатным дыханием глуби.

День вздрогнул — от звезд до ромашек,
Когда под малиновый сполох,
Как в колокол, мирно дремавший,
Ударил пространства осколок;
И был колокольный гул долог,
И короток бой перепелок.

Как сахар, желания хрупки,
Предчувствует женщина отдых.
Луна на батистовой юбке.
Стройна и пряма, как подсолнух, —
По первому знаку, как конюх,
Я выведу слово на воздух.

На воздух, на окрик воздушный,
На вечные зовы природы;
Я выведу, как из конюшни
Зарю чистокровной породы,
Заржавшую: «Эй, сумасброды,
Уроды, зачем вам свободы?!»

Дни шли, нагруженные новью,
Махая природе ладонью;
Земные леса Подмосковья,
Небесные степи Придонья
За дымкой седой, как за бронью,
Густой развернулись гармонью.

Лес нес за коленцем коленца.
А степь караулила пашни,
Чтоб свет одновременно влажный
И очень сухой и домашний,
Сегодняшний свет и вчерашний
Пробил бы навылет мне сердце.

Свет этот — бесстрашная крепость:
Предания, лирика, эпос,
Глаза покаянные, трепет,
Земля и духовное небо

Единые на потребу...
Единое на потребу.

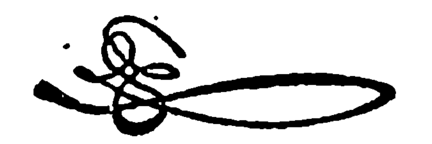
— Единое на потребу, —
Кричали цветы полевые,
Шмелями прошитые степи,
Рябины, до боли родные,
На всех перекрестках России
Вопросы, тире, запятые.

Я русский по духу и крови.
В первоначальной затее
Я, словно Кольцов, окольцован
Березовой млечной аллеей,
Что белого света белее,
В котором родиться успели.

Ты — мы: нашептали мне степи.
Ведь сказано в утренней книге:
Любовь — это каторга, цепи,
Тяжелая ноша, вериги,
Суд вечности мудрой над мигом,
Судьба — Лебединое иго.

Пришла по воздушным ступеням
Работа с согнутой спиною.
Я — раб. Становлюсь на колени
Пред гордой красивой страною,
Целуя в уста голубое,
Звенящее иго покоя.

Москва

Владимир КОВАЛЬ-ВОЛКОВ

ПАТРИОТИЗМ И РУСОФОБИЯ

Можно ли написать историю целого государства с чистого листа? Увы, неоднократно на глазах нынешних трех поколений переписывалась сегодняшняя история нашего Отечества. Даже лозунг появился: «Писать историю с чистого листа!»

Впрочем, лозунг этот, очевидно, должен был пониматься как призыв вершить исторические дела, достойные занесения на скрижали. Но волей определенных групп людей понят он был иначе и стал лозунгом дегероизации, стирания во всех ипостасях многовековой истории Родины. И печатно, и изустно, и в памятниках, и в переименовании на новый лад древних имен наших городов, с чем и по сей день приходится сталкиваться на каждом шагу. В том числе и в справочной литературе.

Всюду виден нынче след взращенного на горе и злосчастии народа новенького, выпущенного массовым тиражом за годы советской власти этакого прикидывающегося всезнающим, русофобствующего «интеллигента». И прежде всего в самых святых для народа местах. К примеру, в таких, как Киево-Печерская лавра...

Как-то побывал на экскурсии в этом историческом заповеднике. И был буквально ошеломлен словами одного из экскурсоводов:

«Ну, а если конкретно, то сказки вся эта наша история. Вздор! Досужий вымысел праздных людей! А подтверждением тому — могила Ильи Муромца. Раскопали ее, а там скелет монголоида обнаружили», — заявила она, завершая свой рассказ о древнем культурном центре России.

Заявила безапелляционно. Словно и нет уже перед историками и археологами и по сей день не решенного вопроса о месте захоронения легендарного защитника Родины, жившего, по приблизительным подсчетам, около тысячелетия назад, во времена правления Великого киевского князя Владимира Красное Солнце. Поставила под сомнение и существование самого князя, известного всему миру политика и полководца.

Многие, слушавшие экскурсовода, в силу некомпетентности в родной истории и литературном наследии предков восприняли на веру все сказанное. И лишь единицы тактично позволили себе усомниться в фактах, выдаваемых за истину дипломированным специалистом.

«Мне не верите, загляните в Советский энциклопедический сло-

варь, в Большую Советскую Энциклопедию! Там есть все, о чем я говорила...» — возмущенно парировала экскурсовод высказанные ей сомнения.

Выступление экскурсовода — реальный, постоянно повторяющийся факт. Один из длинной череды тех, что на любой аудитории преследуют единственную цель — развенчать героическую славу народа, растоптать самую память не только о полулегендарных, но и о реально существовавших людях, низвести до уровня полуправды, а то и вовсе изъять из исторической жизни народа и их, и связанные с ними события. Прозвучала же с экранов наших телевизоров мысль, что Великий киевский князь Александр Ярославич Невский — суть образ собирательный!

Это одна из точек приложения откровенной русофобии.

Атаки русофобов следуют методично, одна за другой со всех направлений. То мы обнаруживаем выпущенные огромными тиражами порочащие А. С. Пушкина и оскорбляющие Россию книги Синявского, именующего себя Абрамом Терцем. То вдруг в собраниях сочинений Ф. М. Достоевского и других отечественных классиков находим предисловия, сноски, комментарии, искажающие смысл и звучание тех или иных строк, абзацев, а то и суть целых произведений. То нам приходится «праздновать» более чем полувековые юбилеи неиздания, переписывания и замалчивания государственной истории, отмечать круглые даты уничтожения наших национальных памятников, таких, как часовня Святого Александра Невского, бесследно сметенная с лица земли, да храм Христа Спасителя, чей иконостас непонятным для народа образом оказался в руках семейства Рузвельтов в США. А то вдруг, обращаясь к нашим советским учебникам и энциклопедическим изданиям по поводу того или иного исторического факта или героя, обнаруживаешь, что... и факта самого не было, и герой-то вовсе не герой, а в лучшем случае лишь положительный персонаж, не совершивший ничего достойного всенародной памяти, как это приключилось в конце концов с героями Куликовской битвы Родионом Ослябей и Александром Пересветом, да и с прославившим их событием.

Мало кто из поколений советских людей до недавнего времени видел в именах этих людей вековечный символ непобедимости народного духа, жертвенности за Родину, за други своя. И немудрено, если вполне определенные силы, поставив себе целью дегероизацию народа, отовсюду исключили описание их подвига, его значение для российского воинства, для потомков! А как может быть иначе, как можно понять «нашу» школу, если народ пользуется выправленными, вымаранными изданиями, где сказано, что Пересвет якобы погиб в поединке перед битвой, а Ослябя, поучаствовав в сражении в 1380 году, был послом в Византии. И больше ни строки. И сказано-то все якобы с полным на то основанием: пойди, попробуй, проверь! И следов-то за давностью лет не осталось. Ни в книгах, ни на земле. Даже поле, дескать, то самое, Куликово, неизвестно где! А раз неизвестно, то и вопрос напрашивается соответствующий: а было ли?

И все бы ничего, да пытливый ум ищет. Ищет и находит! Да и рукописи, как сказано у Михаила Булгакова, оказывается, «не горят»! И все больше народ наш обращается не к лживым новым, а к достоверным старым справочникам, литературным и

энциклопедическим изданиям. К таким, как Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Эфрона, труды Н. М. Карамзина, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева, Е. П. Савельева, к летописям и другим документам, повествующим словно в противовес нынешним изданиям не об империалистической политике России, а об ее освободительной борьбе, о высочайшем патриотизме, о воинских делах во имя свободы и независимости Родины. Так, у Н. М. Карамзина в «Истории государства Российского» под 1380 годом в связи опять же с заботами оборонительными, освободительными, патриотическими о тех же Ослябе и Пересвете сообщается:

«Святой старец (Сергий Радонежский) дал ему (Великому князю московскому Дмитрию Ивановичу) двух иноков в сподвижники, именем Александр Пересвет и Родион Ослябя, из коих первый был некогда боярином брянским и витязем мужественным. Сергий вручил им знамение креста на схимах и сказал: «Вот оружие нетленное! да служит оно вам вместо шлемов!»

А далее, после описания победоносной Куликовской битвы, говорит Н. М. Карамзин о потерях войска российского. Перечисляя эти потери, в числе знатнейших павших воевод и воинов называет он брянского боярина «Сергиева инока Александра Пересвета, о коем сказано, что он еще до начала битвы пал в единоборстве с Печенегом, богатырем Мамаевым, сразив его с коня и вместе с ним испустив дух; кости его, и другого священновитязя Осляби, покоятся доныне близь монастыря Симонова...».

Два тезиса, как говорится, налицо. И тут можно было бы еще поспорить: кто прав — российские историки или так называемые новой формации «неизвестные» составители статей советских энциклопедических словарей и Большой Советской Энциклопедии — обоих изданий и готовящегося третьего, — и их титулованные редакторы? Можно было бы... Если бы не свидетельства очевидцев исторических событий, уличающие в неприкрытой лжи нынешних русофобствующих академиков и профессоров от истории российской, что дружно сталкивают в небытие все русское, затаптывают память народа о своем героическом прошлом, о людях, таких, как Ослябя и Пересвет.

И свидетельства эти бьют наших новоуков, что называется, не в бровь, а в глаз.

«Воинами были они (Ослябя и Пересвет) в миру, и на татар пошли без шлемов и панцырей, в образе схимы, с белыми крестами на монашеской одежде», — подтверждает и дополняет сведения Н. М. Карамзина современник Куликовской битвы, лично знавший Ослябю и Пересвета составитель жития Преподобного Святого Сергия Радонежского Епифаний Премудрый. Его слова — яркое свидетельство жертвенности, героизма, утверждения в народе и войске святости всего похода за Дон, всей многотрудной кровавой борьбы с иноземными поработителями. Иначе вряд ли двинули бы на кровопролитие двух, посвященных в высшую степень святости, рыцарей-монахов, шедших в сражение не как боевая сила, а скорее как знамя, как символ высокой воинской чести, воинского и гражданского подвига, что должен был подвигнуть все воинство на самые высокие ратные дела. Иной трактовке, вопреки составителям Советского энциклопедического словаря, Большой Советской Энциклопедии и им подобных изданий, и не поддаются действия ни Пересвета, ни того же Осляби.

«...Выехал из полка татарского Печенег, богатырь очень великий, и никто не принимал его вызова. Тогда Пересвет Чернец, Брянчанин родом, что был в полку у Владимира Всеволожского, двинулся из строя полка и сказал: я хочу с ним сразиться. И был на нем шлем Архангельского образца (иными словами матерчатая монашья схима. — **В. К.-В.**), вооружен был схимою; и сказал: отцы и братия! простите меня грешного, и брат мой Ослябя, моли бога за меня... Игумен Сергий, помоги молитвою своей!.. И ударив крепко... мало что земля под ним не провалилась; и, упав с коней, оба умерли», — дополняет Н. М. Карамзина и Епифания Премудрого очередной свидетель битвы — летописец Ростовский.

До последнего, как водится на Руси, вопреки утверждениям наших сегодняшних социалистических «историков», бился и Родион Ослябя. Он «...Ослябя так же был убит в Донском сражении, вместе с богатырем Григорием Капустиным, и Великий Князь, стоя восемь дней на месте битвы, велел тела нарочитых людей везти к Москве в колодах», — окончательно опровергает сведения советских «энциклопедистов» очередной древний автор — свидетель битвы, чье беспристрастное творение было впоследствии названо Архангельским летописным сводом Московского Кремля и стало одним из подспорий отечественной историографии.

Впрочем, что там летописи, что очевидцы?! Не указ они трудившимся последние семьдесят лет составителям «отечественных» справочных изданий. Тем более таких, как советские энциклопедические словари и Большая Советская Энциклопедия, Энциклопедия Москвы и вся остальная масса «энциклопедий». Ведь никто не может подтвердить правдивости рассказов очевидцев, свидетелей и участников битвы, да вроде бы и некому ныне это сделать. Не ведали наши предки об изобретенном через шестьсот лет после их гибели за Родину социалистическом реализме, с помощью которого ныне поставлены под сомнение и их героические дела, и само понятие Русский народ, его право на жизнь. Ну, а русофобы и воспитанные ими наследники победителей позаботились, как могли, а если точнее, на совесть поработали в духе этого самого соцреализма над проблемой уничтожения российской культуры и истории, памятников и самих могил героев предков.

А ведь все было! И кладбища были, где Великий Князь Дмитрий Иванович Донской хоронил героев, павших на поле Куликовом. И хоронил их лично, при великом стечении народа! И с наибольшими почестями, как гласят летописи — и Архангельского собора Московского Кремля, и другие, — хоронил Великий Князь двух ратоборцев — иноков Ослябю и Пересвета. И, совершая горестный обряд, произнес он: «Доколе будут помнить о них, дотоле и земля русская стоять будет». И памятником битве, всем павшим в ней стала одетая в честь Победы в белый камень церковь Рождества Богородицы в Старом Симонове.

И чтил народ память героев. Ежегодно, вплоть до 1917 года включительно, в день, установленный Великим Князем Дмитрием Ивановичем Донским, в Дмитриеву субботу, Великие Князья, а позже цари и императоры государства Российского при огромном стечении народа, в присутствии представителей всех сословий, в храме Рождества Богородицы, у украшенной ротондой каслинского чугунного литья могилы Осляби и Пересвета, служили торжественный молебен, поминая героев Куликовской битвы и всех людей, сложивших головы за свободу и независимость Родины.

Священные для России имена Александра Пересвета и Родиона Осляби носили лучшие броненосные корабли военно-морского флота страны...

Но... прозвучал перечеркивающий все и вся в сознании основной массы народа русофобский лозунг: «Мы родом из Октября!» И... Все было сделано как для уничтожения понятия «героическое», так и для уничтожения самого понятия «история». Были уничтожены, как враждебные народу, наиболее значительные памятники его многотысячелетней культуры. Ну, а что не смогли уничтожить, то искалечили, исказили, деформировали в народном сознании, как храм Василия Блаженного: считанные единицы скажут, что этот храм построен по указанию царя Ивана IV Васильевича, прозванного Грозным, в честь Победы над Казанским ханством, а Василий Блаженный это не какой-то там сумасшедший, юродивый, а причисленный к лику святых за заботу о Родине Великий Князь киевский Владимир Красное Солнце, при крещении получивший имя Василий.

И перестали в стране не только отмечать годовщины Победы в Куликовской битве, но и издавать труды отечественных историков, отводивших достойное место и этому великому в истории народа и государства событию, и делам российского воинства. «Смутили» это и другие исторические события кого-то из наших доблестных несгибаемых «интернационалистов»... Делалось и делается все, чтобы уничтожить, стереть из памяти людей даже упоминание о местах, где человек мог бы ощутить себя наследником и продолжателем жизни и славных дел своих предков. Ну, а если конкретнее, по указанию сверху были сметены с лица земли все могилы участников Куликовской битвы. На костях героев предков, отдавших жизни за Отечество, были возведены министерские и другие постройки (как на Кулишках — нынешняя площадь Ногина), а на основном кладбище, что находилось в Старом Симонове, — цехи завода «Динамо», что неизвестно по какой причине все годы своего существования неизменно числится в гигантах отечественной промышленности. Может быть, потому и числится гигантом, что стоит на человеческих костях?..

Не пощадили радетели о счастье народном и ставшую памятником подвигу народному церковь — храм Рождества Богородицы: вместо скульптурных памятников в честь героев и совершенных ими подвигов в обычае наших предков было строить храмы — ведь любое радение за Родину у нас в стране во все времена почиталось делом богоугодным, святым и достойным всяческого почитания — особенно подвиги ратные, возьми любого святого Русской Православной Церкви, каждый, что Борис и Глеб, что Александр Невский, были воинами. Не пощадили и оказавшихся в пристроенной к храму трапезной могил Александра Пересвета и Родиона Осляби. Вышвырнули чугунное надгробие драгоценного каслинского литья на свалку (интересно: на какую и в какой стране нынче живут новые хозяева этого раритета?). И в обезглавленном храме над прахом национальных героев установили заводские компрессоры...

Нет ничего! И не было! Таковым было официальное утверждение не столь уж давних времен по поводу российской истории, а в частности, событий, о которых идет речь. Все спрятали, смели с лица земли. Даже поле Куликово объявили потерявшимся: мол, то, на которое указывают молва народная, что берегла его целых

шесть столетий, да документы, находится, дескать, где-то в стороне от искомого... Забыли, правда, переименовать в Москве улицы — Ослябинку и Пересветовку... Но и это, похоже, не без расчета на организованную на эйфории всеразрушительства беспамятливость. Заставим забыть! А потом кому в голову придет, откуда взялись такие названия, — вдруг это какая-нибудь угро-финская топонимика, о которой стало столь модно говорить в последнее время!

Ведь люди уже (!) объясняют название города Загорска как город за горами! И неведомо им, поддавшимся по простоте душевной обману, что такое название просуществовавшему более шестисот лет Троице-Сергиевому Посаду, основанному Преподобным Сергием Радонежским, дано по псевдониму человека, носившего подлинную фамилию Лубоцкий, никогда в жизни не приблизившегося к этому населенному пункту, как говорится, и на пушечный выстрел...

И попробуй после всего где-либо заведи речь о своем героическом прошлом, об исторической самостоятельности народа! Иные «знатоки» истории российской на смех поднимут! Назовут безграмотным да укажут на статьи Советского энциклопедического словаря, отошлют просвещаться к Большой Советской Энциклопедии. Читай! Заучивай! И, естественно, помни, кто ты такой и где твое место на земле СССР!

Все вроде бы учтено, взвешено. Все уничтожено... Да, оказалось, не до конца утрачена народом-воином память о героическом, о своих исторических корнях. А потому, несмотря ни на что, и восстал во всей красе из небытия среди заводских цехов храм воинской славы — церковь Рождества Богородицы. Та самая, что отстроена была в камне в 1380 году в честь давшейся великой кровью Победы над супостатом. Потому вновь поднялось из праха надгробие над дорогими каждому россиянину могилами героев.

Трудным было это возрождение. Его не афишировали. Не показывали ни в «Новостях дня», ни в кинохрониках, о нем не опубликовано ни строки ни в «Огоньке», ни в «Знамени», ни в одном им подобном издании. Куда там! Втихую, по-воровски, готовилось окончательное уничтожение народной святыни. «Мешала» она реконструировать агонизирующие цехи-бараки завода архитектору Г. Букштаму. Мешала, а значит, подлежала сносу по одобренному свыше решению, утвержденному ГлавАПУ и ГипроНИИэлектро, ставившему под удар чаяния стремящегося к возрождению народа, в обход решений Моссовета и Совета Министров о сохранении и использовании памятника архитектуры XV—XIX веков бывшей церкви Рождества Богородицы в Старом Симонове, предусматривавшему выделение храма в городскую среду, и о генеральной реконструкции завода «Динамо» с частичным его переносом в район Южного порта столицы.

Настаивал на выполнении своего замысла товарищ Г. Букштам с сотоварищи. И добился своего: памятник, а вместе с ним и последние могилы участников битвы Куликовской на всех бумагах были окончательно приговорены к переходу в небытие.

И исчезли бы последние свидетельства нашей Победы с лица земли, да россияне, как повелось в земле нашей в моменты смертельной опасности, ударили в набат...

Стучались, как говорится, во все двери. Б. Ельцин, Н. Воротников, Сайкин отвечали, что компетентные органы компетентны и

все необходимое делается. Да, делалось все, но лишь для проведения в жизнь плана все того же Г. Букштама. Даже технику было для его выполнения понагнали. Принимали участие в возне вокруг памятника многие. Секретарь Всесоюзного общества охраны памятников культуры, в ответ на обращения в эту организацию, просил благодарить завод, что «до сих пор не снесли халабуду». Интеллигенция предприятия откровенно смеялась над идеей восстановления памятника. Ну, а боевой комсомол в ответ на просьбу дать компрессор для земляных работ изрек: «А что мы с того будем иметь?»

Поддержка пришла лишь со стороны Министерства обороны.

Узнал обо всем случайно. Получил письмо — крик о помощи людей, радеющих за сбережение родной истории, национальной культуры, затаптываемых традиций героического, народной памяти. Удивился: храм на заводе?! Но тем не менее поверил подписавшим документ Павлу Сергеевичу Жилкину и другим патриотам. В первый же выходной попал на предприятие. Шел меж цеховых строений и удивлялся: как в них можно работать, ведь большинство из них построено в первые годы советской власти и в годы Великой Отечественной войны и каждое в любую минуту может развалиться!

Думал о памятнике знаменательному событию в истории Родины. Сравнивал его с Успенским и Архангельским соборами Московского Кремля, что чудом уцелели для потомков вопреки лихой затее французика Корбюзье и пригласивших его хозяев — лихоимцев многострадальной нашей земли, возмечтавших уничтожить Кремль и отгрохать на древнем Боровицком холме эдакий, ни в чем не уступающий западным образцам, современный Сити из стекла и бетона. Размышляя о судьбе, что сохранила нам могилы страстотерпцев и радетелей родной страны, память о таких сильных духом людях, как выпестовавшие волю Дмитрия Донского патриарх Алексий и Преподобный Сергий Радонежский, как патриарх Гермоген, явивший народу образец мощной воли в борьбе с врагом. И пытался представить, во что превратили храм Рождества Богородицы. Как-никак там более шестисот лет покоятся Пересвет и Ослябя! И никак не вязались в сознании с этими именами сотрясающие стены и фундамент, тревожащие их покой компрессоры...

...Вокруг ушедшего почти на полтора метра в землю здания работали вооруженные шанцевым инструментом люди. И были здесь среди них ученые, рабочие, военные, художники, студенты, домохозяйки. Словом, полномочные представители всех тех, в ком, несмотря ни на что, живы память поколений и извечно присущая нам, столь ненавистная врагам всех мастей, национальная гордость великороссов.

Внутри храма, на лесах, трудились, восстанавливая роспись, реставраторы. У полуколонны вскрытый пол был устлан живыми цветами: святое для каждого гражданина нашего государства место — освобожденные из-под гнета опоры компрессора могилы Александра Пересвета и Родиона Осляби...

Это было начало возрождения многовековой российской воинской святыни, а вместе с тем духовности, национальной культуры народа и начало конца навязанного ему мракобесия, когда на тысячу представителей этого самого многочисленного в стране народа всего лишь семнадцать человек получают высшее образова-

ние, когда этот народ заставляют оплевывать, шельмовать своих детей, посмевших заявить о своем патриотизме службой в Вооруженных Силах.

И радовалась душа. Все постепенно возвращается на круги своя. Восстановленный храм возвращен Русской Православной Церкви. Над прахом Пересвета и Осляби, взамен утраченной ротонды каслинского литья, художники-россияне воздвигли памятник из благородного камня.

Возгорелась, засияла лампада памяти народа-воина...

Доводилось бывать в храме Рождества Богородицы не раз. Видел посещение могил Родиона Осляби и Александра Пересвета представителями командования наших Вооруженных Сил. Принимал участие в принятии присяги и церемонии освящения знамен возрождающегося российского казачества — нации, пострадавшей от геноцида Л. Троцкого, Я. Свердлова, М. Тухачевского и им подобных, что, оклеветанная, почти до нынешних дней выбивалась физически, чьи исконные земли, протянувшиеся от Дуная и до Тихого океана, чтобы репрессированный народ-воин никогда не воскрес из мертвых, были разодраны на куски и введены в состав различных союзных республик, заявляющих ныне о своих суверенитетах...

Был у храма Рождества Богородицы и погожим утром 8 сентября 1989 года. Было это в праздник — День Покрова Богородицы. Но ничего праздничного не было. В храме шла заупокойная служба: посреди притвора стояли шесть гробов, наполненных... человеческими костями. Откуда?.. Из котлована, что едва начали рыть для строительства притвора Святого князя Дмитрия Ивановича Донского. Чьи они, можно было определить безошибочно, едва увидев на них следы рубленых (читай сабельных) ударов. Это были извлеченные из земли останки самых сильных и храбрых воинов, сложивших головы в Куликовской битве, и варварски потревоженных полвека назад разравнивавшими холм строителями заводских цехов.

Потревожили могилы героев, воинское захоронение! «Экая, — подумалось, — беспамятливость на людей напала! А ведь по эстафете времен были ближе нас и к событиям, и к знанию истории: много же было людей-патриотов, получивших в юности подлинное знание о жизни Родины!» Но по размышлении понял, что то поколение, как и мы, было оторвано от национальных исторических корней, памяти. Ведь и они, как и мы ныне, были лишены возможности увидеть воочию поданный всем нам через века пращурами величайший пример любви и уважения к армии и почитания предков, их заслуг перед Отечеством — Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, где в унижение всех поколений россиян ведутся от их имени дрязги о разделе созданного их потом и кровью государства. Там, в императорском дворце, куда в дни всенародных празднеств собирались представители всех сословий, на стенах и пилонах, на мраморных досках золотом записаны фамилии георгиевских кавалеров, наименования отличившихся в сражениях за Родину, награжденных георгиевскими знаменами и горнами воинских частей. В том числе и Тенгинского полка, в котором служил поручик М. Ю. Лермонтов.

Лишенным оказался наш народ в основной своей массе даже возможности выполнения такого первейшего требования нравственности, как уважение к памяти предков.

Была, впрочем, мысль вместе с учеными, писателями, военными, студентами, восстанавливавшими храм Рождества Богородицы, могилы предков, очиститься трудом от скверны беспамятства, позаботиться о будущем, о памяти детей своих и у членов рабочего коллектива завода «Динамо»... Да, сработала, верно, укоренившаяся в душах рабская покорность всяческим запретам: к церкви не приближаться, а то я вас!

И ходили мимо памятника и рабочие, и инженеры, и заводоуправленцы предприятия, и представители вышестоящих инстанций. Ходили, как и требовал запрет, равнодушно. Хотя, виноват, не все. В ком-то все же проявился интерес к отеческим гробам. Кто-то из них все-таки зашел в храм. Очевидно, рассматривал освобождаемые из-под штукатурки высокохудожественные фрески древних мастеров. И, видимо, был поражен величием изображенных неизвестных ему исторических событий — видом Осляби и Пересвета, Преподобного Сергия Радонежского, благословляющего на битву за Родину Великого князя московского Дмитрия и воевод российских. Да вот беда, в силу отведенного ему нашим общественным строем уровня культуры не сумел выразить свой восторг иначе, как нацарапав на бесценном творении мастера матерное слово.

Да, ни рабочие завода «Динамо», ни комсомольская, ни партийная, ни профсоюзная организации, ни заводоуправление, ни районные власти — никто не приложил ни малейшего усилия к восстановлению памятника истории и благодарной памяти потомков героям предкам. Удивительно? Пожалуй, нет. Ведь это те же самые советские люди, оглупленные и оглушенные массовой культурой в школе и в институте. Обманутые пропагандируемой средствами массовой информации байкой о неспособности России, русского народа не то что к великим свершениям, но даже к самостоятельному мышлению! Да, да, это те самые люди, представители народа, у которого отбирали и отбирают историческую перспективу, которым с пеленок вдалбливают, что все они «родом из Октября», а значит, все, что было до Октября 1917-го — все грязь и мразь. Даже войну, начавшуюся в 1914 году и по целям государства Российского названную Отечественной, переименовали в империалистическую.

Да, именно бездарной, безграмотной, тупоумной мерзостью с подачи идеологов-русофобов выглядят наши, как в конце концов оказывается, свободолюбивые и мудрые пращуры, давшие миру величайшие образчики научной мысли, военного искусства и культуры, дипломатии, величайшие примеры самоотверженности и любви к Родине. И знаем мы о них, соответственно с навязанным нам классовым сознанием, лишь как об обездоленных, безграмотных крепостных крестьянах, захваченных, именно захваченных в кабалу, да об угнетателях — князьях, царях, боярах да дворянах, людях беспутных и ко всему безразличных.

За чудо, выходящее из ряда вон, за загадочный феномен, случайно получивший у нас в стране широкую огласку, выдается переписка новгородского мальчика Онфима со своим сверстником. Почти нигде в средствах массовой информации не упомянуты целые села и посады, переписывавшиеся с великими русскими писателями, о деревнях, имевших школы и гимназии. И нигде не упоминаются свидетельства австрийца Сигизмунда Герберштейна и других иноземных послов о поголовной грамотности целых обла-

стей государства Российского. Никто ничего ни разу не сказал о том, что те же угнетатели — князья, а потом цари и императоры — были прежде всего полководцами, политическими деятелями, дипломатами, возглавлявшими устроение, охрану и оборону вверенных им земель. И передавали из поколения в поколение эти заботы по эстафете: Святослав, Владимир Красное Солнышко, Мстислав Удалой, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской...

Молчат об этом и наши учебники, и официальная пропаганда, работая на русофобию. Точно так же, как и о причинах татаро-монгольского нашествия на Русь. Чего только не выдвигают в число причин того страшного лихолетья! Говорят и о геополитических мотивах, и о многом другом. Обо всем, кроме... истинных.

Ни в одном из советских источников не сказано о политическом альянсе папы римского Гонория Третьего и французского короля Людовика Святого с Чингисханом, чьи орды они с помощью посланных военспецов сделали самым современным по тому времени войском, пообещав ему во владение Русь и центральную славянскую Европу за возможность уничтожения православия и окатоличивания всего Евразийского материка, выговорив себе во владение лишь богатые Псковско-Новгородские земли.

Слишком многое неизвестно ныне нашему народу о самом себе. Да и откуда обо всем этом знать-то! Ведь ни одна школьная, ни одна институтская программа, составленная А. Луначарским и его последователями, об этом не говорит, не обмолвилась ни словом!.. Молчат, либо лгут об этом, о родной истории, на всем протяжении более 70 лет и все общедоступные наши издания. И напрашивается тут ставшее нынче модным набившее оскомину сравнение наших систем информирования, образования и просвещения с подобными органами США. Там в отличие от нас история родины изучается почти по дням на протяжении всех лет обучения. В американских учебниках, справочных и энциклопедических изданиях в отличие от наших нет ни слова лжи, никто не спрятан за псевдонимами ни в текстах, ни в подписях, дана правдивая оценка каждому, пусть даже преступному, деянию и рассказано о судьбе каждого народа. Они, американцы, осваивая настоящую, подлинную историю своего государства, становятся настоящими патриотами своей страны, за что мы их сегодня опять же расхваливаем на все лады. Они!.. У них!..

А впрочем, что это все они да у них?! А мы-то что же? И у нас во всем стремятся идти с ними в ногу! И почти не отстают благодаря мощному прозападному, низкопоклонскому настрою «Огонька», «Московских новостей», «Советской культуры» и вообще основной части наших средств массовой информации, давлению внешней и внутренней русофобии. Да, не отстают! Искореняют в людях чувство Родины, буквально задавливая целые поколения битом и роком, присоединяя к этому западному эрзацу культуры, созданному и культивируемому когда-то для удержания в повиновении негритянских невольников, вопли своих эстрадных бездарностей. Разваливают вместе со всеми и в угоду всем не только нашу культуру, но и нашу армию, что еще до сих пор является самой сильной и стойкой, судя по опыту Великой Отечественной войны и боев в Афганистане. Бьют прицельно, затирают, развенчивают в сознании молодежи искони присущее нации стремление к героическому, патриотизм. И молодежь в ка-

кой-то степени уже практически не знает своей Родины. Не имеет понятия о ее прошлом, без знания которого невозможно понять настоящего. Оно для нее — темное пятно: так, повторяю, преподают у нас в школе и в вузе историю Отечества. Ну, а будущее, исходя из нынешних реалий, — неясно. Хотя кое-что прогнозировать можно. Что? **Учитывая заключенный Президентом М. С. Горбачевым договор с Ватиканом, надо, как говорит о подобных предприятиях наша так называемая писаная история, ждать гражданской войны в полном смысле этого слова. Войны неизбежной. И втянуты в нее будут многие граждане, даже не способные разобраться в происходящем все из-за того же незнания истории Родины, в которой уже бывали подобные моменты.**

Да, да! Все негативное происходит из-за незнания истории! И примеров, подтверждающих это, вполне достаточно. Спросил как-то первого попавшегося в центре Москвы модно одетого юношу: кто такие Ослябя и Пересвет? В ответ услышал, что люди с такими кличками ему неизвестны. Не меньшим знатоком истории и патриотом Родины оказалась и отравленная пропагандистским трепом молодая мать, поучавшая с высоты своего обструганного опыта ребенка, вдалбливавшая, что ему не место в рядах защитников Отечества, доказывавшая, что в армии служат только тупые и непорядочные люди...

Многих пришлось опросить о том, кто такие Ослябя и Пересвет, пока не услышал более-менее внятный ответ. Да и то произнесены были лишь короткие, так называемые официальные данные из официальных за последние несколько десятилетий одиозных энциклопедических изданий. Ну, а в довершение этот украшенный университетским значком счастливый обладатель «энциклопедических» познаний сказал, что знать все это ни к чему. «Мы разоружаемся, — недвусмысленно заявил он. — И воевать ни с кем не собираемся. А значит, и знать о том, что были какие-то там воины и войны, нам незачем. Об этом в каждой газете написано».

Сказано все это было с таким видом, будто человек заявил о своем очередном великом открытии, по меньшей мере об изобретении колеса. А ведь ничего нового, особенного не выдал. Был подобен говорящему попугаю, жующему словесную жвачку. Бездумно повторял все то, что в наши дни выдается за нынешние открытия, совершенно не понимая того, что делаются в наше время все эти «новооткрытия» и «новоизобретения» исключительно во вред Родине, во вред ее народам.

Да, мы ни с кем не собираемся воевать. Точно так же, как не собирались воевать и целую тысячу лет своей так называемой писаной истории, в ходе которой наш пахарь ни на мгновение не расставался с оружием. Но разве это дает повод разным абалкиным, арбатовым, примаковым и иже с ними, навязывающим народу свое в корне дохлое мнение, требовать сокращения Вооруженных Сил, искоренять память о том, что каждые два года из этой тысячи не кому-нибудь, а именно нашим пращурам приходилось вести одну большую оборонительную войну, защищать родные очаги?!

Да, мы по-прежнему за разоружение. Именно и вопреки всем вымарывателям нашей родной истории по-прежнему! Да, да, именно по-прежнему, ибо не мы, а наши предки первыми выступили с проблемой разоружения и решения международных конфликтов мирным путем. И начали этот разговор на самом высоком международном уровне почти сто лет назад на Гаагской кон-

ференции. Серьезно ставили вопрос о мире и разоружении, но при этом не сокращали личный состав и вооружения в одностороннем порядке, строго соблюдали интересы державы: держали порох сухим, не допуская оплошностей, приключившихся 22 июня 1941-го, а также вмешательства во внутренние дела страны. Ну, а помимо всего прочего, свято чтили традиции, и в первую очередь такую, как всенародная, обязательная для каждого, служба в армии. И что вполне естественно, никому и в голову не приходило переписывать историю, а тем более допускать к ее написанию, к составлению справочных изданий и учебников людей чужих — с грязными руками и черными душами, нигилистов и русофобов. Заботились предки о памяти поколений, о продолжении рода, о том, чтобы каждый из нас помнил имя свое и радел о Родине, о ее державной мощи и благосостоянии. Заботились обо всем том, что нынешние оголтелые — внутренние и внешние — русофобы определяют как русский нацизм, фашизм и шовинизм, при которых у нас, до их выхода на арену, не было и в помине никакой национальной вражды. Не было! Помнили люди свою историю, не забывали, кому и чем обязаны жизнью, и, естественно, знали, откуда придет беда и от кого ждать защиты. А ныне... «Да полноте, — зашумят ныне известные всем прорабы и трибуны, цепные псы перестройки. — Невозможно останавливаться и с полпути поворачивать вспять! Все хорошо и должно идти своим чередом!» И будут, в общем-то, правы. Действительно, невозможно вернуть время и жизни миллионов. Но помнить о них мы обязаны. Помнить всем миром. А для этого надо восстановить всю реальную историю нашего Отечества. И при этом мыслить не о ниспровержении очередных ложных кумиров, но о будущем народа, страны. Подумать о том, что в противном случае того самого будущего — свободного и светлого, — о котором мечталось из поколения в поколение, без подлинного знания прошлого, а в том числе и не столь давнего со всеми его ошибками, вредительством, просто не будет. Оно с помощью все той же русофобии исчезнет, перешагнув гибельную черту, как и сам народ и населенная им великая страна, расчлененная на регионы, а если точнее, на удельные «княжества», оказавшиеся уже сейчас в результате длительного избиения на грани фактического рабства и физического уничтожения. Пора во избежание новых роковых «ошибок» выправить наши учебники и энциклопедические издания по достоверным свидетельствам, оставленным нам нашими героическими предками.

●

пс

Юрий ГВОЗДЕВ

ДЕМОКРАТИЯ, КОТОРАЯ ПРИВОДИТ К НИЩЕТЕ

В Сан-Сальвадоре есть здание со стеклянным фасадом под названием «Башня демократии». Вид у нее жалкий: разбитые окна, заделанные фанерой и картоном. Дымчатое стекло в пулевых пробоинах. Вечером не светится ни одно окошко: оно пусто. Такое описание встретил я в лондонской газете «Файнэншнл таймс» в конце прошлого года. И еще об этом здании было сказано: «Как и сальвадорская демократия, его внешний вид скрывает отсутствие содержания». Зато ее поддерживают США, так как в стране проводятся «выборы». Хотя в условиях гражданской войны, в ход которой Вашингтон вложил после 1979 года 4 миллиарда долларов, погибло более 75 000 человек, главным образом гражданских лиц, включая детей, женщин, стариков. Солдаты, обученные Пентагоном, расстреливают даже священников. На последних выборах выиграл ультраправый деятель Кристиани, связанный с «эскадронами смерти». Он стал президентом. «Сейчас, — писала испанская газета «Паис», — предпринимаются... настойчивые попытки нарисовать демократический образ президента Кристиани...»

Но о каком «демократическом обществе» может идти речь, если более половины населения Сальвадора прозябает в нищете, а безработица достигает 43 процентов? Член Исполкома Национального союза сальвадорских трудящихся Марко Тулио Лима считает: «Правительство осуществляет политику эксплуатации трудящихся, потому что оно либерализовало (отменило контроль над ценами), а это еще больше обогатило олигархию». В стране насчитывается 250 000 безземельных крестьянских семей. Правят бал латифундисты, крупные дельцы и спекулянты. Их интересы защищает армия, поддерживаемая США. Вот вам и «пустота сальвадорской демократии»... Опять обман и игра?

Очень много было сказано о победе демократии в Никарагуа, где в марте 1990 года сандинисты на выборах потерпели поражение. Спору нет, хорошо, что это привело к окончанию гражданской войны (которую опять же финансировали США). Но можно ли считать такой итог выборов во всем благоприятным для народа страны? Что же изменилось? Новое правительство поставило вопрос о возвращении земель и городской недвижимости ее прежним владельцам. Это затрагивает, в частности, интересы 150 000 крестьян, получивших землю в результате реформы после сандинистской революции. Соучастием в конфликте США нанесли ущерб Никарагуа в 15—16 миллиардов долларов. Но возмещать его не

собираются. Инфляция достигла беспрецедентных размеров; один доллар стоил в феврале 1991 года 4,3 миллиона кордоб. Спустя год после победы на выборах антисандинистской оппозиции безработица достигла 50 процентов. 20 тысяч бывших «контрас» самовольно захватывают поля, чужое имущество.

«Экономика Никарагуа, — писала мексиканская газета «Эксельсиор», — переживает еще более тяжелый кризис, чем за десять лет сандинистского правительства. Социальные беспорядки, стычки, временами кровопролитные, из-за спора вокруг земли, практически стали каждодневным явлением...» И какая польза от того, что в стране расплодилось множество партий, партиек и групп, которые стараются чаще всего перекричать друг друга, не выдвигая конструктивной альтернативы? Разве такой демократии ожидало большинство избирателей? Ясно: без социальной справедливости, да еще при вмешательстве со стороны, не построить демократическое общество в Центральной Америке. Но, может быть, демократическая перестройка, модернизация рыночных отношений уже обещают благодатные плоды в других, более крупных государствах континента? И это ведь тем более интересно, потому что они соседствуют с США, часто воспринимают от них рекомендации, во многом стремятся подражать их экономической модели, образу жизни. Весь регион напоминает порой некий огромный полигон, где деловые круги Севера испытывают свои рыночные, иные новинки.

В этой связи большое значение придается событиям в Венесуэле 27 февраля 1989 года. Они войдут в историю как один из ярких примеров несостоятельности демократии в условиях рыночной экономики. Свою статью в венесуэльском журнале «Элите» видный юрист и писатель, профессор Каракасского университета Луис Бритто Гарсиа назвал «Сумерки мифов». В ней он наглядно показывает крах популизма в качестве метода обмана населения, прикрытия господства толстосумов. Что же произошло в Венесуэле, где победу на выборах второй раз одержал один из лидеров Социнтерна Карлос Андрес Перес, выдвинутый на этот пост партией Демократическое действие?

Произошло то, что случается нередко и в других странах. Рассчитывая на голоса широких народных масс, Карлос Андрес Перес обещал «оздоровление» экономики, прогресс, заботу о людях с низкими доходами и т. д. Но, оказавшись в президентском дворце, он на вторую же неделю своего правления не улучшил жизнь своих избирателей, а резко ее ухудшил. Цены были освобождены от государственного регулирования, повышены тарифы на коммунальные услуги, цены на бензин. Объявлено было о приватизации, то есть о передаче в частные руки, государственных предприятий. Все для выгоды крупного капитала, включая иностранный. Оказывается, именно этого и добивались Международный валютный фонд, банки США, других стран, которым задолжала Венесуэла, где 80 процентов населения живет ниже черты бедности. А до этого местные коммерсанты, ожидая повального повышения цен, уже стали придерживать на складах муку, соль, кофе, масло, мыло и другие товары первой необходимости. В результате — пустые полки и длинные очереди.

Утром 27 февраля тысячи рабочих и служащих не смогли попасть на работу: частные владельцы транспортных средств так вздули стоимость проезда, что многие оказались к этому не го-

товы... И начался настоящий бунт обманутых людей. Их жизнь и так была нелегка, но после реформы цен стала невозможной. Стали громить магазины, склады, перевертывать и жечь автомашины... Волнения охватили не только столицу, но и многие другие города. Социал-демократ Карлос Андрес Перес бросил войска против тех, кто еще вчера верил в его риторику. Более 800 убитых, 5000 раненых... Безоружных отчаявшихся людей расстреливали на улицах.

Удивительно ли, что в результате такой расправы в Венесуэле возник кризис доверия к избирательной демократии как таковой: «Тотальное недоверие к юридической системе и политическому представительству». Таково было мнение местной общественности. Практически система оказалась неспособной решать конкретные проблемы страны, а парламент превратился, по мнению избирателей, в говорильню. Как ответ на события 27 февраля рассматривают обозреватели массовое неучастие граждан в выборах губернаторов штатов и муниципальных властей в декабре 1989 года: 70 процентов не явились на избирательные участки. Как заявил известный политический деятель Венесуэлы Хосе Висенте Ранхель, «правительства стали позволять делать все, что им взбредет в голову, не ожидая крупных народных выступлений... И это правительство полагало, что народ пассивно воспримет его шоковую терапию». Однако прогнозисты ошиблись. Люди выразили гневный протест против обычного в рыночной экономике девиза «Богатым быть не стыдно!». Они не согласились голодать тогда, когда социальная элита гребет деньги лопатой, запивает черную икру шампанским и с презрением взирает на дальнейшее обнищание миллионов бедняков. Один из типичных случаев классового противостояния. Как писал каракасский журнал «Элите», «никакая риторика не способна сегодня замаскировать тот факт, что трудящиеся, правительство, промышленный капитал и международные банки находятся в антагонистическом противоречии между собой. И каждый из них полностью отдает себе в этом отчет».

Бывший президент Рафаэль Кальдера, выступая в сенате в марте 1990 года, вынужден был признать:

«Венесуэла была в регионе чем-то вроде примера. Сегодня североамериканцы называют это show-window. Она и была витриной демократии в Латинской Америке. И вот эту витрину разбили кулаками, палками, ногами голодающие рабочих окраин Каракаса, которых хотят прямо или косвенно заковать в железные оковы, навязываемые Международным валютным фондом».

Представительная демократия в условиях господства рынка, частной собственности оказалась бессильной в решении крупных социально-экономических проблем. Она защищала прежде всего корыстные интересы долларократов. Напрасны усилия тех, кто неуклюже пытается сегодня доказать чуть ли не отсутствие капитализма, социальных язв и классовой борьбы как таковой. Это или заблуждение, или злостный обман. Религиозный журнал, выходящий в Каракасе, прямо пишет: в Венесуэле «никогда не существовала демократия с народным участием». И подчеркивает: «Все услуги, прежде всего образование и здравоохранение, а также транспорт, водоснабжение, свет, безопасность... стали все возрастающими ключевыми факторами социальной дискриминации и углубления пропасти между классами». Видимо, и здесь не признается принцип равенства, который порою умышленно путают

с уравниловкой. Считается вполне «нормальным», когда 33 процента венесуэльцев не имеют средств на приобретение еды? «Правильно», если 70 процентов жителей, как утверждает венесуэльский епископат, не пользуется важнейшими правами человека? И это в стране, которая в Западном полушарии считается одной из самых демократических и ставится Вашингтоном в пример остальным? Страна, зарабатывающая на экспорте нефти 12 миллиардов долларов в год, но и имеющая приблизительно 30 миллиардов долларов внешнего долга. Нет, явно что-то неладно в королевстве западной демократии, и об этом стоит говорить честно, откровенно, дабы не повторять чужие ошибки и негодный опыт, даже если он и имеет место в столь «цивилизованных» странах, как США, или где-либо еще.

КРАХ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Выступая в мае 1989 года на социальном семинаре, организованном католическим духовенством в городе Мерида, уже упомянутый нами видный политический деятель Венесуэлы Хосе Висенте Ранхель заявил: в стране сохраняется фактически «тот же антидемократический характер власти, каким он был при диктатуре». Единственное, о чем можно говорить, так это выборы президента каждые пять лет. С народом по-настоящему не советуются, с его мнением не считаются, когда предстоит принятие крупных решений, затрагивающих его жизненные интересы. Есть как бы две стороны — одна официальная, другая — неофициальная. Многие усматривают в этом еще и разновидность социального апартеида. Разве это не повод для протеста, народных восстаний, революций?

В Латинской Америке все чаще цитируются церковные документы, где выражена поддержка осуждению подобного рода «демократий», высказывается опасение перед «искушением на проявление насилия».

В Декларации конференции епископата Венесуэлы, принятой в Лос Текес 8 апреля 1989 года, подчеркивается наличие «огромного риска» из-за того, что «народ потеряет веру в демократическую систему, не видя удовлетворения своих самых законных чаяний».

Вместе с тем в средствах массовой информации не прекращается кампания против «вмешательства» государства в деловую жизнь, за полную приватизацию государственных предприятий, за передачу их в руки частного капитала. С другой стороны, все громче раздается критика и в адрес предпринимательства, которому, как правило, чужды интересы людей труда, страны.

Характерно, что религиозные издания все чаще публикуют выдержки из различных документов, принятых, в частности, на генеральных ассамблеях латиноамериканского епископата, где резко критикуется классовое расслоение общества, пропасть между богатыми и бедными. Пользуется популярностью выдержка из подобного документа, одобренного в Пуэбла (Мексика) еще в 1979 году, где сказано: «Роскошь немногих превращается в оскорбление для широких масс, пребывающих в нищете...» Как это контрастирует с выкриками некоторых наших публицистов: «Богатым быть не стыдно! Долой уравниловку! Безработные и бедняки — это лодыри!»

...Вот лишь одна «труженица» из Буэнос-Айреса, Амалия Лакросе де Фортабат. Ее состояние оценивается более чем в один миллиард долларов. Она проживает в роскошном высотном доме с золотыми порталами. У входа стоят люди, у которых под расстегнутыми жилетами виднеются пистолеты. Своих посетителей она принимает в элегантном салоне в стиле Людовика XVI, в квартире, расположенной на двух верхних этажах здания. Такое описание мы находим на страницах американского журнала «Тайм». Этой даме совсем не стыдно, что многое из этого богатства получено за счет «обычных» тысяч и миллионов ее соотечественников, которые трудятся за гроши, будучи нередко не в состоянии прокормить своих детей. Кто же из них имеет больший вес в демократии, на выборах? Сеньора Амалия или какой-нибудь Хуан от станка? Для полноты картины добавим: названная нами уважаемая дама обладает монополией в стране на производство цемента, ей принадлежит сеть радиостанций плюс нефтяные компании, дома и прочее, прочее...

Кризис представительной демократии в Латинской Америке знаменует собой поворотный пункт в самом понимании свободы и справедливости, и вновь высвечивает классовый характер общества. Это и протест против образа жизни, который вдалбливают вот уже долгие годы средства массовой информации. «Результат более пятидесяти лет процесса капиталистической модернизации в Венесуэле, — отмечается в статье Артуро Соса в журнале «Sic» под заголовком «Кризис ценностей, или Триумф идеологии», — выразился в распространении ценностей, свойственных потребительскому капитализму, на все слои общества. Это происходило в условиях, когда существующая структура экономических отношений препятствует большинству населения реализовать в каждодневной жизни эти самые ценности, а немногочисленная элита щеголяет ими открыто». Согласно идеологии этой «добившейся успеха» и господствующей элиты все дело в том, что в «свое время» каждый может добиться такого же уровня благосостояния. Очень часто выдвигается и другой тезис — «народ лодырничает, не умеет распоряжаться своими доходами и настолько порочен, что прогрессу предпочитает водку и пиво». Не правда ли, и в СССР все чаще ведут подобные речи именно те, кто снимает золотые сливки со всякого рода сомнительного политиканства и предпринимательства и готовит народ к массовой безработице? На мой взгляд, подобные рассуждения — плод голого цинизма, известного еще со времен рабовладельческого строя. Это — оскорбление человека.

В Латинской Америке миллионы людей жаждут работы, любой работы, а ее нет. Нынешнее общество со всей его рыночной экономикой и парламентаризмом не в состоянии ее дать. Число бедняков в регионе к 2000 году достигнет 300 миллионов человек, многие из них останутся без всяких шансов найти работу. И опять-таки демократия, как она есть сейчас, едва ли решит проблему. В начале 1991 года бразильский президент Фернандо Коллор де Мелло признал: нужно найти некий третий путь экономического развития. Социально-рыночный? По его словам, он предполагает «торжество социальной справедливости над привилегиями, уважение прав человека...». Но как добиться реально такой цели? Кто примет в парламенте решение, ущемляющее чьи-то баснословные барыши и привилегии? А пока президент констатирует: «Распре-

деление доходов в Бразилии — одно из самых несправедливых в мире. У нас насчитываются миллионы неграмотных, по улицам бродят миллионы беспризорников...» 53 миллиона человек голодают. По контрасту между кучкой сверхбогачей и массами бедняков страна следует за Шри-Ланкой. Бразилия в мировом первенстве среди нищих занимает третье место, пропустив вперед только Гондурас и Сьерра-Леоне.

Неолиберализм, как теория и практика, обрекает страны Латинской Америки на еще большие беды. Рыночные отношения сами по себе не панацея. Приватизация, разгосударствление экономики ведет к тому, что государство лишается централизованных фондов для осуществления крайне необходимых социальных программ. Остаются благотворительность отдельных предпринимателей, церкви, частных фондов. Оловянная кружка для сбора медяков у прохожих. И это «перестройка», в центре которой забота о человеке? Главные итоги подобного «гуманизма» налицо. Французский журнал «Монд дипломатик» за октябрь 1990 года опубликовал статью Карлоса Габетты под характерным заголовком «Латинская Америка: либерализм против демократии?». Под либерализмом понимается полная свобода для рынка. Вот некоторые итоги:

«Обнищавшие государства вынуждены экономить на расходах на здравоохранение и образование. Экономическая нищета влечет за собой деградацию в области культуры и здравоохранения. Аргентина является тому наглядным примером: показатель неграмотности, равный в конце 60-х годов нулю, составляет сейчас 6 процентов (32 процента функциональной неграмотности среди взрослых)». Зато процветают и множатся псевдорелигиозные секты, а также преступники, наркоманы, деклассированные элементы всякого рода... И среди этой массы сбитых с толку невежественных людей проповедуют «спасители» из числа неофашистов и фанатиков. Не напоминает ли это нечто и в переменах в нашей жизни за последние годы?

Даже такой известный сторонник капитализма везде и всюду, как Генри Киссинджер, обеспокоен дискредитацией еще недавно, казалось бы, безошибочной формулы демократии, выработанной в США на базе рыночной экономики. Обеспокоен тем, каковы результаты приватизации и «полной открытости» в регионе. «Латиноамериканские страны и почти все их руководители достигли такой степени отчаяния, что новое снижение уровня жизни наверняка повлечет за собой политическую катастрофу» — так писал этот деятель еще в январе 1989 года в испанской газете «Паис». Как свидетельствуют факты, его опасения начинают сбываться. Опыт, навязанный региону «перестройки», вот-вот обернется кровавыми вспышками насилия.

СЕНТИМЕНТАЛЬНОСТЬ КРОКОДИЛА

Сторонники неолиберализма внедряют в сознание лихой миф о том, что свобода предпринимательства, спекуляции чуть ли не основа демократии. Деньги — это все. Выдающиеся мыслители Латинской Америки осмеивают подобное утверждение. «Свобода бизнеса не только не имеет ничего общего со свободой человека, — утверждает уругвайский писатель Эдуардо Галеано, — но и просто с ней несовместима. Для того чтобы дать полную свободу деньгам, военные диктатуры бросают за решетку людей».

В Латинской Америке вызывает резкую критику попытка США всю суть демократии сводить к выборам, к голосованию при консервации устаревшего социально-экономического статус-кво. В мексиканской газете «Эксельсиор» опубликована, в частности, серия статей профессора Мексиканского национального автономного университета и Ибероамериканского университета господина Хосе Луиса Леона под общим заголовком «Мифы и реальность континента». Автор, имея в виду эйфорию президента Джорджа Буша по поводу «ренессанса» демократии в Латинской Америке, пишет: «Демократия увязывается исключительно с выборным процессом, то есть только с ее формами, а не с сущностью. Если установлено, что избирательные урны достаточны для узаконивания любого режима как демократического, то ясно и другое: едва ли можно говорить о демократии в тех местах, где правительства держатся с помощью оголтелого политического насилия, нередко не гнушаясь сотнями тысяч жертв...»

В Сан-Паулу, в Рио-де-Жанейро страшные трущобы соседствуют с ультрасовременными банковскими небоскребами, с кварталами шикарных вилл, утопающих в «райских кущах». На дверях одной из жалких амбулаторий в бедняцком квартале Рио объявление, предупреждающее о вспышке проказы. «Здесь все страдают, но у нас всех есть глаза, — сказала местная медсестра. — Мы видим их особняки, но они нас не замечают». Американский журнал «Тайм» как-то отмечал: богатейшие семьи Латинской Америки «ведут более экстравагантный образ жизни, чем высший класс в таких индустриальных странах, как США и Япония». Интересно, есть ли у них «клуб молодых миллионеров», как в СССР, или мы все же в данном случае их опередили в ходе перестройки? Напрасно кое-кто за счет их подачек думает «гуманизировать» традиционный облик Капитала. Как писала одна газета в бразильском Сан-Паулу, «господствующий класс отличается махровым невежеством и сентиментальностью крокодила». Когда же возникает голодный бунт, то расправа коротка.

В этом смысле интересно суждение видного венесуэльского политолога, публициста Деметрио Боерснера, выраженное им на страницах журнала «Sic» в декабре 1990 года. Не все здесь бесспорно, но я отдаю данный фрагмент полностью на суд самого читателя.

«В то время как неолиберализм — идеология, предпочитающая не называть себя таковой, ибо претендует на полное отрицание любых идеологий и возвеличивание «здорового прагматизма», — победно внедряется во все уголки земного шара, сокрушая и обращая в прах социализмы и полусоциализмы, деморализованные — и раскритикованные, — сами Соединенные Штаты, считая себя родиной и славой неолиберальной модели, вступили в период кризиса и самоанализа, что должно было бы заставить задуматься рыцарей вседозволенности на мировой арене...» В последние годы «неолиберальное мышление выражалось в растущем восхвалении наживы и одновременно в охаивании достойной бедности, социального милосердия и стремления услужить обществу... Это взбадривание личного эгоизма в сочетании с явным ханжеством некоторых официальных проповедей (говорилось о здоровой и свободной конкуренции, а в действительности защищались интересы привилегированных групп) еще более осложнило уже существующие в северо-американском обществе негативные

тенденции: грубый материализм, игнорирование моральных и интеллектуальных ценностей, насилие, цинизм, уход от ответственности...» Нужна ли человечеству подобная модель развития морали, демократии? И сколько же было случаев, когда устраивались голосования и выборы, равносильные очередному спектаклю и ничего не меняющие?

Кровавые события 27 февраля будто бы ничему и не научили социал-демократа, президента Карлоса Андреса Переса. Положение не улучшается, реформы носят явно антинародный характер, а он упорно повторяет: «Назад пути нет. Это непопулярные меры, но было необходимо сделать это, и мы продолжаем продвигаться вперед...» Вот что значит упрямо выполнять рекомендации со стороны, не заботясь о тех последствиях, которые они имеют для собственного народа.

Для формальной демократии свойственно словоблудие, краснобайство, туманные рассуждения об общечеловеческих ценностях, о том, что человек и его права должны быть в центре внимания. Пишутся указы, законы, конституции, полные прекрасных слов о свободе и демократии. Но это как бы фасад, рекламный щит для простаков. А что же на деле? Какие этические нормы существуют для тех, кто «имеет успех»? В венесуэльском журнале «Sic» на этот счет устами Артуро Сосы говорится: «Этика, которая не провозглашается, а практикуется, совсем иная: с деньгами все можно, а отсюда — все допустимо, чтобы их заполучить. Власть их безгранична. Самое важное — иметь деньги, а значит, и потреблять больше... Перед властью денег и жаждой потребления открываются все двери и рушатся любые барьеры. А коррупция необходима для «правильного функционирования дел»...»

Примером кризиса парламентской демократии в ее рыночном исполнении может считаться и Перу. Сколько лет существующие острые проблемы массовой нищеты и отсталости не находят здесь решения! И в то же время социальная элита без зазрения совести купается в роскоши! И все тот же мотив: «Быть богатым не стыдно!» Еще в годы правления предыдущего президента Алана Гарсиа властями была издана брошюра «Пирамида несправедливости». Читаем: на 10 процентов населения приходится 52 процента национального дохода, всего лишь 2 его процента пользуются почти его третью, а на 75 процентов населения остается всего лишь 23 процента... Основание пирамиды — рабочие, мелкие служащие, крестьяне, безработные, люди, лишенные элементарных человеческих прав. На вершине — предприниматели, латифундисты, лидеры различных партий, в названиях которых почти всегда фигурируют такие словечки, как «народная», «христианская» и, конечно же, «демократическая».

ПУСТЫЕ ОБЕЩАНИЯ

В Перу также регулярно проводятся «демократические выборы», в парламенте идут дебаты, а «пирамида несправедливости» стоит крепче, чем пирамиды фараонов Египта. Ничего существенно не меняется: чередуются только президенты и министры с их «новыми» программами и обещаниями. Страна в трясине долгов, отчаяние и голод — удел многих. Люди гневно требуют перемен. И вот появляется кандидат от движения «Перемена-90» Альберто

Фухимори. Он обещает перестройку. Отвергает «шоковую терапию», примерно аналогичную той, что осуществил в Венесуэле Карлос Андрес Перес. Обещает: не будет резкого скачка цен, обратит заботливое внимание на проблемы бедняков, включая отсталые крестьянские районы в Андах, где фактически идет уже гражданская война. Объявил себя врагом социальной и иной несправедливости. Раскритиковал предшественников. В президиуме парламента, встав между двумя зажженными свечами и возложив руку на Библию, Фухимори, как того требует конституция, поклялся «перед богом и этим святым евангелием» исполнить честно взятые перед народом обязательства. Люди избрали его, ибо поверили красивым демократическим речам. Им импонировал и такой весьма шаблонный прием, взятый напрокат в США, — кандидат разъезжал в лимузине по улицам Лимы, вдруг машина останавливалась, и он выскакивал к прохожим, жал им руки, доверительно интересовался: «Как поживаете? Какие проблемы?»

Оказавшись в президентском дворце, Фухимори поспешил «выполнить» свои обещания. Только все было наоборот: он прибег к жестокой «шоковой терапии», как того и ожидали международные банки и иностранный капитал. Он объявил о «либерализации» (то есть полную для них рыночную свободу) цен на самые насущные продукты питания, товары широкого народного потребления. На другой же день они взмыли к небесам. Примеры: литр молока стал сразу же стоить почти в 3 раза дороже, сахар — в 2 раза, хлеб — почти в 3 раза, макароны — почти в 5 раз... И так далее. Плата же за бензин подскочила даже более чем в 30 раз! И те, кто еще вчера на митингах славили дона Альберто, вышли в гневе на площади столицы с криками: «Он нас подло обманул!» Толпы возмущенных людей в августе 1990 года заполнили улицы Лимы. «Как же жить дальше, — вопрошали люди со слезами на глазах, — если на всю месячную зарплату мы можем купить всего 4 кило лапши?» А ведь у многих из них по 4—5 детей. Начался стихийный погром торговых заведений. Против бунтовщиков были брошены войска. В деревне же положение и того хуже. Только в 1989 году, по неполным данным, от голода в Перу умерли 80 000 детей... И это — демократия, которую столь упорно США, в частности, навязывают многим государствам мира. В том числе и СССР.

Говорить «от имени народа», игнорируя его волю и действуя против него же, совсем не означает демократию. Что же это тогда? Нечто вроде узаконенного обмана? И не служат ли для этого разного рода кумирчики и вождята, когда их используют порою в роли неких рекламных щитов для сбыта давно уже неугодного, залежалого, даже ядовитого товара?

●

Алексей ЧИЧКИН

«ШАНС» ЯВЛИНСКОГО — ШАНС НА ГИБЕЛЬ РОДИНЫ

Чем дальше, тем безапелляционнее суть навязываемых стране нововведений, фальшиво именуемых «рыночными отношениями», «интеграцией СССР в мировую экономику и торговлю», «сочетанием демократии и рынка» и т. д. и т. п.

Механизм осуществления и «концептуальная» вакханалия распродажи Союза оптом и в розницу подробно и убедительно изложены в статье А. Кузьмича («Молодая гвардия», 1991, № 6). Распеваемая на все лады новая совместная советско-американская экономико-политическая программа «Согласие: СССР — Запад» основывается на уже содеянном в экономической и политической сферах нашей страны, в межнациональных отношениях, во внешней торговле, в духовной жизни общества.

Но сколько, оказывается, еще нужно сделать нашим и не нашим радетелям псевдовозрождения «безнадежно отстающей» страны, чтобы вписать ее в отлаженный транснационалами механизм мирового ограбления народов!!

Новая программа, часто именуемая «Шанс Г. Явлинского — Г. Аллисона» (профессора Гарварда), или проще: «Проект Г. Явлинского», как раз и нацелена на то, чтобы крепче увязать реформационную мистерию нашей «перестройки» с глобальной экономической перестройкой, осуществляемой ведущими транснациональными корпорациями Запада.

С учетом того, что СССР располагает большей частью мировых запасов энергетических и других сырьевых ресурсов, а его нынешнее руководство небезуспешно превращает страну в скотно-сырьевой амбар «общечеловеческой» элиты, новая программа получила громогласную рекламу на Западе, ей поют осанну Буш и Коль, Кайфу и Валенса, Шамир и Евтушенко, Примаков и Миттеран, А. и Е. Яковлевы, «Известия» и «Огонек», Шеварднадзе и «Новое время»... Спонсоры, прорабы, подмастерья и их «интермальчики» с «интердевочками» на побегушках неистово льют слезы умиления над тем шансом, который «дарят» нам Явлинский и его заокеанские вдохновители.

Несмотря на то, что эта программа объемом свыше 100 страниц подготовлена в 1988—1989 годах и досконально известна и «горячо

одобряется» на обоих берегах Атлантики, в СССР ее следы в виде более или менее развернутых рефератов (например, в «Известиях» от 24.6.1991) появились лишь во втором полугодии 1991 года. Именно к этому времени приурочены кардинальные политические, экономические и пропагандистские изменения в стране, «приобщение» руководства Союза к «доверительным» стратегическим договоренностям «большой семерки» (главных капстран). И именно в это время официальные гонцы «перестройки» спешат во все концы вожделенного Запада и ведут многочасовые переговоры, убеждая западных «советологов» в готовности нашей страны воплощать «Шанс» Явлинского.

Доверительные беседы с западными деятелями о положении в стране, о ее внешней политике и торговле, как правило, ведутся с глазу на глаз, перед народом никто не отчитывается. Данному правилу неукоснительно следуют лидеры «перестройки», так же поступают и их приближенные.

Согласно утверждениям одного из «экономических» идеологов «перестройки», Л. Абалкина, 90 процентов программы правительства Павлова * совпадают с программой Явлинского («Аргументы и факты», 1991, № 28, с. 1). А поскольку павловская программа реализуется с 1991 года, то, следовательно, претворяется и «Шанс Явлинского». У Явлинского нет оснований сокрушенно сетовать на «непонимание» со стороны президентов и премьеров «обновляемого» Союза республик.

Итак, что же это за панацея, программа Явлинского? Какова цена ее реализации?

Необходимость программы в первую голову подчеркивается тем «аргументом», что без взаимодействия с Западом неизбежен «неуправляемый распад экономики и самого государства». Сильно сказано! А что, распад экономики и государства может быть «управляемый»? Похоже, что может. Увы, наша реальность такова, что распад государственных структур, развал экономики вкупе с духовным разложением народов, инспирированные извне, привели к тому, что уже ни один социально-экономический и культурный проект в нашей стране не может быть реализован без помощи Запада — так, во всяком случае, возвещают политиканствующие перестроечники-экономисты.

Программа вещает: «Мы живем в е д и н о м п о л и т и ч е с к о м п р о с т р а н с т в е (разрядка моя. — А. Ч.), поэтому изменения в Советском Союзе носят общемировой характер». Очевидно, здесь речь идет о «единой» Европе от Атлантики до Урала. Или же нужно брать шире — от Вашингтона до Чукотки и «далее — везде»?.. Что понимают авторы (Явлинский и Аллисон?..) под единым политпространством, они «гласно» не говорят, и это не случайно. Речь идет об экономическом и политическом подчинении России интересам прежде всего американского капитала, о новом «плане Маршалла» — превращении Восточной Европы и России в сырьевые и интеллектуальные протектораты США, Германии, других ведущих стран НАТО.

Интересно, что с 1991 года в выступлениях советских лидеров, Дж. Буша, Г. Коля, Ф. Миттерана и восточноевропейских руководителей тема единого политпространства в Европе — едва ли не единственная.

---

* Речь идет о Кабинете министров СССР до известных событий 19—22 августа с. г.

«Стратегия взаимодействия должна осуществляться поэтапно». В дальнейшем эти этапы, нечто вроде расписания, конкретизируются: это все большее и большее вовлечение ресурсов СССР в орбиту стратегических интересов ТНК и НАТО.

Вооруженная активность США и их союзников на Ближнем и Среднем Востоке (включим сюда также Китай и Кубу...) показывает, насколько уязвимо их экономическое благоденствие, зависимо от надежности внешних источников дешевого (для ТНК) сырья, прежде всего нефти и газа.

Такие же цели преследуют и финансовые инъекции Запада в советскую экономику. При этом подчеркивается, что финансовые инъекции в советскую экономику предназначены для «специфических целей — поддержки платежного баланса в период либерализации цен, создания фонда стабилизации конвертируемого рубля, инвестиционных фондов». Собственно говоря, уже на 1991 год в стране существуют 10 (!) видов оптовых и розничных цен — «договорные», «коммерческие», «комиссионные», «свободные», биржевые, государственные и т. п. Их уровень ежемесячно повышается на 15—150 процентов, и это преподносится как «постепенный переход к рыночным отношениям». Хотя качество товаров и уровень обеспечения ими, особенно в России, Белоруссии и на Украине (прежде всего в Донбассе и Приднепровье), непрерывно снижаются. Так что пресловутая «либерализация» — вакханалия цен — уже происходит, что, разумеется, выгодно отечественной торгово-финансовой олигархии и ее западным друзьям.

На практике выходит, что чем ниже покупательная способность рубля и ниже его курс по отношению к доллару США и, значит, чем выше цены в СССР, тем выгоднее Западу снабжать «перестройку» займами, кредитами. Разве не является подобное «благодеяние» совместной политикой подавления национальной валюты, обесценивания национальных инвестиций и, соответственно, дальнейшего снижения жизненного уровня большинства населения СССР?!

Но и этого мало «щедрым» западным финансистам. Им нужны еще четкие политические гарантии. Иначе они не решатся на крупные инвестиции в СССР. Конечно, иметь дело с политически реформированным, если не с «расформированным» Союзом гораздо привлекательнее и безопаснее! Поэтому «политическая и экономическая реформы в СССР должны осуществляться одновременно». В рассуждении о «политическом процессе в СССР» «предваряются» и подписание нового Союзного договора («Конец лета 1991 года — подписание Союзного договора, который закрепит перераспределение властных полномочий...»), и формирование соответствующих органов власти в центре и на местах, и разработка новых статусов предприятий и т. п. Причем «реформации» распределяются по срокам, временам года. И этому, еще не узаконенному расписанию, уже неукоснительно следуют хозяева и прорабы «перестройки», пунктуально воплощая политические цели истинных авторов и спонсоров «шанса Явлинского».

Соглашение «9+1» является, по Явлинскому, основой перераспределения «властных полномочий». Явное словесное прикрытие стратегии распада единого государства и отдельных его регионов! Как это «обкатывается» в Югославии, Ираке, Чехо-Словакии. Итоги референдума 1991 года о сохранении Союза заокеанские спонсоры и их протеже в СССР методично трансформируют в политику развала Союза, распродажи его богатств оптом и в розницу. Та по-

спешность, с которой Верховный Совет СССР утверждает проект Союзного договора (июль 1991 г.), и «общеевропейский» пиетет перед его новаторскими статьями, свидетельствуют о заинтересованности Запада именно в скорейшем принятии этого договора всеми республиками. Последние, имея поддержку извне, смогут без особых препятствий объявить (а договор это предусматривает) о полной независимости республик — в случае, если это будет на каком-то этапе выгодно стратегам «большой семерки», прежде всего США, Германии, Японии. Неспроста некоторые канадские политологи отмечают, что, «поскольку в руководстве республик все отчетливее проявляются тенденции к полной самостоятельности, что, вероятно, поощряется Москвой (?! — **А. Ч.**), следует ожидать ускорения агонии СССР как единого (разрядка моя. — **А. Ч.**) государства» (Edmonton Journal, 1991, № 19). Добавим, что сепаратистские действия многих республик сопровождаются геноцидом народов, прежде всего русского, а также армян и абхазцев, осетин и аджарцев, курдов и ассирийцев, гагаузов и ногайцев, турок-месхетинцев и греков (в Прибалтике, Молдове, Западной Украине, Дагестане, Чечено-Ингушетии, Азербайджане, Грузии, ряде республик Средней Азии). Геноцид не пресекается Москвой, не осуждается ее западными друзьями или ООН. В расписании политических реформ иное: «Лето 1991 года — союзные и республиканские органы власти начинают переговоры... с целью урегулирования межнациональных конфликтов... Одновременно... проводятся переговоры... с целью избежания забастовок». Не вытекает ли из этого, что межнациональные конфликты были заранее организованы, а в середине 1991 года они, оказывается, уже «мешают» реформаторам? Ведь эти конфликты были направлены на развал и дискредитацию того Союза, который не устраивал Запад, который являлся препятствием (в экономическом, военном, политическом и географическом отношениях) глобальной экспансии ТНК. А в «новых» условиях геноцид народов «омрачает» взаимодействие Москвы, Европы и дяди Сэма! То есть ставит под угрозу формирование расчлененного, «ново-огаревского» Союза...

Судя по приведенному выше тексту из программы, рабочее движение, руководимое псевдодемократической элитой, являлось в 1989—1990 годах, как и межнациональные войны, ударом по «прежнему» Союзу, а в канун рождения Союза «обновленного» забастовки не только «вредны», но и, оказывается, недопустимы. Получается, что справедливые требования рабочих, выступающих против номенклатурной элиты, в свое время с успехом использовались в определенных целях пропагандой и элитой «обновленцев», навязывающих свое руководство рабочему движению. А теперь, когда рабочий, подлинно пролетарский интернационализм не только не ослабевает, но, наоборот, — возрождается, получает реальную силу, забастовки трудящихся, доводимых до отчаяния нынешней социально-экономической политикой, уже не отвечают современным приоритетам ревнителей и созидателей «нового» Союза. И с этими забастовками, выходит, позволительно бороться любыми методами! Не будет удивительным, если через какое-то время прорабы и подмастерья «Шанса» в борьбе с забастовщиками призовут на помощь и КГБ, и МВД, и Министерство обороны, столь не любимые демократами в 1988—1991 годах!.. Августовские события в Москве подтвердили это.

Ну а дальше? — дальше следующие этапы «углубления демократии»: «Весна 1992 года — принимается новая Конституция СССР», и обозначаются вехи пути до 1997 года: «1991—1993 годы — период создания... институтов рыночной экономики»; «1994—1997 годы — период перехода... от государственной собственности к частной... от военной промышленности к гражданской (еще одно разоружение? — **А. Ч.**), от тяжелой индустрии к производству товаров народного потребления, от закрытой экономики к открытой».

Складывается впечатление, что создание рыночной экономики в ее классическом понимании (на примере США, ЕЭС, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Швеции и ряда других капстран) — дело лишь нескольких лет, что ее создание базируется только на «переходе от военной промышленности к гражданской, от тяжелой индустрии к производству ширпотреба», на отказе от государственной собственности, на ее повсеместной распродаже и т. п.

С помощью броских фраз авторы «Шанса» одним махом преображают и историю, и современные тенденции в экономике развитых капстран, искажая реальные предпосылки формирования и необходимые условия эффективного развития действительно рыночной экономики в отмеченных выше странах.

Стоит вспомнить, что «образцовая экономика большой семерки» отнюдь не лишена военной промышленности, государственного планирования и регулирования, госсобственности, тяжелой индустрии, стимулирования национального предпринимательства, ограничения импорта иностранных товаров и т. д. Достаточно упомянуть в этой связи о таможенных, «рыбных», «плодоовощных», «автомобильных» и других товарно-финансовых противоречиях — своего рода «товарных войнах» между США и Японией, Японией и ЕЭС, ЕЭС и Скандинавией, Южной Кореей и США, Австралией и ЮАР, США и ЕЭС. И этот перечень можно продолжить.

Авторы «Шанса» не могут не знать, что тяжелая индустрия — основа функционирования любой экономики, ибо производство средств производства и товаров народного потребления зависят от сырьевого и финансово-технологического обеспечения любого производства. Другое дело — ориентация производственно-технологической базы экономики, то есть приоритет средств производства для выпуска потребительских товаров или для изготовления продукции технологического назначения. Авторы «Шанса» не могут не знать, что выбор приоритета определяется конкретной внутри-внешнеэкономической ситуацией, структурой экономики страны и ее регионов, политическими обстоятельствами, финансовыми возможностями, наличием квалифицированных кадров.

По существу, выбор приоритета экономического развития и структурных изменений в экономике, в ее производственно-технологической базе есть не что иное, как определение стратегии развития. А «Шансом» навязываются технологическое «разоружение» отраслей тяжелой индустрии и особенно оборонной промышленности. Стало быть, продолжающееся с 1987 года резкое сокращение производственных мощностей, прежде всего в отраслях тяжелой индустрии (машино- и станкостроении, энергетике и др.), совпадает с рекомендациями «шанса Явлинского».

Далее: «1991-й — начало 1992 года: формирование единого экономического пространства, в рамках которого будет осуществляться сотрудничество с Западом». А затем следуют разъяснения:

«Продолжение в СССР малой приватизации, либерализации цен (то есть окончательная ликвидация госрегулирования цен и ценовых пропорций. — А. Ч.), снятие торговых барьеров... поставки в СССР продовольствия, медицинских товаров и так далее» (то есть чем ближе к «рынку перестройки», тем меньше, выходит, у нас будет производиться продуктов питания и медикаментов?! Завидная перспектива... — А. Ч.).

О ценах и социальной политике «ново-огаревского» Союза говорится в «Шансе» во многих местах. Чтобы у читателей была полная ясность в «американо-явлинской» трактовке этого вопроса, приведем соответствующие цитаты: «устраняется контроль за ценами за исключением цен на жизненно важные товары. Скачок цен в момент их либерализации (как будто «скачок либерализации» будет одноразовым!.. — А. Ч.) смягчается поступлением товаров за счет поставок из индустриально развитых стран».

Прежде всего отметим, что либерализация цен на основе существующих ныне условий является **перманентным** процессом, олицетворяющим собой новые формы социально-экономического диктата производителей и торгово-финансовой олигархии, наживающихся на постоянном повышении цен без увеличения количества и повышения качества продукции. Любые затраты производства, любые несовершенства экономического механизма и т. п. будут весьма прибыльно компенсироваться все новыми скачками цен, и анархия в ценообразовании охватит абсолютно все отрасли и виды экономической деятельности. С учетом того, что, как уже отмечалось, «будут приниматься меры по недопущению забастовок», население фактически лишается возможностей отстаивать свои жизненные права и интересы. «Демократия» требует жертв!..»

На примере многих «ультрадемократических» республик видно, к каким последствиям приводит отказ от госрегулирования цен, устранение государства от контроля за ценами и ценовой политикой. Так, в Прибалтике, Молдове, Грузии, Армении, некоторых областях Западной Украины, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала и Казахстана все товары продаются с 1991 года по спекулятивным, то бишь «свободным», «коммерческим» ценам. Отменяются госзаказы на продовольствие, одежду и обувь, медикаменты и мебель. «Шанс» реализуется!

Однако специфика такой политики в том, что местные власти в ряде регионов по-прежнему покупают, например, сельхозпродукцию по низким ценам, а все необходимое для ее производства продают по взвинченным ценам (Литва, Латвия, Грузия, Армения, Молдова, Казахстан, ряд областей Украины, Белоруссии и других регионов). Одновременно сокращаются поставки товаров в межреспубликанский фонд, что, в свою очередь, приводит к остановке предприятий, работающих на сырье и оборудовании из других республик (автономий, краев, областей). А отсюда — длинная цепочка и других социально-экономических и политических последствий для Союза и отдельных республик.

Так, в Эстонии, Грузии, Армении, Дагестане и в большинстве отмеченных выше регионов «не брезгуют» введением свободных закупочных цен на сельхозпродукцию и, соответственно, либерализацией розничных цен на продовольственные товары. Однако существующая экономическая лжерыночная система такова, что в результате таких мер затраты фермеров, а тем более колхозов и госхозяйств не окупаются, жизненный уровень населения непре-

рывно снижается, товарное обеспечение магазинов продолжает сокращаться (особенно в госторговле).

Аналогичная ситуация складывается в производстве и реализации большинства промышленных товаров, социально-бытовой сфере. Апрельский (1991 г.) рывок цен и его последующие рецидивы охватили все товары, хотя их ассортимент, количество, не говоря уже о качественной стороне, слишком далеки от заверений правительства, производителей и торговли насчет необходимости увеличения цен с целью улучшения качества и расширения ассортимента продукции...

Уже который год, «забывая» о многочисленных «продовольственных программах», официальная пропаганда и ее хозяева успокаивают сограждан широкомасштабными обещаниями потоков импортных товаров. Это, дескать, «сбалансирует спрос и предложение». Но что происходит на самом деле?

Сращивание «перестроечного» партгосаппарата с торговой и банковской мафией, со спекулянтами всех оттенков, с западными «советофилами» и их протеже выражается, в частности, в том, что с 1989 года фактически отменена государственная монополия внешней торговли. Это легализовало внешнеэкономическую деятельность многочисленных в СССР мафиозных групп, оптовые закупки зарубежными дельцами и их отечественными коллегами разнообразных товаров, предметов национального достояния (икон, художественных картин, древних рукописей, книг, драгоценных металлов и камней) и даже предприятий, обширных земельных участков, курортов, жилых домов, квартир. В настоящее время ни одна советская официальная инстанция не в состоянии представить статистических данных об организациях, участвующих во внешней торговле и международных перевозках, об объемах внешнеэкономических связей этих организаций!

Кроме того, государство ныне открыто спекулирует импортными товарами. С 1987 года повсеместно открываются «коммерческие», «кооперативные» магазины, в которых импортный ширпотреб, а с 1991 года — и продтовары, одноразовые шприцы, медикаменты и детское питание реализуются по ценам, в 3—10 раз превышающим цены, согласованные торговыми соглашениями (!). И эти «коммерческие» цены постоянно растут. Вал изобилия в такого рода магазинах увеличивается день ото дня. Таким образом, государство перепродает импорт мафии, а та под прикрытием государства и при его участии в открытую спекулирует импортом, перепродавая часть его государству и подставным кооперативам. Так что сомнения по поводу обилия западных поставок и особенно их доступности вполне обоснованны, исходя из реальностей сегодняшнего бытия.

Почему, собственно, отечественные «рыночные» дефициты будут, по «Шансу», покрываться импортом только из капстран? А многие страны Азии, Африки, Южной Америки, имеющие ряд достижений в индустриализации экономики и экспорта, в сфере науки и техники? Выходит, что «Шанс» регламентирует географическую и политическую ориентацию внешних связей «нового» Союза, привязывает экономически и политически нашу страну только к ТНК? Одним из доказательств данного вывода являются следующие пояснения «авторов шанса Явлинского»: «ликвидируются лицензии и квоты на экспорт и импорт для большинства

товаров. Вводятся единообразные и низкие тарифы на импорт» (естественно, что для подставных «коммерческо-кооперативно-рыночных» магазинов подобные советы и меры еще более выгодны, чем даже нынешняя торговая вакханалия... — **А. Ч.**).

Поскольку на 1996 год доля сырьевых товаров в общей стоимости советского экспорта прогнозируется на уровне 80—85 процентов (1990 г. — 73 процента), а удельный вес машин и оборудования в общей стоимости импорта СССР будет равен 50—55 процентам (1990 г. — 38 процентам), продовольствия — 25—30 процентам (1990 г. — 22 процентам), становится понятным, кому выгодны низкие тарифы на импорт и ликвидация экспортных лицензий. Структура экспорта и импорта Союза полностью соответствует стратегии ТНК и совпадает со структурой и географической ориентацией внешней торговли большинства стран Азии, Африки, Латинской Америки. Обладая колоссальными сырьевыми ресурсами, эти страны находятся на грани финансового банкротства и под угрозой хронического голода. ТНК, господствующие на мировом и региональных рынках, диктуют объемы экспорта-импорта, цены на сырье и продукты его переработки. Предоставляя займы и кредиты той или иной стране, Запад и его экономическая креатура (ТНК) проводят политику замораживания или снижения цен на экспортные (то есть сырьевые) товары данной «кредитуемой» страны. Последствия подобной стратегии нетрудно себе представить.

Массированные потоки инвестиций, технологий, оборудования, продовольствия, удобрений, печатной продукции, видеопрограммы и др., направляемые ТНК в «отсталую» страну, наряду с ее финансовой, кадровой и внешнеторговой зависимостью от тех же ТНК подавляют национальное предпринимательство, национальную культуру, парализуют деятельность национального государства и его институтов. Следовательно, формально независимая страна лишается экономической и политической самостоятельности. Следовательно, сохраняется структура экономики и внешней торговли, унаследованная с колониальных времен.

Кроме того, ТНК, используя доступность ресурсов, дешевизну местной рабочей силы и отсутствие каких-либо экологических ограничений в «третьем мире» (в отличие от стран ОЭСР), переносят в бывшие колонии, а также в СССР экологически вредные, материало-, трудо- и энергоемкие производства, прежде всего нефтегазохимические, переработку некоторых цветных металлов, урана, ртути, вторичного сырья (различных отходов) и т. п. И это выдается за «научно-техническое сотрудничество», «эру технологического обмена»! Лидер ливийской революции М. Каддафи, характеризуя современную стратегию ТНК в мире, подчеркивает, в частности, что «политика Запада, прежде всего США, Японии и бывших колониальных держав в отношении Латинской Америки, Азии и Африки, а в последнее время и в отношении Восточной Европы и СССР нацелена на ликвидацию их независимости, на подчинение местных правительств интересам Запада, на игнорирование национальных экономических, социальных и культурных потребностей, а кое-где — и на раскол наций, на расчленение государств» («Джумхурие», Триполи, 1991, № 6). Такая оценка вполне обоснована.

Таким образом, рекомендации «Шанса» отвечают интересам не только ТНК, но и коррумпированной верхушки партгосаппарата,

связанной и с отечественной мафией (так называемыми «теневиками»), и с западными корпорациями.

Кроме того, «либерализация» экспорта и импорта повышает прибыльность спекуляции и других махинаций. Так, по данным МВД СССР, годовой объем «теневой» экономики оценивается в 110—130 миллиардов рублей против 70—90 миллиардов в 1987 году. К середине 90-х годов данный показатель составит 170—200 миллиардов рублей в год, причем мафия станет контролировать 30—40 процентов производимого валового национального продукта, к 1998 году — 60—70 процентов.

А «обострения криминальной обстановки следует ожидать в новых формах хозяйственных отношений, таких, как конверсия, приватизация, рынок рабочей силы, жилья, в сферах культуры, туризма, деятельности совместных предприятий, то есть повсеместно» («Известия», 9.7.1991).

Явлинский и иже с ним указывают на «введение системы талонов по субсидируемым ценам». Как же согласуются талоны и рыночная экономика? И потом, кто же будет «субсидировать» талоны, когда «Шанс» декларирует повсеместную либерализацию цен, биржевую и аукционную торговлю, точнее — спекуляцию продовольствием и другими товарами? Когда принцип «купи-перепродай» заложен в экономику Союза суверенных республик? Когда уже сегодня талоны являются предметами спекуляций, когда уже начался «серийный» выпуск фальшивых талонов? Так, в Москве (июнь — июль 1991 г.) один трехмесячный талон на водку стоит «с рук» 30—50 рублей, на табачные изделия — 15—25 рублей, талон (на 1 месяц) на сахар — 10—20 рублей. Пригласительный билет на приобретение товаров в ГУМе, ЦУМе, других универмагах почти открыто продается за 100—200 рублей.

«Авторы шанса Явлинского» рекомендуют «перевод социальных расходов на самофинансирование». Короче, спасение утопающих — дело рук утопающих! Нелишне отметить, что, например, аукционная (то бишь «свободная» или «рыночная») цена однокомнатной квартиры (лето 1991 г.) в московских микрорайонах варьируется от 300 тысяч до 600 тысяч рублей, в центре города — от 800 тысяч до 1 миллиона рублей. Цены на трехкомнатные квартиры составляют соответственно 850 тысяч — 1,5 миллиона (микрорайоны) и 2—3,5 миллиона рублей (центр Москвы). Некоторые квартиры и дома продаются только за сотни тысяч и миллионы долларов. Интенсификация приватизации жилья намечена Явлинским — Аллисоном на 1993 год, и это, дескать, «повысит мобильность рабочей силы в стране». И далее: «Начнет развиваться рынок сдаваемого внаем жилья».

Не приходится сомневаться в том, что «спасительная» либерализация цен будет повышать и «рыночную» стоимость различных талонов, и цены на квартиры, и стоимость платного лечения и образования. Так, в Армении, Грузии, Прибалтике, Молдове введена плата за обучение в школах и вузах. В вузах цена одного года обучения варьируется от 6 до 9 тысяч рублей (причем в Армении установлен нижний предел — не менее 5 тысяч рублей). Абитуриенты, получившие на экзаменах положительные оценки, но не прошедшие по конкурсу, могут быть зачислены в вуз за плату (3—5 тысяч рублей). Стоимость одного месяца обучения в музыкальных школах Москвы с 1991 года составляет 30—45 рублей, «план» на 1992 год — 50—70 рублей в месяц («Вестник образова-

ния и культуры», Новгород, 1991, № 6; «Известия», 24.6.1991). Вот вам и «самофинансирование» культуры, образования и науки! Разве не ясно, что пресловутый перевод социальных расходов на самофинансирование является своего рода приватизацией этих расходов, превращением социальных сфер в «нерентабельные» объекты и, значит, брошенные на произвол «перестроечной» судьбы?

«Шанс» провозглашает «свободное установление размеров заработной платы». Роль государства ограничивается «установлением минимальной оплаты труда и налоговыми методами контроля за ростом зарплаты». Итак, марафон не только цен, но и зарплаты. Казалось бы, люди могут быть спокойны? Но все обстоит гораздо сложнее. Во-первых, отметим, что в 1991 году при росте розничных цен в 2—4,5 раза средняя зарплата в стране (предприятия госсектора и колхозы) возросла лишь в 1,5—2,2 раза, размеры пенсий — в 1,3—1,6 раза. Уровень минимальной зарплаты в настоящее время в 1,7 раза ниже минимального прожиточного минимума (август 1991 г.). Зато в кооперативах, совместных предприятиях зарплата увеличилась в 2—3,5 раза, причем до этого увеличения ее уровень здесь превышал среднюю зарплату по стране (госсектор и колхозы) — в 3—6 раз! Согласно советским и зарубежным оценкам, темпы роста цен в 1992 году будут еще быстрее опережать рост зарплаты, чем это было в 1990—1991 годах. Вышеприведенных данных достаточно, чтобы понять суть «явлинских успокоений»: социально-экономическая политика «Шанса» направлена на ускоренное разорение большинства категорий трудящихся, пенсионеров, многодетных семей, инвалидов, беженцев. Тех, кто не перепродает краденое, не спекулирует чем бы то ни было, не торгует душой и телом, кто не идет в услужение к мафии и ее зарубежным «друзьям».

Во-вторых, по официальным данным (1991 г.), обесценивание рубля составляет 70—75 процентов (!), прогноз на первую половину 1992 года — не ниже 80 процентов. При дальнейшем опережении роста цен в сравнении с зарплатой будет нарастать инфляция. А «либерализация» зарплаты с учетом падения покупательной способности рубля и «свободной» внешней торговли означает не что иное, как гиперинфляцию — всеобщий финансовый хаос, банкротство многих отраслей, предприятий, развал культурно-образовательной сферы, абсолютное обнищание ряда социальных категорий населения!

«Явлинские тезисы» декларируют также гарантии «пособий по безработице и нетрудоспособности». Уже сегодня эти пособия (например, в Москве — 160 рублей в месяц на человека, Узбекистане — 60 рублей) в несколько раз ниже минимального прожиточного минимума. И если на 1992 год количество безработных в стране определяется в 15—20 миллионов человек, то на 1994—1995 годы всеобщая «либерализация приватизации» приведет к росту данного показателя, по официальным оценкам, до 55—60 миллионов человек (!). При этом увеличение безработицы будет происходить преимущественно за счет финансово-экономического банкротства отраслей и предприятий (например, в тяжелой индустрии), а не вследствие лишь «технического перевооружения и модернизации предприятий тяжелой индустрии и оборонной промышленности», как пытается убедить «Шанс». Более того, ликвидация оборонных отраслей, а с ними — обороноспособности страны

должна осуществляться, согласно расписанию «Шанса», в 1993 году — с помощью «Международного фонда конверсии оборонных предприятий». Нечто подобное пытаются сегодня проделать с военно-промышленным потенциалом Ирака, но не Израиля, Турции, других стран НАТО. Пентагону тоже не грозят ни участь конверсии, ни «Международный фонд конверсии». Следовательно, есть все основания полагать, что одна из основных целей «согласия на шанс Явлинского» состоит в окончательном одностороннем разоружении СССР, лишении его оборонного потенциала под оболочкой «конверсии», в ходе ликвидации государственного сектора экономики.

По «Шансу», именно к 1997 году Союз, напичканный западными инвестициями и объектами, лишенный экономической, в том числе внешнеторговой независимости и оборонного потенциала, полностью приватизированный и растасканный по биржам и аукционам, будет «тесно интегрирован в мировую экономику и в качественно новое взаимодействие с Западом».

Интересы нашей «пятой колонны» и заокеанских стратегов полностью совпадают, во всяком случае на современном этапе.

Действительно, разве не в их интересах ежегодные разворовывания, порча, доставка на мусорные свалки почти 40 процентов урожая зерновых, 45—50 процентов — плодоовощей, до 45 процентов производства сливочного масла и 35 процентов мясопродуктов (по официальным данным)? Чем это не аргумент в пользу наращивания импорта продовольствия в обмен на возрастающий экспорт сырьевых ресурсов, алмазов, золота из России?

Эпилог «Шанса» многозначителен: «Цена успеха несоизмерима с издержками (видимо, «издержки» народов страны — не в счет... — **А. Ч.**) и... будет гораздо ниже, чем может потребовать альтернативное (разрядка моя. — **А. Ч.**) развитие событий». Иными словами, чем выше уровень зависимости СССР от Запада, тем ниже западные «издержки» в отношениях с нашей страной, реформированной по американским рецептам.

Восстановление законности, порядка и честности в государстве, переход от разрушения к национальному и межнациональному созиданию, передача власти трудящимся, укрепление политической, экономической и культурной самостоятельности страны, возрождение ее как великой державы — все это осталось за бортом «Шанса» Явлинского.

●

ПРИТЯЖЕНИЕ

Барот ИСРОИЛ

К МУДРЕЦАМ

Мудрых много в наше время.
Чье бы изреченье взять?
Мыслей — целое беремя!
Кто мудрее — как узнать?

Поучите, поучите
Уму-разуму страну!
Только вы меня простите,
Если чуточку вздремну.

Слушать, даже если нудно —
Вот обязанность моя,
Да понять бывает трудно —
Ведь не пенье соловья!

Оборвись, мое терпенье!
Хорошо весенним днем
После мудрых словопрений
Поработать кетменем!

Ташкент

**Перевела с узбекского
Валентина МАЛЬМИ**

Нина РОМАНОВА

* * *

Все я узнала: и холодность ближних,
Горе, утраты, измены друзей,

Ложь несусветную истинок книжных —
Страшное кладбище мертвых идей.
Все я простила, что жизнь накорежила,
Злобы, грехи отпустила врагам,
И потому-то душа моя множила
То, что уже никому не отдам.
Будет ли счастье и есть ли прощение?
Тоже и я не безгрешной была.
Что я хочу? Для России — везения.
Что я хочу? Для России — тепла.

пос. Северный Калужской обл.

Андрей СВЕЧНИКОВ

* * *

М. Гагарину

Даль — озера овальные.
Жук в траве, как в цеху.
Лес стоит — накрахмаленный:
В тополином пуху.

Солнце легкой окалиной
Метит месяц-серьгу.
И вода озеркалена,
И луга на меху.

Мытищи Московской обл.

Левон БЛБУЛЯН

* * *

Однажды приду,
Чтоб отмерить
Прошедшие версты твои...
И то, что нашел мимолетно,
И что потерял навсегда!
Я буду итожить:
Не быть мне
У жизни большим должником!
Узнаю: какие же песни
Народное сердце хранит!

Наверное, я подсчитаю
Рубцы,
Что оставило горе,
Тропу,
Что приводит к могилам
В бескрайних просторах
Души...
Однажды приду,
Чтоб остаться,
Как знак восклицательный
В песне!..

Ереван

Перевел с армянского
Аршак ТЕР-МАРКАРЬЯН

Дмитрий АЛЕНТЬЕВ

* * *

Время закрутит. Разлука
Не тяготит. Столько дел!
Полночью вздрогнешь от стука...
Ветер в окно налетел...

Ветер... А вот ведь не спится.
Ветер... А сердце свело.
Родина малая — птица —
Крыльями бьет о стекло.

* * *

Веслами взмахнешь — и раз, и два,
И не весла — будто крылья это.
Дождевая легкая вода,
Скорое задумчивое лето...
Весла — в лодку.
Пусть плывет себе
По теченью, ветерком гонима.
Если счастлив я в своей судьбе —
Лодка мель пройдет, проскочит мимо.
Загадал.
Ну, Быстрая река!
Это померещилось мне, что ли? —

Мимо
        пробегают
                берега,
А река — стоит... в широком поле.

Москва

Владимир АНДРЕЕВ

МАТЕРИ

Свете тихий, свете ясный...

Тот тихий свет, тот свет вечерний...
Не заблудиться, не пропасть.
Когда огни твоей деревни
Его, как пряжу, будут прясть.
Неизреченным словом светит
О чем-то давнем и родном,
О том, что я на этом Свете,
А ты теперь — уже на Том.
О свете тихий, свете дальний!
Ты чем яснее, тем больней.
И с каждым годом все печальней
С душой встречаешься моей.
Когда молитва льется чисто,
Никем не зримою слезой, —
То в тишине иконописной
Ты здесь, родимая, со мной...

Москва

Николай ЛАНЦОВ

* * *

Серебро звенит в кадушке.
Полыхает синий свет.
Месяц мнет мою подушку
Вот уж скоро сорок лет.

Крутят землю мои пятки.
Городские давят крыши,

И в деревню без оглядки
Я лечу, избу услышав.

Обновленье в душу сеять
Приказала мне судьба.
У меня, как крест на шее,
Деревянная изба.

Ритмы сердца. Пульсы Родины...
В них — в середке где-то — я.
В красных ягодах смородины
Плавно кружится земля...

Москва

Борис ЩЕРБАТОВ

* * *

Ветры тучи хмурые погонят,
Холодом и сыростью дохнут.
За окном деревья, будто кони,
Золотыми гривами встряхнут.

Выходи на праздник провожанья!
Сгинувшего лета не жалей,
Но услышь, как жалобное ржанье
Окликает белых журавлей.

Метит землю ржавою коростой
Холодов губительный набег.
Никогда к осеннему сиротству
Не привыкнет русский человек.

Не привыкнет к невеселой думе,
Что и мы, как листья, отомрем.
Потому сутулится угрюмо,
Потому и смотрит сентябрем.

Твоего я племени и роду,
Выраставший в северной глуши,
Бог мой, крест мой — русская природа,
Как ты много значишь для души!

Москва

Геннадий МЕДВЕДЕВ

НЕЖАТИНА НИВА

Когда провоцируют рознь,
Лукаво и витиевато
Играют завидную роль
Широкого демократа.

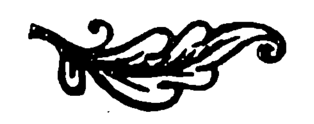
Когда проповедуют месть,
Прапрадеда вспомнив обиду,
Словами «достоинство», «честь»
Поигрывают для виду.

Когда культивируют лесть,
В рукав ухмыляясь нечисто,
Стремятся до неба вознесть
Обычного авантюриста.

О, как же нам силу спаять,
Чтоб рабски не кланяться снова?
Внимаю опять и опять
Жемчужному русскому «Слову...».

Недаром в душе берегу,
Храню заповедную Книгу:
Все вижу Немигу-реку,
Все вижу Нежатину Ниву...

Волгоград

Художник С. Трофимов

Евгений ЕЛЬКИН, Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

ДРУГИЕ ПОЙМУТ ПОТОМ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Убили Александра Клюева! Петр узнал об этом от жены погибшего журналиста. Она позвонила рано утром, всхлипывала в трубку. Говорила долго. Но Петр толком ничего не понял, кроме того, что Клюева застрелили, когда тот вчера возвращался с дежурства.

Еще у нее был к нему какой-то разговор, очень важный. Слово «важный» она повторила раз десять. Ничего удивительного, в таком состоянии человеку все кажется важным. Хотя что рядом со смертью может иметь какое-то значение? Петру было жаль Веру. Женщина она славная, и он всегда сожалел, что ему не попалась такая. У самого Петра семейная жизнь не сложилась. Как, впрочем, и у многих военных, кто начинал службу в дальнем гарнизоне... У Александра остались двое сыновей-школьников. Как теперь Вере вырастить их одной?

Между Петром и Александром не было уж слишком теплых отношений. Так, приятельские. Встречались от случая к случаю, иногда ходили на рыбалку, хотя оба не были заядлыми рыбаками. Просто любили посидеть на природе, поболтать. И чаще всего возвращались домой без единого рыбьего хвостика.

Петр, уволившийся из армии по состоянию здоровья, дарил сыновьям Александра старые погоны, звездочки, планшеты, прочую армейскую мишуру и был для мальчишек всегда долгожданным гостем. Это, наверное, в представлении Веры и сделало его близким другом Александра.

Сидя с удочкой на бережку, приятель-журналист развивал самые подчас немыслимые теории, с жаром разоблачал коррупцию и взяточничество, этих негодяев из торговой мафии и дураков-чиновников. У него было, что называется, бойкое перо. Петр знал из разговоров с другими, что Клюева почитывают, фамилию его публика знает.

Когда начались все эти митинги, демонстрации, фронты, Саша в политику не полез. «Правительства приходят и уходят, — любил говорить он, — а мафия остается». Язвительно отзывался о тех своих коллегах, которые в одночасье перекрасились, мигом учуяли конъюнктуру и кинулись наживать капитал на топтании тех, кого еще вчера прославляли. Сам Петр этой метаморфозе ничуть не удивился, считал, что не зря называют журналистскую профессию второй древнейшей.

Дверь открыла Вера. Опухшие глаза смотрели как бы извиняясь. За ней стояли оба сынишки. Они не кинулись, как обычно, к нему с криком: «Дядя Петя пришел!» Из кухни выглянула мать Александра, постаревшая сразу на десять лет.

Вера послала мальчишек помогать бабушке, а сама провела Петра в кабинет мужа.

— Ночью позвонили из больницы. Я приехала. Но он уже умер, не приходя в сознание, — повела свой печальный рассказ убитая горем женщина. — Выстрелили в упор из «Жигулей», когда он стоял на остановке, ждал автобуса... Господи! Сколько раз я ему говорила: оставь ты этих торгашей в покое. Все равно ничего не изменишь.

Жена Александра закрыла лицо руками и заплакала. Петр не находил, что сказать.

— Вера, чем я могу помочь? — спросил он, когда женщина немного успокоилась. — Наверное, машина понадобится.

— Подожди, Петя. Об этом попозже. А сейчас хочу с тобой посоветоваться. Вот, посмотри.

Вера достала из шкафа полиэтиленовый пакет и вывалила на стол пачку купюр.

— Здесь двадцать тысяч. Саша сказал.

Произнеся имя мужа, женщина всхлипнула. Но, взяв себя в руки, продолжила:

— Деньги отдали детям, когда нас не было дома. Потом позвонили Александру. Вежливо так говорили. Мол, высоко ценят его талант. Знают, как трудно дается журналистский хлеб. И просят принять этот скромный подарок как знак признательности. Звонил, судя по всему, мужчина в годах. В конце разговора сказал, что особенно понравилась статья про военных, как у них в части ЧП случилось. Помнишь, вы тогда еще поспорили из-за нее. Так вот очень хвалил. Побольше бы, мол, таких статей. А то про бедную мафию всем уже читать надоело.

— Угрожали?

— В том-то и дело, что нет. Вежливо так. Правда, Саша нервничал потом. Сказал, чтоб деньги забрали назад. Но тот, что звонил, только посмеялся. Разве это деньги? Вы, говорит, стоите большего. Через месяц опять позвонили. Тот же голос. Зря, дескать, деньги не тратите. И как они все знают? Ведь Саша мог и в милицию заявить.

— Почему же не заявил?

— Сказал, что бесполезно. Сегодня, когда все перепуталось, все рушится, вряд ли кто этим делом всерьез будет заниматься. Мне кажется, Саша надеялся их убедить взять свой «подарок» обратно. За детей бояться начал.

— Думаешь, что Сашу убили они?

— Не знаю, миленький Петя, ничего не знаю.

Женщина умоляюще посмотрела на Петра:

— Забери ты их от меня. Это из-за них все, проклятых. Я знаю.

— Может, все же в милицию отнести?

— Объяснять, почему Саша сам не отнес? Не хочу всего этого. Никто мне Сашу все равно не вернет.

Александра похоронили в Улброке. Редакция хлопотала насчет Лесного кладбища. Все-таки это был незаурядный журналист, немало сделавший в газете. Много раз за острые, критические материалы его награждали дипломами.

В исполкоме ходатаев от редакции выслушали вежливо, однако дали понять, что ныне ценятся иные заслуги. Да и газета, в которой работал Александр, нынешним городским властям была не по праву, не вписывалась в общий хор «свободолюбивой, независимой» прессы.

Неделю после похорон Петр потратил на воплощение своего замысла. Наконец-то! Петр с нетерпением развернул газету. Вот она, статья! «Именем дружбы». П. Ткачук, бывший военнослужащий. «А что, внимание привлекает», — с удовлетворением отметил про себя Петр. Но углубиться в перечитывание собственной статьи ему не дал телефонный звонок. Он уже знал, кто звонит. Боялся этого звонка. Но не посмел отключить телефон.

— Почему ты сделал это? — Голос Веры дрожал от негодования. — Ведь вы были друзьями. Пожалел бы хоть нас с детьми.

— Вера...

— Что Вера! Подлец ты, Петр, вот ты кто!

Нелестные выражения в свой адрес Ткачуку пришлось услышать еще много раз. Звонили бывшие сослуживцы. Они рубили с армейской прямотой. Какой-то ветеран — его Петр в глаза никогда не видел — обозвал предателем Родины. Добрались и коллеги Клюева. Те пообещали, что вступятся за честь Александра в своей газете.

«Ничего, переживу», — утешал себя Ткачук, но на душе было скверно. Хорошо, что на стройке, где он работал сейчас, газеты читали не очень внимательно. Выступление Петра в печати никто из его бригады и не заметил.

Честно говоря, Петр думал, что опубликовать статью будет непросто. Хотя разоблачение армии, компартии вошло в моду. Если не считать общения с Александром, Петр был далек от журналистской кухни. Ему казалось, что у представителей второй древнейшей профессии тоже есть какие-то этические правила, по которым нельзя ворошить прах умерших собратьев по перу. А ведь он в отношении Саши, мягко говоря, кое-что передернул. Написал, что тот умело разоблачал большевизм, боролся с партократией, кэгэбистами и не исключено, что пал от их рук.

Про себя в статье Петр написал, что он ушел из армии по политическим мотивам. А что, может, он и впрямь сердце себе

надорвал из-за этих армейских порядков. Он не литератор, и получилось, на его взгляд, не очень складно. Однако самая бойкая местная газета напечатала исповедь бывшего офицера с завидной оперативностью. И даже, наверное, гонорар пришлют. А ведь Петр намеревался сам рублей сто-двести отвалить газетчику, который протолкнет его статью в печать. За популярность надо платить.

Двадцать тысяч лежали до сих пор нетронутыми. Ткачук взял тугую пачку червонцев и небрежным движением — как будто этим занимался всю жизнь — разорвал ее. Пересчитывать, разумеется, не стал. Оставалось только выбрать, в каком заведении обмыть удачный дебют в печати.

Дверь ресторана открыл «червонцем». Еще две красненьких дал администратору, чтобы подсадили за столик какую-нибудь дамочку посимпатичнее.

Вечер удался на славу. Оркестр по заявке Петра пять раз исполнял «Поручика Голицына». Он, подвыпив, гордо вынул газету, и подвернувшиеся собутыльники вслух читали его статью, заставили поставить автограф и забрали обильно политый коньяком и шампанским литературный труд с собой. На память. К концу вечера Петр был уже на «ты» со всем ресторанным персоналом.

В полночь подкатил домой на такси со своей новой знакомой Зинтой. Та была неприятно поражена скромностью жилища. Положение спасли бутылки с шампанским и бутерброды с черной икрой, прихваченные из ресторана.

— Ничего, скоро и я заживу по-человечески, — заплетающимся языком убеждал красотку Петр. — Теперь коммунистам конец. Ишь, выдумали всеобщее равенство. Кукиш им, а не равенство. Кто хитрей, тот и богаче. Кто богаче, тот и прав...

Гостья, однако, не изъявила особого желания внимать философским потугам пьяного хозяина. Она ловко нырнула в наспех разобранную постель и как приманку выставила из-под одеяла самую привлекательную, на ее взгляд, часть женского тела.

Поминки оставили у Сергея Федоровича тягостное впечатление. Впрочем, какая радость от поминок. Но в этот раз почему-то на душе особенно свербило. И говорил не то, и вел себя не так. Не только горечь утраты они переживали, но над всем, что говорилось и думалось, витала черная тень неясной, непонятной угрозы.

Трагическая гибель Саши Клюева представлялась Сергею Федоровичу лишь началом каких-то драматических событий для

него и для многих сидевших рядом за грустным поминальным столом. Как ни старался он отогнать от себя мрачные мысли, они назойливо лезли в голову. Даже сто граммов за упокой души лучшего сотрудника его редакции не сняли напряжения.

Не единожды Александр попадал в серьезные переплеты. Однажды в редакцию сообщили, что он арестован по подозрению в ограблении продовольственного склада. Он забрался туда, чтобы выследить расхитителей. Но его самого выследили и закрыли в холодном пакгаузе на ночь. А утром сторож поднял шум. Коротая время, незадачливый разоблачитель уплел килограмма два шоколадных конфет, в чем чистосердечно признался, сдаваясь без сопротивления прибывшей милиции. На него же пытались повесить пропажу нескольких тонн деликатесов — черной и красной икры, семги в банках и двух ящиков макарон. Парня с трудом удалось вызволить из беды, а то загремел бы под фанфары. Еще долго бывший редактор Оладьев поддевал Клюева: «Признайся честно, макароны ты все-таки съел?»

Но и после этого случая Александр частенько лез на рожон. И Сергей Федорович тоже остерегал своего ученика, чтобы тот был осмотрительнее. Эх, не уберегся, Саша... Неужели не понял, что сейчас времена для таких, как ты, еще опаснее. А для таких, как он сам? Сергей Федорович в последнее время не раз думал об этом. Растущая напряженность в обществе, хаос в экономике, бездействие законов, озлобление людей, всплеск пещерного национализма рано или поздно должны вылиться в драматичные действия. А может быть, весь этот хаос есть результат чьей-то преднамеренной злой воли?

Скверное настроение было и у других сотрудников редакции. Все словно притихли. На планерках не было обычного галдежа, подначек, споров. Вдруг стали запирать на ключ свои кабинеты. Раньше этого Сергей Федорович добиться не мог. Однажды даже издал на этот счет приказ. После того, как у одного из сотрудников, пока тот болтал с редакторской секретаршей, украли телефонный аппарат. И совсем как мрачное знамение воспринял коллектив неожиданный уход молодого зама редактора Валерия Васильева в кооператив. «Если уж Валера слинял, то дела наши действительно плохи», — грустно заметила корреспондент по культуре Лигита Зинкевич.

В довершение ко всему эта статья «друга» Клюева, некоего Ткачука. Сергей Федорович вспомнил, что его вроде бы знакомили с каким-то Ткачуком на поминках. Если это тот крутоплечий мужчина в армейской рубашке без погон, который сидел за столом напротив, то совсем непонятно. Ведь он, когда произносил тост в память Саши, чуть не заплакал. Но статья в самом деле

гнусная. Сергей Федорович брезгливо отбросил газету с этой мерзостью на самый дальний край широкого, как аэродром, редакторского стола.

— Уже читали? — В кабинет влетел взъерошенный Игнатенко. Он работал в отделе у Клюева, был его правой рукой. — Ну и мерзавец! Ну негодяй!

Игнатенко без приглашения плюхнулся на стул:

— Что, Сергей Федорович, неужели промолчим? Я уже звонил этому Ткачуку. Сказал все, что о нем думаю. Но это чепуха. Надо отповедь дать в нашей газете. И вообще, давайте начнем свое, журналистское расследование. Опубликуем серию статей. Мне Александр многое рассказывал. У меня есть кое-какие концы. Мы ведь вместе некоторые дела разматывали. Подниму старые блокноты, да и у него полный стол разных материалов.

— Ну, — поколебавшись, сказал Сергей Федорович, — попробуй. Правда, я не совсем представляю, что у тебя получится.

— Получится, — уверенно заявил Игнатенко. — Я, честно говоря, без вашего ведома кое-что предпринял. Сколотил что-то вроде комитета по борьбе с мафией и терроризмом. Звучит, а?

Глаза молодого журналиста горели решимостью.

Сергей Федорович лишь покачал головой: «Мальчишка, совсем мальчишка».

Разговор с Игнатенко даже дома не выходил у редактора из головы. Просмотрев программу «Время», Сергей Федорович отправился прогуляться перед сном, как делал уже лет десять, с тех пор, как бросил курить. Он выбирал разные маршруты, но всегда старался пройтись по улице Фрича Гайля, которую считал самой красивой в Риге. Но еще одно обстоятельство тянуло его туда. Когда-то в доме на углу жила одна прелестная женщина по имени Анита. Их связь, не имевшая, казалось, никакой прочной основы, длилась неожиданно долго. Она угощала его серым горохом — нигде больше он не ел такого вкусного, обучала латышскому языку. Что греха таить, он заходил к Аните не только за этим.

Их отношения оборвались в одночасье. Анита объявила, что выходит замуж. И действительно, через месяц переехала жить к мужу. Это был последний роман Сергея Федоровича. Его как раз назначили редактором, и он сказал себе: «Хватит, годы не те. Становлюсь примерным семьянином». Он не хотел в этом признаваться, но неожиданное, как ему казалось, замужество Аниты нанесло болезненный удар по мужскому самолюбию. Сергей Федорович поискал глазами знакомое окошко. Где сейчас Анита, кого кормит серым горохом?

— Где эта улица, где этот дом? Где эта барышня, что я влюблен?.. — промурлыкал рядом приятный баритон.

Сергей Федорович с недоумением обернулся. Элегантно одетый мужчина, в серой тройке и с плащом, перекинутым через руку, приветливо смотрел на него, улыбаясь открытой, располагающей улыбкой. Аккуратно подстриженные усики на широком лице делали его похожим на добродушного кота. Незнакомцу было за пятьдесят.

— Разрешите представиться, Эдуард Эдуардович.

— Синаев, — буркнул растерявшийся Сергей Федорович и неожиданно для себя, по старой партийной привычке, протянул руку.

Сильное пожатие Эдуарда Эдуардовича выдавало в нем человека решительного и цепкого.

— Давно мечтал с вами познакомиться, — пояснил он. — Я, знаете ли, постоянный подписчик вашей уважаемой газеты. И вас в лицо хорошо знаю, поскольку вы человек известный.

А Сергей Федорович ожидал, что новый знакомый скажет дальше. Тот не выпускал инициативу из рук:

— Не возражаете, если я вас провожу?

Они пошли рядом.

— Слышал, что у вас сейчас трудности с полиграфией и что бумаги не хватает, — продолжал Эдуард Эдуардович. — Не хотел бы раньше времени обнадеживать, но мне кажется, мы вам могли бы помочь. Я сейчас участвую в создании совместного с англичанами предприятия. Будем зарабатывать валюту. Вы бывали в Лондоне? Чудесный город.

Сергей Федорович с интересом посмотрел на собеседника. Да, импортное оборудование сейчас не помешало бы. Рондосеты в типографии уже на ладан дышат. А набор, стыдно сказать, на допотопных линотипах. И это в конце XX века! Неудивительно, что наборщиков днем с огнем не сыщешь. С бумагой вообще будущее неясно. От этих мыслей Сергей Федорович даже вздохнул. Его провожатый понимающе улыбнулся:

— У нас, разумеется, свой интерес. Реклама и все такое прочее. Чем нравится ваша газета, так это своей солидностью. Никаких истерик, кампанейщины, дешевых сенсаций. А то, представляете, заявляется к нам один писака. Говорит, из комитета по борьбе с чем-то там, требует финансовые документы. Пришлось объяснить ему, что такое коммерческая тайна... Ну, вот и ваш дом...

Только на лестнице до Сергея Федоровича дошел смысл последней фразы. Новый знакомец знал, где он живет! Чертовщина какая-то. Может, он и про Аниту знает? Не зря же спел ему

«Где эта улица, где этот дом?». Сергей Федорович еще раз чертыхнулся и с силой нажал на кнопку звонка.

Ответ на гадкую статью П. Ткачука они дали в своей газете почти сразу же. А с опубликованием проекта устава комитета по борьбе с мафией и терроризмом Сергей Федорович решил повременить. По правде сказать, эта затея ему с самого начала показалась сомнительной. Пришлось принять целую делегацию возмущенных сотрудников во главе с разгневанным Игнатенко.

— Вы же обещали! — шумел он. — Разве пепел Саши Клюева не стучит в ваше сердце?

— Пока следствие не закончено, мы не имеем права вмешиваться, — стоял на своем Сергей Федорович.

Игнатенко вышел, хлопнув дверью. В коридоре нарочито громко он обозвал редактора стагнатом, перестраховщиком и еще кем-то. Но это уже было плохо слышно.

Сергею Федоровичу, как и любому редактору, не привыкать было к таким сценам. Сам, бывало, крыл начальников и покруче. Он подтянул к себе телефон и набрал номер дочери. Она недавно родила и сидела сейчас дома с малышом. Услышав ее голос, торопливо спросил:

— У вас все в порядке?

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Да так, ничего. Поцелуй за меня внука...

От редактора Игнатенко вышел с пылающими от возмущения щеками. Такого предательства он не ожидал! Трус несчастный. Трясется за свое редакторское кресло. А чем он рискует? Завтра и вовсе газету могут прихлопнуть... Но черта с два! Он, Виктор Игнатенко, не такой слабак, как некоторые думают. Он им еще всем покажет!

Именно в этот вечер Виктор договорился поехать в рейд с милицией. Должен получиться «гвоздевой» материал. Ему обещали показать малоизвестную добропорядочным горожанам сторону жизни.

Милицейский «уазик» с трудом протиснулся сквозь арку, заставленную переполненными мусорными контейнерами. В открытое окно машины ударил запах гнили. Дорогу, не торопясь, перебежала упитанная крыса.

По темной, заплеванной лестнице они поднялись на третий этаж. В том месте, где должен быть звонок, торчали обрывки проводов. На двери мелом криво была выведена цифра «9». И сама дверь представляла собою весьма живописное зрелище — сразу видно, что ее неоднократно выламывали, а потом кое-как сбивали гвоздями.

Капитан, старший группы, требовательно постучал. Никто не отозвался.

— Да разве так они откроют, — отодвинул капитана здоровенный мордастый милиционер и грохнул волосатым кулаком так, что посыпалась штукатурка.

— Какой там еще козел дверь ломает? — прохрипело в ответ.

— Что не отзываешься, Кувалдин?

— А, это вы, Людвиг Густович? Я тут, понимаете, прикорнул.

— Ну, прости, коль разбудили. Может, все-таки впустишь?

За дверью снова стало тихо.

— Чего упрямишься, Кувалдин? Хочешь, как в прошлый раз?

Хозяин квартиры, судя по всему, не захотел, чтобы было как в прошлый раз. Расхлябанная дверь со скрипом раскрылась. Кувалдин, тщедушный мужичок метра полтора ростом, смотрел на высоченного участкового Людвига Густовича снизу вверх, как турист на пирамиду Хеопса. Его заросшее трехдневной щетиной лицо источало, казалось, неподдельную радость от встречи с блюстителями порядка. Игнатенко невольно даже проникся сочувствием к мужичку и испытал некоторое неудобство, что ни с того ни с сего врывается непрошеным гостем в чужой дом.

— Вот, племянница с мужем приехала погостить, — пролепетал Кувалдин, когда капитан с участковым заглянули в одну из комнат.

Такого убожества Виктор, откровенно говоря, раньше не видел. Остатки обоев засаленными лохмотьями свисали со стен. Топчан без ножек был здесь единственной мебелью. Без простыней и подушек под драным ватным одеялом лежала пара — востроносая девушка лет пятнадцати и совершенно лысый мужчина.

Увидев вошедших, юное создание тщетно попыталось спихнуть с себя грузное тело «супруга». Тот еще не понимал, что произошло.

— Ксюшка, опять ты здесь, — сердито сказал участковый. — Тебя из диспансера выпустили или сбежала?

— Я вам не Ксюшка, а Ксения Владовна.

Девица наконец высвободилась из объятий «супруга» и, ничуть не смущаясь присутствием посторонних, вылезла из-под одеяла. Игнатенко стыдливо отвел глаза от хрупкого девичьего тела с едва наметившимися женскими прелестями.

Виктор прошел на кухню, где один из милиционеров мирно разговаривал со сморщенной старушкой, под глазом у которой красовался большой фиолетовый синяк. Засоренная раковина была наполовину заполнена блевотиной, источавшей зловоние. На лестничной площадке перевел дух.

— Ну, как тебе романтика милицейских будней? — поддевал

его в машине отчего-то повеселевший капитан. Старшего группы, видать, потянуло на философию:

— Друг мой, это только цветочки. Начало развала. Закон сегодня никому не писан. Вот увидишь, скоро урки за нами, ментами, словно за зайцами будут гоняться. Ихнее Чикаго покажется раем по сравнению с нашим Чиекуркалнсом. Кстати, вам, работникам пера, тоже перепадает. Да чего я тебе рассказываю, недавно же одного вашего убили.

Виктор насторожился. Снова, как живой, возник в памяти Саша Клюев. Больше никогда ему не встретить такого человека. Александр умел сочетать в себе, казалось бы, несовместимые вещи. Восторженное восприятие жизни и трезвый расчет. Романтику и некоторую долю цинизма. Доверчивость к людям и способность с первого взгляда раскусить негодяя. Кому же он так досадил, что поплатился жизнью?

— Ну и как назовешь свой репортаж? — прервал размышления Виктора разговорившийся капитан. — Уже придумал?

— Акулы преступного мира, — буркнул задетый издевкой Виктор. О чем писать, он пока не знал. О начинающей проститутке? О хитроване Кувалдине? О грязном притоне? А какова мораль?

— Это Кувалдин-то акула? — громко рассмеялся капитан. — Да он мелочь, килька в томате. Настоящих акул ты еще не видел. Их так просто за жабры не возьмешь.

Остановились в темном проулке у какого-то кафеюшника, о существовании которого Виктор и не подозревал. Капитан снова вернулся к «рыбной» теме.

— Акул преступного мира тут вряд ли встретишь. Они не любят людных мест. А вот окуньки да щучки здесь иногда резвятся.

Он знал, что говорит. Едва группа, отодвинув в сторону вышибалу, проникла внутрь, кто-то истошно закричал:

— Атас, легавые!

Тотчас же потух свет. Раздался звук разбитой посуды, взвизгнула женщина. Где-то хлопнула дверь. Виктор в растерянности прижался к стене. Но его спутники, видимо, были готовы к такому повороту событий. Через несколько секунд свет вспыхнул вновь. Могучий Людвиг Густович подмял под себя тоже нехилого парня в кожаной куртке, который пытался ногой отпихнуть подальше большую спортивную сумку с множеством «молний». Из кухни выводили взъерошенного подростка, который дико озирался по сторонам и бессмысленно что-то бормотал. Виктору непонятно было, пьяный парнишка или больной.

— Наркоты нажрался, — пояснил капитан. И, повернувшись к кожаной куртке, скомандовал: — А ты открой сумку.

Тот с трудом поднялся. Потирая руку, зло посмотрел на участкового. Потом нехотя склонился над сумкой, раскрыл ее.

— Выкладывай все.

На столе выросла гора дефицита. Блоки сигарет «Элита», «Рига». Какие-то импортные тряпки. Пачки лекарств. Косметика.

— А это что такое? — показал старший группы на небольшой пакет. — Ну-ка, сними обертку.

На свет появилась тугая пачка двадцатипятирублевых банкнот.

Капитан посмотрел на нее оценивающим взглядом и понимающе усмехнулся:

— Такой большой, а все в «куклы» играешь.

Виктор с любопытством рассматривал парня. Живой «кукольник»? Мошенник, который в обмен на товар подсовывает доверчивым гражданам вместо купюр пачки нарезанной бумаги, лишь сверху и снизу прикрытые настоящими деньгами. Про такие случаи Игнатенко не раз читал и слышал. Интересно, сам бы он попался на такую дешевку?

Постепенно в небольшом зале снова стало шумно. Компании за столиками перестали обращать внимание на милицейского капитана и Виктора, задержавшихся в кафе.

Виктор поймал взгляд мужчины, сидевшего за столиком с какой-то расфуфыренной дамочкой. Лицо знакомое. Но где они встречались? Ведь с подобной публикой он мало имел дела. Мужчина поднялся и нетвердой походкой подошел к Виктору:

— Присаживайся к нам, выпьем за Сашку Клюева.

Когда в кафе погас свет и начался переполох, Ткачук на всякий случай придержал на столе бутылку коньяка, чтоб не ровен час не смахнули. С тех пор, как Петр ударился в «сладкую жизнь», он уже попадал в подобные ситуации и знал, что делать.

За последнее время число знакомых женского пола у него катастрофически росло, и он начал путаться в именах. Вот и сейчас начисто забыл, как зовут ту, которую пообещал любить до гроба. Их только вчера познакомили в мансарде какого-то модного, но ему неизвестного художника, где собравшаяся богема до дурноты довела своими разговорами о свободе творчества и о том, что давно пора продавать картины за конвертируемую валюту. Что народ у нас темный и бескультурный, в живописи ни черта не смыслит. А вот у них, на Западе... Его очередная пассия тоже не кумекала в изящных искусствах, что их и сблизило.

Как же ее зовут? Петр так и не вспомнил, но ловко вышел из положения:

— Выпьем, радость моя.

Весьма кстати снова зажегся свет. Перед взором словно предстал кадр из боевика. Могучего сложения мильтон завалил на пол парня в кожаной куртке. В его сумке что-то нашли.

Парня увели. Внимание Ткачука привлек молодой человек в штатском, который в некоторой растерянности топтался у стены. Явно не сотрудник милиции. Петр узнал его: несколько раз они сталкивались у Саши Клюева, а на похоронах вместе несли гроб. Кажется, это Игнатенко. Александр частенько упоминал фамилию своего молодого сотрудника. То сердился на него, то хвалил.

— Вы? Да как вы смеете? — срывающимся голосом отверг Игнатенко приглашение присесть за столик. Губы у парня дрожали, лицо побледнело.

Комок злобы подкатился к горлу Петра. Дали о себе знать выпитый алкоголь и усталость от беспорядочной, беспутной жизни.

— Что бы ты понимал. Молокосос! Щенок!

— Да как вы смеете? — фальцетом повторил Игнатенко и попытался ударить Петра по лицу.

Петр легко отвел неумелый удар. Он схватил разбушевавшегося журналиста за грудки и поволок к выходу. И, наверное, вышвырнул бы на улицу, если бы сзади не схватили его за руки. Через плечо Петр увидел капитанские звездочки на погоне. Милиционер ухватился не шибко удачно, и Ткачуку не составило никакого труда вывернуться. Но попасть под суд за потасовку с милицией ему вовсе не улыбалось. К тому же навстречу по ступенькам спускался тот мордастый бугай, который на его глазах только что без особой натуги повязал молодца в кожаной куртке. Пришлось отпустить отчаянно брыкающегося Игнатенко и отдаться на милость стражей порядка.

Петра вывели на улицу.

— Покажи документы.

Порывшись в карманах, Петр достал и протянул милиционерам зеленый прямоугольник.

— Что ты мне суешь?

— Самый главный документ. Визитную карточку. Она всегда при мне. Без паспорта проживешь, а без нее, сами понимаете.

Капитан хмыкнул.

— Ну, допустим. Значится, Ткачук П. В. Рига. Пролетарский район. А подробнее?

— Петр Васильевич. Майор в отставке. Сейчас работаю на стройке.

Насчет последнего Петр, мягко говоря, слукавил. В бригаде он давно не показывался. Наверное, уже уволили за прогулы.

— Прошу вас, отпустите его, — подал голос Игнатенко. — Я все это затеял, не сдержался. Он действительно Ткачук.

Капитан с видимым облегчением вздохнул. С этим отставным майором ему явно не хотелось связываться.

— Бог с вами. Поехали, репортер.

Капитан вернул Петру его бесценную визитную карточку. «Уазик» лихо развернулся и укатил.

Петр вернулся в кафе. На его месте за столиком развалился холеный хлыщ с бакенбардами и цедил из его же рюмки коньяк. Свободной рукой он поглаживал белое обнаженное плечо Зайги. Ткачук вспомнил имя подруги.

— Петенька, что они с тобой хотели сделать? — защебетала изменница, пытаясь скинуть руку обладателя бакенбардов с сахарного плеча. — Садись, дорогой. Налей ему, Гога.

— Перебьется, — сурово объявил Гога и вернул руку на прежнюю позицию. — Место занято.

«Нет, я сегодня точно кому-то дам по морде», — подумал Ткачук и расплылся в обворожительной улыбке.

— Что вы, что вы, я ни на что не претендую. Но, по-моему, у вас съехал набок галстук.

Петр аккуратненько двумя пальчиками взялся за узелок, другой рукой подхватил бутылку и неторопливо вылил остатки коньяка на черные кучеряшки оторопелого ловеласа...

Беспросветные кутежи не прошли даром. Ночью прихватило сердце. Едва дождавшись утра, Петр поплелся в аптеку. Тех лекарств, которые без рецепта, не было. Не оказалось даже анальгина от головной боли. Зато имелись импортные презервативы. «Их же на сердце не натянешь», — чуть не брякнул провизорше обозленный Петр.

В поликлинику он, конечно, не пошел, а залег, как раненый одинокий зверь, в своей малогабаритной берлоге.

Все опротивело. Пытался посмотреть накопившиеся газеты. Но от них стало еще гнуснее. Что за страна? Картошка опять на полях гниет. А эти на сессиях... Болтают бог знает о чем. Вывести бы всю эту ораву на поля, проку больше было бы.

Вспомнились вдруг обрывки пьяного разговора с молодым латышом в пивбаре. Началось с того, что Петр забраковал пиво.

— Не нравится, поезжай на свою Волгу, пей «Жигулевское», — ощетинился парень. — Кто вас тут держит? Каждый должен

жить там, где родился. Почему мы, латыши, никуда не ездим? А вы, русские...

— Я не русский. Украинец.

— Ну, все равно. Что ты сюда приехал? У вас там на Украине тепло, арбузы растут. А у нас дожди, сыро. Пиво, видишь, плохое. Ты хоть знаешь, как пиво-то по-латышски?

— Алус...

— Вот-вот, только и знаете «алус» да «майзе»... Ты знаешь, что в латышское время у моего деда было десять коров? Тогда Латвия всю Европу маслом кормила. А скоро все по талонам будут давать.

— Так везде сейчас трудно.

— Какое мне дело. Пусть русские научатся работать, как мой дед. За это в сталинское время его в Сибирь сослали.

— А мой дед в тридцатые годы от голода умер.

— Вот видишь, что русские с украинцами сделали.

— Что ты заладил, русские да русские. Им разве меньше доставалось?

— Какое мое дело? Не я к ним приехал, а они сюда. Пусть едут в свое Нечерноземье. Вот скоро мы сменим Верховный Совет, Сейм выберем, так и будет.

Тогда, в пивбаре, Петр, как всегда, перебрал. Его оппонент то ли чаще закусывал домашними колбасами, то ли гены, доставшиеся от деда-хуторянина, сделали его крепче, но на ногах держался увереннее. Он подпер собою Петра и, как раненого с поля боя, потащил через полгорода. Преодолевая Деглавский мост, они дружно затянули песню про грузинскую девушку Сулико. К удивлению, оба знали слова. На кухне у Петра обмыли благополучное прибытие. Под «Столичную» национальный вопрос рассматривался уже в другом аспекте: чьи женщины лучше? Но лишь под утро этот самый сложный вопрос был решен полностью и окончательно. Сошлись на том, что нет лучше, чем японки. Хотя и тот, и другой могли судить о предмете лишь по фильмам Куросавы.

Еще одна мысль свербила и портила настроение. Тот образ жизни, который он сейчас вел, требовал и соответствующих расходов. До сих пор он деньги брал из того пакета, не считая. Двадцать тысяч ему казались фантастической суммой. Но когда вплотную соприкоснулся с обществом нуворишей, разъезжающих на «мерседесах», когда только за корзину яблок заплатил в ресторане пятьдесят рублей, когда таксисты требуют десятку за проезд там, где раньше платил рубль, то живо перестал чувствовать себя богачом. Как он раньше жил на три сотни в месяц?

Заветный пакет совсем отощал. Петр вывалил остатки его со-

держимого на стол. Чуть больше двух тысяч. Не густо. Надо же... Пожалуй, придется возвращаться на стройку.

В дверь позвонили. «Кого там несет?» — подумал Петр, сгреб деньги в ящик стола и пошел открывать.

Незваным гостем оказался плотный мужчина в возрасте, с приятной внешностью, элегантно одетый. Ухоженные усики напоминали какого-то киноактера.

— Как вы себя чувствуете, Петр Васильевич? — вместо приветствия осведомился незнакомец. — Вот, принес вам подлечиться. Коньяк. Армянский. Обратите внимание, сколько лет выдержки.

Петр посмотрел на темно-коричневую жидкость в бутылке и поморщился:

— Мне бы сейчас лучше валокординчику хлебнуть...

— Эх, голубчик, рано вам о лекарствах думать. Добрый коньячок, прелестная женщина — вот лучшие лекарства для мужчины.

Оставив плащ на вешалке, усатый добряк проследовал за Петром в комнату.

— И рюмочки у вас тут подходящие. У меня, кстати, с собой лимончик имеется. А вот и шоколадка.

Пососав ломтик лимона, весельчак посерьезнел:

— Такое дело, уважаемый Петр Васильевич. Жена покойного Александра Клюева передала вам двадцать тысяч. Я их Александру давал в долг. Не сочли бы вы за труд вернуть мне эту скромную сумму?

— А кто вы, собственно, такой?

— О, неужели я забыл представиться? Эдуард Эдуардович. Еще по рюмочке?

— Не возражаю, коньяк просто великолепен.

Пригубив, Эдуард Эдуардович снова расплылся в улыбке.

— Надеюсь, моя просьба не вызвала у вас затруднения. Я человек, признаться, не бедный, но у меня свои правила. Деньги любят ласку, чистоту и смазку.

— У меня тоже свои правила. Деньги существуют для того, чтобы их тратить, не правда ли?

— Но сначала их надо заработать.

— На что вы намекаете?

— Если вы скажете, что деньги не у вас, то я буду вынужден их взыскать с вдовы Клюева. Или вам не жаль несчастную женщину?

В словах Эдуарда Эдуардовича прозвучала неприкрытая угроза. Петр почувствовал, что загнан в угол. Он выдвинул ящик стола,

— Вот все, что у меня есть.

— Ай-ай-ай, Петр Васильевич, чужие деньги растратили. И когда вы успели? А все пишут, что у нас деньги не отоварить. Но вернемся к делу, как будете рассчитываться?

Петр пожал плечами. А сколько ему понадобится лет, чтобы заработать двадцать тысяч? Он окинул взглядом комнату — и продать нечего.

— Так я и говорю, — понимающе улыбнулся Эдуард Эдуардович, — денежки заработать надо. Какая у вас армейская специальность?

— Самая прозаичная, сапер.

— А что, хорошая специальность. Машину водите?

— Приходилось.

— Прекрасно. Могу помочь вам заработать. Моей фирме нужен своего рода порученец, курьер, если хотите. Вас не смущает такая должность? Пока положу вам, скажем, тысячу в месяц. Будете хорошо работать, и долг прощу. По рукам?

Петр смотрел на гостя уже другими глазами. Вот тебе и добрячок. Кто мог подумать, что за добродушной внешностью скрывается изощренный ум и бульдожья хватка.

— Ну, Петр Васильевич, не болейте. Когда понадобитесь, я вам позвоню.

Эдуард Эдуардович церемонно откланялся.

Назавтра звонка не последовало. Не было его всю неделю. Неизвестность угнетала. Ткачук сходил в отдел кадров стройтреста и забрал трудовую книжку, сказал, что уходит в кооператив.

— Гаражи да дачи для куркулей собираетесь строить, — проворчал кадровик. — А детсад уже второй год сдать не можем. Не пойму, что происходит, чем дальше, тем хуже. Кому нужна такая перестройка?

— Так идите тоже в кооператив, — парировал Петр. — Или больше ничего не умеете, как бумажки перекладывать.

— А ты мне покажи, где польза от твоих кооперативов. Наплодилось их тьма, а попробуй что-нибудь купить... Цены-то кусаются. А в государственных магазинах ни обувки, ни одевки не стало. Вот и соображай.

На этот счет у Петра тоже были кое-какие соображения. Но делиться ими со старым ворчуном было недосуг. У него хватало своих проблем.

Из окна автобуса Ткачук увидел Веру. Она стояла на остановке с двумя сыновьями. Мальчишки держали вдвоем хозяйственную сумку с пустыми бутылками. У Веры, лицо которой еще больше осунулось, в руках тоже была тяжелая кошелка. Видимо, всей семьей ехали сдавать посуду. Трудно им приходится

без кормильца. Еще недавно Вера была цветущей женщиной, а что ее ждет в будущем? Постоянная нехватка денег, работа в двух местах, на износ, крест на личной жизни. Чувство жалости и вины тяжестью легло на плечи Петра.

На следующее утро он позвонил в редакцию Игнатенко. Встретились у планетария, где бойко шла торговля с лотка книжками о Христе, Кришне и Будде, а также о приемах ушу и каратэ.

Петр сунул журналисту конверт с деньгами.

— Отвези Вере, скажи, что от редакции, вроде как материальная помощь.

Игнатенко по-прежнему с неприязнью смотрел на Ткачука, но согласился выполнить поручение.

Прошло еще несколько дней, прежде чем Петру позвонили от Эдуарда Эдуардовича.

Назначили встречу в помещении кооператива «Сигма». Он с трудом отыскал в глубине двора старый деревянный дом, слегка подлатанный нестругаными досками. Окна первого этажа наглухо были закрыты ставнями, а на втором сквозь плотные шторы едва пробивался свет.

В маленькой неуютной комнатке за столом перебирал бумаги Эдуард Эдуардович. Он поднялся навстречу Петру:

— Вот что значит армейская точность.

Эдуард Эдуардович ввел в курс дела. Надо срочно поехать за Елгаву, помочь разгрузить вагоны.

— Костя! — громко позвал он. — Зайди-ка, дружок.

Сбоку открылась узкая дверца, которую Петр принял за встроенный шкаф. В нее боком протиснулся спортивного вида парень с короткой стрижкой. Ткачук окрестил его про себя Боксером.

— Слушаю, шеф.

— Знакомься — Петр Васильевич. Возьмешь в свою команду. Только вы не особенно там на нем ездите. Пусть присмотрится. У меня на него большие виды.

Костя безразлично посмотрел на Ткачука, подкинул связку ключей на ладони и коротко бросил:

— Поехали.

В «Жигулях» сидели еще двое. Костя уверенно вел машину. Вскоре они оказались в Пардаугаве, выехали на елгавское шоссе. Боксер остановил машину на обочине и помигал фарами. Впереди справа Петр увидел ответный сигнал. «Жигуленок» снова медленно поехал вперед. Ткачук посмотрел через заднее стекло на дорогу. Из проселка на шоссе выруливали три автофургона.

Ехали довольно долго. Петр эти места не знал и, когда свернули с шоссе и начали петлять по местным дорогам, окончательно потерял ориентировку. Наконец караван подъехал к по-

лустанку. На отшибе в тупике темнел товарный вагон. В свете фар появилась фигура мужчины в плаще. Он открыл дверь остановившихся «Жигулей» и приглушенным голосом сказал:

— Сегодня надо побыстрее. Еще вагоны должны подать. А то потом этот не вытащишь.

— Не суетись под клиентом, Ричардс, все будет тип-топ, — успокоил железнодорожника Костя, вылезая из машины.

Поначалу Ткачуку картонные коробки показались почти невесомыми. Работали без разговоров, слаженно, передавали их по цепочке. В вагоне стоял аромат хорошего табака. По всему видать, сигареты, причем импортные. Но красочные этикетки на коробках разглядывать было некогда.

Петр раньше не предполагал, что столько вмещается в один вагон. Пришлось изрядно попотеть, чтобы загрузить фургоны. Две коробки Костя отнес в багажник «Жигулей», потом, отойдя в сторонку, переговорил с железнодорожниками. Заурчали моторы, и караван, не включая дальнего света, двинулся в ночь.

То ли оттого, что умаялся, то ли оттого, что надышался табака в вагоне, Петр задремал на заднем сиденье. Проснулся, только когда остановились. Начинало светать. Ткачук с любопытством огляделся. Они заехали на хутор. Хотя и старый, но крепкий деревянный дом. Большой сарай, еще какие-то постройки, колодец с высоким срубом. Могучие дубы словно охраняли покой обитателей. Выйдя из машины, Петр поежился от прохлады, с удовольствием втянул в легкие свежий, бодрящий воздух. Звенящую тишину нарушил петушиный крик. В хлеву что-то завозилось и захрюкало. Лохматая псина на цепи недружелюбно скалилась на ночных гостей.

— Ну, хватит любоваться природой, — хлопнул его по плечу Костя. — Разомнемся еще немного.

Петр с удивлением обнаружил, что на хуторе стоит только один фургон. Остальные, видимо, отправились по другим адресам. Работа шла в прежнем темпе. Коробки заносили в сарай, где распоряжался бородатый мужик, очевидно, хозяин. Ткачук наконец-то разглядел маркировку — «Dunhill».

Закрыв сарай на массивный железный засов, хозяин кивком головы пригласил их в дом. Там уже, видно, заранее был накрыт стол. Аппетитно пахло домашними копченостями, квашеной капустой.

Ели так же молча и не глядя друг на друга, как и работали. Вот сейчас и как раз бы к месту была стопка-другая. Но, увы, Петр не увидел на столе четверти самогона, без чего, в его представлении, хуторяне не садятся за трапезу. «Нет, у него на Полтавщине, в такой ситуации непременно бы выставили горилку».

Впрочем, как знать, именно в такой ситуации ему бывать еще не приходилось.

Не было сомнений, что он, Петр Ткачук, сегодня стал соучастником преступления. Иначе зачем бы потребовалось под покровом ночи спешно разгружать вагон и прятать товар на отдаленном хуторе. Да еще какой товар! Сейчас пачка импортных сигарет в комиссионке стоит двадцать пять рублей. А вагон?

В Риге высадили Петра возле вокзала. Вместо «до свидания» Костя протянул ему пачку денег.

С годами Эдуард Эдуардович Померанцев все больше врастал в свои привычки. Он не был знатоком музыки, но вот уже с десяток лет, за редким исключением, послеобеденный час отдавал прослушиванию любимых записей.

Музыка ему помогала думать. Гармония гениально упорядоченных звуков каким-то чудесным образом просветляла мысли, приводила их в систему.

Эдуард Эдуардович погрузил свое привыкшее к комфорту тело в мягкое, сделанное по его эскизу кресло, положил ноги на плюшевый пуфик, привычным движением выдвинул стереонаушники. Закрыл глаза, с наслаждением погружаясь в мелодию.

Прокручивая в памяти события последних дней, Эдуард Эдуардович не в первый раз задавал себе вопрос; правильный ли сделал выбор? Тот ли человек Ткачук? Тертый калач, Померанцев умение подбирать людей всегда считал наиважнейшим. Осмеянный ныне сталинский лозунг «Кадры решают все!» он начертал бы золотыми буквами на своем знамени, будь у него такое. Нет, генералиссимус был не совсем дурак, как его рисуют нынешние умники.

Сразу видно, у Ткачука есть характер. И самолюбия ему не занимать, а это признак сильной личности. От хлюпиков устаешь. Того и гляди влипнешь с ними в историю. Одна еще до сих пор не закончилась. Теперь придется все сначала начинать. А было недурно задумано.

Эдуард Эдуардович даже прицокнул. Эта идея уже давно вертелась у него в голове. Казалось бы, чего взять со СПИДа? Но в нашем бардачном государстве деловому человеку из всего можно извлечь выгоду. Идея оформилась окончательно, когда он вышел на специалиста в этой области. Тот согласился, не безвозмездно, конечно, давать информацию о заразившихся чумой XX века. Остальное — дело техники.

Врач сообщил Померанцеву несколько фамилий. Среди тех, кому не повезло, оказался весьма перспективный кадр — работник

таможни. Это была редкая удача. С возможностью подобрать ключ к таможенной службе Эдуард Эдуардович связывал далеко идущие планы. Прощупав человечка, он наконец сделал свой ход, предложил сотрудничать. Когда таможенник начал ерепениться, Эдуард Эдуардович выложил козырную карту. Без обиняков сказал, что знает о болезни и не ручается, что об этом не узнают другие, если...

Чудак! Если знаешь, что конец недалек, поживи остаток жизни как человек. И главное — чем рискуешь? Что может устрашить перед неминуемой смертью? Да и услуги-то требовались пустяковые. Зато в деньгах бы купался. А этот неврастеник взял да и наложил на себя руки. Промашка вышла. Будем считать это неудачным экспериментом. Но в науке, как говорят, отрицательный результат — тоже результат.

Петра Ткачука они заприметили, когда занимались Клюевым. Потом уже не составило труда вычислить, куда ушли деньги от жены убитого журналиста.

Подбирая кадры, Эдуард Эдуардович никогда не исключал возможности, что ему подсунут сексота. Причем опасаться сейчас приходилось не столько милиции, кэгэбистов, сколько «неформальных» организаций, которые сразу же норовят обзавестись собственными службами безопасности, боевиками. Сдуру рэкетиры могут налететь. Все это несколько раздражало. Раньше хоть какой-то был порядок.

Осторожный, как лис, Померанцев «прощупал» Ткачука по всем каналам. На этот случай имелись у него свои люди в органах. Не слишком большие шишки, но осведомленные. Никто из них отставного майора не припомнил. Ни с кем подозрительным в эти запойные дни Ткачук не пытался связаться. После той скандальной статьи в газете Эдуард Эдуардович было подумал, что его подопечный спутался с какими-то «демократами», вдохновился примером подполковника Севера или генерала от КГБ Калугина. Он обходил таких деятелей стороной, слишком любят популярность и много болтают, а в его деле нужна деликатность и скромность. Ткачук, видимо, был из другой породы. Сдается, что в своей статье он просто выплеснул накопившуюся желчь, обиду на жизнь. В лихую минуту одни бьют посуду, другие лупят жену, третьи поносят систему. Во всяком случае, ни в депутаты, ни в основатели новой партии Ткачук не рвется. Мятущаяся душа.

Кассета кончилась. Щелкнул автостоп. Эдуард Эдуардович не без сожаления снял наушники. В тот же момент тихонько приоткрылась дверь. Его верный адъютант Вовчик, видно, ждал за дверью конца сеанса музыкальной терапии. В эти священные ми-

нуты, пусть даже небо упадет на землю, никто из подданных не осмеливается потревожить хозяина.

— Шеф, к вам гость, — сообщил Вовчик. — Наверху дожидается.

— Спасибо, дружок. Завари-ка нам кофейку.

— Уже готово, шеф.

— Ну-ну, — одарил вышколенного слугу лучезарной улыбкой.

Гость покорно сидел в маленькой комнатке на втором этаже, где Померанцев принимал посетителей, и нервно барабанил пальцами по черному «кейсу». При виде Эдуарда Эдуардовича он хотел подняться навстречу.

— Сидите, сидите. Все бегаем, суетимся, торопимся куда-то. А жизнь проходит, — закурлыкал Померанцев, усаживаясь за обшарпанный стол.

Гость не расположен был обмениваться пустыми фразами. Его лицо выражало подобострастие и презрение одновременно.

— Я от Балтиньша.

— Ну и как старик, кряхтит потихоньку?

— Да, он чувствует себя хорошо, — сухо произнес неразговорчивый гость. Судя по худобе, нездоровому цвету лица, он страдал желудком.

Расторопный Вовчик подал кофе и снова исчез.

— Давайте сразу перейдем к делу, — хмуро отодвинул чашку посланец Балтиньша.

— Что ж, весь к вашим услугам.

— Надеюсь, вы тоже за свободную Латвию, Эдуард Эдуардович... Я не хочу хвалиться, но мы еще в застойное время вели борьбу с оккупационным режимом. Нашу организацию «Нацияс спекс» пока мало знают, но о нас скоро заговорят. Все эти болтуны в парламенте только и озабочены, как бы Москва не обиделась. Сколько можно сюсюкать?

— Может быть, поконкретнее, — мягко заметил Эдуард Эдуардович, откинувшись на спинку стула, золотая цепочка карманных часов натянулась на округлом брюшке, в тон ей весело блеснули массивные запонки.

Гость откинул крышку «кейса» и положил на стол перед Померанцевым газету «Советская Латвия». На первой странице виднелся крупный заголовок: «Доклад первого секретаря ЦК Компартии Латвии А. П. Рубикса».

— Спасибо, я эту уважаемую газету выписываю, — поблагодарил Эдуард Эдуардович, возвращая ее владельцу. — И во сколько бы вы оценили наши услуги?

— Пять тысяч.

— Рублей?

— Долларов.

— Не пойдет. Мои условия — пятьдесят тысяч.

— Рублей?

— Долларов.

Гость кашлянул. Наступила пауза.

— Я должен посоветоваться, — наконец произнес он.

Посетитель защелкнул свой чемоданчик, поднялся и, не прощаясь, удалился. Эдуард Эдуардович, прищурившись, проводил его взглядом. Ничего, пусть тряхнут мошной. Он не успел как следует обмозговать разговор, как объявился Вовчик. Он принес еще мокрые фотоснимки. На них в разных ракурсах был сфотографирован только что отбывший посетитель. До чего же он, однако, худой. Рядом со снимками адъютант положил магнитофонную кассету. Педант Эдуард Эдуардович на каждого клиента заводил досье.

Эдуард Эдуардович встал, зашагал по комнате. Он представил себе подтянутую спортивную фигуру партийного лидера. Померанцеву не раз доводилось встречаться и даже разговаривать с ним, когда тот был мэром Риги. Хваткий, хозяйственный мужик. И на черта ему эта компартия? Брал бы пример с других «марксистов». Те живо смекнули, куда ветер дует. Катался бы сейчас как сыр в масле.

Из газет Померанцев знал, что первый секретарь часто встречается с людьми, ездит по всей республике. Это значительно облегчает дело.

Репортаж о рейде с милицией по злачным местам Игнатенко не удался. На фоне бурных политических событий мелкая уголовщина выглядела бледно. Подумаешь, потасовка в кабаке. Вот в Елгаве заваруха. Показали нам наконец демократию. У памятника Ленину разогнали рабочих, как шпану какую-то. Говорят, действовали специально обученные боевики. Хорошо еще, не убили никого. Эх, окажись он там, написал бы настоящий репортаж.

Огорченно вздохнув, Виктор поставил подпись на отпечатанном материале и отнес его в секретариат. Возвращаясь, услышал в кабинете громкую трель звонка. Едва открыв дверь, схватил трубку.

— Это редакция? Почему вы совсем не пишете об айзсаргах — стражах порядка? Вы знаете, что они продолжают формирование своих отрядов? Кто сможет сказать, сколько, например, сейчас айзсаргов — тысяча, десять, двадцать тысяч? Есть ли у них оружие, сколько его? Ждете, пока кровь прольется?

— Они же в последнее время не афишируют свои действия.

— Вот именно, ждете, пока вас на пресс-конференцию позо-

вут. И дождетесь. Позовут. Только не на пресс-конференцию. Так вот, слушайте...

Незнакомец рассказал, что в Курземе, в заброшенном замке тренируются молодые крепкие парни, и с каждым днем их становится больше. Это не просто спортсмены. У них там все по-военному. Кажется, есть даже автоматы.

— Нельзя ли с вами встретиться? — предложил Игнатенко.

— Зачем? Я вам все сказал.

На том конце повесили трубку. Виктор почувствовал легкую дрожь, словно пропела боевая труба. Журналистская удача сама просилась в руки. Только бы не перехватили конкуренты.

Через несколько мгновений репортер постучался в кабинет редактора.

— Сергей Федорович, наклевывается сенсация! Наконец-то мы их выведем на чистую воду.

— Кого? — осведомился редактор.

— Айзсаргов и прочих.

Игнатенко пересказал телефонный разговор.

— Дайте мне еще фотокора, материал будет убийственный.

— Убийственного, допустим, не надо. Мы люди мирные. А вообще, я подумаю, посоветуюсь.

— Я все равно поеду, — выпалил Игнатенко.

Редактор только пожал плечами.

Виктор не представлял себе, как трудно сейчас достать фотопленку. Убил на это полдня. Но все же зарядил свой старенький «Зенит». Их фотокор скрепя сердце дал напрокат телеобъектив. Сосед одолжил бинокль...

Автобус мягко катил по гладкому шоссе. Игнатенко смотрел в окно. Спокойный, мирный пейзаж. Убранные поля. Аккуратные домики поселков, островки хуторов. Именно такой видят Латвию туристы из России. Виктор разговаривал иногда с приезжими. Те недоумевали: «Чем вы здесь недовольны? Такая высокая культура, с продуктами получше». Гости Риги умилялись при виде ковра из цветов у памятника Свободы. Всякие трения в межнациональных отношениях они наивно объясняли происками КГБ и консервативных сил, во главе которых стоит партаппарат.

Откуда взялось столь искаженное представление, понятно. Недавно Виктор был в Москве. Так там все завалено «атмодами», «балтиями» и прочей «независимой» прессой. Еще Игнатенко поражало в русских почти полное безразличие к судьбе своих соотечественников в других республиках. Да что с них взять, когда сам глава Российской Федерации нашел время на переговоры с энфээловским правительством. И поохотиться успел. А с представителями фракции «Равноправие» встретиться не удосужился.

Правда, от одного знакомого журналиста Виктор слышал, что Ельцин сказал во время пикника Горбунову: мол, Валерьяныч, ты русских-то не сильно обижай, а то они ко мне хлынут. И что это за разговор государственного деятеля? Получается, что его волнует не наша судьба, а чтобы мы ему лишних хлопот не доставили. Здорово этих охотников на кабанов пропесочила газета «Утро Юрмалы». Но ничего, он сейчас сделает материал похлестче.

Игнатенко вышел в небольшом колхозном поселке. Вместе с ним высадились бабуся с плетеной корзинкой и два рослых парня. Виктор насторожился. Но парни, о чем-то разговаривая, направились к ближайшим домам.

— Где тут старый замок? — спросил Виктор у бабуси на не очень хорошем латышском.

Она показала на проселочную дорогу, ведущую к лесу.

На всякий случай, в целях конспирации, Виктор сделал приличный круг и вышел на ту дорогу уже далеко от поселка. И шел-то он не по самой дороге, а по краю леса вдоль нее. «Прямо партизан, — невольно мелькнула мысль. — А что, вправду партизан. Дожили!»

Послышалось стрекотание мотоцикла. Виктор притаился. Со стороны поселка мимо него несся мотоциклист в серебряном шлеме, подпрыгивая на ухабах. Через несколько секунд шум мотора прекратился. Значит, цель совсем рядом. Если все это всерьез, то должна быть охрана. Игнатенко забрал круче в лес и дальше стал продвигаться осторожнее, зорко вглядываясь в каждый куст. Впереди обозначился просвет. Сквозь изрядно поредевшую под осенними ветрами листву проступили контуры каменного строения, обнесенного новым высоким забором.

Не без труда Игнатенко вскарабкался на корявую березу. Здесь будет его наблюдательный пункт. Во всяком случае, большая часть двора просматривалась хорошо. Благодаря семикратному увеличению он различал даже лица. Несколько молодых людей в одежде полувоенного покроя сгрудились у вкопанного в землю стола. Когда они чуть раздвинулись, Игнатенко рассмотрел опирающийся на треногу пулемет с большим диском, который, как блин, был пришлепнут сверху. Мужчина постарше что-то назидательно выговаривал. Наверное, инструктор. Виктор перевел окуляры чуть правее.

Неподалеку показались те самые парни, которые сошли с ним в поселке. Они крутили головами, кого-то высматривая. «Так они же меня ищут, — сообразил Игнатенко. — Неужели следили от самой Риги?» Но гадать, где произошла утечка информации, бы-

ло некогда. Если они вздумают посмотреть вверх, то ему хана. Игнатенко прильнул к белому холодному стволу, чувствуя себя куропаткой на мушке охотника.

Парни оказались неопытными следопытами. Они ускорили шаг и направились к замку. Внутренний голос нашептывал Виктору: «Пора уносить ноги». Но как часто с ним бывало, торжествовал дух упрямства. Он снова навел бинокль. На полянку перед оградой высыпало человек десять в спортивных костюмах. После короткой разминки они разбились по парам и начали отрабатывать приемы. То ли самбо, то ли каратэ. Он в этом слабо разбирался, довольствуясь известной присказкой: «Против лома нет приема». Порывы ветра доносили резкие крики. Нет, таким лучше не попадаться.

Игнатенко как ветром сдуло с березы. Бинокль болтался на шее и больно колотил по животу. Правой рукой он придерживал сбоку фотоаппарат. Только бы не потерять телеобъектив! Эти, может, еще и не догонят, а фотокор Валдаев точно убьет.

Как писал классик, беглец бежал быстрее лани. Пот заливал глаза, ветки хлестали по лицу. Игнатенко понятия не имел, куда бежит. Потом сообразил, что именно это его и спасло. Держись он вдоль дороги, то, без сомнения, был бы настигнут стаей почуявших добычу волков. Они бы не упустили возможности попрактиковаться на живом человеке.

Только в сумерки Игнатенко выбрался на асфальтовую дорогу. Машин не было. Теперь он не заблудится. В маленькой Латвии все дороги ведут в Ригу. Скорей бы проявить пленку. Вот это будет репортаж!

Он быстро зашагал, изредка оглядываясь назад — не идет ли попутка. Наконец замаячили огни фар. «Рафик», казалось, и не думал тормозить. Но, обогнав, завизжал тормозами. Машина даже пошла юзом. Не успел он и глазом моргнуть, как ему заломили руки, сорвали с плеча сумку и ткнули носом в борт микроавтобуса. Из передней двери вылез и не спеша подошел мужчина с седой шкиперской бородкой.

— Не крути головой! — Виктора больно стукнули по затылку.

Подошедший ловким профессиональным движением обыскал пленника, взял удостоверение.

— Журналист, значит. А мы-то думаем, что такой любопытный. И что с тобой прикажешь делать, товарищ Игнатенко?

— Да то же, что и со всеми другими товарищами, — с готовностью подхватил один из мордоворотов.

— Слышал? Так что учти, если хоть одно твое вонючее слово

появится про нас в газете, готовься к встрече с Богом. Хоть ты, наверное, дерьмо такое, ни в Христа, ни в дьявола не веришь. Только в свой дерьмовый коммунизм. Мы же тебе покажем сейчас не светлое будущее, а заслуженное тобой настоящее.

Игнатенко отчаянно рванулся. Но ему еще больнее заломили руки и отвели в сторону от дороги. Самый здоровый из парней заученным приемом ударил его ногой в пах. Игнатенко охнул и скрючился. Удар снизу в челюсть опрокинул его назад. Следующего удара Виктор уже не почувствовал.

Знакомые не узнавали Сергея Федоровича. Похудел, осунулся, мешки под глазами. Жена ворчала: «И куда ты на старости лет лезешь? Мало тебе в газете достается? Нет, и он туда же...»

Конечно, должность редактора давала определенное положение. Даже сейчас, когда развелась масса «неформальных» изданий. Ну а в свое время это казалось ему верхом мечтаний. Служебная машина, дача, квартира в престижном доме. Спецполиклиника. Но времена изменились. Нужно вновь бороться за место под солнцем. И Синаев решил дерзнуть...

Получилось как-то само собой. В одном НИИ, где директором был его сосед по даче, Сергея Федоровича выдвинули кандидатом в депутаты. И завертелось. К публичным выступлениям ему было не привыкать. Говорил он с жаром, громким внушительным голосом. Входя в раж, становился парнем совершенно простецким. Мог ввернуть анекдот, соленое словцо, пикантные подробности из жизни высшего общества, ругнуть Президента, что особенно нравилось рабочей аудитории. Все бы ничего. Да только на освободившееся место в Верховном Совете претендовали еще два соперника.

На предвыборном собрании в заводском клубе в зал набилось столько людей, что запотели окна. Сергей Федорович с блеском парировал провокационные вопросы, ехидные реплики, меткой фразой срезал оппонентов. Сегодня он был, как никогда, в ударе. Под конец сорвал бурные аплодисменты. Его долго не отпускали. Сергей Федорович стал демонстративно посматривать на часы. Народ намек понял. Толпа поредела. Организаторы собрания проводили кандидата к проходной. В этот вечер Синаеву предстояло добираться домой своим ходом. Редакционная «Волга» была на голодном бензиновом пайке. Дождливый вечер не располагал к пешей прогулке, и Синаев зашагал к трамвайной остановке. И тут его окликнули.

— Добрый вечер, Сергей Федорович.

Голос показался знакомым. И точно. Его догнал мужчина с

характерными усиками на широком лице, в элегантном сером плаще и такой же серой шляпе.

— Вы прекрасный оратор. Слушал ваше выступление с большим удовольствием.

— Тоже были на встрече? Работаете здесь, Эдуард Эдуардович? — Синаев наконец вспомнил, как зовут невесть откуда объявившегося нового знакомого.

— Нет, специально приехал послушать.

Сергей Федорович зябко повел плечами. Недоброе предчувствие мурашками пробежало по спине.

— Я смотрю, вас и подвезти некому. Хороши избиратели. Садитесь, подвезу.

Синаев беспомощно оглянулся и, поколебавшись, сел на переднее сиденье. Но поклонник его ораторского таланта трогать с места не торопился, а сразу ошарашил вопросом:

— А зачем вы, собственно, хотите стать депутатом?

«Ну, прямо как моя жена, — подумал Синаев. — Сговорились они, что ли?»

— Очень просил бы вас снять свою кандидатуру.

Сергей Федорович удивленно вскинул брови.

— С какой стати?

— Это долго объяснять. Вы ничего не потеряете, даже выиграете.

— Нет, это уж слишком. Пожалуй, я пойду пешком.

— Зачем торопиться? Выслушайте до конца, смею уверить, будет интересно.

Эдуард Эдуардович взял с заднего сиденья простенькую папочку, развязал тесемки и зашелестел бумажками. Как ни пытался Сергей Федорович сделать вид, что его не интересует содержимое папки, все-таки скосил туда глаза.

— Так и быть, удовлетворю ваше любопытство. Здесь документы. О том, как вы, пользуясь служебным положением, незаконным путем добыли дочери квартиру. Как в обход очереди установили ей телефон, получили для новоселов дефицитный гарнитур прямо со склада. Но все это чепуха. Тогда было так принято. А вот зачем вы брали взятку?

— Какую взятку? От кого? — Аж подпрыгнул на сиденье Синаев.

— Вот заявление в прокуратуру.

— Дикость какая-то!

Никаких взяток за собой Синаев не помнил. Но то, что такое заявление имелось в папке с тесемками, сомнений не вызывало. Эдуард Эдуардович не похож на человека, который столь дешево блефует.

— Зачем вам надо, чтобы я снял свою кандидатуру? — устало спросил Синаев.

— Это наши проблемы, Сергей Федорович. Не беспокойтесь, получите хорошую компенсацию. Заживете спокойно, в свое удовольствие. К слову, наша фирма закупила импортную видеоаппаратуру, продаем, можно сказать, за бесценок среди своих сотрудников. Можете взять не только для себя, но и для дочери, внука порадуете.

— Ну да, а вы потом в папочку, — огрызнулся Сергей Федорович.

— Зачем вы так, — добродушно хохотнул нахальный шантажист. — Мы ведь уже договорились.

Пока они ехали, Эдуард Эдуардович сыпал прибаутками, рассказал пару анекдотов. Синаев же сидел, набычившись, уперев лохматую бороду в грудь.

— Да, чуть не забыл, — сказал, прощаясь, злой демон, — откажитесь от депутатского мандата в пользу инженера. Это будет выглядеть весьма благородно с вашей стороны.

Отказ Синаева баллотироваться в народные депутаты произвел в редакции эффект разорвавшейся бомбы. Коллектив уже втянулся в предвыборную кампанию своего шефа. И хотя все знали цену его красноречию, однако триумфальное шествие редактора по предвыборной тропе сначала повергло в изумление, а потом заставило поверить, что он победит. Любители выпить за чужой счет уже раскатали губу в предчувствии банкета. И такой удар. Ни банкета, ни привета. Обнародовав свое заявление, Синаев взял больничный...

Полностью отключиться от забот Синаеву не удалось. Примчался ответственный секретарь Шумаков. Это о нем в редакции говорили: выслушай Шумакова и раздели на десять — тогда будешь знать правду.

— Сергей Федорович, несчастье! — с порога начал ответсек. — Игнатенко при смерти. Позвонили из районной больницы. Родители его уже поехали туда. Нам, наверное, тоже надо?

— Постой-постой, — раздраженно прервал Сергей Федорович. — Не тараторь, сядь, расскажи по порядку.

— Чего рассказывать. Это все, что я знаю.

Игнатенко выглядел ужасно. Голова в бинтах, рука в гипсе. Рот открыть не может. Сломана челюсть — держится на медной проволоке, продернутой сквозь зубы. Какие уж тут яблоки! Парень еле слова цедит сквозь зубы.

— Жив, и слава богу, — первое, что сумел сказать Сергей Федорович. — До свадьбы заживет.

— Ты прямо как кашалот, — сострил предпрофкома, с хру-

стом откусывая привезенную антоновку. — Небось с голоду умираешь, или тебя все-таки как-то кормят?

— Ну, что вы в самом деле, Валерий Алексеевич, — пристыдил профсоюзного остряка ответсек.

— Можно с вами наедине поговорить? — прошептал Игнатенко, обращаясь к редактору.

Они остались вдвоем. Сергей Федорович внимательно выслушал рассказ своего сотрудника. Молодой журналист разволновался.

— Срочно сообщите куда следует. Это все очень серьезно. И скажите Валдаеву, я ему новый объектив куплю. Все забрали, сволочи!

— Хорошо, хорошо, — успокоил парня Сергей Федорович. — Поправляйся скорее.

В вестибюле к редактору подошел мужчина в осеннем пальто с белым кашне:

— Извините, вы были у журналиста? Я из здешней милиции.

— А я редактор.

— Очень приятно. Жалко вашего парня. Мы ищем хулиганов. Что касается его рассказа о каком-то вооруженном отряде... Мы туда ездили. Ничего подобного нет. Видно, сильная травма головы. Врач даже не рекомендует его сейчас везти в Ригу.

— Врачу, конечно, виднее, — согласился Синаев.

Как было условлено, через два дня Ткачук пришел к своему работодателю.

— Что такой хмурый, Петр Васильевич? Или приболел? — встретил его Эдуард Эдуардович.

— Есть немного.

— Поберег бы ты себя.

— Для чего, ящики таскать?

— Обиделся. Не журись. Это я так, для разминки. Теперь работенка предстоит потруднее. Форму-то не разучился носить?

— Что, мобилизацию объявили?

— Да, что-то в этом роде.

На задание пошли втроем. Петр в форме майора, с ним — «капитан» и «прапорщик».

Швейцар долго не пускал их в студенческое кафе: «В форме нельзя». Не подействовала даже «красненькая». Петр подумывал изменить план операции. Но тут подошла девичья компания. Четыре студентки, видимо, однокурсницы, без умолку болтали и смеялись.

— Такие красавицы — и без кавалеров, — подъехал к ним опытный сердцеед Ткачук. Девицы стрельнули глазами, и самая бойкая кокетливо сказала:

— Мы и без кавалеров обойдемся.

— Да ну их, они солдатиков мучают, — одернула ее подружка.

— Мы сами все измученные, — грустно вздохнув, произнес «майор». — Только что из Германии. Куча денег, а потратить негде. И главное — не с кем.

Ткачук поиграл пачкой купюр, как шулер карточной колодой.

— Угощайтесь, девушки, — поддержал его «прапорщик», протягивая пачку «Марлборо».

Студентки, кажется, заинтересовались. Одна из них поскребла розовым ноготком по стеклянной двери и проворковала высунувшемуся швейцару:

— Гунар, лапочка, пусти бедных оккупантов.

— Чего хочет женщина, того хочет бог. — Неприветливый Гунар сдался под напором девичьих чар. Впрочем, не забыл взять у «офицеров» червонец.

В погребке царило веселье. В центре, «на пятачке», под оглушительный рев тяжелого рока корчились, словно в агонии, женоподобные парни с косичками и мужеподобные девицы с короткой стрижкой.

Появление людей в военной форме вызвало некоторое замешательство. В их сторону оборачивались, бросали косые взгляды. Группа ребят за столиком напротив постепенно возбудилась. Лохматый верзила в линялом свитере подошел к эстраде и что-то стал доказывать оркестрантам. Те перестали играть. Парень завладел микрофоном и неожиданно заорал: «Окупантус ност!» Зал нестройно поддержал. Верзила начал дирижировать. Пьяная молодежь завелась.

Дело принимало неожиданный для Ткачука оборот. Хотя, может, это было и к лучшему...

«Друзья-офицеры» вопросительно смотрели на Петра. Тот заговорщицки подмигнул: «Наливай, ребята». Как ни в чем не бывало они чокнулись, с аппетитом стали закусывать. Подошел метрдотель.

— Не могли бы вы...

— Нет, — отрезал Ткачук, — пусть несут горячее.

В проходе виновато мялся швейцар. Наверное, ругал себя последними словами, что впустил нежелательных посетителей. А между тем публика не успокаивалась, хотя явно устала. Выкрики становились все более хриплыми. Притомился и дирижер, не зная, что делать дальше. Петр с любопытством ожидал продолжения. Наконец крики смолкли. «Запевала» слез с эстрады.

— Теперь наша очередь. — Петр встал и вальяжной походкой кавалериста направился к оркестру.

— Для моих друзей и подруг сейчас прозвучит моя любимая

песня, — торжественно провозгласил он в микрофон. — Маэстро, музыку!

Петр бодро запел сочным басом:

...И от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

Оркестранты в полном отупении взирали на певца. В зале воцарилась гробовая тишина. У швейцара отвалилась челюсть.

— Что же вы приуныли, мальчики? — повернулся к оркестру Ткачук.

Музыканты не шелохнулись. Петр не торопясь вынул из кармана брюк пистолет Макарова и наставил его на барабанщика. Тот, завороженно глядя на вороненый ствол, ударил в литавры.

— А вы что стесняетесь? — Ткачук повел дулом.

Оркестр неуверенно начал подбирать мелодию.

— Теперь подпевайте, — обратился Петр к залу. Он спустился с эстрады. Не спеша подошел к верзиле в свитере, убрал пистолет и со всей силой ударил его по лицу так, что тот отлетел на середину зала вместе со стулом. Это послужило сигналом для его спутников. Демонстрируя неплохую технику рукопашного боя, они начали крушить направо и налево. Кафе вмиг стало похоже на курятник, куда забрались лисы.

На прощание Ткачук апперкотом помог швейцару привести в нормальное состояние отвислую челюсть. За углом троицу ждал в «Жигулях» Костя.

Эдуард Эдуардович до слез смеялся, когда Ткачук докладывал о выполнении задания:

— А вы, Петр Васильевич, оказывается, артист. Прямо Бельмондо. С поручением справились блестяще. Будет большой шум.

Однако долго почивать на лаврах умелого провокатора Ткачуку его благодетель не дал. Вызвал для нового задания.

На сей раз пунктуального Померанцева пришлось подождать. Как объяснил его секретарь Вовчик, шеф поехал навестить могилу матери на местном кладбище. У Вовчика на столе грудой лежали газеты и журналы. Он усердно работал ножницами, раскладывая вырезки по многочисленным папкам.

— Это неинтересно, — сказал Вовчик и подал несколько журналов. — Полистайте вот это.

Ослепительные красотки на страницах прекрасно изданного «Плейбоя» могли взволновать кого угодно. Ткачук не стал травмировать себя понапрасну. А это что такое? «Эротикон». Какое убожество. И кто эту туфту покупает? Разве что дебилы. Снимки бледные, девицы — одна страшней другой. Где только таких берут? Наверное, своих же корреспонденток фотографируют.

Чтение «свободной» прессы было прервано появлением хозяина.

— Заждался, дружок, — ласково приветствовал он Петра. — Пойдем, потолкуем.

Инструктаж был коротким.

— Цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи, — подытожил Померанцев.

— Позвольте вопрос, — подал голос Ткачук.

— Слушаю, дорогой.

— Я никак не могу взять в толк: против кого мы воюем?

— Как говорит Вовчик, кто меньше знает, тот крепче спит. Мудрый у меня секретарь, не правда ли?

— Незнание закона не избавляет от ответственности, — также полусерьезно возразил Петр.

— Экий вы настырный, голубчик. Ну, ладно. Воюем, как вы изволили выразиться, мы не «против», а «за». За наше светлое будущее. Наше с вами.

Так и не уяснив ничего, Ткачук поехал домой собирать вещи. Ему предстояла недельная командировка в Курземе. Очень ответственное задание, как напутствовал его Померанцев.

В назначенное время к перекрестку подкатил «рафик» с зашторенными окнами салона. Из открытой дверцы высунулся мужик со шкиперской бородкой:

— Как быстрее проехать в аэропорт?

— Если подвезете к вантовому мосту, я покажу, — произнес условленную фразу Петр, посмеиваясь про себя над конспираторами.

Его спутники, а в машине сидели еще трое, оказались, однако, людьми серьезными. Едва миновали Калнциемс, как они завязали Ткачуку глаза черным платком... Происходящее с ним в последнее время казалось болезненной фантазией. Хотя вся жизнь в стране сейчас напоминает скорее бред сумасшедшего, чем нормальное человеческое существование.

Повязку ему сняли только в большом сыром помещении. В тусклом свете единственной лампочки он разглядел характерные зеленые ящики. По маркировке определил содержимое. Противотанковые и противопехотные мины, ручные гранаты, птурсы, взрывчатка. Вот тебе и бред!

— Сами отберете, что нужно для занятий, — сказал бородач. — Потом пообедаем и приступим.

Таких старательных учеников у Ткачука никогда не было. За время службы ему попадались разные солдаты: умные и тупицы, трудяги и лодыри. Но редко кто проявлял столько рвения к военной науке. Со стрелковым оружием курсанты неведомой

ему школы, судя по всему, мало-мальски знакомы. А подрывное дело, он убедился, было для них как темный лес. За неделю предстояло научить плечистых парней взрывать мосты и здания, пускать под откос поезда и автомобили, убирать неугодных.

Впечатлял и сам арсенал. Оружие и боевые средства, находившиеся на вооружении Советской Армии. Уже давно снятые с производства. Образцы заграничного производства. Откуда все? В каком количестве запасено? Для каких целей? Об этом оставалось только гадать.

Неужели маленькой мирной Латвии уготована судьба Ольстера или Ливана? Даже сейчас, когда Петру приоткрылся тайный покров, в такое трудно было поверить. Но разве в нем, Ткачуке, дело? Разве он разбудил потаенные вулканические силы? Его участие или неучастие в событиях разве что-нибудь существенно изменит?

С Ткачуком никто не вступал в посторонние разговоры. Жизнь обитателей тайного военного лагеря текла размеренно и спокойно. Все по звонку. Подъем, зарядка, завтрак, занятия, спорт. В какой-то момент Петру показалось, что он и не демобилизовывался.

Только однажды он стал свидетелем небольшого переполоха. По тревоге курсанты кинулись в лес ловить лазутчика. Из обрывков фраз он понял, что за лагерем установили наблюдение. То ли контрразведка округа, то ли КГБ. Потом прошел слух, что агента подослал Интерфронт. Все могло быть.

Ткачуку хотелось поскорее выбраться отсюда.

Избитый Игнатенко очнулся от холода. Начался дождь. Тяжелые капли отвесно падали на лицо, смывая кровь и смачивая запекшиеся губы. «Жив», — шевельнулась мысль. Виктор попробовал приподняться, с трудом соображая, где он и что с ним. А дождь лил все сильнее. Редкая листва осеннего леса не спасала от холодных струй. Его охватил озноб, противная дрожь пробежала по телу, и он почувствовал, как болит буквально все. Кряхтя и поскуливая, незадачливый ловец сенсации пополз на четвереньках к дороге, как мокрая побитая дворняга. Интересно, за кого бы его сейчас приняли повстречавшиеся волк или кабан? И тут он услышал хрюканье. «Все, крыша поехала», — констатировал Игнатенко, с трудом преодолевая придорожную канавку. Галлюцинация усиливалась. К хрюканью добавилось конское похрапывание и цокот копыт. Голос лешего обратился к окончательно сникшему искателю приключений:

— Глянь, Бригита, кто это на дорогу выполз?.. Эй, что случилось?

Вместо лешего Виктор увидел нахохлившегося возницу, лицо которого под капюшоном едва высвечивалось огоньком курительной трубки. Рядом угадывалась еще одна фигура под брезентовой накидкой.

В глаза Виктору ударил луч фонарика.

— Ты пьяный, что ли? — Мужчина не торопясь слез с телеги и склонился над ним.

Игнатенко лишь промычал в ответ.

— Совсем ослеп, старый. Не видишь, человек весь побитый. Давай его быстро в повозку... Да осторожнее, это тебе не мешок с картошкой... Ну, вот, а теперь накрой получше. Смотри, дрожит весь.

Ехали долго. И все время его спасители вели разговор об одном и том же. Вначале Виктор не вслушивался, но постепенно смысл беседы стал доходить до него и заинтересовал. Насколько Игнатенко мог понять, эта крестьянская чета обсуждала больной для многих сельских жителей вопрос: как делить землю? Они хотели бы получить в собственность надел, который семья старика обрабатывала еще до войны. Гектаров двадцать. Но на этот участок нашелся еще один претендент — наследник какого-то Лиепиньша, давным-давно уехавший в Америку. С тем Лиепиньшем, оказывается, они судились еще при Ульманисе. Теперь новые местные власти расстилаются перед богатым американцем, а от своих колхозников нос воротят. У стариков иногда даже голос срывался от обиды.

— Ты живой, парень? — обернулась женщина, поправляя на нем брезент. — Потерпи, скоро приедем.

— Спасибо, — поблагодарил Виктор, но вряд ли его мычание могли понять.

...Все было бы смешно, если бы не было так грустно, продолжал думать о своем Игнатенко. Какая к чертям демократия, если всю его семью лишат гражданства. Какое унижение! Словоблуды из НФЛ успокаивают: можно обойтись и без гражданства. Ну, экая, дескать, важность — не будешь участвовать в выборах. Врут и не краснеют. Рассчитано на дураков. И ежу понятно, что на работу, к примеру, станут брать в первую очередь тех, кто имеет гражданство. Образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение... Люди без гражданства и здесь будут последними в очереди, если их вообще в эту очередь пустят. Ну а получение жилья? Уже сейчас стараниями НФЛ жилищное строительство в Риге практически сошло на нет. Расчет прост. «Неполноценная» часть населения вынуждена будет уехать, освободив квартиры истинным гражданам республики. А к тем, которые не захотят освободить жилплощадь, при-

дут несговорчивые ребята, с какими он только что имел печальное знакомство.

Воображение нарисовало ужасающую картину. Бородатый вожак волчьей стаи из старого замка избивает дубинкой родителей Виктора. Вот упал отец, кровь заливает пол и брызжет на обои. Мать, растрепанная и заплаканная, пытается оградить отца от ударов. И тогда вся ярость, нечеловеческая злоба обрушиваются на нее. Виктор из последних сил отогнал страшное наваждение и забылся в полуобмороке, в полусне...

Дни в больнице тянулись медленно. Трижды приезжали мать с отцом. В последний раз с ними прикатила сестра. Проявил внимание и редактор. Когда Игнатенко рассказал ему обо всем, что видел, пришло облегчение, словно камень с души скатился. Конечно, Сергей Федорович не даст со слов Виктора информацию в газете, но хоть позвонит кому следует. И все же для верности, по свежим следам, пока не стерлись в памяти детали, Игнатенко решил писать свой репортаж прямо в больнице. Если не напечатают в родной газете, то отнесет в более смелую редакцию. Виктор был в хороших отношениях с редактором «Единства».

Приятным сюрпризом для попавшего в переделку молодого журналиста стало появление в палате юной русоволосой феи. Обалдел не только Виктор, но и оба его соседа-пенсионера, которые день и ночь резались в карты. Теперь все трое завороженно уставились на девушку. Она зарделась, но, преодолев смущение, обратилась к Виктору:

— Это вас подобрали дедушка и бабушка?

Игнатенко тоже почувствовал непонятную робость. И только кивнул головой.

— Вот, они просили передать.

Фея поставила на тумбочку рядом с кроватью корзинку, накрытую салфеткой.

— Пирожки еще теплые, попробуйте.

Пенсионеры захихикали.

Девушка смутилась еще больше:

— Нет, правда, попробуйте. Кроме бабушки, никто таких не печет.

У девушки было красивое имя Вия. Увы, она долго не задержалась. Виктор доковылял до окна. Вот девушка вышла из больницы и легкой походкой направилась к автобусной остановке. Из-за поворота вырулил мотоциклист в серебристом шлеме и, догнав Вию, затормозил. Девушка ловко оседлала заднее сиденье, обняла мотоциклиста за пояс, и «Ява» рванулась с места. Настроение у Виктора сразу испортилось. Он примостился у

тумбочки, раскрыл тетрадь и стал яростно выводить строчки своего репортажа века.

Едва Игнатенко углубился в работу, как его отвлек шум за окном. Что там такое? Пенсионеры тоже навалились на подоконник. По улице медленно ехал тяжелый автокран. За ним, как на демонстрации, с флагом и каким-то транспарантом шествовала роденькая, но шумная группа людей.

— Куда они? — полюбопытствовал Виктор.

— К исполкому, на площадь, — ответил один из соседей по палате. — Ленина ломать.

«Ильич, Ильич, попробовали бы они тебя при жизни сломать», — грустно подумал Игнатенко. Вспомнились слова философа: «Унижая кумира, толпа возвышает себя. Но она все равно остается толпой...»

За неделю Петр так и не сблизился ни с кем из обитателей замка. Знал только, что старшего, со шкиперской бородкой, зовут Мартином. Поэтому резкая перемена в отношении к нему в последний день удивила.

После утренних занятий Мартин зашел в комнатку с маленьким оконцем, которую отвели Петру. Он непринужденно сел на скрипучую табуретку. Закинул ногу на ногу в галифе и до блеска начищенных сапогах. Небрежным жестом выудил из широкой штанины массивный портсигар с готическими буквами на крышке. Ткачук чуть не рассмеялся. Уж больно картинным вышло это у вошедшего. Мартина, видно, мучила ностальгия по сороковым годам.

Впрочем, не он один такой. Сегодня ничего не стоит увидеть на улицах самые экзотичные фигуры. Скажем, поручика царской армии, казацкого есаула, еврея в феске и с пейсами, запорожца в необъятных шароварах. На этом фоне вылиняли и стали неприметными всякие там хиппи и панки, некогда шокировавшие общество. Теперь уже само общество шокирует их. Ткачук не находил в такой экстравагантности ничего предосудительного, лишь бы увлечение стариной напрасно не портило жизнь достопочтенным гражданам. Сам бы он с удовольствием посидел за чаркой в кругу лихих гусаров или в компании батьки Махно, к коему питал тайную симпатию. А вот с эсером Блюмкиным пить бы не стал. При мысли о выпивке Петр сглотнул слюну. Всю неделю его здесь поили только молоком, отчего с непривычки пучило живот.

— Надо бы отметить успешное завершение твоей командировки. Как, майор? — попал в точку Мартин. Он щелкнул себя по

горлу. Но и этот жест, отметил про себя Ткачук, был произведен слишком картинно. С чего бородач сегодня так раздухарился? За всю неделю, наверное, только три слова сказал.

— Наконец-то мужской разговор, — Петр вожделенно потер руки.

— Сейчас молодежь пообедает, а потом мы по-свойски посидим.

Мартин, так и не закурив, удалился.

После его визита Петр почувствовал неосознанное беспокойство. Радушие Мартина выглядело неискренним. С показным добродушием никак не вязался острый недобрый взгляд. С этим ухо надо держать востро.

В трапезной пировали вдвоем. Мартин щедро подливал жгучую жидкость. Петр тоже уважал спирт. Так сказать, за простоту и доходчивость. Прислуживала крупная, костистая девица с белой, не тронутой загаром кожей. Проворно подкладывая в тарелки крестьянскую снедь, она то и дело задевала бедрами мужчин, что вносило в разговор некий отвлекающий момент. Захмелевший Мартин первым не выдержал и с оттяжкой шлепнул деваху по корме. Та не осталась в долгу и огрела охальника полотенцем по плечу, отчего бородач поперхнулся и закашлялся.

— Деловой ты мужик, майор. Оставайся с нами, не будешь внакладе. Ты семейный?

— Бог миловал.

— Это как сказать. В нашем возрасте без женщин нельзя. Расма тебе нравится?.. Эй, Расма, иди сюда! Хочешь, за майора замуж выдадим? Смотри, какой видный мужчина. Дети у вас будут крепкие, хорошие из них солдаты получатся.

— Не солдаты, а офицеры, не ниже майора, — поправил Ткачук.

— Вам пора внуков нянчить, старые козлы, — огрызнулась Расма и, сграбастав со стола грязные тарелки, ушла на кухню.

— М-да... Не понимает своего счастья. Корова, — резюмировал Мартин. Он заговорщицки нагнулся к Петру. — Оставайся, майор. Скоро такие дела начнутся. Красную сволочь всю по столбам развешаем. Мыла, чтоб веревки намылить, хватит. Сами мыться не будем, а для святого дела не пожалеем. Отпрысков ихних тоже не пощадим. Всех под корень.

Старый вояка разошелся не на шутку. Он, как шашкой, смахнул со стола бутылку и свой стакан. На звон разбившейся бутылки выскочила Расма:

— Совсем одурели! Насвинячите, а я за вами убирай. Вот приедет Зигурд...

— Заткнись, дура, — свирепо шикнул на нее Мартин и с подозрением посмотрел на Петра.

Воцарилась неловкая тишина.

— Нет, Расма меня совсем не любит, — притворно вздохнул Петр. — Поеду-ка я лучше домой. Друг Мартин, где твой лимузин?

— Как знаешь, — с металлом в голосе произнес Мартин. Он уже не выглядел таким пьяным.

Ткачук покидал замок на том же «рафике» со шторками, что и приехал. Как и в тот раз, переднее сиденье занял Мартин. Петра посадили сзади в компании с тремя дюжими парнями. Не включая дальнего света, машина медленно катила по раскисшей от дождя лесной дороге.

— Ты, извини, майор, глаза опять придется завязать, — повернулся Мартин. — Береженого бог бережет.

— Насчет береженого это точно, — согласился Ткачук.

Сидящий рядом мордоворот вытащил знакомый уже черный платок.

— Поверни голову, — попросил он.

— Сейчас, — Петр неуклюже приподнялся с сиденья. Локоть оказался как раз напротив лица рыжего. Резким ударом прямо в переносицу Ткачук «вырубил» его. Перевалившись через обмякшее тело, распахнул дверцу и выбросился из машины прямо в жидкую грязь. «Рафик» проехал еще метров двадцать, прежде чем затормозил. За это время беглец вскочил на ноги и огромными прыжками понесся в чащу. Сзади захлопали выстрелы. Пули просвистели рядом.

Примерно так же он драпал от тигра под Уссурийском. Если уж от хозяина тайги ушел, то от этих шакалов подавно уйдет. Не сидеть же было с завязанными глазами и дожидаться, пока тебя по кумполу ударят. От кровожадного Мартина с его замашками палача всего можно ожидать. Жаль, не подвернулось случая смазать по его мерзкой роже.

Ткачук довольно быстро выбрался к железной дороге. Вдоль нее пошел к станции. Но сразу не сунулся к билетной кассе. Из-за кустов понаблюдал за перроном. И не напрасно. Из дверей вокзальчика вышли двое с черной овчаркой. «Так-так, — подумал Ткачук, — если ждут его, то дело поставлено солидно».

На перроне прибавлялось народу. Показался дизель-поезд. На удачу Петра к станции подкатил припоздавший автобус. Из дверей высыпала толпа пассажиров с сумками, корзинками, рюкзаками и, минуя кассу, ринулась к поезду. Петр вклинился в середину. Вот он уже и в вагоне. Из окна увидел, как те двое крутили головами, кого-то отыскивая. Когда «дизель» тронулся, на перроне, кроме них и собаки, никого больше не было. Значит,

все-таки ждали его. Серьезные ребята. Эти шлепнут и глазом не моргнут.

Не исключено, что наблюдение установлено и за его квартирой. Стало быть, надо искать пристанище. Соваться к Померанцеву тоже пока не стоило. Бог его знает, какие у шефа с этим шакальем отношения... Может, Эдуард Эдуардович продал его голову и забыл. Надо в спокойной обстановке все обмозговать.

Ничего лучше не придумал, как заявиться к давней знакомой Надечке Карп. Они расстались два года назад по совершенно неожиданной причине. Его подруга купила с рук «Запорожец». Вместе с машиной к ней в пользование перешел и бывший автовладелец, заняв место Петра. Ткачук не питал зла, достойная замена давно вертелась возле него.

Надежда была не одна.

— Мой муж Марк, — представила она молодого, хотя и слегка полысевшего человека в очках. — А это Петя, в хозторге работает... В чем проблемы, Петечка?

«Неисправима», — подумал Петр, а вслух сказал:

— Надежда Фоминична, у меня просьба маленькая. Нельзя ли на пару дней вашей верандой воспользоваться? По случаю купил паркет, а хранить негде.

— Ремонт затеял? — Наденька пристально посмотрела на Петра. — Уж не женился ли?

— Пол застелю паркетом и женюсь.

— Слышь, Марк, как люди женятся. А у нас линолеум пузырится.

Очкарик заерзал в кресле.

«А ведь она теперь доконает его моим паркетом», — пожалел Ткачук новоиспеченного супруга и невольно почувствовал себя виноватым.

В стогу было уютнее, чем на Надькиной даче. Неизвестно, как чувствовал бы себя паркет, но Петр всю ночь давал дуба в летнем домике. Нет, лучше уж отдаться на милость Эдуарду Эдуардовичу, чем загнуться здесь от воспаления легких...

— Объявился, проказник, — услышал он в трубке знакомое похохатывание. — Откуда звонишь? Я сейчас Костю подошлю.

Ткачук назвал место. Костя не заставил себя долго ждать. Они покружили на «Жигулях» по улицам Риги. На углу Авоту и Лачплеша в машину подсел Эдуард Эдуардович.

— Набедокурил, дружок, а мне расхлебывать, — укоризненно произнес Померанцев. — Ну да я не обижаюсь. Правда, из Латвии тебе придется на время исчезнуть. За недельку-другую попробую все уладить. Идет?

— Куда ж я денусь.

— Ну и молоток. Только без фокусов. Супермены лишь в кино бывают. Все мы из мяса и костей. А пульки мясо любят. Это я к слову. То, что парень ты не робкий, мне даже нравится. Но самодеятельность твоя... Вот тебе, Петр Васильевич, паспорт, денежек немного. И запоминай. В Минводах, в аэропорту, найдешь на автостоянке кремовую «Волгу» 32-14. В ней будут два джигита. Поступишь в их распоряжение. Понял?

— Так точно.

— И вот еще. Пока будешь на курорте, отпусти бородку, усики, прическу измени.

Костя высадил шефа у Лесного кладбища, рядом со старушками, которые торговали цветами, венками, хвойными ветками. Потом отвез Ткачука в аэропорт. По дороге Петр внимательно изучил свой паспорт: Янов Эдгар Петрович, уроженец Даугавпилса. Национальность белорус. Женат. Двое детей. И прописка есть. Когда же они успели запастись его фотографией? И фальшивый паспорт сварганить — время требуется. Значит, эта «командировка» готовилась заранее.

Белокрылый Ту-134 оторвался от латвийской земли и понес Петра в неизвестность.

Поселили Ткачука в домике на окраине районного центра, носящего имя лихого командарма времен гражданской войны. Как Петр узнал, до того городок назывался Святой Крест. Бархатный сезон одарил Ткачука ярким солнцем, ароматами винограда и дынь, жгучими взглядами южанок. Хозяин дома снимал первую пробу с молодого вина и пригласил Петра на подмогу. Красное вино пилось, как сок. Но когда он попытался подняться, то ноги не слушались. Щедрый винодел лукаво посмеивался в седые усы.

— Каково винцо! Так ты из Риги? Понятно из Литвы, значит.

— Из Латвии.

— Мне все едино. Когда мой батя у генерала Каледина служил, то крепко рубился он там с латышами. Вояки хорошие. Но не лучше, конечно, казаков.

Гордый потомок местного казачества притащил еще один кувшин. Петр выбросил белый флаг.

— Пойду, отец, вздремну. Устал с дороги.

Вечером, как условились, пришли его новые компаньоны. Отослав старика, развернули перед Петром план, нарисованный неопытной рукой.

— Смотри внимательно, дорогой. Вот здесь наших братьев держат. Все должен взорвать, только чтобы ни один волос с них не упал. Сделаешь так, как надо, миллионером будешь.

Из путаных объяснений, перемежаемых страстными возгласа-

ми и ужасными проклятиями, Петр уяснил, что схлестнулись две группировки — армянская и азербайджанская. Смешалось все: и борьба за сферы влияния, и национальная непримиримость, и темпераментный кавказский характер. Трудно было понять, где кончается уголовщина и начинается политика. Впрочем, разбираться в этом ему было некогда. Его задача очерчена четко — обеспечить освобождение заложников. Еще конкретнее — подготовить взрыв.

Ткачук, он же Янов, попросил на подготовку операции четыре дня. Нетерпеливые джигиты требовали ехать взрывать немедленно. С трудом удалось их переубедить.

Когда деловая часть переговоров закончилась, пригласили хозяина дома. Бодрый старик оказался не только прекрасным виноделом, но и искусным шашлычником. В открытую дверь пахнуло дымком от мангала и острым запахом приправ. Отчаянные ребята, которые, казалось, живут только одной мыслью — освободить несчастных товарищей, забыли про свои печали и с отменным аппетитом приступили к поглощению шашлыков. И понять их было можно. Петр невольно сравнил большие, ароматные, сочащиеся жиром куски баранины с той пародией на шашлыки, которыми торговали ушлые ребята в Межапарке или в Майори.

После обильного питья и еды его новые друзья сбросили прежнюю суровость. Один с довольным видом ковырял в зубах. Другой потребовал у старика циновку и улегся рядом с мангалом, прикурив сигарету от тлеющих углей.

— Как, мужики, мне вас величать-то? — спросил Петр.

— Зови его Карен, а меня Сурен, — лениво произнес возлежащий у мангала.

— А тебя мы знаем, Эдгар. Латыш?

— Наполовину.

— Мне Рига очень понравилась, — вступил в разговор Карен. — Было там одно дельце недавно.

— И какое, если не секрет? — чтобы поддержать беседу, спросил Петр.

— Грушами торговали, — засмеялся Карен. — Корреспондентика одного так угостили, что он подавился.

Ткачук вздрогнул, но не подал вида:

— Что, слишком горькие оказались?

Карен рассмеялся еще громче:

— Нет, репортеришка слишком прыткий был.

— Вы там, Эдгар, молодцы. Умно работаете. Раз, два — и власть взяли. Вот это я понимаю — Народный фронт. Нам против Москвы надо держаться вместе, — это уже Сурен перевел разговор на другую тему.

Петр словно кивнул головой.

— И девочки у вас высший класс. Кожа беленькая, приезжают, дурочки, к нам загорать. Лежат на пляже, аж дымятся. Подхожу, говорю, зачем, родные, такую красоту портите? Не понимают.

Упоминание о девочках возбудило горячих южан. Они обменялись фразами на своем языке, из чего Петр разобрал только «ахчик» — девушка. Это слово он в каком-то рижском кабаке уже слышал. А может, на базаре.

Карен сходил к машине и приволок пластмассовую канистру. Хозяин без слов наполнил ее вином. Провожая компанию, многозначительно подмигнул. Не смущаясь, что уже изрядно нагрузился, Карен сел за руль. «Не угробили бы меня», — подумал Петр. Такой бесславный конец отнюдь не входил в его планы. Водитель, казалось, потерял всякое представление о правилах дорожного движения. Но, к великому удивлению гостя Кавказа, они не сшибли ни одного столба и ловко въехали в узкий проулок, где благополучно застряли в куче песка.

— Вот и приехали, — торжественно объявил Карен, явно гордясь своим водительским мастерством.

К разочарованию Петра, его привели в гости к двум крашеным блондинкам. К матери и дочери, как выяснилось. Правда, называли они друг друга по именам. Поначалу трудно разобрать было, кто из них моложе. Женщины приняли гостей с распростертыми объятиями в прямом и переносном смысле. Карен и Сурен форсировали события, нетерпеливо наполняли стаканы и требовали, чтобы хозяйки пили до дна.

— Куда вы так спешите, мальчики? — кокетливо подзадоривали блондинки. — Что о нас подумает ваш друг.

Петр спросил у Карена прямо:

— А как же я, ведь их только две?

— Тебе что, мало? — удивился тот. — Этих на всех хватит. Еще и останется.

Глаза у парня горели, как угли в мангале.

Карен знал, что говорит. Под утро Петр вспомнил крылатое выражение знакомого капитана первого ранга: «За что я люблю групповой секс, так это за то, что там можно сачкануть». Улучив момент, Ткачук тихонько выскользнул в дверь и садами-огородами стал уходить подальше от чересчур гостеприимного дома. Удачно избежав встречи с огромной кавказской овчаркой в соседнем дворе, он достиг берега большого озера.

Купание в холодной воде вернуло его к действительности. И почему он не придушил самодовольных мафиози? Они оба заслужили. Одурев от винных паров и пылких объятий крашеных

блондинок, выболтали такое, что волосы встали дыбом. Сурен хвастался, как с дружками живьем замуровал в стену целую семью в Дагестане. Но с особым восторгом рассказывал, как рванули вагон поезда Москва — Баку. Ткачук припомнил, что об этой диверсии где-то читал.

Об убийстве журналиста в Риге было вскользь сказано всего несколько фраз. Этот эпизод, по их мнению, не заслуживал внимания — так, дружеская услуга. И получили-то за нее по десять кусков, один раз в кабак сходить. Петр осторожно попытался выведать, кто же заказчик. Но женщины все испортили. По сигналу Карена блондинки набросились на нового знакомого и под хохот джигитов стали срывать с него одежду. Потом тем более было не до разговоров.

На место будущей операции Ткачука возили трижды. Первый раз часа три он разглядывал с пригорка стоящий на отшибе и окруженный саманной стеной дом в бинокль. Прикидывая, где сподручнее заложить заряд. Дело осложняла свирепая собака, которая носилась по двору, таская за собой тяжелую цепь. На скамеечке возле дома непрерывно резались в карты два мужика. Скорее всего охранники. Какое-то шевеление уловил и в чердачном окне. Идеальная позиция для стрельбы.

На следующий день Петру выделили девицу и «Жигули» с московским номером. Он подъехал к дому, как заплутавший турист, и стал выспрашивать дорогу. Охранники встревожились, осмотрели машину. Не найдя ничего подозрительного и видя, что он не местный, послали непрошеных гостей подальше. Уезжая, Петр сделал вокруг дома большой вираж.

Взрывчатку к стене подложили средь бела дня. Ткачук закрепил ее в старой автопокрышке. Два шустрых пацаненка за пачку жвачки «Дональд» поиграли с колесом недалеко от дома, а потом бросили в указанном месте у стены. Приборчик дистанционного управления взрывом лежал у Ткачука в «дипломате» рядом с пистолетом, который он затребовал на всякий случай. В другие детали операции он не вникал, его задача — сделать пролом в стене, а заодно произвести «фейерверк» и устроить переполох.

Все шло по задуманному. После взрыва долго еще в горах гремело эхо. Охрана была полностью деморализована. Обезумевших, контуженных заложников покидали в автофургон и повезли в надежное место.

Петр с Кареном и Суреном вернулись на «базу», к гостеприимному продолжателю казацкого рода. Не преминули вспрыснуть удачный налет. О том, чтобы «озолотить» Ткачука, джигиты больше речь не заводили. Карен подбивал Петра еще где-то

что-то взорвать. Но тот сослался на строгие инструкции, данные ему в Риге. Пора возвращаться домой. Выросшую щетину, правда, с большой натяжкой можно было назвать бородой. Но внешность она уже несколько изменила. Так что пожелание Эдуарда Эдуардовича можно считать выполненным.

В аэропорт ехали на знакомой кремовой «Волге». Карен, как всегда, за рулем. Сурен дремал, развалясь на заднем сиденье. За окнами проносились давно убранные поля. В отдалении на холмах паслись отары овец. Ткачук вынул из кармана пистолет и с сожалением покрутил его в руках:

— Жаль, что не могу взять с собой. Полезная вещица. — Он оттянул затвор, как бы забавляясь. Не торопясь повернулся и выстрелил Сурену в лоб. Потрясенный Карен на мгновенье выпустил руль. Машина вильнула.

— Рули, сука, — Ткачук ткнул дулом в висок водителя.

— Не убивай, — взмолился тот.

— Сворачивай направо, — приказал Петр.

В ложбине, откуда было видно шоссе, они остановились.

— Как звали журналиста, которого ты убил в Риге? — сквозь зубы спросил Петр.

— Не знаю, мне его только показали.

— Кто показал?

— Не знаю...

— Кто?! — Ткачук ударил рукояткой пистолета по ненавистной роже.

Кровь тонкой струйкой потекла из разбитой губы трясущегося от страха мафиози.

— Короткая стрижка, похож на боксера. Здоровый такой. Как звать, клянусь мамой, не знаю... Не убивай!

Уж не Костик ли? Петр свирепо оскалился.

— Кто тебя свел с этим боксером?

— У нас в Риге свой человек.

— Имя! Адрес!

Карен назвал. Петр нажал на курок.

Москва встретила Померанцева не по-осеннему ярким солнцем. После пасмурной Риги это было приятным контрастом.

В фойе отеля «Космос» его ждал старый приятель по прозвищу Кабан. Впрочем, ничего кабаньего в его внешности не было — интеллигентнейший, образованнейший человек, большой знаток восточной литературы. Уголовная «кликуха» тянулась за ним из полублатной юности. Кабан давно уже не вступал в конфликт с законами. Более того, он сам сейчас вместе с други-

ми депутатами печет их как блины. Померанцев несколько раз видел старого дружка на главной трибуне страны. И даже он, кого трудно чем-либо удивить, поражался парадоксам нашего бытия. Кабан на фоне иных коллег по законотворческой деятельности выглядел, как Плевако среди домохозяек. О, времена, о, нравы!

На скорую руку позавтракали в ресторане. Карл Иванович вкратце изложил Померанцеву столичные сплетни. О шумной презентации нового отечественного суперэротического фильма, в котором любовь показана через восприятие девяностолетнего соратника Сталина. О пикантной болезни одного крупного деятеля. Об очередной заварушке на Красной площади.

— «Москва, Москва, как много в этом звуке...», — мечтательно прокомментировал Эдуард Эдуардович.

— Ты, Эдик, конечно, можешь смеяться. Но я тебе скажу откровенно: именно Москва становится сейчас центром делового мира. Не Нью-Йорк, не Токио, не Гонконг, а наша первопрестольная. Какие люди сейчас сюда приезжают! Какие перспективы открываются, если у тебя в голове хоть что-то есть.

— Не только в голове, но и в кошельке, — вставил Померанцев.

— И представь себе — никаких ограничений. Ни в чем! Такое западным бизнесменам и не снилось. Хочешь завтра в Лондон?

— Хочу, — скромно ответил Эдуард Эдуардович.

— Заметано. Тогда сегодня надо повертеться. Поехали.

«Волга» с водителем ожидала у подъезда.

— В банк, — скомандовал Карл Иванович.

Первая в этот приезд встреча с деловым миром столицы оставила у Померанцева приятное впечатление. Они быстро нашли общий язык с президентом нового коммерческого банка. Договорились, что Померанцев внесет свой скромный пай — пять миллионов рублей. За это ему гарантировано место в правлении и в случае надобности ссуды на льготных условиях. Эдуард Эдуардович поделился своими планами. Правительство Латвии выступает за частную собственность. Причем симпатии министров отнюдь не на стороне так называемых трудовых коллективов. Предприятия, земля, дома, рестораны, по всей видимости, будут распродаваться тем, кто сможет больше заплатить. Тут нельзя упустить своего шанса.

— Потребуется, конечно, валюта, — прощупал банкира Эдуард Эдуардович.

— Один из моих компаньонов держит офис в лондонском Сити, — уклончиво ответил отечественный представитель банковского капитала. — Карл Иванович обмолвился, что вы собирае-

тесь в Лондон. Очень удачно. Вас не затруднит передать небольшое письмецо?

Эдуард Эдуардович вновь подивился, как быстро здесь берут в оборот. Сам он любил озадачить своих подчиненных неожиданным поручением, да так, что нельзя отказаться. Теперь же, кажется, и его пытаются прибрать к рукам. Так уж устроен мир: всегда кто-то над кем-то. Но должна быть и вершина пирамиды. Померанцев аж зажмурился, представив себе манящие ослепительные высоты. Посмотреть бы оттуда на мир. Какими, наверное, блошками кажемся мы. Нет, он, Померанцев, не блоха. Насекомое покрупнее.

Разговор снова вернулся к делам прибалтийским.

— Как решается вопрос с гражданством? — поинтересовался собеседник, демонстрируя завидную осведомленность. — Удивляюсь вашим политикам. Голосуют за свободу предпринимательства и сами же хотят отсечь массу деловых людей. Разве не понимают, что это тоже капитал?

— Все не так просто. Деньги откроют дверь в любое гражданство. Наши власти предержащие уже потирают руки, прикидывая, какой куш сорвут с кандидата в граждане.

— О'кэй, — завершил официальную часть беседы президент банка. Миловидная секретарша с достоинством вкатила изящный, красиво сервированный столик.

Кофе оказался чудесным. Гурман Эдуард Эдуардович был не против еще одной чашечки. Но дело прежде всего. Они с Карлом Ивановичем уже опаздывали в большое собрание. Эта не афиширующая себя организация существовала не первый год. Но от жесткой конспирации отказалась только недавно, когда революционная перестройка вступила в фазу полного паралича власти. Всего масштаба деятельности Померанцев не знал, хотя чувствовал, что задействованы крупные фигуры. Поговаривали, что даже Сам имеет какое-то отношение к Большому собранию. Эдуард Эдуардович, правда, сомневался в этом.

На совещании Померанцев с московским приятелем прибыли минута в минуту. Доклад о текущем моменте делал представитель «Демократической ассоциации». Он обрисовал обстановку в стране как благоприятную для демократических сил. Деятельность центрального правительства парализована сепаратистами. Успешно ведется нейтрализация армии. Руководство МВД и КГБ уже не представляет опасности. Удалось на корню дискредитировать едва родившуюся Компартию России, подчинить себе органы власти в столице и крупных городах. Народ окончательно разуверился в утопических идеях социализма.

— Свободы, демократии, частной собственности — вот чего

хочет наш многострадальный народ! — патетически завершил речь бойкий оратор.

— Трудно сказать, чего на самом деле хочет народ, — признался Померанцеву координатор по Прибалтике со странной фамилией Пупс.

— А вот что мы хотим от вас. Первое. Уже сегодня мы могли бы взять власть. Но это невыгодно. Состояние хаоса и разброда нас вполне устраивает, и нужно продлить его как можно дольше. Второе. Используйте любые средства. В белых перчатках большую политику не делают. И без жертв, увы, не обойтись. Хирург не должен бояться крови.

— И трупов?

— И трупов. Третье. Надлежит за год-два полностью устранить Компартию. Это единственная политическая сила, которая реально противостоит нам. Как ни странно, здесь народ на нашей стороне. Задушим коммунистов руками самих рабочих и крестьян! Хорош лозунг, не правда ли?

Померанцев восхитился циничностью координатора «всея Прибалтики». Учтиво выслушав наставления, он испросил совета:

— Недавно поступил заказ... гм... выключить из игры лидера Компартии Латвии. Чересчур активный, у наших националов как бельмо на глазу.

— Действуйте по обстановке. Лучше без пальбы. Не стоит делать из коммунистов великомучеников. Ну, не мне вас учить, Эдуард Эдуардович... Теперь по поводу поездки на берега Темзы. Карл Иванович о командировке вам уже сказал?

— Да, в весьма своеобразной манере.

— Он у нас большой оригинал, — впервые улыбнулся Пупс. — Так вот, в отеле первого класса «Пиккадилли» заказан номер.

— А виза, заграничный паспорт, билет? На это нужно время.

— О чем вы? Все давно готово. Несколько дней в чужой стране под чужой фамилией. Вас не смущает?

Вопрос был риторическим. Координатор знал, что в течение своей бурной жизни Эдуард Эдуардович уже менял и имя, и фамилию.

Окончание на стр. 129

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ

ТОВАРИЩ

АЛЕКСАНДР НЕВЗОРОВ:
«НАС ТРУДНО ВЫШИБИТЬ ИЗ СЕДЛА»

МОЖЕТ ЛИ ЗЕМЛЯ РОССИЙСКАЯ ДАТЬ НОВОГО МЕНДЕЛЕЕВА?

Необычное событие послужило поводом для интервью нашего корреспондента Надежды Емельяновой, которое она взяла у председателя секции физики конференции «Феномен-91» к. т. н. Л. Н. Рыжкова. Событие это — награждение двух физиков, призеров этой конференции, премиями... Славянского фонда. Награждение состоялось в помещении издательства «Молодая гвардия» в присутствии представителей прессы.

Корр.: Леонид Николаевич, а почему Славянский фонд?

Л. Рыжков: Я не сторонник понятий: «национальная наука», «истинно германская физика» или предрассудков, что какая-то нация наиболее приспособлена к научной работе или руководящей деятельности. Славянский фонд выделил два действительно выдающихся достижения, которые мог бы премировать и ГКНТ, и Совмин, и президент Буш, будь это в США. Однако особенностью славянского взгляда на мир, как писал еще Грум-Гржимайло, всегда была способность увидеть проблему сверху, в единстве, способность к широким обобщениям. В данном случае это и произошло:

Г. И. Шипов создал общую теорию вакуума, а В. А. Бунин создал новую математику.

Нам долго твердили, что новое лежит на стыках наук. Это не так. Там объедки. Новое всегда видно при новой степени обобщения, при более всеобщем взгляде, когда разное становится частностями, на новой иерархической ступени познания. Более высокой.

Корр.: Стремление к Абсолютному Абсолюту? Постижение божественного порядка?

Л. Р.: И да, и нет. В науке похожие результаты дают и взгляды объективного идеалиста и объективного материалиста. У них разница поиска законов лишь в источнике единства. Бесплоден только субъективизм. И тот, и другой.

Корр.: Вы не преувеличиваете значение их работ? Не верится все-таки, чтобы столь значительные сдвиги в науке прошли незамеченными мимо АН СССР и совершенно вне прессы.

Л. Р.: О Г. Шипове за рубежом есть публикации, где прямо написано: «Ньютон, Эйнштейн энд Шипов». Причем в очень солидном межгосударственном журнале. В. А. Бунин тоже излагал свою точку зрения на конференциях в Лондоне и Будапеште. Там скорее всего его поняли лишь единицы.

Что же касается незамеченности, то это не совсем так. Свои работы по теории поля В. А. Бунин опубликовал вдали от бдительного ока

академической цензуры в 1965-м. А в 1985-м у нас и почти одновременно за рубежом, в США, появились эти уравнения с другим авторством и без ссылок.

Корр.: Неужели вульгарный плагиат? Кто это? Вы можете назвать их?

Л. Р.: Пожалуйста. В. А. Дубровский. Доклады Академии наук СССР, 1985, т. 282, № 1,— «Упругая модель физического вакуума. Представлено академиком Садовским». Не вызывает сомнений, это бунинские уравнения. А вот что касается плагиата, то тут сложнее. Доказывать это трудно. Валентин Алексеевич спрашивал авторов, и они сказали, что ничего не знали о его малодоступной читателю публикации. Но мне в это поверить трудно. Дело в том, что одна работа академика Садовского опубликована в том же малодоступном сборнике.

Корр.: А Г. Шипов?

Л. Р.: Когда Г. И. Шипов пришел к нам в «Инверсор» и посетовал, что академик В. А. Гинзбург дважды потерял его работу, мы сразу сказали, что это очень хороший признак и что она, по-видимому, тянет на Нобелевскую. Мы заслушали его и дали официальное заключение для ВНИИ ГПЭ (патентной экспертизы) об оформлении его работы в качестве открытия.

Корр.: А обязательно было давать статьи для опубликования В. Л. Гинзбургу?

Л. Р.: Да. По существующим правилам, работа в академические издания представляется академиком, отвечающим за проблему. Откройте «Доклады» Академии наук или что-либо подобное — сами увидите: «представлено академиком»... и т. д. Так что мимо не пройти.

Корр.: Может, этот порядок устарел?

Л. Р.: Нет, порядок представления правильный. Грамотная оценка и отсев нужны. Речь не о процедуре, а о злоупотреблении процедурой в интересах кланов, групп, даже в личных. Например, клан Ландау, захватив ведущие журналы, не пропускал совершенно работы ученых, группировавшихся вокруг Д. Иваненко. Большие трудности с опубликованием даже у академика А. Логунова и его школы.

Нужен строгий контроль, чтобы блюлись общенациональные, государственные интересы. Ведь народ, отрывая от себя деньги, купил им оборудование, чтобы было развитие, прогресс, а не для жирения кланов. Собственником академии является нация в целом. А собственник был оторван от контроля за своей собственностью. Вот и результат. Прогресс идет мимо. Трудами бескорыстных энтузиастов. Они еще есть. Есть И. Л. Герловин, сорок лет дожидавшийся признания. Многие его выводы перекликаются с шиповскими. Есть много талантливых людей даже в академических структурах. Но им не дают возможности проявить себя.

Корр.: И вы помогаете таким ученым получить признание?

Л. Р. Да. Наиболее смелые мысли у нас публикуются в Докладах «Инверсора», есть фонд новаторов, где каждый может опубликовать свою идею. Но не все идеи выгодно разглашать, поэтому мы давно уже задействовали и Банк идей. Есть уже результаты. Например, выступление Г. И. Шипова у нас и премирование сразу повлияло на его положение. Ему предлагают заманчивые должности. За право издать его доклад и книги сражаются лучшие издатели. Почуяли важное и за рубежом. Конференция состоялась в марте, а уже в мае Шипов начал получать лестные предложения.

Корр.: Может, сманят?

Л. Р.: Не думаю, Шипов — патриот. И потом Василий Белов прав: «Разве это мозги, если они текут?» И еще мне кажется, что бегут как раз

те, кто ради положения душил Шиповых здесь. Обидно еще и другое. Народ отрывал от себя кусок, их обучая, давал им хорошее образование. Были созданы все условия. Шахтеры живут в бараках, а сходите, посмотрите по институтам, какие условия у этих «текущих» мозгов»: мягкие кресла, аквариумы, персональные ЭВМ. Ведь можно было обучать Шиповых, а не это охвостье. Ведь они увозят туда образование как капитал. Это контрабанда ценностей за границу. Деньги должны быть возвращены народу. Я читал, что за год в Израиль уехало чуть ли не 300 врачей.

Корр.: Ну а если кратко, что же все-таки сделано Г. Шиповым?

Л. Р.: Создана общая теория физического вакуума — основной материальной среды всех взаимодействий. Если хотите — единая теория поля. Все существующие системы уравнений являются следствиями уравнений Г. И. Шипова и могут быть из них легко получены. Вносится ясность в основание механики. Например, если раньше считалось, что поступательная и вращательная формы движения всегда независимы, то теперь выясняется, что они связаны между собой.

Прогнозируются новые виды излучений. Г. И. Шипов считает, что подводится материальная база под многие явления: телепатию, информационные волны и т. д. Он говорит, что его уравнения — это мост между материальным и духовным. Даже между мировоззрениями Запада и Востока. Этого мало?

Корр.: Выходит, действительно, развитие идет мимо академических структур?

Л. Р.: Г. И. Шипов не выделяет себя из ортодоксальной науки. Речь идет о группировках, узурпировавших право говорить от имени науки. Если подразумевать это, то вы правы. Действительно, трудно ждать откровений от людей, считающих звание академика чуть ли не наследственным вечным титулом. Академик Гольданский («Известия АН СССР», № 7, 90) сравнивает академика с пуделем. Если уж ты академик, то академик навечно. Как пудель. Или — или. И право определять достигнутую пуделястость принадлежать должно, видимо, самому академику Гольданскому. За рубежом заявление академика Гольданского, потребовавшего для АН СССР право цензора на публикации, вызвало не меньшее удивление, чем зачисление В. Л. Гинзбургом депутата А. Денисова в список «врагов науки». Один американский журнал тут же одарил Виталия Лазаревича титулом «сталинист».

Корр.: А вы читали рецензию на книгу А. А. Денисова «Мифы теории относительности»? Там зачислили известного профессора не только во «враги», но и в «невежды», «некомпетентную безответственность» и чуть ли не в недоучки со школьной скамьи.

Л. Р.: Я не только читал, но и писал в «Успехи физических наук» статью-опровержение. Более того, народный депутат А. Денисов обратился в редакцию с настоятельной просьбой опубликовать мою статью как альтернативный ответ. Плюрализм-то у нас односторонний до уродства. Я получил ответ редакции, что публиковать не будут, «так как не хотят раздувать полемику». Дуэль не состоялась. Ответный выстрел отменяется. А. Денисову написали, что если уж ему очень хочется ответить, пусть присылает, но... не более странички!

Корр.: Так. Ничего себе обмен мнениями. После пушечного залпа по-моями ответный выстрел не должен превышать калибра «слону — дробинка».

Л. Р.: И все-таки перелом наступает. Успех В. А. Бунина и Г. И. Шипова не случаен. Будут у нас еще свои Менделеевы и Умовы. Посмотрим № 7 «Изобретателя-рационализатора» и «Технику — молодежи» за

прошлый год. Редактор А. Чуйко правильно пишет: «Никто не сумел воспользоваться нашим прямым приглашением «размазать О. Горожанина по стенке». Нет уже сил у бесплодной науки на открытый аргументированный ответ. Вышла книга И. Л. Герловина «Основы единой теории взаимодействий в веществе», а еще несколько лет назад два чл.-корра академии — Вайнштейн и Халатников — требовали у президента АН СССР книгу Ильи Львовича сжечь. Раздаются призывы начать беспощадную войну со «лженаукой», «охоту на ведьм» и сейчас. Не так давно тот же академик В. Л. Гинзбург разразился статьей, где объявил себя готовым к ассенизационным работам по расчистке нашей науки от ее врагов и лжеученых. Тут, разумеется, академик прав. Наша наука нуждается в услугах золотарной роты. Но вот роль командира этой роты я бы повременил резервировать за Виталием Лазаревичем. Плохо он разбирается в том, что есть что. Напутать может. После «потери» шиповских работ я ему не верю.

Корр.: Значит, по-вашему, время «охотников на ведьм» проходит?

Л. Р.: Охотников много, да народ уже не тот. Он хочет сам во всем разобраться. Без истерических верещаний кликуш и указываний перстом на «нечистую силу». Народ начинает сам творить свою историю и научную тоже. Будущее — за Г. Шиповым и В. Буниным! За теми, кто делает науку, а не ее видимость для своих титулов, чинов и благ родственникам и знакомым. Будут у нас еще новые Менделеевы. Я верю и знаю. Будут.

«ПИСЬМА «ТОВАРИЩУ»

ВОТ ТАК СМЕЛЬЧАК!

23 августа сего года в «Политическом дневнике «Известий»,— на первой полосе, там, где в былые, тоталитарные времена красовались ордена, подносимые генсеками известинцам, телекомментатор А. Бовин обращается к читателям с восклицанием: «Ведь это же факт, что министры струсили, испугались, позорно сдали власть хунте. Ведь это же факт, что Президиум Верховного Совета СССР столь же позорно фактически самоликвидировался и не сделал ни малейшей попытки противостоять путчистам».

Говорит это — журналист, который 19 августа удостоился чести расспрашивать членов ГКЧП на их пресс-конференции, которая шла в прямом эфире и на которой многие зарубежные журналисты не боялись задавать прямые, нелицеприятные вопросы. Но отчего же такой теперь бесстрашный А. Бовин не последовал их примеру, отчего же поосторожничал и «самоликвидировался»? Что же он не вспомнил слова своего любимого поэта Е. Евтушенко: «Хоть три минуты правды — пусть потом убьют!»?

Николай МИШИН,
Москва

ФОТОРЕПОРТАЖ С. РОСТЕГАЕВА

ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Течет на северо-востоке России река Сухона. Отражаются в воде восстановленные купола Великого Устюга, небольшого городка, давшего стране первопроходцев и философов, святых и просветителей. Прокопий Великоустюжский, Стефан — Епископ Пермский, Питирим Сорокин...

До чего же здесь тихо: на одной из центральных улиц, бывшей Успенской, посреди дороги стоят две кумушки с колясками и разговаривают. Хорошо им здесь стоять: машин как будто никогда и не было. Первое ощущение, что ничто в этом городе не двигается: дома, люди — все застыло. Впрочем, вот он — след перестройки: единственный кооперативный магазин с полупустыми полками.

В полуподвальных окнах висят берестяные бусы, на подоконнике разложены чайницы, шкатулки, солонки. Все из бересты. В комнате три очаровательные девушки прямо на глазах быстрыми пальцами сплетают эти удивительные вещи. А в маленьком магазинчике «Умелые руки» девушка-продавщица говорит, что сейчас сильно все подорожало, но за расписные кухонные доски, слабое подобие которых можно в обилии встретить на Арбате, называет столь маленькую цену, что даже неловко расплачиваться...

В окрестных деревнях — пусто. Редкая бабулька промелькнет, и опять полное безлюдье: горячая пора — и стар и млад — все на сенокосе. Выкашивается каждый клочок земли: у кого что — овцы, коровы, козы — северная зима длинная, а какая надежда на магазины?

Какой здесь воздух — одинокий трактор проскочит, и тот не успеет начадить.

На околице парень рубит дом не дом, баньку не баньку — оказывается, что-то вроде мастерской. И соседям в пример: чтоб видели, как можно жить, если дело по душе.

●

ПРИРОДА — НЕ МАСТЕРСКАЯ, А ХРАМ

Ученые составляют экологические прогнозы один тревожнее другого. Недавно появилось заключение о том, что жить нам осталось не более 40 лет. Насколько реальны такие предположения? — такой вопрос мы задали доктору экономических наук, профессору МИХАИЛУ ЯКОВЛЕВИЧУ ЛЕМЕШЕВУ.

— Сегодня стало расхожим понятие: хочешь хорошо жить — развивай экономику. Откровенное заблуждение. Ведь экономика — это прежде всего переработка природных ресурсов в потребительские блага для людей. Так что нельзя говорить об экономике в отрыве от экологии. Нельзя, чтобы рост благосостояния людей шел за счет их здоровья. Зачем мне, скажите, хорошая квартира, шикарный автомобиль, модная одежда, если я безнадежно болен? Зачем изобилие продуктов, если они губят и без того гибнущий организм? У нас же безоглядная погоня за валом, безалаберное отношение к природе, ее ресурсам привели к тому, что нация заболела.

Нынче каждый второй появляющийся на свет ребенок — больной. Это страшно! В зонах экологического бедствия, а такими мы покрываемся все больше и больше, умирает каждый третий родившийся. В Москве за последние два десятилетия продолжительность жизни сократилась на десять лет. Число детей, рождающихся боль-

ными, в полтора раза превышает средний уровень по стране. Если так пойдет дальше, если мы не изменим своего отношения к среде обитания, будем во имя материальных благ жертвовать благами природными, нам не уложиться в те сорок лет, о которых заговорили ученые.

— **Неужели все так безнадежно?**

— Не стоит упрощать. Но согласия природы и экономики надо искать. У нас же потребности в природных ресурсах сегодня явно не оправданы. Имея пять процентов от общего числа живущих на планете, мы выкачиваем 23 процента всего объема мировой добычи нефти, 43 процента природного газа. А возьмем центральную Черноземную зону России — наш главный сельскохозяйственный потенциал. Нитраты, нитриты, фосфаты, пестициды, гербициды — какой только дрянью не удобряем землю... Пашем, перепахиваем, а урожая нет. Потому что давно разрушили структуру почв. То же самое с лесами. Нам пытаются доказать, что вырубка и продажа за рубеж кругляка — это наше благосостояние, наш высокий уровень жизни. И рубим лес беспощадно. И совсем забыли, что лес — это хранитель вод, легкие земли. Строим плотины, перегораживаем реки, затопляя луга и пашни, лесные массивы, воздвигаем гиганты химии, металлургии, машиностроения, АЭС — и все это якобы во благо нашей счастливой жизни. Но что останется в наследство нашим потомкам? Спокон веков на Руси даже малограмотный мужик держал в голове: умирать собираешься, а жито сей.

Вспомните историю. Сколь проста была в России культура земледелия, без всей «химии». Самые лучшие в мире сорта пшеницы — российские твердые стекловидные. Кто получал «Гран-при» на международных выставках и ярмарках? Наши костромские и угличские сыровары, вологодские и сибирские маслоделы. Я уж не говорю о выделке льна, здесь с нами никто не мог конкурировать. Значит, можно было жить без химических удобрений, без пестицидов? Кстати, в ФРГ сегодня более 3,5 тысячи фермерских хозяйств вообще не используют минеральные удобрения.

— **А как вы прокомментируете утверждение, будто озоновые дыры — это не что иное, как пропагандистский трюк, направленный против крупных корпораций?**

— Я не технолог, поэтому моя точка зрения может быть субъективной. Знаю одно: в атмосферу выделяется очень много соединений хлора и фтора, которые, как известно, пагубно влияют на озоновый слой. Однако надо ждать катастрофу не с этой стороны. Куда важнее сегодня решить проблему загрязнения наших водоемов, подземных вод. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, 60 процентов заболеваний в мире происходит из-за плохого качества воды. Наша страна — в первых рядах ее загрязнителей. Но это не значит, что мы должны упускать из-под контроля атмосферу. Много ныне говорят о грядущем потеплении климата на планете, о так называемом «парниковом эффекте». Проблема, скажу, очень важная. Но кое-кто из наших министерских чинуш начинает спекулировать на этом. Возьмите, к примеру, атомщиков. Послушать их, выходит, что без нынешних АЭС нам никак не обойтись, мол, если будем рассчитывать только на тепловые электростанции, ускорим появление «парникового эффекта». И продолжается строительство АЭС. Будто нет у нас 5 миллионов человек, пораженных радиацией, будто не кочуют по госпиталям и больницам 600 тысяч со стронцием в крови. Это только от взрыва одного реактора!

— Однако, Михаил Яковлевич, без тепла, света, в конце концов, без комфорта и достатка как-то трудно представить нашу жизнь...

— Материальный достаток еще не обеспечит вашего благосостояния. Урбанизация начисто лишила нас, по-моему, такой категории нравственности, как духовность. Шелест листвы, белоствольe березовой рощи, трель соловья, журчание ручейка — какие рождают чувства! А что мы видим? Дымящие трубы над городом, грязные реки, нитраты в пище. Когда в восемьдесят пятом году началась перестройка, все думали, что она коснется мышления наших верхних эшелонов власти. Прошло шесть лет, и что же? Минводхоз, нанесший немалый вред земле, все так же продолжает осквернять ее. Только теперь под вывеской Минводстроя. Поменял название Минмедбиопром, травивший десятки лет народ, животных, окружающую среду своим печально известным БВК — белково-витаминным концентратом. Нынче он именуется Минмедпромом, а суть — та же. Строительство заводов по производству БВК все так же губит природу и человека. А дефицит лекарств, одноразовых шприцев, качественного медоборудования как был, так и остался. Вот вам классический пример движения к благосостоянию. И самое опасное: власти предержащие идут на поводу министерств и ведомств, разрушающих природу.

Как нам нужен Закон по ее охране! Не тот, проекты которого уже несколько лет обсуждают депутаты и комиссии Верховного Совета СССР, Госплан, Госкомитет по науке и технике, Госкомприрода и даже Академия наук и в которых всяк свой интерес блюдет, а тот, что содержал бы всего три правовых аспекта: понятие экологического преступления, ответственность и мера ответственности и, наконец, механизм реализации закона. Отсутствие такового и создает хозяйственную вакханалию в нашей стране.

— Сегодня не секрет, что Запад всегда зарился на наши природные богатства, видя в нас свой сырьевой придаток, мировую свалку. Нынешние «демократы», подразумевая возрождение России, говорят, что только помощь мирового цивилизованного сообщества могла бы реально изменить ситуацию в СССР, экономическую, конечно же.

— Мы уже знаем цену такой помощи. Что натворил только один небезызвестный Хаммер. Семьдесят лет он эксплуатировал и разрушал нашу страну. Сначала вывозил уникальные произведения искусства, затем наладил производство асбеста, погубив не одну человеческую жизнь, навредив природе, и, наконец, построил 10 аммиачных заводов-гигантов, от которых до сих пор мы терпим одни неприятности. Заработал на всем этом два десятка миллиардов долларов и обеспечил Америку аммиаком. Не все, наверное, знают, что в США законом запрещено строительство аммиачных заводов и производство этого опасного для жизни людей и природы продукта. Вот вам цена такого «альтруизма».

Во что выльются для нас строящиеся сегодня тем же Западом пять гигантских промышленных комплексов в Тюменской области, можно представить. В свое время великий Ломоносов говаривал: могущество российское будет прирастать Сибирью. А мы ее — на откуп, на разорение. До 2005 года наши «благодетели» будут качать тюменскую нефть и газ, а потом, как компенсацию, передадут нам эти комплексы. Чтоб, значит, мы повышали свое благосостояние. С устаревшей к тому времени технологией, на изношенном оборудовании. Такая вот, получается, перспектива радикальных изменений в экономике обещана нам Западом и иже с ним нашей властью. А может, хватит

нам этого «альтруизма»?! Может, достаточно нам катастроф в Чувашии, под Саратовом, Астраханью... Не верю я в добропорядочность бизнесмена, думающего только о прибыли. Не забывайте: то мировое сообщество, что готово помочь нам поднять жизненный уровень, до сих пор соблюдает эмбарго на экспорт прогрессивных технологий в нашу страну.

— Но ведь свои уже растут предприниматели. Грядет рынок, частная собственность, приватизация, фермерство...

— Я не отвергаю частную собственность. Считаю, в первую очередь ее место в сфере обслуживания. Могут быть, на мой взгляд, частными и малые предприятия. Но продавать под видом акционерных обществ крупные госпредприятия — не годится. Кто станет акционером, держателем основного пакета акций? Наши «теневики» или хаммеры? А уж против продажи земли я голосую однозначно. Вспомните, как говорили на Руси: мы люди царевы, а земля — Божья. То есть никто не имеет права торговать землей. Но вот давать ее в пользование с правом наследования, давать бесплатно, без выкупа тем, кто хочет на земле работать,— это естественно. Причем в нашей истории есть уже пример пользы от такой приватизации. Какой, скажем, колоссальный взлет сельского хозяйства был после Столыпинской реформы. Но, отдавая сегодня крестьянам землю, не обойтись нам без жесточайшего государственного и общественного контроля. Такую функцию в свое время в России выполнял Земельный банк. Он строго следил и за культурой землепользования, и за сохранностью посевных площадей, и за агротехникой. И уж, конечно, у крестьянина даже в мыслях не было, чтобы продать землю. Такого просто не могло быть.

Фермер, арендатор... Все чаще и чаще слышишь эти слова. А что предлагается им? Трактор К-700, который своими десятками тонн кромсает землю и на который «горючки» не напасешься? Его коллега за океаном таких проблем не знает. В США, например, ежегодно выпускается 700 тысяч садово-огородных тракторов разной мощности — от 3 лошадиных сил до 20.

Получится у нас с фермерством, не получится — одному Господу известно. А народ кормить надо. Получается так: нового еще не наработали, а от старого уже напрочь отказываемся. А зря. Есть все же у нас неплохие коллективные хозяйства. Недавно я был в одном из таких — колхозе «Ленинская искра». Это в Чувашии. Был в гостях у председателя Аркадия Айдака. Так вот, в этом колхозе уже десятки лет выращивают богатые урожаи, не применяя никакой химии. В колхозе агротехника на высоком уровне, порядок на земле, пашне, даже овраги все озеленили. А какие деревни, дома — многолюдные, добротные. Все выдержано в национальном стиле. Сказка, да и только. Значит, можно хорошо жить, славно трудиться. Это поистине экологически чистое хозяйство.

— Не является ли одной из причин наступившего экологического кризиса в стране наша бедность?

— Я бы по-другому расставил акценты. Наоборот, нашей бедности способствовало духовное оскудение. А духовная бедность ведет к бедности физической. Когда-то в старину хранили понятия «святой колодец», «святая роща», «святой источник». Разве кто-то смел плюнуть в колодец, испоганить источник, поднять топор на святую рощу? Загляните в сегодняшние колодцы — многие из них напоминают свалку. Надо вычистить эти колодцы. И, видимо, начать надо с себя.

Вел беседу Валерий КАЛЯСЬЕВ

ОХОТНИЧЬИМИ ТРОПАМИ

Когда в августе были в Озерном, Павел Колмаков пригласил на зимнюю охоту. «А то летом че в лесу не жить,— сказал усмешливо Павел,— а вот зимой переночевать под кедром, поморозиться,— это совсем другое дело. Так что приезжайте к началу ноября».

«Приезжайте» было сказано опять же шутки ради: до Озерного ни на чем не добраться, только на своих двоих. До Нового Васюгана — на «суперлайнере» Ан-2, который, прижимаясь к земле от низко стелющихся серо-черных туч, скупо посыпающих снежком, летит прямо над самыми верхушками кедров. Мелькают под крыльями тугие кольца свинцово-черных ручьев и речушек, белесо серебрятся забереги озер.

В Нововасюганском аэропорту с середины октября до самого ноября столпотворение: кажется, все мужское население с ружьями, рюкзаками, сворами лающих и рычащих собак кинулось в тайгу. О том, чтобы добраться вертолетом до Озерного, и речи вести не приходится. Надежда на свои ноги. И топать надо не по асфальту и не по лугу, а по кочкам, трясинам, через колодины и буреломы тридцать с гаком верст. Ружья нет, из «браконьерских снастей» только фотоаппарат и авторучка, да еще старая собака Дамка сопровождает в пути. Иногда неприятный холодок прокатывается по спине: а вдруг пересечет тропу косолапый хозяин тайги — мишка? Вон опробовал когти на кедре, ободрал кору,— даром что поблизости казахи строят автостраду. Тут и там встречаются затеси — это Ваня, сын Павла, летом, когда возвращались из Озерного, щедро поработал топором,— с дороги теперь не сбиться. Сочная багровеет в снегу брусника — сладкая, чуть с горчинкой, она свежит, и ноги сами собой ускоряют ход, уже не спотыкаясь на колодинах и кочках.

Вот и Озерное. Над домом Павла курчавится еле заметно тонкая струйка дыма, ветер доносит запах печеного хлеба. Значит, Клавдия Михайловна дома. Блаженствуешь в тепле, а хозяйка, уставшая от одиночества и обрадованная гостю, рассказывает:

— Годы идут, все тяжельше жить становится. Мои родители здесь родились, тут прожили, тут и померли. У отца я как сын была, он со мной не разлучался, везде с собой брал. Летом рыбалка, а зимой промышлял соболя, белку. А жили-то в балаганах — холодно! — а то и просто прямо у костра ночевали — это где ночь застанет. Да не просто сидишь ведь, а работаешь. И сварить себе и собакам надо, и белок ободрать, а их за день десятка два-три нащелкаешь, а то и побольше. Потом надо еще патроны снарядить, на белок их уходит много, а гильз дают мало, порой прямо на охоте заряжаешь, а белки так и прыгают над головой, посмеиваются. А раз как-то даже ружье потеряла. Я как раз патроны заряжала, а тут поблизости собака взлаяла на белку. Пришла, а ружья-то и нет! — оставила! — смеется.— Дай еще чайку налью, остыл, однако. Че воду жалеть-то? Так вот и жила... А ружье-то

кое-как нашла. С братьями вместе промышляла, покуда война не случилась. Александр погиб тама, а Емельян весь раненый пришел, он вскорости помер. Остался теперь один брат Петр Милимов, но он в Васюгане живет, наезжает сюда когда охотиться, когда рыбачить.

Павел с Ваней появились на следующий день. Наловили щук, язей. Обрадовались встрече, но чаевничать было некогда: сперва надо было разделать рыбу. На другой день мы с Ваней и с собаками спозаранок рванули в тайгу, прихватив рюкзаки с нехитрым харчем: солью, картошкой и хлебом.

Поднялись спозаранок: еще темень ночи густо стояла в оконце. Опять задымила «буржуйка», скоро закипело небогатое варево из рыбы для собак, которые в голодном и зябком нетерпении уже давно поскуливали за дверью. Пока пили чай, рассуждали, куда же теперь податься, чтобы наконец встретить лесного смышленого красавца соболя. Но, как часто бывает, путь-дорогу выбрали сами ноги.

Заслышав вдруг близкие выстрелы, заглянули в небольшой кедрач и вдруг нос к носу столкнулись с Афанасием Ивановичем Синарбиным. Я уже добрый десяток лет не встречался со старым охотником после того, как он перебрался жить из Волково в Айполово. У него против нас была богатая добыча — два соболя и с пяток белок: что значит старый промысловик! Афанасий тоже обрадовался встрече и пригласил нас к себе погостевать — его избушка была поблизости. Оказывается, охотился он не один — с сыном Серегой. Тот, парень уже самостоятельный, промышлял, успешно конкурируя с отцом.

Афанасий Иванович устроился на промысле основательно: есть даже бензопила. Ее-то мы с Серегой и подхватили и отправились пилить дрова.

Когда стемнело, поужинали, стали снимать шкурки, напяливать их на

пяла — рогулины и доски, а там снова доспел чайник. Опять потекли разговоры, воспоминания.

— Еще в 1939 году в Озерном была создана рыбартель имени Молотова. Тогда в поселке проживало 18 семей. На лошадях ездил на охоту, завозили в поселок продукты. Пока вода в Тух-Эмторе стояла большой, там ставили сети, и рыба ловилась хорошо. Зимой добывали рыбу запорами. Имели два магазина, школу, медпункт — чего бы не жить? А с 1963 года начали рушить Озерное, я так считаю. Люди разъезжались в Новый Васюган, в Айполово, а я отправился в Волково, которого теперь тоже уже нет. А когда и Волково разбежалось, я подался в Айполово, которое, видно, скоро тоже исчезнет. Куда теперь пойти? А пока вот охочусь в своем Ивановом урмане. Здесь еще мой отец промышлял, потому так и называется. Мы ведь всегда не только рыбачили и охотились, но и орех промышляли! По полторы тонны сдавали — чистого, сушеного. Управишься с орехом, а тут и белка поспела, соболек. Белки тьма водилась в урманах, в хороший год по восемьсот белок добывал. Пушнина тогда стоила очень мало, но кормиться-то надо было. У меня, сам знаешь, какая артель едоков была — семеро, сколько и у твоего батьки. А сейчас со мной живет один Серега, только он пошел по моим стопам. Ведь охотником в наше время быть нелегко. Это сегодня мне просто повезло, а так несколько дней одних только белок и встречал, да и то мало. Вот Серегу учу, заветные места показываю — ему тоже план надо делать. А я уж рядом с избушкой хожу, больше на кухне толкусь, где разве белку стрелю. Пенсии-то мне платят мало — всего 70 рубликов (до надбавки), не разживешься. Осенью клюквы 300 килограммов сдали. Прорва была грибов, но коопзверопромхоз их почему-то не принимает.— Печально вздыхает старый охотник, шуршит под нашими телами сухая лежалая трава, постреливает последними угольками печь, повизгивают от мороза собаки за стенами избушки.

Как и говорил Афанасий Иванович, промышляли мы в неудачных местах — болотистых, где водится только белка, а соболь любит гривы, возвышенности. Пробегали понапрасну день и уже затемно приплелись в Озерное. После лесных шатаний по тридцатиградусному морозу у Колмаковых показалось как в родном доме: теплом дышала печь, ярко светилась керосинка, лилась бодрая музыка из приемника, мама Клава пекла что-то вкусное.

На другой день Ваня отправился в Новый Васюган (ему уже надо было выходить на работу в геофизической экспедиции), а мы с отдохнувшим Павлом пошли промышлять соболя.

Далеко вперед умчались собаки, по их следам скрипит резиновыми броднями Павел, дальше тянусь я, тоже в броднях: болота еще не промерзли, если провалишься, ноги будут сухие, а это самое главное в таежных условиях. Часа через два глухо взлаяли в отдалении собаки. «Соболь!» — определил Павел по одному ему известным приметам и надбавил ходу. Бежим. Судя по лаю, собаки гонят соболя. Лай совсем рядом. Ломимся через чащобу, и тут случилось неожиданное: мое ружье цепляется за сучок, и гремит выстрел. Павел в изумлении останавливается, собаки вдруг неожиданно бросают соболя и окружают нас. Павел бранится, гонит их пинками назад. Наконец выбегаем на полянку. Собаки кружатся вокруг старой осины с обломанной грозой вершиной, заходятся в истошном лае. Но сперва мы обходим вокруг осины — не ушел ли соболь? Нет, следы ведут только на дерево. Там, наверху, виднеется небольшое отверстие, из которого выглядывает любопытная мордочка зверька. Павел вынимает топор из рюкзака и на-

чинает рубить осину, потом я сменяю его. Насилу валим ее, разгоняем обезумевших собак, чтобы не зашибить их. Павел подскакивает с ружьем на изготовку к отверстию, но зверек скрывается в дальнем конце угла. Определяем, куда идет дупло, и в метре от отверстия начинаем рубить новую дыру, потом еще одну, пониже. В отверстие видно, как мечется соболь по дуплу. Павел вставляет в дупло силок из ремешка и, изловчившись, ловит зверька.

Отдыхаем, сидя на осине. Павел снимает шкурку: если это не сделать сразу, то шкурка окровенит, да и зачем таскать лишнюю тяжесть — мясо соболье почти несъедобное, даже собаки его не любят.

У меня заканчивалась командировка, надо было как-то выбираться из тайги. Загрузили нарты пойманной рыбой и потащились в Озерное. И как всегда бывает, чуть ли не на каждом шагу попадались белки, собаки заливались без умолку. Павлу по плану надо сдать 250 зверьков. То и дело останавливались и стреляли. А потом неожиданно крупно подфартило: собаки загнали на пихточку матерого соболя. Оттуда он зло фыркал на разъяренных собак. Павел прицелился, грянул выстрел. Сквозь дым мы разглядели, как метнулись вперед собаки. Соболь оказался жив, он вцепился молоденькой сучке Пальме в губу, а Жучка, в свою очередь, схватила зверька за зад. Пальма жалобно скулила, ей было уже не до соболя, но тот не отпускал ее губы. Кое-как отобрали зверька. Пальма вконец разобиделась, села, облизывая кровь с губы. Последний вечер в Озерном, последние разговоры. Мама Клава собирает меня в дорогу — дает немного копченой сохатины, сушеную рыбу. Нынче у Павла молодые собаки на сохатого не идут, а как назло, охота на него хантам разрешена, и Павел досадует. Хозяева расстроены предстоящим расставанием: с гостем веселее. Играем в карты и лото — любимые развлечения стариков, слушаем транзистор. Павел вдруг вспоминает, как хотел некогда закрепиться в Новом Васюгане, работать в нефтеразведке, но не выдержал хлеба, консервов, водки, да и вольная душа запросилась в лес. Но теперь все чаще донимают хворости, видно, придется перебираться в поселок.

Утро. Чуть светится в оконце заря. Мама Клава щедро потчует на дорогу, выходит проводить на крыльцо. Павел провожает чуть дальше — до леса. Впереди тридцать верст по ставшей вновь близкой и родной тайге.

Г. ГОРЧАКОВ
Фото: Ю. ГОРЧАКОВА
Тух-Эмтор — С. Новый Васюган — Томск

КОНТРАСТЫ

АРБАТА

ФОТОРЕПОРТАЖ
С. РОСТЕГАЕВА

ФИРСЫЧ

Первым Георгиевским кавалером русской армии в первую мировую войну был казак Донского войска станицы Усть-Хоперской Козьма Фирсович Крючков.

М. Шолохов в первой книге «Тихого Дона» (часть третья, глава 8) подробно описывает схватку казачьего разъезда с немцами. В этом эпизоде автор создал художественный образ Крючкова. Подняв казаков в атаку, он в числе первых бесстрашно бросился в бой и увлек за собой однополчан.

Предлагаем рассказ одного из офицеров белой армии о дальнейшей судьбе К. Ф. Крючкова. Он был опубликован в 1926 году в эмигрантском журнале «Казачий путь».

«А ведь, пожалуй, Козьма Крючков задерет теперь нос кверху и никого не узнает... Разнуздается парень от славы своей» — в таком духе велся разговор среди офицеров нашего полка.

Этот разговор остался у меня в памяти. Ведь всего можно было ожидать. Козьму возили на показ, и особенно женскому полу хотелось взглянуть на этого сказочного героя... Вполне естественно, что от своего геройства можно было одуреть. Но Козьма Фирсович остался верен своим степным традициям: со скромностью не расстался, ничем не запятнав своего благородного подвига.

Несчастливо кончилась так счастливо начавшаяся европейская война. И не успел Крючков вздохнуть свободно от пережитых ужасов, как вспыхнула жестокая гражданская война.

«Садись, Фирсыч, опять на коня спасать родные степи от хулиганов» — так наказал старик отец своему сыну.

Значение Козьмы Крючкова в гражданской войне многосторонне. Тут нельзя ограничиться словами «храбрость и геройство» — этого мало. Ведь в это время казачья среда порядочно разнуздалась от революционного духа, и в момент, когда можно было покончить с красными одним прыжком, вдруг какой-нибудь мамунич предлагает поставить вопрос на обсуждение: наступать или не надо.

Мне пришлось бежать из станицы Усть-Медведицкой от царицынского отряда на первый день Пасхи 1918 года к восставшим усть-хоперцам. Прибыл в станицу. Майдан в разгаре. Увидели знакомые старики. «А почему вы без погон? Знать ничего не знаем, а чтобы ты, как офицер, должен приличествовать своему сану. Веди наших сыновей в окружную станицу, вычисти хамов».

«Ну,— думаю,— старики-то говорят так, а вот как-то фронтовики?» Выхожу из правления, стоит сотня казаков. Что-то с азартом обсуждают. Слышу: «Да оно бы поменьше старых дураков следовало бы слушать. А то раскудахтались больно здорово. Послать бы их на фронт, так были б им погоники». И сразу у меня пало настроение — старики-то останутся дома, а вот с этой-то братвой наступать страшновато. На первый раз мне удалось отбояриться от командования. Наконец договорились наступать. Проехали версту. Команда слезать и подтянуть подпруги. Слышу замечание: «Во-во... Опять старое... верста шагом... верста рысью, стой да подпруги подтяни». Какой-то всадник частенько проезжает по колонне взад и вперед, прислушивается. Поднялась буря с проливным дождем. «И куда это мы едем? Стой!»... Остановились. Остановились по предложению ночного митинговщика. Вдруг выскочил всадник и сразу же нежелающего — лязь плетью. «Ты что, митинговать?» — «Да я, Фирсыч, ничего, ты чего же обижаешься? Ехать так ехать...» «Рысью марш» — и колонна стройно двинулась в паре. Спрашиваю, кто это Фирсыч. Получаю ответ, что это — Козьма Крючков. И как-то отрадно стало на душе.

Усть-Медведицкая взята. Через две недели меня назначили командиром Усть-Хоперского полка. Бои идут с переменным успехом, но все же подвигаемся ближе к Саратовской губернии. Во что бы то ни стало нужно взять станцию Кумылгу. Начинаем наступать. Посылаю приказание идти в атаку. Полк продвигается слабо. Делаю последнюю пробу: бросаюсь в карьер вперед. И чудо. Полк ринулся за мной. Кричат: «Приказ Козьмы Крючкова — выручай командира!» Станция наша.

Вошли в степные хутора Скуришенской станции. Кроме баб и детей — никого.

«Где казаки?» Бабы отвечают, что мобилизовал Миронов, но пошли неохотно. Посылаю двух баб к мужьям объяснить, кто мы и зачем

пришли. Казачки идут да оглядываются. Вижу, что идут без охоты. Возвращаю назад. Спрашиваю: «Видели когда-нибудь Козьму Крючкова?» — «На портрете видели, а вот как бы на живого посмотреть, так тогда бы и мужьев перетянули». Вызываю Крючкова. Неописуемая радость на лицах. Сбежались все бабы. Затопили печи, и скоро куры были на столе, а казачки притянули ночью сотню скуришенцев... И много-много раз присутствие Козьмы Крючкова заставляло испуганное население проявлять свое хлебосольство и выручать полк от излишней голодовки. Достаточно было сказать: «Дедушки, бабушки, молодки, накормите казаков, а я вам покажу живого Крючкова» — и откуда что бралось, да и измученный народ сразу веселел. И все потому, что Козьма Крючков с ними.

Ночное нападение. Вхожу с Крючковым в хату, набитую красными. Режутся в карты. Подхожу к столу с револьвером. Кричу: «Перебор — ваших нет!»... Но когда один из красных узнал Крючкова, то с вытаращенными глазами полез под стол. Оказалось, что красный тоже георгиевский кавалер, был на царском смотру первых героев и еще тогда получил за свой длинный язык от Крючкова маленькую встрепку. Узнаю от красных, что комиссары пугали Крючковым и предупреждали ночью не спать.

Прошло в боях полгода, и за это время Козьма Фирсыч столько проявил мужества и храбрости, что невозможно перечислить. С каждым боем — новая черта храбрости, геройства и самоотверженности. Вызываю как-то к себе и передаю ему весть о предоставлении в офицеры. Благодарит, но просит не делать этого, «потому что «чернильный» офицер к офицерской среде не подойдет, а от своей братвы он не хочет отрываться, да и грамотный-то плохо!» Через месяц Козьма Крючков получает чин хорунжего. Страшно смущен. Получает отпуск, из которого возвращается преждевременно, «потому что стыдно в тылу».

В ночное время, да еще холодное, когда особенно тянет к теплой постели, когда изволь мерзнуть через красных и на душе у всех кошки скребут, Козьма Фирсыч частенько выручал своими остроумными рассказами из жизни староверов или из собственной жизни, как его, 13-летнего, женили на 15-летней, тоже староверке, оказавшейся, к несчастью, сильнее его. И смотришь, зимняя ночь прошла у костра под веселый разговор Крючкова — все забылись от мрачной действительности.

Когда отходили за Маныч и много казаков 1-го Донского округа скрывались, решив сдаться на милость красных, Козьма Крючков с честью выполнял щекотливые поручения — собирать малодушных и многих увлек за Маныч, чтобы потом снова ринуться в бой за казачью вольность.

Но вот снова двинулись вперед. Награбившись вволю, красные не выдерживают и беспорядочно отходят. Боже мой, какая великая радость обуяла всех нас при виде разлившегося на много верст зеркального Дона, освещенного ярким весенним солнцем, и уж никакая сила не могла удержать казака. Смотришь по сторонам, а казаки поснимали шапки и молятся Богу, что он, Великий Создатель, дал такую красоту беспредельной степи донской... Громкое «ура!» услышал наш Батюшка Дон и как будто все свои могучие силы передал в руки казака. Не выдержали красные и толпами ринулись в холодные волны. А не потерявшие рассудка сотнями бежали сдаваться. Пленные врачи мне потом рассказывали: «Когда нас захватили, то кое-кто из казаков собирал по повозкам разные мелочи. Вдруг слышим: «Козьма Крючков скачет!»

Ну, думаем, значит, конец пришел. И... Вместо расстрела крестит кое-кого из казаков плетью, быстро отогнал от нас... Некоторые из нас приготовили кошельки в подарок, а он как запустит по матушке по Волге: «Что же вы, сволочи, думаете, что и мы такие же продажные?» Как начал нас стыдить, так мы не знали, куда прятать глаза». И таких примеров было много. Не любил покойник чужого, хотя бы и взятого с боя.

Рейд за рейдом, и снова мы в Усть-Медведице. А там промелькнула Арчада. Взят Царицын. Радость, ликование повсюду. Но что-то стало с Крючковым. Разговорились по душам, говорит: «Не знаю, что-то не по себе, сердце болит, как будто чувствует беду». Поехал отдохнуть. Прошло три дня, смотрю — вернулся. «Что так рано, Фирсыч?» — «Болит сердце, приехал к вам, нигде не могу найти покоя». Боль и страдание Крючкова как-то передались и мне. А через день отвезли меня раненного. Жалко было расставаться с Фирсычем: видел, что смерть ходит за ним, а сделать ничего не мог. А через две недели прискакали казаки с печальной вестью о смерти Козьмы Фирсовича Крючкова.

Рассказали мне очевидцы о ней так.

Группа офицеров расположилась в крайней хате Островской станицы с тем, чтобы лучше наблюдать за красными. Медведица разделяла нас от нечисти. Со стороны красных сидит взвод пехоты с пулеметом и постреливает по станице. Раздосадованный Фирсыч, выругав красных от души, выскочил из хаты и бросился к полевому караулу, стоявшему в окопчике у моста через Медведицу. Красные опешили. Что за диво? Один человек бежит навстречу смерти. Подбежал к караулу и с криком «братцы, за мной!» ринулся на мост. Казаки, на бегу, просят Фирсыча вернуться назад. Красные стали удирать. Но когда казаки увидели перед собой больше сорока человек, то тоже поддались страху и остановились. Но Фирсычу было уже поздно. Использовав растерянность казаков, красный пулеметчик открыл огонь почти в упор. Три пули попали Фирсычу в живот, и через два часа, после страшных мучений, Фирсыча не стало.

Таков конец этого славного донского героя, который был не только достоянием Дона, но и всей России.

Вечная ему память».

* * *

Автор в конце своего рассказа оставил лишь инициалы: «А. Л.». Почему только инициалы? Видно, казакам и в зарубежье жизнь была небезопасна.

Подготовил к печати
Гр. РЫЧНЕВ
с. Вёшенская

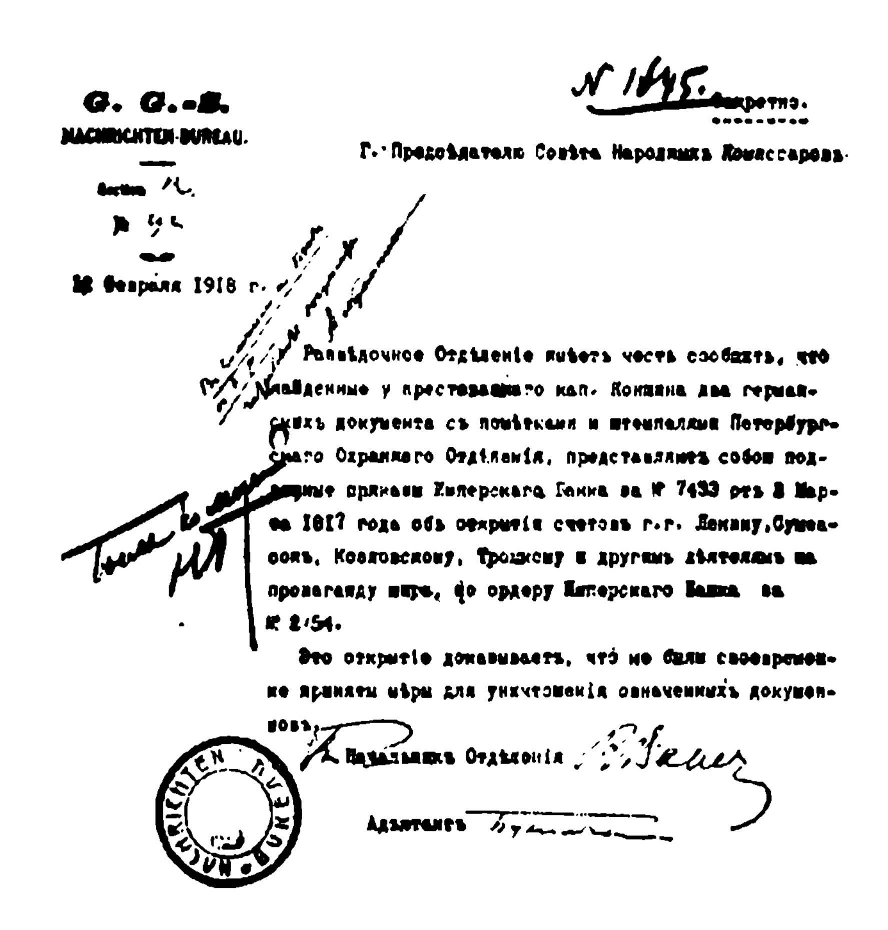
ХРОНИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЫ

Тема «германо-большевистского сговора» была в числе многих проблем, всплывших за последние годы из-под цензурных пломб. Новейшие исследования немецких историков в архивах германского МИДа (эти материалы просочились ныне и в советскую прессу) со всей очевидностью показали, что эта тема отнюдь не была досужей выдумкой правых публицистов России и Запада. Можно спорить о каналах передачи немецких денег большевистской партии в 1916—1917 годах, можно уточнять ее размеры (5, 10, 40 млн. марок)— это делали. Главное, что сам факт установлен. И к зловещим внутренним причинам смуты 1917 года можно добавить и эту — внешнюю.

История «таинственного альянса» Вильгельма и Ленина не ограничивается «интернациональной помощью» первого второму на «интернационалистскую» (т. е. пораженческую) пропаганду в России и также мало исследованным казусом с путешествием вождей русской революции в пломбированном вагоне через страну «доброго кайзера». Изданная в свое время в Париже С. П. Мельгуновым, а ныне перепечатанная «Нашим современником» секретная нота германского МИДа к А. А. Иоффе от 27.8.1918 г. не оставляет сомнений в дальнейшем успешном развитии этой тайной, но крепкой «дружбы». Обе стороны не только согласовали аннексию Германией обширных русских областей (плата большевиков за «братскую помощь»), но и полюбовно договорились о совместных действиях против зарождающегося русского патриотического белого движения.

Между тем на Западе давно издан ряд документов, детально характеризующих развитие этого «альянса» после октября 1917 года. Их опубликовал личный посланник президента США в Петрограде Эдгар Сиссон, прибывший осенью 1917 года в столицу слабеющего звена Антанты — с целью противодействия германским интригам. Когда грянул большевистский переворот, американскому разведчику пришлось бороться уже не просто с интригами, а с германскими шпионами, вскарабкавшимися на трон властителей России. Используя несовершенство охранительных служб новорожденной власти, еще не догадавшейся приставлять к каждому секретному пакету по пять чекистов с наганами, а также понятную человеческую страсть к деньгам, он сумел довольно глубоко заглянуть в недра «тайной дипломатии» большевиков. С помощью двух подкупленных им служащих Совнаркома

Сиссон регулярно получал опись входящей и исходящей корреспонденции Совнаркома, отбирал по ней наиболее интересные документы, копировал их и возвращал оригиналы в общие пакеты с документацией. Мало того, когда в марте 1918 года Советское правительство собралось переезжать в Москву, опять же с помощью нехитрого подкупа он заполучил и «насовсем» некоторые материалы, которые никто и не стал искать в суматохе переезда.

G. G.-S.
NACHRICHTEN-BUREAU.

№ 1445. Секретно.

12 Февраля 1918 г.

Г. Предсѣдателю Совѣта Народныхъ Комиссаровъ.

Разведочное Отдѣленіе имѣетъ честь сообщить, что найденные у арестованнаго кап. Коншина два германскихъ документа съ помѣтками и штемпелями Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, представляютъ собою подлинные приказы Имперскаго Банка за № 7433 отъ 2 Марта 1917 года объ открытіи счетовъ г.г. Ленину, Суменсону, Козловскому, Троцкому и другимъ дѣятелямъ на пропаганду мира, по ордеру Имперскаго Банка за № 2754.

Это открытіе доказываетъ, что не были своевременно приняты мѣры для уничтоженія означенныхъ документовъ.

Начальникъ Отдѣленія

Адъютантъ

Брошюра Сиссона, изданная по его возвращении в Штаты, включила в себя 53 документа с датировкой: октябрь 1917-го — март 1918 года, причем некоторые были изданы факсимильно. В основном это записки, адресованные в Совнарком из германской разведслужбы и генштаба за подписями их руководителей и офицеров-переводчиков. На записках — размашистые и убористые резолюции замнаркоминдела А. А. Иоффе, секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова, народного секретаря труда и промышленности Н. А. Скрыпника, принимавших эти немецкие записки-распоряжения к сведению и исполнению. Судя по этим ошеломляющим документам, «германские империалисты» фактически диктовали свою волю «правительству пролетарской диктатуры», касалось ли дело подавления патриотической пропаганды в остатках русской армии, необходимости обыска багажа итальянского посольства или снятия с поста начальника штаба неугодного немцам генерала М. Д. Бонч-Бруевича.

Однако бесценная по сути информация Сиссона, подхваченная поначалу рядом изданий, подверглась ожесточенным нападкам в левой и либеральной прессе Запада. Документы были во всеуслышание объявлены фальшивыми, хотя ряд видных экспертов утверждал их подлинность. В чем же было дело? Почему официальные круги Запада, еще недавно, казалось бы, так заинтересованные в изобличении «германо-большевистского заговора» для оправдания интервенции в России, отвернулись от документов, очевидно показывавших большевиков как ставленников Германии? С одной стороны, это объяснялось слишком шокирующей откровенностью документов, к кото-

рым Сиссон приложил еще 14 материалов, почерпнутых из русской антибольшевистской печати и посвященных финансовым взаимоотношениям Германии и русских социал-демократов в 1914—1917 годах. Из последних многие не внушали полного доверия, чем воспользовались как зацепкой, дабы объявить фальшивкой всю брошюру. Джон Рид обрушился в «Десяти днях» только на эту шаткую часть «пресловутых документов Сиссона», не рискуя говорить о послеоктябрьских материалах.

Но основная причина остракизма документов была не в этом. Брошюра Сиссона вышла в свет как раз накануне завершения мировой войны. С этого момента, как писал в своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович, представители союзных держав стали проявлять «весьма ограниченный интерес к поступкам Ленина и Троцкого» и не хотели, чтобы их «беспокоили разговорами о России». Признание же Советского правительства агентурой поверженной Германии давало лишний импульс призывам к продолжению активной интервенции с целью свержения большевиков, чего западные правительства как раз и не хотели. Им нужен был развал России, устроенный большевиками, а не ее возрождение.

Но документы Сиссона, продолжавшие, впрочем, цитироваться западными исследователями, наконец должны подвергнуться подробному анализу и у нас. Ведь действительная послеоктябрьская история, все более приоткрывающаяся нашему взору из недр спецхранов и архивов, очевидно подтверждает и горькую правду «германо-большевистского заговора». И книга Сиссона когда-нибудь с полным правом может быть названа бесстрастной «хроникой национальной измены».

Алексей ВИНОГРАДОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

ОТКРОВЕНИЯ «ПОБЕДИТЕЛЕЙ»

«Победоносное оружие США — гарантия мира!», «Торжество американской техники»...— так в прессе перестроя характеризовались американские противоракетные систем (ПРС) «Пэтриот». Этим самым бросалась тень на советскую ракетную технику и прежде всего на ракеты СКАД, которыми (и их китайскими, северокорейскими модификациями) оснащены вооруженные силы Ирака.

Однако американские специалисты не слишком высокого мнения о своих ПРС. Они считают, что стечение определенных обстоятельств и фактов помешало Ираку наносить эффективные ракетные удары по антииракской коалиции.

Через два месяца после «Бури в пустыне» в газете «Jhe Wall Street Journal» (16.04.1991) были рассмотрены итоги конфликта и соответственно эффективность СКАДов и ПРС «Пэтриот». Эта публикация обусловлена озабоченностью вашингтонских стратегов проблемами противоракетной обороны Израиля, Саудовской Аравии и других друзей США в регионе. В самом деле, оборонный комплекс Ирака уничтожить не удалось. Его ракетные системы в основном сохранены, научно-технический персонал военной промышленности этой страны продолжает соответствующие работы, в том числе по модификации ракетного оружия и противовоздушной защиты.

В вышеупомянутой публикации отмечается, что успешным действиям ПРС «Пэтриот» способствовали следующие факторы и обстоятельства: во-первых, неэффективное управление установками СКАД и недостаточная подготовленность их персонала к экстремальным условиям. Прежде всего речь идет об организованной НАТО радиоэлектронной блокаде радаров Ирака, которые, в свою очередь, тоже несовершенны. Во-вторых, погодные условия зимы — весны 1991 года негативно влияли на скорость полета и прицельность наведения СКАДов. Песчаные бури, сильные ветры и частая смена их направлений не способствовали эффективности иракских ракетных ударов. В-третьих — географический фактор. Войска антииракской коалиции и соответственно ПРС «Пэтриот» были сосредоточены у южных границ Ирака (т. е. в Саудовской Аравии, Катаре, ОАЭ и на Бахрейне), на военных кораблях в Персидском заливе и в Турецком Курдистане (юг и юго-восток Турции). Поэтому СКАДы и средства ПВО были рассредоточены по всей территории Ирака. Его ПВО и радарные системы, по американским оценкам, не были готовы к «тотальной» агрессии, что сказалось и на действиях иракских ракет.

Кроме того, чрезмерное воздействие солнечных лучей и значительный вес СКАДов также затрудняют их использование.

Эксперты США констатируют: «Если бы иракские специалисты не почивали на лаврах предыдущей войны (т. е. войны с Ираном в 1980—1988 гг.), они могли бы так усовершенствовать СКАДы, что ПРС «Пэтриот» была бы бесполезна».

Тем не менее точность иракских ракетных обстрелов Саудовской Аравии и Израиля оценивается Пентагоном в 20—25 процентов. Ущерб, понесенный «освободителями» на американской базе ВВС в Дахране (Саудовская Аравия) в результате точных попаданий СКАДов в ночное время, подтверждает невозможность системы «Пэтриот» противодействовать ракетам Ирака, особенно в вечерние и ночные часы. И все же, по признанию специалистов США, Вашингтон пока ничего иного не может предложить Израилю и аравийским монархиям, кроме ПРС «Пэтриот». Эр-Рияд уже закупил 28 ракет данного типа на общую сумму 600 тысяч долларов. Израиль же предпочитает разрабатывать собственные ПРС. Да поможет ему Пентагон!..

Как считают в США, СКАДы и их модификации (иракские, северокорейские) наиболее эффективны при попадании в крупные военные и гражданские объекты, прежде всего в наземные базы — сухопутные и военно-воздушные. Поэтому американцев пугает незащищенность нефтяных месторождений, нефтепроводов и портов на Ближнем и Среднем Востоке от ракет СКАД и им подобных.

Выше упоминавшаяся газета констатирует: «...Если бы Ирак разработал системы снятия радиоэлектронной блокады своих радаров и совершенствовал обеспечение своих ракетных и авиакомплексов

(т. е. военно-техническую инфраструктуру.— А. Б.), точность СКАДов была бы весьма высокой». Там же отмечается, что корпорация «Раутон» приступила к модернизации ПРС «Пэтриот» и это обходится в сотни миллионов долларов.

Уроки войны с Ираком внушают, как видно, беспокойство американским стратегам и, по их признанию, поучительны для всех, включая США и Ирак». С этим выводом нельзя не согласиться. Как и с утверждением, что «нынешнее американское «противоядие» СКАДам эффективно не навсегда».

А. БАЛИЕВ

РИТУАЛЬНЫЕ УБИЙСТВА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

«Вопрос о совершении в наше время ритуальных человеческих жертвоприношений, возникший в последние годы в связи с возросшим интересом к убийству Царской Семьи, во внецерковном сознании упирается в суггестивную магическую формулу: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Частые пропажи детей и обнаружение детских трупов, обескровленных и с характерными колотыми ранами в определенных частях тела — все эти загадочные случаи либо никак не объясняются, либо сводятся к личному садизму отдельного преступника. Ни следственные органы, ни «образованная» часть общества не желают видеть в этом множестве случаев какой бы то ни было с и с т е м ы, хотя существование скрытой организации признается за всеми остальными видами уголовных преступлений. Я так же, происходя из семьи современной и интеллигентной, до определенной поры любое упоминание о пропаже детей в связи с ритуальными убийствами (а на моей памяти сотни подобных разговоров) машинально сводил к разряду мифов и грубых суеверий, не догадываясь даже при том, что сам когда-то был жертвой ритуальных маньяков и чуть не погиб.

Наваждение с моего сознания сошло лишь вскоре после воцерковления, когда я несколько лет назад прочитал книгу известнейшего филолога и врача Владимира Даля, представляющую собой документальный обзор ритуальных убийств за несколько столетий. Как пелена спала с прошлого, с того момента я понял, что со мною случилось в детстве, когда мне было шесть лет.

Мое детство прошло в одном из среднеазиатских городов. Это случилось вечером 4 апреля 1964 года. Я пошел провожать свою бабушку к автобусной остановке. Она дала мне на прощание 15 копеек на мороженое и с полдороги велела возвращаться домой:

мы жили в квартале, застроенном типовыми пятиэтажками. Я уже почти подходил к своему подъезду, когда меня окликнул молодой человек, похожий на узбека: он попросил меня вместе с ним зайти в соседний дом и позвать своего приятеля, объясняя свою просьбу тем, что сам не хочет сталкиваться с его родителями. У меня всегда воспитывали осторожность в обращении с чужими людьми, поэтому я испытал сильное беспокойство и не хотел никуда идти. Я до сих пор помню это сильное волнение, тем более вид просящего совершенно не внушал мне доверия, но припоминаю и то, что неподалеку были какие-то взрослые люди, и их присутствие внушило мне некую успокоенность: не без колебаний я взялся выполнить просьбу незнакомца. Никогда прежде со мной такого не было, чужих боялся и убегал домой или под покровительство знакомых соседей. Ныне я убежден, что тогда я был подвергнут особому психологическому воздействию, подавившему мою волю, естественные и воспитанные защитные реакции. Через пустырь мы прошли к подъезду соседнего дома: когда мы туда вошли, я должен был позвонить в дверь на первом этаже, и я направился было к ней, но спутник схватил меня и, зажав рот, потащил в подвал. Я помню только то, как он со мной спускался по лестничному пролету, ведущему вниз. Дальше в памяти черный провал. Особенность моей нервной системы (наследственная особенность) в том, что я ни от боли, ни от дурноты не теряю сознания, не впадаю в обморочное состояние, беспамятство, поэтому этот провал в памяти я объясняю действием наркоза или какого-то специального приема. Очнулся я в кромешной темноте, испытывая тупую и режущую боль во всем теле, особенно в груди и животе. Лежал я среди какого-то хлама, выбравшись из которого я долго стучался и толкался в двери подвальных кладовок, пока не наткнулся на поддавшуюся дверь, ведущую к выходу из подвала. На улице меня очень испугал вид собственной крови: вся моя одежда была перемазана ею. Скуля от страха, боли и обиды, я перебрался кое-как через пустырь к своему дому. Люди подняли крик — какая-то женщина и мальчики постарше меня, но никто поначалу не решался подойти ко мне. Позднее — на суде, кажется, именно эти мальчики говорили, что видели, как меня некто завел в подъезд, и они, почуяв недоброе, пытались звать взрослых на помощь, чем помешали преступнику, но я почему-то не верю в их рассказ. В одиночку я добрался до своего подъезда, и мне, кажется, кто-то помог подняться на третий этаж или на руках донес до моей квартиры. Уже оттуда меня отвезли на «скорой» в больницу. Все это я хорошо помню до того момента, когда мне врач стал закрывать лицо маской наркоза, от эфирного духа которой я пытался уворачиваться. От наркоза я очнулся уже прооперированный и зашитый на следующий день. Спустя какое-то время после больницы отец водил меня к следователю, который очень по-доброму со мной обращался, показывал фотографии, на одной из которых я вроде бы кого-то узнал. Очень скоро — в конце мая или в июне — состоялся суд. Оказывается, числа девятого мая был пойман парень девятнадцати лет по кличке Беломор — полутатарин, полуузбек, работавший в коммунхозе, который обвинялся в покушении на жизнь нескольких мальчиков. После случаев покушения на жизнь детей и обнаружения одного детского трупа по городскому радио было объявлено о розыске преступника. Беломора поймали не милиционеры, а гражданские: в узбекском районе он пытался увести мальчика-узбека, и местные жители набросились на него.

Из тех дней я запомнил, что на улице у здания суда стояла громадная толпа узбеков, а неподалеку группа родственников подсудимого, которые приносили ему передачи. В суде я узнал, что один мальчик десяти-двенадцати лет был зверски убит. Его труп, начавший издавать запах, был найден в подвале детской поликлиники, заваленный досками и строительным мусором. На теле у него были многочисленные раны, он был скручен электропроводом, а в его горло была глубоко засунута бутылка из-под «Боржома».

(Занимаясь уже теперь исследованием случаев убийства детей, я обратил внимание, что случаи убийства и пропажи детей часто связаны с больницами и поликлиниками.)

Другая жертва — мальчик тех же лет — остался жив, он был весь исколот шилом.

Очень удивился подсудимый моим показаниям, как мне потом рассказывали, он был уверен, что меня нет в живых.

Остальное я «знал» из рассказов родных, которые меня убеждали, что этот Беломор связался с матерыми уголовниками и проиграл им свою жизнь в карты и, чтобы оплатить проигрыш, должен был убить нескольких мальчиков. Несколько месяцев после этого я испытывал панический страх перед улицей, даже боялся на балконе стоять — думал, что мне будут мстить за показания в суде, а тут родители вскоре меня «успокоили», сказав, что бандит уже расстрелян. В самом деле отцу моему уже в конце 1964 года сообщили, что смертный приговор Беломору приведен в исполнение. А много лет спустя отец мне рассказывал, что никаких карточных игр и матерых уголовников не было, но вот следователь, который вел дело — добродушный, задумчивый русский парень, вскоре после случившегося покончил с собой, выбросившись из окна своего кабинета. Отцу рассказывали, что он был сильно подавлен этим делом, к тому же будто бы в семье у него начались нелады, он запил и с отчаянья решился расстаться с жизнью, оставив сиротами своих детей.

С той поры прошло двадцать лет, и мне попалась книга В. Даля, о которой уже здесь шла речь. На следующий день после ее прочтения я приступил с расспросами к своему отцу. Первым делом я спросил (прежде у меня и мысли такой не возникало): был ли Беломор сексуальным извращенцем? Оказалось, что на суде такой вопрос поднимался, но этот мотив преступления был отвергнут тщательным разбирательством. Но если следствие установило, что это не было причиной зверства, если подсудимый был психически вменяемый (ведь его расстреляли, а не направили в спецпсихбольницу), то тогда что толкнуло его на преступление? Я прямо высказал отцу свои подозрения, возникшие после чтения книги В. Даля: время перед Пасхой, колотые раны у всех жертв, большая кровопотеря, заткнутое горло убитого мальчика, невероятно спешное приведение приговора в исполнение (тут отец заметил, что сам считает — Беломора просто убили в тюрьме, по времени никак не выходило, чтобы вся процедура исполнения смертного приговора была совершена менее чем за год) и, наконец, загадочная гибель следователя. Может быть, это ритуальное преступление? Может быть, преступник и не был сам убийцей, а только кому-то помогал вылавливать будущие жертвы? Отец уклонился от прямого ответа, но при этом рассказал следующее. На суде среди вещественных доказательств фигурировал маленький чемоданчик с инструментами, похожими на медицинские. Кроме того, в самом начале судебного разбирательства Беломор вдруг заявил, что его наняли на это дело бухарские

евреи. Это дошло до толпы, стоявшей у здания суда, и в тот же день в районе, где проживали бухарские евреи, узбеки устроили настоящий погром. На следующий день адвокат Беломора — сам по национальности еврей — заявил, что это он научил подсудимого так сказать, чтобы суд счел его сумасшедшим и смягчил наказание. После этого вопрос о ритуальном преступлении больше на суде, естественно, не поднимался, как «абсурдный» и чреватый большим погромом.

Достаточно хорошо известно, что умелая манипуляция мировым общественным мнением привела к тому, что всякое следственное и судебное разбирательство аналогичных преступлений сводится к индивидуальному садизму преступника. Началось это с дела об убийстве Андрея Ющинского весною 1911 года в Киеве. После двух с половиной лет следствия суд присяжных, оправдавший за недостатком улик Бейлиса, тем не менее подтвердил, что было совершено изуверское ритуальное убийство. Шум, поднятый по этому поводу прессой, не утихает до сих пор; и в общественном сознании

Андрюша Ющинский в гробу. На голове — следы от уколов.

укоренилось ложное мнение, что суд не только оправдал Бейлиса, но и полностью опроверг «кровавый навет», хотя на самом деле этого не было и в помине.

Я далек от того, чтобы, повторяя в утвердительном либо отрицательном смысле эти слова о кровавом навете, тем самым возводить кровь невинных жертв на весь еврейский народ. Убийство детей есть дело отдельных изуверов. В связи с этим я отвергаю и любые обвинения в антисемитизме, которые неизбежно навешиваются на каждого, кто смеет коснуться тайн кровавого ритуала. Пусть те, кто захочет назвать обличение ритуальных убийств антисемитизмом, знают, что первыми в России обличителями ритуальных убийств, совершаемых в изуверной еврейской среде, являлись сами же евреи, восставшие на творимое их единоплеменниками зло. Без их разоб-

лачений мало что знали бы мы и сейчас о жуткой и страшной тайне кровавого ритуала. Их имена — бывший раввин Серафинович, монах Неофит и старец Почаевской Лавры архимандрит о. Автоном (оба евреи по крови, один, написавший книгу с обличением изуверного обычая, другой — лично выступивший с таким обличением на процессе по делу Бейлиса). И сегодня, я уверен, найдутся такие евреи, о которых скажу словами Господа: «Вот израильтяне, в которых нет льсти» и которые из страха, выгоды и человекоугодия не отрекутся от истины.

После знаменательного разговора с отцом я прочитал множество книг и статей, просмотрел все места в Ветхом и Новом Завете, касающиеся тайн крови и ритуальных человеческих жертвоприношений, постоянно слежу за случаями пропажи и убийства детей, собирая сообщения в печати, по радио и телевидению, расспрашивая хотя бы косвенных свидетелей таких происшествий. На основании этого считаю, что ритуальные убийства в современной России есть, что со времени убийства Андрея Ющинского они не то чтобы прекратились, но напротив — их число многократно возросло: ежегодно они совершаются сотнями, а то и тысячами, но информация о них тщательно засекречивается. Причем стена молчания вокруг этого вопроса была возведена и сохраняется не только исполнителями и соучастниками кровавого ритуала, но и органами милиции: их сотрудникам запрещено даже заикаться об этом, и наказание в случае нарушения запрета — не служебное взыскание, а «случайная» смерть, тем более работа сотрудника органов внутренних дел дает массу поводов для такого исхода. Разобщенные люди при такой неотвратимости «наказания», а точнее мести, боятся даже касаться этого вопроса, доверяя истину лишь самым близким и верным людям, погружая и их в пучину страха.

Сейчас уже в открытую говорят о зверствах иудаизированной «чека» (по-еврейски «чека»— бойня для ритуального заклания скота и приравненных к скотам «гоев», «акумов»). Отходит кровавое заклятие, господствовавшее над этой тайной. Но должно настать и время, когда мы сумеем преодолеть цепенящий страх и узнать о неописуемых страданиях детей, которых мучительно убивают в наше время, причем нередко изуверы растягивают эти мучения на несколько дней.

Пусть весь «цивилизованный» мир трясется «страха иудейска ради», но иное должно быть в России, не забывшей не только заповедей Христа Спасителя, но и Его спасительные страдания, как и страдания всех пострадавших за Него. Русские люди! Довольно бояться думать и открыто говорить! Осеним себя знамением Креста, перебарывая наважденные на нас страхи!

Я считаю, что необходимо предать широкой огласке всю статистику по преступлениям против детей, непредвзято исследовать наиболее загадочные случаи, похожие на те, что описаны в книгах Буткевича, Пранайтиса, Даля, Бутми и множестве других исторических источников. Всякое сокрытие и умалчивание подлинных фактов, имеющих отношение к ритуальным преступлениям, есть прямая сопричастность этим преступлениям, есть соучастие с мучителями детей. Преодоление же предательского страха и открытое обличение есть сопричастность мученикам. Храни всех Господь и Пресвятая Богородица.

Москва, 19 октября 1990 года.

Л. Б.».

ФАКТ И КОММЕНТАРИЙ

ОБРАЩЕНИЕ

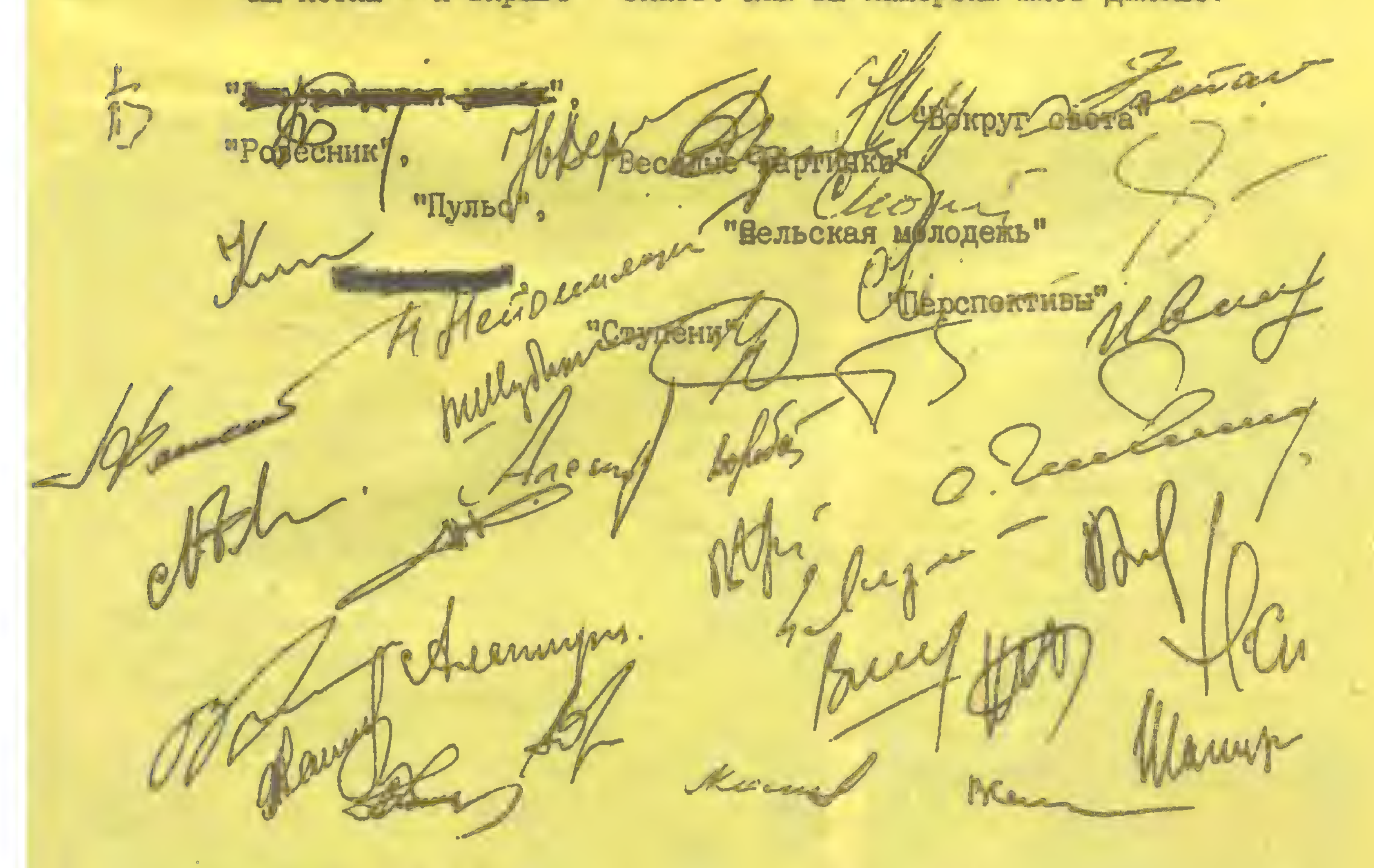
к редакции журнала "Молодая гвардия",
к редколлегии журнала "Молодая гвардия"

Коллеги!

Вы прекрасно понимаете, что цели и задачи, обнародованные 19-20 августа организаторами государственного переворота, полностью совпали с "генеральной линией", которую на протяжении последних шести лет из номера в номер проводило руководство вашего журнала, сея национальную рознь и подстрекая к массированной атаке на демократию. Не надо быть ни философом, ни лингвистом, чтобы обнаружить идейные и даже лексические соответствия ряда публикаций "Молодой гвардии" документам, опубликованным т.н. ГКЧП и устным высказываниям "членов" этого "органа". Понимате вы и то, что дальнейшее пребывание под одной крышей с подобным изданием для нас этически невозможно.

Мы призываем вас отстранить от работы руководство вашего журнала и его редколлегию, дать моральную оценку деятельности всех и каждого сотрудника редакции, которых, конечно, "учили одинаково", но ведь были, вы знаете, и "первые ученики".

Мы хотим - и вправе - знать: как вы намерены жить дальше?

ОТ РЕДАКЦИИ «МГ». Вот такой политический донос совершили наши доморощенные, то есть внутрииздательские, стукачи. Если нам удастся расшифровать фамилии, «украсившие» сию листовку, то мы войдем с ходатайством в руководство партии «Демократическая Россия» премировать каждого стукача в размере 30 сребреников.

ПОПКОВСКИЕ ПРЕМИИ

Живописец Виктор Ефимович Попков, так много сделавший для развития национальной живописной школы, трагически погиб в 1974 году.

В память о художнике образован общественный комитет «Попковские премии», в состав которого вошли народный художник РСФСР Н. Соломин, являющийся его председателем, и члены комитета: В. Гераскевич, А. Китаев, Н. Желтушко и С. Шаповалов. Основной своей задачей комитет ставит поиск и поддержание малоизвестных и неизвестных талантливых художников самых разных направлений, своим искусством способствующих духовно-нравственному обогащению народа, что органически вписывается и в отношение В. Е. Попкова к непризнанным талантам.

Организаторы комитета в своей деятельности рассчитывают на бескорыстную помощь русских людей, испытывающих тревогу за состояние и судьбу отечественной культуры, ибо сейчас ей, как никогда прежде, нужны сильные поддерживающие руки.

На выставке, проходившей весной этого года в городе Мытищи, было много интересных работ. Мы представляем читателям две работы В. Е. Попкова и работу одной из участниц конкурса — О. Г. Домбровской «Женщина с яблоками».

Евгений ЕЛЬКИН, Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

ДРУГИЕ ПОЙМУТ ПОТОМ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Окончание. Начало на стр. 49

Померанцеву предстояло встретиться с одним из функционеров известной международной террористической организации, действующей на всех континентах, исключая Антарктиду. Теперь, когда Союз стремительными темпами превращается в открытое общество, представляется целесообразным оговорить сферы влияния во избежание недоразумений. Разумеется, в Лондоне должен состояться первый, предварительный контакт. Соглашение, в какой уж оно там форме будет, заключат другие, те, что ближе к вершине пирамиды.

За неделю, проведенную в Лондоне, Эдуард Эдуардович изрядно вымотался. Смог перевести дух только в последний день. Пупс будет доволен результатами переговоров с возможными партнерами. Не забыл он выполнить и поручение президента коммерческого банка. Британский компаньон принял радушно. Ленч в фешенебельном гольф-клубе, партия в бридж, посещение концерта симфонической музыки — все это как бы говорило: вот она, жизнь, достойная незаурядного человека. Вороны на стенах древнего Тауэра согласно преданию символизировали незыблемость Британии...

Общипанные московские голуби на загаженных карнизах облупленных зданий нахохлились под дождем с мокрым снегом. Едва Померанцев вошел в оставленный за ним номер гостиницы, как затрезвонил телефон. Взволнованный Костя сообщил открытым текстом:

— Вовчик убит. Контору сожгли.

Мартин Гринберг любовно расчесал свою шкиперскую бороду, выдавил маленький прыщик на верхней губе, поправил френч. Полувоенная одежда ладно сидела на поджарой фигуре. Как в

свое время на отце. Его фотографию в эсэсовском мундире Мартин всегда носил с собой в кармане. Даже в те времена, когда подобные сыновние чувства могли серьезно осложнить жизнь, Гринберги никогда ни перед кем не пресмыкались! Служили — да. Но в любых обстоятельствах не забывали об интересах отечества.

Гринберг редко бывал в своей городской квартире. В Риге среди толп приезжих нахлебников он задыхался. Иное дело в лесном замке. Там он дышал запахом родной земли, предавался прекрасным мечтам о свободной Латвии. Как он во главе батальона, нет — полка, войдет с боями в столицу. Женщины будут бросать ему цветы, прослезятся от счастья старики. И на коммунистов и кангаров столбов хватит. Ах, с каким бы удовольствием он самолично накинул бы петлю на шею Рубиксу! Как говорил доктор Геббельс, идти по трупам неудобно, но мягко.

А что делать с этими, в Верховном Совете? С Горбуновым, Даудищем, Чепанисом? С другими? Всю жизнь служили оккупационному режиму, лизали задницу Москве, посылали кремлевским маразматикам приветственные письма. А теперь снова вещают от имени народа. Да что они знают о народе? О боли матери-Латвии? Пинком под зад всех болтунов и либералов!

Сегодня в Ригу его привело не желание проведать брошенную на произвол судьбы квартиру на улице Матиса... Зигурд велел оставить майора в покое. Черта с два. Он, Гринберг, должен рассчитаться за унижение. Чтоб другим неповадно было. Петерис и Алдис, славные ребята, уже третий день рыскают по Риге в поисках сбежавшего сапера. Но тот как в воду канул. Ничего, все равно не уйдет. А для службы безопасности их организации это станет хорошей тренировкой.

И, конечно же, Гринберг включил майора в список № 1. О таких списках слухи ходят давно. Первый список — это те, кто подлежит немедленному уничтожению в критической ситуации. Список № 2 — арест, № 3 — депортация в 24 часа.

Взвинтив себя до дрожи в пальцах, Мартин вынул из кобуры под мышкой свой любимый вальтер. Сладострастно погладил впитавший тепло тела ствол. Так вожделенно он не ласкал даже женщину. Ну вот и настал твой час, приятель.

Вся команда сидела уже в «рафике» со шторками, когда Гринберг подошел на улицу Гертрудес.

— Как настроение, соколы?

— Боевое, господин Гринберг.

Ребята даже разрумянились от возбуждения и гордости. Что ни говори, а без войны мужчины хиреют и вымирают. Этим парням он зачахнуть на дискотеках и в видеосалонах не даст,

План операции по захвату партии оружия расписан по секундам. Беспроигрышный вариант. Гринберг взглянул на часы: «Трогай».

Подъезжая к автомагазину в Румбуле, сбавили скорость.

— Они здесь! — Парень по имени Ромуальд привстал с сиденья. — Видите тот желтый пикап, а за ним «ЗИЛ». Здесь, конечно, они не будут перегружать, поедут в укромное место.

«Каблучок» и грузовик проехали мимо по Московскому шоссе.

— Не спеши, — попридержал своего шофера Гринберг, кивнув на резко вывернувшие с обочины «Жигули» с дымчатыми стеклами. И тут же за ним рванула «Победа», взревевшая так, как будто у нее установлен мотор от «Формулы-1».

«Рафик» плавно тронулся с места.

У развилки все четыре преследуемые машины свернули с автомагистрали на проселочную дорогу и тут же заехали в лесок. «Рафик» неуклюже скатился в тот же лес сразу за развилкой и заглушил мотор. Быстро разобрали автоматы.

Десять его лучших учеников рассыпались полукругом среди сосен. Их появление для торговцев оружием было как гром среди ясного неба.

— Руки за голову! Сесть на землю! — скомандовал Гринберг. Он подскочил к пикапу и за шиворот выволок замешкавшегося водителя, ловким приемом вытащил у него из-за пояса пистолет.

Грохнул выстрел. Гринберг резко обернулся. Самый молодой его птенец, выронив автомат, медленно оседал на землю. Из грузовика выпрыгнул смуглолицый мужчина с обрезом и залег за колесом. Это послужило сигналом для пассажиров «Победы». Один из них со звоном выбил стекло и высунул ствол «калашникова». Водитель начал разворачивать машину. Но она зацепилась бампером за дерево.

— Огонь! — махнул рукой Гринберг. Лицо его было перекошено, в уголках рта появилась пена. И девять коротких автоматных очередей ударили с разных точек. Через мгновение все было кончено. Из-под дверцы «Победы» вытекала струйка алой жидкости. Бедолага, укрывавшийся за грузовиком, отбросил обрез и, волоча ногу, боком пополз к дороге.

— Куда направился? — Гринберг не спеша подошел к поверженному противнику и прижал его руку к земле начищенным до блеска сапогом.

Раненый безуспешно пытался освободиться и бешено вращал черными ненавидящими глазами:

— Рамза вас все равно всех порешит!

— Ах ты, черномазый ублюдок! — Гринберг пнул лежащего торговца оружием в живот. — Ты в кого стрелял? В надежду нации.

Раненый сквозь стон злобно выругался.

С опущенной головой подошел Айвар:

— Командир, Гунтиса насмерть.

Парень чуть не плакал.

— Мужайся, сынок. Это не последняя жертва. Тем слаще будет победа. Он погиб как герой. Народ его не забудет. А врагу приговор короткий, — командир протянул парню свой пистолет.

— Действуй, малыш.

Айвар нерешительно взял оружие. Еще раз оглянулся на тело убитого друга. И словно сработала невидимая пружина. Он расправил плечи, вскинул голову и, отведя пистолет на вытянутую руку, выпустил всю обойму. Долго ждавший своего часа вальтер не дал осечки.

— А вы, мразь, убирайтесь из Латвии сейчас же, — обратился к пленным Гринберг.

Командир сам повел нагруженный трофеями пикап. В «рафике» повезли погибшего парнишку. Его похоронят с воинскими почестями рядом с лесным замком. Имя героя будет вписано золотыми буквами в историю борьбы за свободу.

Оружие решил не везти, как предполагалось, в замок, а оставить в Риге. Чтоб было под рукой. Он давно требовал у Зигурда разрешить операцию против ОМОНа. Зарвались, нахалы. Пора поставить на место. Надо же, не могут найти управу на сотню недоносков. Вазнис нянчится с ними как с капризными младенцами. Нет, не такой им нужен министр внутренних дел. Бакатин мог бы назначить получше. Хотя и так принес нам пользу...

— Красный свет, — предупредил задумавшегося командира Айвар.

— Всю жизнь красный маячит перед глазами... Ненавижу.

Крайнее раздражение Гринберга не было случайным. Нелепая смерть бойца выбьет из колеи любого командира. Не улучшил настроения и звонок вечером от Петериса.

— Майор в Риге, я его видел, — сообщил тот.

— Хорошо, приезжай, расскажешь на месте.

Гринберг налил полный стакан водки и залпом выпил.

В редакции возвращение Игнатенко восприняли по-разному. Машинистки и корректорши считали его героем. Они смотрели на Виктора с восхищением и жалостно одновременно.

Собратья по перу отнеслись к подвигу более сдержанно. Их со-

чувствие выразилось в похлопываниях по плечу и ободряющих возгласах: «Крепись... Не бери в голову...» И только местный острослов и поэт с присущим ему черным юмором продекламировал: «Айзсарг вышел на дорогу — будет крови много-много».

Редактор Сергей Федорович сам навестил Виктора и еще раз по-отечески пожурил своего беспокойного сотрудника: «Видишь, к чему приводит самодеятельность».

Игнатенко потупил взгляд. При появлении шефа он едва успел сунуть в стол свежий номер интерфронтовской газеты, где целую полосу занял его репортаж об опасных «забавах» боевиков в старом замке. Синяеву об этом, судя по всему, не было известно. Вряд ли он похвалит Виктора за еще одну самодеятельность. Но это, в сущности, ерунда. А как прореагируют сами герои репортажа?

И «герои» не заставили себя ждать. В столовке Дома печати к нему подвалил толстый и добродушный Вилен Позорцев, ответсек соседней редакции. Как и многие в высотном журналистском улее, они не были хорошо знакомы, но уже давно примелькались друг другу.

— Старик, тебе привет из Курземе, — без предисловий сказал толстяк. — Просили передать, что получишь хороший гонорар за свое произведение.

— Какой еще гонорар? — опешил Виктор.

— Тебе лучше знать, — пожал плечами коллега и равнодушно отвернулся.

Поднос с обедом дрогнул у Игнатенко в руках, борщ выплеснулся из тарелки. Снова заныла челюсть. Аванс он уже получил. Основная плата обещает быть покруче. И кто бы ожидал, что «черную метку» ему передаст безобидный с виду тюфяк Позорцев. Его писанину Игнатенко не принимал всерьез. Дешевый конъюнктурщик. Мало ли таких. Однако с неумолимостью надвигавшегося цунами незначительные на первый взгляд мировоззренческие разногласия все больше и больше разводят людей по разные стороны баррикад. Непонимание друг друга перерастает в раздражение, а затем — в ненависть. Вот уже бывший приятель готов вцепиться тебе в горло. Ничего нет страшнее и бессмысленнее гражданской войны, когда товарищ идет на товарища, брат на брата, отец на сына. Это только в кино интересно смотреть, как несется конница и сверкают шашки. А когда тебя самого располосуют надвое...

Когда Игнатенко решился отнести свой рисковый репортаж в газету, он вроде бы знал на что шел. Но теплилась надежда, что страхи его мнимые. Одно дело — надавать по морде в темном лесу, припугнуть расправой, другое — осуществить намере-

ние, то есть убить. У Виктора начисто пропал аппетит. Он с отвращением выпил пересахаренный фирменный напиток и отнес поднос с нетронутыми шедеврами общепита на движущуюся ленту посудного транспортера.

Так как же быть? Пойти к редактору. От одной только такой мысли Виктор криво усмехнулся. Тот скажет: «А ты меня послушался, когда я предупреждал?» Бежать к Синаеву не имеет никакого смысла. Правоохранительные органы тоже никого сегодня не могут защитить, едва успевают заниматься охраной самих себя. Вот влип так влип. Пока сам не попадешь в такую ситуацию, кажется, все хаханьки. А ведь действительно простой человек у нас совсем не защищен. У кооператоров хоть деньги есть нанять охрану. Игнатенко вспомнил тех амбалов, которые постоянно маячат вокруг президента. Ему бы хоть одного такого.

Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Виктор строго-настрого приказал родителям не открывать посторонним дверь, на ночь обязательно накидывать цепочку. Стал искать, где приобрести собаку, чтоб была уже обучена. Старался не ходить близко к проезжей части дороги. На улицах озирался, обходил стороной подозрительных типов. Поразительная штука: чем внимательнее он вглядывался в лицо горожан, тем больше обнаруживал среди них сомнительных личностей.

Прочность занятой напуганным репортером обороны первым опробовал тот, кого Виктор ожидал увидеть меньше всего. Сначала его не пускала мать Виктора, потом Игнатенко-младший услышал, как отец пытает томящегося за дверью гостя, кто он таков. Наконец родители позвали:

— Витя, это к тебе. Голос незнакомый.

— Кого бог послал? — нарочито беззаботно осведомился Виктор.

— Ткачук, помнишь такого?

«Может, и этого подослали», — первое, что пришло в голову Игнатенко.

— Помнить-то помню, — протянул он, выигрывая время.

— Я к тебе за помощью, парень. Дело связано с Клюевым. Если, конечно, тебе это интересно.

После такого заявления Виктору ничего не оставалось, как открыть дверь. Он не сразу узнал майора. Усы и борода, как у Хемингуэя, изменили его внешность, придали лицу известную долю интеллигентности. Легкий загар имел явно не местное происхождение.

Гость отклонил предложение пройти в комнату.

— Давай на кухню, здесь как-то сподручнее.

Виктор и Ткачук уединились.

— Так вот, значит, где создаются нетленные произведения, — обводя глазами скромную кухню, произнес Ткачук и как бы машинально поплотнее задернул занавеску. — Разреши пожить у тебя несколько дней. Просто больше некуда податься.

— У вас же квартира в Риге, — вырвалось у Виктора.

— Мне туда сейчас нельзя.

— Подрались с кем-нибудь в ресторане?

Виктор все еще неприязненно воспринимал этого странного майора, который предал Сашу Клюева.

— Да нет, замочил тут двоих.

— Как «замочил»?

— Вполне серьезно — насмерть. Но ты не огорчайся — это те подонки, которые Клюева твоего застрелили.

— Неужели вы их нашли? Как?

— Длинная история. Они были только исполнителями. Теперь надо рассчитаться с тем, кто отдал команду.

— Вы уже знаете, кто?

— Догадываюсь. Ну, так приютишь меня?

— Конечно, о чем речь.

— У тебя, я слышал, тоже неприятности.

Игнатенко шмыгнул носом и поведал майору о «привете из Курземе».

— Что же ты думал, они тебе пряник дадут? Хотел я здесь спрятаться, а выходит, что нам обоим надо поскорее ноги уносить. Да и родителям здесь небезопасно. Им есть куда уехать?

— Не знаю, — совсем растерялся Виктор.

Через пятнадцать минут он и Ткачук, прихватив самое необходимое, уже стояли в дверях. Виктор, как мог, успокаивал мать. Договорились, что родители поживут пока у старшей дочери, в Иманте. Соберутся сегодня же вечером.

Еще не зная толком, куда ехать, Виктор и майор вскочили в первый попавшийся автобус.

— Доедем до центра, там разберемся, — сказал Ткачук.

Вдруг он побледнел и, расталкивая пассажиров, рванулся к двери. Автобус как раз подходил к остановке. Игнатенко выскочил вслед за майором.

— Это они! — показал тот на затормозивший у перекрестка «рафик».

Игнатенко тоже узнал микроавтобус. Еще бы, если недавно били об него лбом. Опять заныла челюсть. По зеленому сигналу светофора «рафик» рванулся с места.

Три квартала назад, к дому, Виктор с майором преодолели почти бегом. И все равно опоздали — «рафик» уже отъехал от подъезда. В доме стояла гробовая тишина. У Игнатенко возник-

ло ощущение, что соседи затаились за своими дверьми. Лишь одна из них приоткрылась, натянув цепочку. В узкой щели белело испуганное лицо пенсионерки Анны Сергеевны.

— Господи, что за шум?

Игнатенко не ответил. Он едва поспевал за Ткачуком. Вот наконец их этаж. Виктор остановился как вкопанный. Дверь висела на одной петле. В коридорчике пахло пороховой гарью. От дверного проема к лестнице тянулись красные следы, как будто кто-то по неосторожности вступил в разлитую краску. Но он знал, что это не краска...

Отец и мать лежали рядом. Игнатенко даже показалось, что они взялись за руки. Оба тела были безжалостно растерзаны пулями. Виктор опустился на колени рядом с теми, кто дал ему жизнь:

— Простите меня, это я виноват во всем.

Прямо из аэропорта «Рига» Ткачук поехал по адресу, названному Кареном. Был дорог каждый час. Рано или поздно его «кавказские друзья» вычислят, что двух башибузуков ухлопал он.

Сухощавый старичок с черными живыми глазами вовсе не походил на мафиози. Кожаный фартук, из большого кармана которого торчала рукоятка молотка, руки, темные от ваксы, лучше всякой трудовой книжки говорили о профессии хозяина. Сапожник явно обрадовался пришельцу. Наверное, принял за клиента.

— Левон Иванович? — осведомился Петр.

— Он самый. Только меня все дядей Левой зовут. И ты давай. Обувку хочешь пошить? Нормальных ботинок теперь не встретишь. Рехнулись все с этими кроссовками. Но разве это обувь для представительного мужчины. А матерьял, что за матерьял! Тьфу...

— Ваша правда, дядя Лева. Бог знает, в чем приходится ходить, хороших туфель днем с огнем не найдешь.

Старый сапожник одобрительно поглядел на единомышленника.

— Проходи, садись, что стоишь. Чайку не хочешь?

— Не помешало бы. Я прямо с дороги, из благословенных южных краев.

— Так, говоришь, из южных краев. И откуда же? — наливая Петру чай, поинтересовался старик.

— Из Минеральных Вод. Еле ноги унес.

— Что так?

— Эх, дядя Лева, и вспоминать не хочется. Мне ведь ваш адрес Карен дал. На моих руках умер. Перед смертью одно только сказал: «Передай Левону Ивановичу, чтоб отомстили».

— А где Сурен? — старик напрягся.

— Его первого — и сразу наповал.

Дядя Левон выронил чашку:

— Сурен, внучок мой! Кто же на тебя поганую руку поднял, юную жизнь отнял. Горе мне! И отцу твоему! И матери твоей! — запричитал старик.

Он причитал долго. Потом сморкнулся в огромный клетчатый носовой платок. Достал из шкафа лафитник, налил две стопки:

— Помянем Суренчика моего любимого. Каренчика нашего дорогого. Они же как братья были. Какие джигиты. Ты же их знаешь. Говори скорей, кто те шакалы, грязные собаки, недостойные называться людьми!

Чача обожгла Петру горло, отчего у него на глазах выступили слезы.

— Не плачь, сынок, вытри слезы. Мы им отомстим, клянусь могилами предков. Отрежем головы и отдадим их свиньям.

Старик преобразился. Перед Петром сидел уже не скромный сапожник, но неустрашимый абрек. Казалось, вот-вот он вырвет из ножен острый кинжал и кинется на врага. Горячая южная кровь, видать, еще не остыла в жилах аксакала.

— Кто убил?

— Не знаю. Карен сказал, что те, кто нанимал его в Риге. Их продали бакинцам... А я влип по дурости.

— Я его зарежу, — наконец обронил сапожник. — Я всю семью зарежу. Я зарежу всех его племянников. Я всех зарежу.

Ошибка, что они с Виктором не забрали стариков с собой. Петр недооценил жестокость Мартина. Ну что, шкипер, теперь твоя очередь отправиться к праотцам. Таким гадам не место среди людей. Око за око, зуб за зуб! Это придумал не он, Ткачук. Такой закон тысячелетиями исповедовало человечество. И горько поплатятся те, кто полагает, что они могут отменить законы жизни.

Петр тронул Виктора за плечо. Тот поднял заплаканное лицо.

— На, возьми, — Ткачук сунул Виктору тугую пачку денег. — Похорони по-человечески. Они пока тебя не тронут, а мне надо скрываться.

Где же все-таки переночевать? На неотапливаемую дачу Наденьки Карп ехать все равно что на Колыму. А замерзнуть Петр не мог себе позволить до того, как он поквитается с убийцами Клюева. Может, перекантоваться на вокзале? Увы, Рижский вокзал — это не Казанский в Москве, в толпе не затеряешься. Оставалось прибегнуть к испытанному способу — подселиться к

какой-нибудь бабенке. На что только не пойдешь ради правого дела.

«Очи черные, очи страстные...» — Петр с упоением подпевал солисту ресторанного оркестра. Своей новой знакомой он прямо объявил: есть деньги, а спать негде. Тридцатилетняя девушка немного поломалась для приличия, а потом согласилась.

Утром, как и положено в порядочных домах, ему подали кофе в постель. Петр принял горячий душ, смывая следы проведенной в амурных забавах ночи. Кто бы подумал, что инженерша по мелиорации способна на такое. Его кавказские подруги по сравнению с ней показались дилетантками. Были моменты, которые приводили в стеснение даже его самого. Ну да ладно.

К дяде Левону Петр заявился с двумя бутылками армянского коньяка ереванского разлива. Каких трудов ему стоило их добыть! Сапожник, приветствуя его, чуть не прослезился. Ткачук скромно выставил на стол гостинцы. Хотел что-нибудь хорошее сказать Левону Ивановичу, но почувствовал болезненный толчок в спину.

— Встань сюда, руки на стену.

Петр повиновался. Его сноровисто обыскали. Вытащили из кармана документы, деньги, ключ, дарованный приютившей его мелиораторшей.

— Где пистолет? — удивился обыскивающий.

— На кой черт он мне сдался, я человек мирный, — приходя в себя, нахально ответил Петр.

Он уже имел некоторый опыт общения с подобным контингентом. Мямлей здесь не уважали. Нахалов, правда, тоже не любили, но терпели.

— Убери дуру! — начал свирепеть Петр. — А то как впаяю между глаз.

Сзади рассмеялись.

— Ладно, я пошутил. А ты силен. Другой бы в штаны наложил. Опусти руки. Дядя Левон, тащи стаканы. Выпьем с гостем. И где он наш коньяк раздобыл? Я в Риге такого давно не видел.

Петр сел за стол. С обеих сторон подсели молодые чернявые ребята. Чокнулись, выпили.

— Поедешь с нами, — тоном, не терпящим возражений, приказал сосед справа.

— Если приведешь в засаду, первая пуля — тебе. Все понял? Наливай.

В своих предположениях Ткачук не ошибся. Три «Лады» остановились за квартал до конторы Эдуарда Эдуардовича. Молчаливые спутники вознамерились оставить заложника в машине. Но Петр воспротивился:

— Вам не откроют. Давайте, я войду первым... Мне нужна пушка.

Конвоиры переглянулись. Один из них неохотно пошел к первой машине. Вернувшись, передал Петру револьвер. Тот с уважением взял наган. Чем хороша игрушка, что не выбрасывает гильз. И безотказна.

Дверь кооператива «Сигма» открыл Костя:

— С возвращеньицем, — приветствовал он Петра.

— Рад тебя видеть, — ответил Ткачук и ударил Боксера рукояткой револьвера в ухо.

Костя удивленно посмотрел на него и повалился как куль.

Петр распахнул входную дверь и подал знак абрекам. Те не заставили себя ждать. Ткачук ринулся в кабинет Померанцева. Каморка была пуста. Никого не было и в соседней комнате, где обычно находилась охрана. Где же шеф? Ткачук заглянул в потайной кабинет. Любимые стереонаушники Эдуарда Эдуардовича валялись на пустом кресле. Где-то сбоку раздались выстрелы. Горячие южане просто выражали свои эмоции. Петр побежал на звук выстрелов. Секретарь и ординарец Померанцева Вовчик сидел на полу, держась за живот. Гримаса нестерпимой боли застыла на его побелевшем лице. Он безучастно смотрел на то, как Петр шарит в картотеке.

Ткачук одну за другой бросал на пол папки: «Рубикс», «Диманис», «Каулс», «Иванс», «Годманис», «Стефанович», «Гриммс», «Алексеев», «Белайчук»... А вот и то, что искал: «А. Клюев. Начато... Закончено...». На папке жирным черным фломастером была выведена дата гибели журналиста. Петр бережно засунул папку под рубаху. В ящиках стола ничего интересного не оказалось. Все те же вырезки, копии справок, других документов. Ткачук полистал настольный календарь. Бросилась в глаза пометка: «Дать тел. Карлу Ив. Москва, Димитрова, 43, кв. 32». Петр вырвал лист и сунул в карман.

Потянуло запахом горелого. Ткачук выглянул в коридорчик. Сизые клубы дыма поднимались с первого этажа. Петр попытался поднять раненого Вовчика. Тот жалобно прохрипел:

— Добей меня.

— Да брось, Вовка, я тебя вытащу.

— Не надо, мне все равно каюк. А ты уходи от Эдуарда. Уходи... Это такой паук. Он из меня всю кровь выпил... Ты сам знаешь, с кем связался.

— Знаю, — твердо ответил Петр.

Утром редактор Синаев пребывал в благодушном настроении, что в последне время случалось с ним нечасто. Убийство Клюе-

ва, история с Игнатенко, шантаж проходимца Эдуарда Эдуардовича изрядно попортили крови. И общая атмосфера неуверенности в завтрашнем дне, когда неясно, что будет с партией, с газетой, а соответственно и с ним самим, не прибавляла оптимизма. Надо что-то делать.

Все, красная книжечка исчерпала свою путеводную силу. А сколько людей из грязи вывела в князи. Кто еще недавно мог подумать, что от заветного билета будут теперь только одни неприятности. Сегодня Сергею Федоровичу предстояло провести вечер в компании таких «князей». Давненько они не собирались в финской баньке. Наверное, с тех пор, как партия объявила крестовый поход на это излишество. Да и борьба за трезвость не способствовала банному делу. Осторожный и дисциплинированный Синаев с завистью наблюдал за невинными проказами новых властителей жизни. Как они быстро переняли и умножили опыт прежней номенклатуры!

Сергей Федорович уже и не чаял попотеть в солидной компании, сухим паром выгнать из тела накопившиеся шлаки. Конечно, можно сходить и в «Варавиксне». Но это же совсем другой коленкор. Синаев мечтательно прикрыл глаза. Нет, ему сегодня явно не хотелось работать. Но по закону подлости именно в такой момент жди какой-нибудь неприятности.

Ждать пришлось недолго. В кабинет зашла зареванная секретарша Элга:

— Сергей Федорович, — всхлипывая начала она. — У Игнатенко несчастье...

— Успокойтесь, Элга Романовна. Опять наш сорвиголова в историю вляпался?

Женщина никак не могла совладать с собой, и Сергей Федорович не на шутку встревожился. Знать, случилось нечто серьезное. Он налил и поднес Элге стакан воды. Затем нажал кнопку селектора: «Валерий Алексеевич, зайдите, пожалуйста!»

Пока председатель профкома редакции Лосев шел к нему, Синаев наконец добился от секретарши связного объяснения. Он многое мог предположить, только не это. И мысленно содрогнулся, ведь на месте зверски убитых родителей непутевого Игнатенко могли оказаться его родственники. Как он ни пытался избегать на страницах своей газеты чересчур острых и эмоциональных материалов, но от политики не уйдешь, так или иначе кого-то заденешь. Тем более наседал издатель, требуя публиковать больше боевых, наступательных материалов, сделать газету по-настоящему оппозиционной... В роли Александра Матросова Сергей Федорович представлял себя слабо.

Явился Лосев. Синаев ввел его в курс дела. Обычно лоснящееся, источающее благополучие лицо профсоюзного вожака побледнело.

— Ну, ты знаешь, что делать, — вздохнув, сказал Синаев. — Помоги с похоронами, венок от редакции обязательно. Мою машину возьми в свое распоряжение... Словом, оформи все честь по чести. И про материальную помощь, разумеется, не забудь.

— И соболезнование в газете дадим?

— Да, набросай прямо сейчас. Покажешь мне.

Синаев безвольно откинулся на спинку кресла. Схватился за сердце.

— Вам плохо? — всполошилась секретарша.

— Ничего страшного, мотор малость барахлит.

— Может, «скорую» вызвать? — не унималась сердобольная Элга.

— Вызовите лучше ответсека. Да, и поспрашивайте валидол.

Дома Сергей Федорович сытно пообедал, покормил любимых канареек и прилег отдохнуть.

Под вечер за ним заехали устроители мероприятия. Поцеловав недовольную супругу в щечку, Синаев дал ей наказ:

— Если кто спросит, скажи, уехал к знакомому врачу на консультацию в санаторий «Яункемери».

— Ладно уж, только не наконсультируйся там чересчур, — проворчала верная спутница жизни, поправляя на муже связанный ею шарф.

На «консультацию» в одно из укромных местечек Рижского взморья, помимо Синаева, слетелись известные люди. Габрилов, директор завода, бывший работник исполкома. Мещук, до недавнего времени секретарь райкома, ныне кооператор. Тешенко, политический деятель, основатель Партии демократического центра. Козловс, бессменный работник Совмина. Все знали друг друга еще с комсомола. Вот было времечко! Каждое комсомольское мероприятие, будь то отчетная конференция или слет пропагандистов, заканчивалось парилкой в окружении прелестных активисток. Впрочем, не каждое. Не стоит идеализировать прошлое. Может, и много бестолкового делали, но пахали на совесть.

Баньку обеспечивал Ефим Козловс — связи у него были необъятные. Свежего пива привез Габрилов. Закусон прихватили все понемногу. В итоге образовался весьма недурственный стол.

— Мужики, ни слова о политике, — усугубив пиво бокалом «Польской», категорично объявил Мещук.

— Только о женщинах,

— Правильно! От политики до эротики — один шаг, — охотно поддержал Тешенко.

— Тебе виднее, — съязвил Габрилов.

Основатель уже третьей по счету политической организации Тешенко обиделся на неосторожную реплику.

— Чья бы корова мычала. Кто втихаря переводит деньги из заводского фонда на счет НФЛ?

— А ты хочешь, чтобы тебе, на Партию демократического централизма, или как ее там? Сколько у вас членов? Десять? Пятнадцать?

— Хватит, мужики. Договорились же не говорить о политике, — попытался утихомирить спорщиков Сергей Федорович. — Слышь, Габрилов, что это ты за пиво приволок? Не пробовал я такого.

— Чепуха, по датской лицензии производится. — Габрилов утер капли пота краешком простыни, в которую завернулся, как древний грек. И без всякой связи продолжил: — Ты никак, Федорыч, все еще партбилет в кармане носишь. На что надеешься? Думаешь, выкарабкаетесь? Давай, пока не поздно, устраивайся. Хочешь, к себе возьму. Замом по рекламе. Вот на Мещука посмотри, сразу сориентировался. Сначала — «третий путь», а потом вообще слинял. Что, стыдно стало, Мещук? Ишь покраснел весь.

— Ужасно стыдно, — жуя балык, смиренно кивнул головой партократ-кооператор. — Давайте сейчас все покаемся. Ведь народ просит.

— Мужчина, купивший вторые штаны, уже задумывается о новой жене, — ни к селу ни к городу брякнул доселе молчавший Козловс. Судя по всему, хмель доходит до него с некоторым запозданием.

Компания затихла, глубокомысленно переваривая услышанное.

После очередного сеанса в парилке Тешенко подсел к Сергею Федоровичу:

— Старик, а ведь прав наш Габрилов, развязывайся ты с Компартией. Думаешь, мне это решение просто далось? Но надо, приятель. Надо определяться.

— Тебе легко советовать. Кто я без газеты? — возразил Синаев. Сказанное Козловсом вновь повергло его в депрессию.

— Зря ты крылья опустил. Сейчас для профессионального газетчика столько возможностей. Кстати, поэтому я и хотел с тобой встретиться. Есть конкретное предложение. В Ленинграде организуется новый еженедельник «Невские вести». Пойдешь редактором?

— Сам почему не идешь?

— Ты же видишь, я занялся политикой. Понял, что это не мое

призвание. У нашей партии в Латвии большие перспективы. А в Петербурге будет трудно соперничать с Собчаком.

Синаев изумился про себя амбициям бросившегося в омут политики коллеги. Что ж, у каждого свое хобби. Но его предложение отложилось в мозгу четко. Даже хмель стал проходить.

Сергей Федорович возвращался в Ригу в одной компании с Тешенко и Габриловым. На одной из улочек Пардаугавы они увидели драку. Трое избивали одного.

— Притормози, — обратился к шоферу Габрилов, порываясь открыть дверцу.

Фары осветили дерущихся. Прижавшись спиной к забору, отбивался от нападавших военный с офицерскими погонами. Он был без фуражки, лицо в крови.

— Не суйся, — остановил приятеля Тешенко. — Пусть армия выпутывается сама.

Старый двухэтажный деревянный дом, в котором разместился кооператив «Сигма», горел весело, как пионерский костер. Ткачук снова наклонился к раненому секретраю Померанцева:

— Потерпи, Вовчик, я тебя вынесу.

— Постой, — непослушными губами остановил его слабеющий на глазах парень, — возьми в кармане куртки ключи. Я живу на Авоту... Знаешь, где овощной магазин, в том же доме... Квартира пятнадцать. Запомнил?

Вовчик стал задыхаться, губы его посинели. Но он нашел силы сказать еще несколько фраз:

— Хозяин уверен, что я у него в руках... Нет... У меня тоже на него кое-что есть... Думал, пригодится... Теперь уже не успею... Возьми себе... Может, хоть ты... В столе еще пакет... Обещай, что отвезешь его по адресу... Это деньги для сына... Скажи ему...

Из стекленеющего глаза Вовчика скатилась слеза, и он уронил голову.

Внизу раздался грохот, звон стекла, и сразу в дверь пыхнуло жаром. Петр сорвал с вешалки куртку Вовчика, стулом разбил окно. Но, как только ступил на подоконник, грохнул выстрел. Пуля вонзилась в наличник. Ткачук не стал ждать второго выстрела. Он прыгнул прямо на целившегося снизу боевика — терять все равно было нечего. После короткой схватки пистолет оказался в руках Петра. Пальнув для острастки в сторону остальных налетчиков, он шмыгнул в давно заприметченный им проход между сарайчиками. Оттуда — в проходной двор, а дальше — на людную улицу. В последний момент притормозил, спрятал ору-

жие. Теперь его левый карман оттягивал старомодный наган, а правый — ТТ времен второй мировой. «Вооружен и очень опасен», — вспомнил Петр название дурацкого фильма, огляделся и шагнул в толпу.

Нетерпение, предчувствие, что он наконец подбирается к самому главному, погнало Ткачука сразу на квартиру погибшего Вовчика. Квартира — сильно сказано. Скорее чердачное помещение, оборудованное под жилье. Видно, денежек сюда вложено немало — в отделку стен, в развешанные замысловатым образом светильники, в импортный узорчатый кафель. И даже удачно вписались в интерьер какие-то трубы. Единственное окно открывалось прямо на крышу.

Больше двух часов прошло. Ткачук перерыл, казалось бы, все, но ничего не нашел. Как ни украшал Вовчик свое жилище, но воздух здесь был нездоровым. То ли от этих труб, то ли еще от чего. Петр открыл окно. Некоторое время стоял в раздумье, вдыхая холодный воздух, приправленный дымком. Взгляду открывались крытые жестью, черепицей, шифером крыши домов. Ему показалось, что видел подобное на картине известного французского модерниста. В отличие от современных микрорайонов, где кварталы строго распланированы и унылые многоэтажки похожи одна на другую, старая застройка имела особый шарм, навевала покой и умиротворение. Словно кипящие страсти конца XX века не проникали сюда.

Ткачук, поддавшись порыву, выбрался через окно на крышу. Порыжевшее в некоторых местах кровельное железо скрипнуло под его весом. Петр уселся на железный ящик, укрепленный сбоку от окна. Не хотелось ни о чем думать. Но с пустыми руками он не мог отсюда уйти. Вряд ли Вовчик на пороге смерти солгал. Так где же находится тайник? Говорят, чтобы надежнее спрятать вещь, надо положить ее на самое видное место. Как бы он, Петр, поступил? Вряд ли стал устраивать тайник в комнате, уж слишком она мала. Скорее где-нибудь здесь, на крыше. Петр почти бессознательно провел рукой по ящику, на котором сидел, и нащупал отверстие для ключа.

Один из ключей в связке, которую он взял в куртке Вовчика, легко вошел в замочную скважину. Из-под гаечных ключей, отверток, мотков медной проволоки Ткачук извлек обернутую в целлофан папку.

Включив настольную лампу, Петр бережно раскладывал перед собой листы и листочки. Часть их представляла лишь познавательный интерес. Устав и реквизиты кооператива «Сигма». Ничего особенного — бытовое обслуживание населения, нечто вроде

фирмы добрых услуг. А вот это уже интереснее — копии счетов с пометками, сделанными, видимо, рукой Вовчика.

Особенно много «добрых услуг» оказал кооператив Эдуарда Эдуардовича в период выборов. Образец «продукции» — анонимная листовка, поливающая грязью кандидата от Интерфронта. Списки журналистов из разных изданий с указанием денежных сумм. Рядом аккуратной рукой секретарь Померанцева вывел ряд других фамилий. Кровь прихлынула к щекам Ткачука — он увидел в этом, втором списке, фамилию Клюева. Кроме него, еще трое помечены крестиками. Неужели и эти убиты? Далее следовал еще с десяток имен. Будущие жертвы? Этот, дышащий смертью листок, Ткачук отложил в сторону — потерять его никак нельзя!

Копии телеграмм из разных городов страны свидетельствовали, что «Сигма» — лишь частица более мощной и разветвленной структуры.

Идея, блестяще реализованная Эдуардом Эдуардовичем, была чудовищна, но гениально проста. Она органично соединила экономику и политику, поставила теневое предпринимательство на службу стратегическим интересам нарождающейся советской буржуазии. Идея создания фирмы по оказанию «деликатных» политических услуг давно витала в воздухе. По сути дела, прыткий Эдуард Эдуардович просто сорвал созревший плод с дерева перестройки. Это ж каким цинизмом надо обладать, чтобы без разбора выполнять заказы и торговой мафии, и профашистских организаций, и кавказских боевиков, и благопристойных на вид политиков, и еще бог знает кого?!

Пока «демократы» и «либералы» гужились сколотить свои сколько-нибудь заметные партии, от Балтики до Черного моря, от Карпат до вулканов Камчатки простер свои щупальца зловещий суперконцерн. Его сила и неистребимость в том, что не партийная дисциплина, не указы и постановления, не страх и принуждение, а уж тем более не «общечеловеческие ценности», а старая как мир жажда наживы питает его. Деньги во все времена прокладывали дорогу к власти, и, судя по всему, таинственный суперконцерн торил дорогу к трону. Покупая сговорчивых политиков. Сметая на пути упрямых идеалистов. Попирая мораль, культуру, традиции народа.

Прервав невеселые размышления, Петр стал прикидывать, что ему предпринять дальше. Раздавшиеся в ночной тиши шаги на лестнице заставили его насторожиться. Он быстро сложил документы в папку, достал из стола пакет с деньгами, все это покидал в подвернувшуюся сумку и выключил свет. И вовремя. Осторожно подергав ручку двери, ночные визитеры брякнули чем-то

металлическим. Наверное, подбирали ключи. Ткачук не стал дожидаться, а воспользовался окном. Крыша предательски загремела под ногами. Таиться дальше не имело смысла, и Петр думал лишь о том, как побыстрее достичь противоположного конца дома, где было такое же чердачное окно, и при этом не свалиться с пятого этажа.

Вот он и у цели. Петр заглянул в окошко, которое, к счастью, было слегка приоткрыто. В углу комнаты мерцал экран телевизора. Хозяин сидел в постели и попыхивал сигаретой, пялился на «Знатоков», которые выводили на чистую воду тех, кто кое-где у нас порой в застойный период честно жить не хотел.

Ткачук мысленно поблагодарил хозяина за хорошо смазанные петли и тихонько проник в комнату.

— Ради бога, не пугайтесь, товарищ, — как можно ласковее произнес Петр.

Товарищ подскочил так, словно под него подвели паяльную лампу.

— Ко юмс вайаг? — обретя дар речи, спросил он.

— Извини, друг, был по соседству в гостях. А тут муж заявился. Сам понимаешь.

— У Нинки, что ли, был? — в голосе мужчины Петру почудилось ревнивое любопытство.

— Да нет, — успокоил его Ткачук.

На том и расстались.

Несколько дней Ткачук почти безвылазно провел у гостеприимной мелиораторши. Он рассудил, что на некоторое время надо залечь на дно. Его наверняка сейчас ищут товарищи Мартина, горячие ребята дяди Левы, рано или поздно захочет выяснить отношения и Померанцев. Нажил же он себе врагов. Пока у него был только один союзник — журналист Игнатенко. Ткачук несколько раз ходил из автомата звонить корреспонденту. Но того не было на работе. Наверное, занимался похоронами. А именно его помощь пришлась бы сейчас весьма кстати.

Свободное от любовных обязанностей и обильных трапез время Петр коротал за чтением газет и просмотром телевизора. Его в который раз покоробило, что на страницах центральных газет для таких фактов, как убийство родителей Виктора, не находится места. А ведь об этом надо кричать денно и нощно. Тут и там в стране убивают людей, а зачинщики перестройки талдычат о консолидации здоровых сил. Ткачук крутанул барабан нагана. Что ж, господа, будем консолидироваться...

Лишь через неделю Петр дозвонился до Игнатенко. Голос у парня был тихий, подавленный.

Договорились встретиться на углу улицы Слокас и Калнциема.

— Ты от Дома печати пешком пойдешь? — спросил Петр. — Тогда буду ждать тебя минут через двадцать. Успеешь?

— Постараюсь, — без особого энтузиазма ответил журналист.

Ткачук, однако, не стал ожидать Виктора в условленном месте. Он зашел в кафе «Весма». Сквозь большие окна хорошо просматривались подходы к газетному киоску. Вскоре он увидел знакомую фигуру. Игнатенко шел ссутулившись, почти не поднимая длинных ног, отчего в стороны летели ошметки грязи. Петр подождал, пока Виктор пройдет мимо кафе. Предосторожность оказалась не лишней. На некотором удалении за Игнатенко следовал подозрительный тип. На другой стороне улицы Ткачук заприметил еще одного. «Быстро же они среагировали, — отдал должное противнику Петр. — Ну, да мы тоже не лыком шиты».

Он вразвалочку вышел из кафе и, поспешно набирая ход, двинулся за филерами. Когда один из них перешел улицу, а другой остановился перед транспортом, Петр приблизился вплотную к нему и ткнул в спину ствол нагана, не вынимая его из кармана куртки.

— Будешь дергаться — пристрелю, — коротко объяснил он.

Вернувшись в Ригу, Эдуард Эдуардович поехал, естественно, на свою резервную четырехкомнатную квартиру в Кенгарагсе. Об этой резиденции не знал никто из его фирмы, даже Костя. Ответственным квартиросъемщиком значилась восьмидесятичетырехлетняя Милда Прокофьевна. Старушка пребывала еще в здравом уме, могла часами заниматься уборкой. Когда Померанцев открыл две свои комнаты, там не было ни пылинки. Несмотря на испорченное сообщением о налете на «Сигму» настроение, заботливый Эдуард Эдуардович не забыл привезти своей верной экономке скромный подарок — пуховый оренбургский платок.

— Ах, Эдуард, вы всегда такой внимательный, обходительный, — растрогалась Милда Прокофьевна и пошла заваривать любимый им чай на травах.

Померанцев собрал свою команду дома у Кости. Боксер виновато молчал и демонстративно поправлял бинты.

— Так-так, — задумчиво произнес босс, — голова обвязана, кровь на рукаве... Ну, рассказывай, Щорс, о своих подвигах.

Костя смущенно поведал, как этот иуда Ткачук коварно ударил его несколько раз пистолетом по голове, а потом, наверное, убил Вовчика. Кроме них двоих, в кооперативе в тот день никого не было. А то они, конечно, показали бы налетчикам, где раки зимуют.

— Раки-то перезимуют где-нибудь, а вот где мы теперь будем

зимовать? — укорил опростоволосившихся помощников Эдуард Эдуардович.

Он снисходительным взглядом обвел свой трудовой коллектив. Этих крепких парней с толстыми шеями семья и школа вырастили не для заводских цехов и строительных площадок. Общество воспитало в них два инстинкта — инстинкт потребления и инстинкт самосохранения. Эти качества Эдуард Эдуардович умело использовал для своих целей. Конечно, интеллектом их бог обидел. Куда им понять майора. А вот как он, Померанцев, маху дал. Только сейчас, кажется, раскусил Ткачука.

Майор оказался не таким, каким представлялся ему вначале. Не жажда денег, красивой жизни, не бесшабашная тяга к приключениям двигала сорокапятилетним отставником. И не был он ничьим агентом. Интуиция подсказывала, что Ткачук такой же одинокий борец за идею, как и сам Померанцев. Только идеи у них, видимо, противоположные. Оттого майор втройне опасен. Он не станет согласовывать с начальством каждое свое действие, просить разрешение на применение оружия. Пристрелит, и все. Первым на мушке у этого чокнутого Робин Гуда, без всякого сомнения, сейчас Померанцев. От такого умозаключения Эдуард Эдуардович ощутил некоторый дискомфорт. После впечатляющей поездки на туманный Альбион, светских раутов, неспешных прогулок по набережной Темзы, поездки, которая открывает блестящие перспективы, вовсе не хотелось получить пулю в лоб.

А мог майор так люто возненавидеть Померанцева только по одной причине — из-за своего дружка Клюева. Выходит, та статья в молодежной газете, вызывающее поведение Ткачука после гибели журналиста — лишь хитрая приманка. И надо же было так дешево купиться!

— Ваши предложения, — обратился Эдуард Эдуардович к притихшей публике.

— Перестрелять всех, — робко подал голос Костик.

— У Левона и вытрясем, где Ткачука искать, — поддакнул гора мускулов, бывший чемпион по вольной борьбе по кличке Коновал.

— С сапожником, конечно, побеседуем, — подытожил потуги своих «стратегов» глава сгоревшей «Сигмы». — А теперь слушай сюда. Ты, Костя, прямо сейчас отправляйся к сапожнику, двух-трех человечков возьми с собой для надежности. Разузнай, какая вожжа им под хвост попала. Чует мое сердце — всю кашу майор заварил. Не могли же они ни с того ни с сего.

Костя без особой радости выслушал приказ. На всякий случай со слабой надеждой еще раз потрогал бинты. Но демонстрация боевых ранений не возымела никакого эффекта.

— Коновал с Рудольфом пойдут к вдове Клюева. Не исключено, она знает, где майор находится. Только не переусердствуйте. Это тебя касается, Коновал. Помнишь, сколько неприятностей было из-за того ханыги, чью голову ты на 360 градусов повернул?

Померанцев также дал указание навестить квартиру Вовчика, поглядеть, нет ли какого компромата.

Костя нервно заерзал:

— Шеф, я уже ходил туда после заварухи. Какого-то ворюгу спугнул.

Померанцев насторожился:

— Почему сразу не сказал?

— Ерунда, шеф. Он успел только видеоаппаратуру утащить.

— Вместе с японским телевизором?

— Да, — не моргнув глазом, ответил Костя, но понял, что заврался.

— Друг мой, как говорят в Японии, не обувайся на дынном поле, не то тебя заподозрят в желании украсть дыню.

Костя, наморщив лоб, долго переваривал сказанное Эдуардом Эдуардовичем. Тот, не дожидаясь конца непосильного для боксера мыслительного процесса, заключил:

— Значит, так, всю видеоаппаратуру вернешь в нашу фирму... Не мешает осмотреть и квартиру Ткачука. Хотя вряд ли нам это что-то даст.

Эдуард Эдуардович поехал домой, как простой трудящийся — на трамвае. С непривычки за дорогу весь измучился. Что они такие злые? Толкаются, бранятся, вопят прямо в ухо. Автобус, говорят, какой-то перестал ходить. Нет, он больше на общественном транспорте не ездок.

Поужинав, Померанцев пригласил Милду Прокофьевну почаевничать за компанию.

— Устал я, дорогая моя хозяюшка, — грустно посетовал Эдуард Эдуардович. — На душе тоскливо и одиноко. Хочется чего-то, а чего не знаю... Как ваша любимая правнучка Скайдрите поживает? Давненько ее не видел.

— Ох, уж эти молодые мужчины, — лукаво улыбнулась экономка. — Скайдрите недавно о вас спрашивала. Сейчас ей позвоню.

Очаровательная Скайдрите пробыла у Померанцева ровно столько, сколько ему понадобилось скрасить одиночество. После того как она оделась и ушла, унося в сумочке французские духи, Эдуард Эдуардович надел стереонаушники и предался своему любимому занятию.

На то, что поиски Ткачука приведут к успеху, Эдуард Эдуардович рассчитывал мало. Наиболее реальный шанс — заманить

майора в ловушку. Надо придумать способ воспользоваться тем, что тот сам ищет Померанцева. Обнаружить себя, но нанести удар первым. Хоть и неуютно чувствовать себя в роли подсадной утки, но за него эту роль, увы, никто не сыграет. А впрочем, почему никто? Есть же старый, банальный прием.

Прокручивая мысленно все варианты, где, вероятнее всего, будет его искать Ткачук, Померанцев наконец остановился на одном. Кладбище. Будь он на месте майора, обязательно обратил бы внимание, что Померанцев ездил на Лесное кладбище. Ведь его окружению было известно, что там похоронена мать, и Эдуард Эдуардович, как примерный сын, регулярно навещал ее могилу.

Мысли его перекинулись на большую политику. С этими, в республике, все ясно. А в Москве они что-то мудрят. Зачем заменили министра внутренних дел Бакатина? Неужели Горбачев всерьез надеется, что бакатинский преемник, чем-то похожий па апостола Петра, наведет порядок? Забавно получается. В МВД СССР будет заправлять Пуго. Зам. генерального прокурора — Дзенитис. В ЦК КПСС, по слухам, набирает авторитет и силу партийный работник Мисан... М-да, снова красные латышские стрелки. Видно, ни одной революции без них не обойтись... Ну, да бог с ними.

Кого же еще пустить по следу майора? Неясная мысль крутилась в голове. Ах, да — Синаев! Вот о ком он забыл. Ткачук был приятелем Клюева, стало быть, у него имеются знакомые и в редакции. Редактор, помнится, не вернул посланные ему дары. Из чего можно заключить, что сделка состоялась.

Дослушав несравненного Гайдна, Эдуард Эдуардович набрал домашний номер Синаева.

— Сергей Федорович? Добрый вечер!

— Здравствуйте, — услышал Померанцев настороженный голос.

— Ну, как, видеомагнитофон не капризничает?

— Ах, это вы...

— Буду краток. К вам имеется маленькая просьба. Выясните, разумеется, без ссылки на меня, у ваших сотрудников, где сейчас Ткачук. Это тот, бывший военный, знакомый Клюева. Знаете такого?

— Близко не знаком, но видел. Кажется, на похоронах Александра.

— Ну и ладушки. Не откажите, сделайте как можно быстрее. Я вам сам позвоню.

Померанцев даже по телефону услышал, как у редактора вы-

рвался вздох облегчения. «Ну и ладушки», — еще раз повторил про себя Померанцев, кладя трубку.

Днем опять все собрались у Кости. Первым докладывал хозяин квартиры:

— Шеф, вы, как всегда, правы. Этот паскуда майор еще тот гусь. Он и старого Левона вокруг пальца обвел. Дядя Лева, — Костя икнул, отчего в комнате повеяло густым коньячным перегаром, — просил им отдать майора. Они заставят его сожрать собственные кишки.

— Фу, какой натурализм, — брезгливо поморщился Эдуард Эдуардович. — А вы, ребятки-орлятки, что в клювике принесли?

— Эта стерва ничего не знает, — глядя исподлобья, сказал Коновал.

— Не знает? Ты хорошо спрашивал?

— Еще как! Сначала я спросил. Потом Рудольф. Потом опять я. — На лице Бегемота появилась сальная улыбка.

— Я так и знал. По-другому с дамами разговаривать не умеешь? Кастрировать тебя, что ли? Как, мужики?

— Это мы мигом, — охотно откликнулся Костя, вынимая нож.

Коновал забеспокоился, вопросительно поглядывая на шефа.

Эдуард Эдуардович испытал нечто вроде наслаждения. Ведь и впрямь, если захочет, то по одному его кивку лишат молодца главной драгоценности. Что может быть слаще власти над людьми!

— Я пошутил, дружок. Впредь будешь серьезнее.

Как и предполагал Эдуард Эдуардович, с наскока выйти на бестию Ткачука не удалось. Придется запускать вариант с кладбищем.

Найти хорошего гримера не составило большого труда. В преддверии рыночной экономики резко увеличилось число продажных, точнее сказать, продающих все и вся людей. Деньги открывают врата покрепче, чем фанерная дверка театральной гримерной. Сложнее оказалась другая задача — отыскать двойника. Чтоб хоть немного походил на Померанцева, а главное, чтобы согласился на его предложение.

Пришлось разыграть целый спектакль. Якобы они — сотрудники КГБ. Задержали агента западной разведки. Тот отказался сотрудничать, нужен двойник, чтобы встретить связника. Всего-то и требуется: появляться каждый день на кладбище, посидеть на скамеечке, прибрать могилку. Туфта, конечно. Но один мужик клюнул. И неизвестно, что больше сработало — гражданский долг или толстенький конверт с авансом.

Операция «Кладбище» началась.

Затащив филера за угол дома, Петр прижал его к стене.
— Что тебе надо? — У парня не попадал зуб на зуб.
— Жить хочешь?
— Хочу.
— Тогда слушай. Сейчас поедем с тобой к Мартину. И не вздумай заливать баки, что не знаешь такого!
Парень замялся.
— Ну?! — угрожающе ткнул его дулом нагана под ребро Ткачук. — Едем?
— Мартина сейчас нет в Риге.
Ткачук взвел курок. Парень завороженно смотрел на бездушную железяку, один свинцовый плевок которой оборвет его молодую, только начавшуюся жизнь.
— Нет, говоришь. Поинтересуюсь тогда у твоего напарника. А тебе, сам понимаешь, придется заткнуть рот. Навсегда.
Нервы у парня не выдержали.
— Не стреляйте, прошу вас, не стреляйте! — вскрикнул он.
— Тихо! Без истерики. — Ткачук убрал пистолет. — Показывай дорогу.
До дома Гринберга добрались за сорок минут. На лестнице Петр еще раз предупредил:
— Выкинешь фокус — пристрелю. Понял?
Судя по бледному, испуганному лицу, незадачливый сыщик давно все понял.
— У нас условный сигнал — два длинных звонка и один короткий.
— Сам и позвонишь.
Знакомый Петру голос осведомился:
— Кто?
— Оскар.
Ткачук отодвинул своего проводника в сторону. Дверь открылась. В проеме собственной персоной, в майке и любимом галифе, предстал командир боевиков из лесного замка Мартин Гринберг. Петр вломил ему рукояткой нагана точно между глаз. И тут же сзади на нем повис неожиданно осмелевший Оскар. Петр без труда перекинул его через себя, уложив поперек распластавшегося на полу Мартина.
В квартире больше никого не было. В шкафу Петр нашел автомат Калашникова с укороченным стволом. Да, эта штука ему пригодилась бы, но куда сейчас он с ней попрется? Но от красавца «вальтера» Петр отказаться не мог. Три ствола — это, наверное, слишком. Но теперь всем запасаются, кто крупой, кто шмотками, а Петр что — хуже других?
Не надеясь что-либо найти, Ткачук для очистки совести загля-

нул в ящики стола. Каково же было его удивление, когда на видном месте обнаружил папку с надписью: «План на случай введения президентского правления». Латышский язык Петр знал постольку поскольку. Но некоторые пункты этого плана разобрал: «Ликвидация по списку № 1... Нейтрализация по списку № 2... Захват военных складов... Почта... Телеграф...» Так, в открытую, хранить секретные документы, автомат? А впрочем, кого им бояться? Не к этому ли их призывают те, кто поставлен блюсти законность и правопорядок? «Если полыхнет здесь, в Прибалтике, то крови будет куда больше, чем в Оше или Сумгаите», — подумал Петр и содрогнулся. А ведь большинство упорно не хочет понимать этого. Когда поймут, будет поздно.

Послышались стон и какая-то возня. Ткачук вышел в прихожую. Гринберг пытался подняться с пола. Но никак не мог сбросить с себя все еще «отключенного» Оскара. Петр провел инвентаризацию своего карманного арсенала. Нет, шум поднимать здесь ни к чему. Ткачук сходил в ванную комнату, включил воду. Пока наполнялась ванна, сел в кресло напротив копошащегося на полу предводителя боевиков. Гринбергу удалось наконец встать. Он пошатнулся и оперся рукой о стену. Кровь стекала из рассеченного лба по лицу и капала с его шкиперской бороды. Приобретающие осмысленное выражение глаза наливались ненавистью:

— Майор... Жаль, я тебя в замке не убил... Говорил же Зигурду, ни одному русскому нельзя доверять... Все вы свиньи и недоноски... Эх, как бы я вас...

Мартин аж затрясся от бессильной злобы.

— За что ты убил родителей журналиста? — тоже загораясь ответной ненавистью, спросил Ткачук и поднялся с кресла.

— Так будет с каждым! И с тобой тоже, красная сволочь! — Казалось, что пленник сейчас вцепится зубами в горло врага.

— Сначала это произойдет с тобой, господин штурмбаннфюрер, или как там тебя, — сквозь зубы процедил Петр.

Злоба захлестнула его. Перед глазами встала картина зверски убитых Гринбергом родителей Виктора Игнатенко, несчастное, полное безысходного отчаяния лицо журналиста. Нет, этот фашист больше никого не убьет. Петр рванул Гринберга на себя, ударил коленом в живот и поволок в ванную. Убийца почти не сопротивлялся. Ткачук сбросил его в ванну, расплескав крупные брызги. Схватив обеими руками за горло, погрузил голову врага в воду. И даже из-под воды вылезшие из орбит глаза фанатика смотрели со звериной ненавистью...

Свершив свой суд, Петр пошел разбираться с подручным Гринберга. Не без труда привел его в чувство.

— Вали отсюда, приятель. Езжай назад, в Пардаугаву. Скажешь своим, что напали, избили и бросили в подвал. Ты ничего не помнишь. Проболтаешься, они же тебя и порешат.

Теперь следовало узнать, где Игнатенко. На перекрестке ли торчит, или вернулся в редакцию? А может, эти бандиты напали на него? Петр позвонил из телефона-автомата в редакцию. Никто не ответил. Он поймал частника и помчался на Слокас. На углу у сберкассы послушно топтался замерзший Игнатенко. Сам Петр не стал бы так два часа ждать у моря погоды. На другой стороне улицы, у хлебного магазина, уже не скрываясь, стоял совершенно посиневший филер.

Ни слова не говоря, Петр подхватил журналиста под руку и увлек к подошедшему трамваю. Войдя в вагон, встал у двери. Следом попытался войти настырный «хвост».

— Кыш, салага! — пугнул его Петр.

Тот отшатнулся, дверь закрылась, оставляя обескураженного преследователя на остановке.

За неимением лучшего Петр привел Виктора к мелиораторше.

— Не хочешь еще одного постояльца? — с порога спросил он хозяйку.

— Я дорого беру, — кокетливо предупредила женщина.

— Причем натурой, — по-армейски пошутил Ткачук. — Видишь, дорогая, человек совсем окоченел. Плесни нам чего-нибудь горяченького. Не чаю, конечно.

С трудом удалось отправить общительную хозяйку в гости к подруге. Ткачук рассказал Виктору, как он отомстил за его родителей убийце — Гринбергу.

— Но все равно ты поостерегись. Вот, возьми на всякий случай. Умеешь обращаться?

Игнатенко взял протянутый пистолет, взвесил его на ладони, покрутил и вернул назад:

— Нет, это не для меня. Боюсь, что я ни в кого не смогу выстрелить.

— Как знаешь, — разочарованно сказал Ткачук. — В общем-то, я тебя позвал не за этим. Посмотри, что я нашел в квартире Гринберга. А сейчас еще кое-что покажу.

Ткачук сходил в другую комнату и вернулся с пухлой папкой из тайника покойного Вовчика.

Наблюдая, как Виктор перебирает бумаги, Петр видел, что журналист начинает волноваться.

— Но это же... Это же...

Игнатенко, видно, не находил подходящих слов.

— Это не «же», — передразнил Ткачук, — это — «уже». Они

уже на все готовы, а вы только ушами хлопаете. Надо все это напечатать в газете. Помоги.

Шустрым парнем оказался Игнатенко. Подготовленные к печати документы в нескольких экземплярах принес уже на следующий день. Глаза красные, видно, ночь не спал. Ткачук обратил внимание, что после гибели родителей парень сильно изменился. Резкие складки возле губ придали лицу жесткое, решительное выражение. Этого теперь ничем не испугать.

С Мартином покончено. На очереди Померанцев, коварный, как гиена, скользкий, словно угорь. Ткачук приехал на место недавнего побоища в кооперативе «Сигма». Кроме обугленных балок, там ничего не было. В досье, собранном Вовчиком, правда, имелся адрес Эдуарда Эдуардовича, но тот в квартире не показывался. Еще три дня назад Ткачук вставил в дверь крохотную бумажку-контрольку. Если бы хозяин появлялся, она бы выпала.

Ткачук перебрал в памяти все, что знал о шефе «Сигмы». Померанцев любил слушать музыку, но не в магазине же грампластинок его караулить. В сущности, оказалось, что о местах, где бывал Эдуард Эдуардович, Петру не известно ничего. Впрочем, заезжали однажды на кладбище. Ткачук слышал, что даже отъявленные головорезы бывают склонны к сентиментальности. Но вряд ли прагматичный Померанцев из их числа.

Тем не менее Петр решил проверить и такую версию. На Лесном кладбище поговорил со смотрителем. Могилы Померанцевой там не значилось. Тогда Ткачук спохватился.

— Оболевская? — Смотритель даже не стал лезть в бумаги. — Так бы и сказали. У нее такой внимательный сын. За могилкой ухаживает. А в последнее время чуть ли не каждый день сюда является.

Он сделал паузу и, сбавив тон, добавил:

— Я думаю, наверное, скоро умрет.

— Почему? — оторопел Петр.

— Как почему? Раз зачастил, значит, заболел или неприятности. Ищет здесь успокоения. Или мать его зовет к себе.

Могила Оболевской действительно была ухожена. Еще не успевшие завянуть гвоздики алели на мраморной плите, покрытой инеем. Быстро темнело, и сегодня надеяться на встречу не приходилось. Завтра Петр придет сюда с утра, потеплее одевшись...

Померанцева Ткачук узнал издалека. С букетом цветов, как всегда элегантно одетый, он спокойно шагал по аллее. Петр укрылся за большим памятником. Когда Эдуард Эдуардович вошел в оградку, он решительно направился к нему. Пистолет был снят с предохранителя.

Шеф «Сигмы» словно не узнал Ткачука,

— Таких подонков, как ты, я еще не встречал, — начал без обиняков Ткачук. — На человеческих жизнях наживаешься, кровопийца. Только за одного Сашку Клюева тебя пристрелить мало. А сколько еще на твоей совести смертей! Но я тебя достал, молись, скотина!

Вместо того, чтобы молиться, Померанцев с неожиданной прытью выскочил из оградки и припустил по аллее. Ткачук кинулся за ним. Но от ворот навстречу уже бежали двое: Боксер и малый квадратного сложения.

Ткачук вскинул пистолет и трижды выстрелил в спину убегающего. Эдуард Эдуардович рухнул наземь.

Костя не раз себя ловил на том, что ему хочется встать навытяжку перед двойником Эдуарда Эдуардовича — настолько тот был похож на Померанцева. Саму же затею шефа он считал несерьезной. Но что делать, кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Костя — лишь маленький человек из оркестра, которым дирижирует Померанцев. А уж кто пишет для них музыку — тут его мозгов не хватало.

Несколько дней они с Коновалом и «Эдуардом Эдуардовичем» таскались на Лесное кладбище, блуждали там, как привидения, среди могил. Но паскуда майор не клевал на приманку. Поначалу Костя, признаться, изрядно нервничал. Вдруг Ткачук все-таки заявится. И неизвестно еще, кто кого первым подстрелит — майор бьет без промаха, не задумываясь о пределах необходимости обороны.

На третий или четвертый день кладбищенской вахты Костя окончательно уверовал, что Ткачук не придет. А он пошел. Надо же было именно в то утро Косте и Коновалу задержаться в машине. Не хотелось вылезать из теплого салона в утреннюю промозглость. Они выскочили только тогда, когда увидели бегущего к ним по аллее «Померанцева». От неожиданности и волнения Костя не смог сразу вытащить из кобуры под мышкой револьвер «смит энд вессон» 38-го калибра. Майор и тут их опередил. Хлопнули три выстрела. Двойник Померанцева врылся носом в землю. И только тогда заговорил автомат Коновала — этот тоже зазевался.

Дальше произошло непредвиденное. Ткачук швырнул гранату. Они с Коновалом плюхнулись наземь, ожидая взрыва. Когда через несколько секунд мертвой тишины подняли головы, то увидели, что из «гранаты» валит и стелется над могилами черный дым. Что за фигню этот сапер опять выдумал? Костя с досады выругался про себя.

Продолжать преследование майора в таком дыму было бессмысленно и опасно. Коновал еще раз саданул очередь в дымовую

завесу. И они побежали туда, где лежал незадачливый двойник Эдуарда Эдуардовича. Когда его перевернули на спину, он застонал. Живой. Это скверно. Теперь согласно инструкции Померанцева придется взять на себя еще одно мокрое дело. Костя быстро оглянулся по сторонам, подобрал камень и обрушил его на голову раненого.

Докладывая Померанцеву о неудаче на кладбище, оба бойца ни словом не обмолвились о своей оплошности.

— Кто знал, что у него дымовая шашка? — Костя старательно отводил взгляд от шефа. — Я таких шашек в армии не видел.

— И я, — поддержал Коновал.

Померанцев устало потер виски:

— Меня от вашей бестолковости уже мутит. Мне бы одного такого майора, я бы всех вас давно разогнал. Боже, с кем приходится работать.

Эдуард Эдуардович смерил своих горе-помощников уничтожающим взглядом.

— Ладно, — заключил он. — Ты, Костя, немедленно позвонишь из автомата в милицию. Скажешь, что был очевидцем убийства на Лесном кладбище, знаешь убийцу. Это Ткачук Петр Васильевич, отставной военный. Свое имя не называешь, так как боишься расправы.

Уже вечером в телевизионных новостях Костя увидел портрет майора. Каждый, кто знает о его местонахождении, должен сообщить по такому-то номеру. Преступник вооружен и очень опасен. Дикторша с особым удовольствием в голосе подчеркнула, что убийца — офицер оккупационной армии. Да, шеф у них голова! Костя в очередной раз восхитился Померанцевым. Ишь, как ловко все обтяпал! Майора возьмут как убийцу. Двойника Эдуарда Эдуардовича похоронят как Померанцева, даже некролог в газете будет. А их изворотливый шеф, наверное, уже заготовил себе новую ксиву. Костя дал себе слово, что следующее задание, хоть кровь из носа, он выполнит с блеском.

Правда, пока блеснуть особо не удастся, потому что дело оказалось пустяковым. Костя небрежно пододвинул поближе телефон и набрал номер редактора Синаева. Представившись другом Померанцева, осведомился, не имеет ли Сергей Федорович что-либо сообщить. Тот осторожно спросил:

— А что с Эдуардом Эдуардовичем?

Нет, он еще не должен знать о «смерти» Померанцева. Однако Костя ответил уклончиво, как рекомендовал «убиенный» шеф:

— Ничего особенного, малость приболел, но велел заботиться о вашем здоровье.

— Спасибо, пока не жалуюсь. Завтра в одиннадцать ожидаю

нашего общего знакомого. Только боюсь, что не придет, вы, наверное, знаете, о чем я говорю.

— Вот я и спрашиваю, имеете ли вы еще о чем-либо нам сообщить?

— Имею, — после некоторой заминки ответил редактор. — Но не по телефону.

Встречу откладывать не стали. Костя взял у Синаева конверт с какими-то, очевидно, важными бумагами. В свою очередь, передал редактору солидную сумму денег — за услугу. Тот слегка смутился, но ломаться не стал.

Ну, теперь шеф им будет доволен. Костя в ожидании похвалы пожирал глазами начальство, распечатывающее конверт. Но едва Померанцев начал читать отпечатанные на машинке листки, лицо у него стало жестким и бледным. Таким своего хозяина Костя никогда не видел.

Виктор Игнатенко сидел один в опустевшей квартире. По телевизору передавали новости. Опять, какой уже по счету, взрыв в Риге. В Ольстере, наверное, сейчас спокойнее. Нет никаких сомнений в том, что стоит только отсюда вывести Прибалтийский военный округ, в тот же день начнутся аресты и погромы «врагов нации». Вот уже где порезвятся ребятки из лесного замка...

При следующем кадре Виктор непроизвольно потянулся к экрану. Сомнений быть не могло. Объявлен розыск Ткачука. До сих пор Виктор не мог до конца понять, что за человек майор. Ясно, что он бьется с подонками, Виктор благодарен ему за то, что отомстил за родителей, за Сашу Клюева. Но методы... Прямо махновщина какая-то, «красные бригады». Как же помочь ему? Надо хотя бы предупредить, вдруг не смотрел телевизор. Виктор наспех оделся и направился к подруге майора.

Открыла дверь хозяйка квартиры.

— А его нет дома. И давно уже здесь не появлялся. — Мелиораторша загородила вход могучим бюстом.

Игнатенко в нерешительности продолжал стоять у двери.

— Да впусти, это же Игнатенко! — донесся из глубины квартиры знакомый голос.

Петр Ткачук предстал во всей своей красе. Армейская рубашка расстегнута до пупа. Борода и волосатая грудь слились воедино. Красное довольное лицо выражало полнейшую безмятежность. Рядом с диваном, на котором в позе казацкого атамана возлежал «опасный преступник», стоял маленький столик. На нем с трудом уместилась пузатая четверть с прозрачной жидкостью, миска картошки в мундире, тарелка квашеной капусты, граненый стакан и револьвер. Сцена была явно из времен Котовского

и Пархоменко. Не хватало только ржания коней за окном. Его заменяло блеяние депутатов на телеэкране.

Вот за микрофон ухватился записной «демократ» и стал требовать отставки правительства. Глаза у Ткачука зажглись, как у охотника. Он вскинул наган и, изображая выстрел, щелкнул языком.

— Шестнадцатый, — с удовлетворением произнес он, наполнил стакан и залпом выпил. — Присоединяйся, Витек, выкладывай что на душе.

Виктор вздохнул и покорно выпил. Ткачук заставил повторить. Комната поплыла. Игнатенко пытался сосредоточиться: зачем же все-таки он сюда пришел?

— Вы теленовости смотрели? — начал он. — Вас ведь разыскивают.

— Ну и нехай. Ты лучше закусывай. Налегай на капусту, там, говорят, нитратов больше всего. А может, меньше... О! Президент!

Ткачук указал дулом револьвера на телевизор. Президент, как всегда, призывал к консолидации.

— Есть, Михаил Сергеевич! — Ткачук торжественно встал. Отведя в сторону локоть, поднес к губам наполненный до краев стакан, с бульканьем опрокинул его содержимое вовнутрь, крякнул, рухнул, словно сраженный пулей, на диван. И захрапел.

Игнатенко ел капусту и с завистью смотрел на безмятежного майора. Силен мужик! Его разыскивает вся рижская милиция, а он глушит самогон и в ус не дует. Ему бы, Виктору, так... Но журналист должен работать не топором, а пером.

На следующее утро Игнатенко приехал в редакцию с больной головой. Не помогли ни три стакана томатного сока, выпитого в кафе Дома печати, ни две чашки кофе по-турецки, коньяк давали только с двух.

— Сенсация! — встретил его корреспондент из отдела хроники Кирилл Павлов. — Синаев уходит.

— Врешь.

— Клянусь перестройкой! Уезжает из Риги, но куда, не говорит. Тут слух прошел, в Калининграде создается газета, которая будет выходить на всех прибалтийских языках — латышском, шведском, финском, русском и тэ дэ. Может, он туда навострился. Но это еще не самое смешное. Синаев подал заявление о выходе из партии. Нашего парторга чуть кондрашка не хватил.

Виктор тоже опешил. Верноподданный партиец, не допускавший в газете ни строчки критики в адрес партийных органов, забивавший все газетные полосы выступлениями секретарей, всю жизнь не дававший ходу в редакции беспартийным — и вот на

тебе. Хоть и знал Игнатенко о двуличии своего редактора, но такого исхода не ожидал. Каким же словом называл отец подобных приспособленцев? Членоногие! То есть члены партии, «делающие ноги» из КПСС.

Виктор уединился в кабинете. На столе под стеклом рядышком расположились два снимка. На одном — отец с матерью, на другом — Саша Клюев. Он долго смотрел на дорогие лица. Потом взял листок бумаги, ручку и стал писать: «Заявление. Прошу принять меня в Компартию Латвии...»

* * *

Ткачук проснулся среди ночи. Мучила нестерпимая жажда. Ощупью, на привычном месте нашел банку с огуречным рассолом. Славная женщина! Он с одобрением посмотрел на спящую рядом хозяйку. Увы, надо расставаться. Найдет ли он себе такую в Москве среди худосочных, напыщенных столичных гусынь? Спать больше не хотелось, и он отправился принять душ. Горячие и холодные струи, пущенные поочередно, выбили остатки хмеля. Голова снова была ясная, как воинский устав. Не бормотуху все же пил, а настоящий первач.

Петр облачился в заранее приготовленный наряд. Мохнатая папаха, стеганый ватный халат, широкие шаровары, чувяки с загнутыми вверх носами. Квалифицированный этнограф сломал бы голову, пытаясь выяснить, чей это национальный костюм, но вряд ли таковые имеются в штате местной милиции. Заблуждение, что в целях конспирации надо одеваться как можно неприметнее. Наоборот, чем колоритнее наряд, тем больше шансов, что тобой не заинтересуются. Ткачук пожалел, что не достал одеяния китайского мандарина. Ну, чем богаты, тем и рады. Петр закинул торбу, где среди вещей был любовно упакован его арсенал, — и в путь.

Лежа на верхней полке поезда Рига — Москва, Петр смаковал свежий номер «Единства». Молодцы, дали без сокращений. Жаль, покойный Померанцев уже не прочтет про свою, разоренную им, Ткачуком, фирму. Вот бы у него рожа перекосилась.

В статье нет ни слова про московские связи Эдуарда Эдуардовича. Ткачук сознательно приберег эту часть информации. Она свидетельствовала о том, что померанцевская «Сигма», пускай и не напрямую, управлялась из белокаменной. Он должен добраться и до тех. Зацепка имеется. Ткачук достал листок календаря, который изъял у Вовчика, еще раз пробежал глазами запись: «Димитрова, 43, кв. 32». Ну что ж, Карл Иванович, жди гостя.

●

Василий КАЗАНЦЕВ

ВОСЬМИСТИШИЯ

Повилика ноги обвила.
Губы в красной ягоде медовой.
В волосах запуталась пчела,
И смешалось с легким ветром слово.

Будто зов, навстречу мне глядишь?
Будто сон, навстречу мне ступаешь?
Будто вздох нечаянный, летишь?
Будто свет, в душе моей сияешь!

* * *

Ветер дышит речною низиной,
Спелой рожью, пихтовым леском,
Прутняковой упругой корзиной,
Новым, крепким, тугим туеском.

Берег светится огненной глиной.
Струйкой светит тропа в пихтаче.
Губы светятся спелой малиной.
Зубы светятся галькой в ключе.

* * *

Стволами сосен осиянна,
В себя вбирая синь высот,

В лесу округлая поляна,
Как будто озеро, цветет.

Воды подобная дыханью,
Как белопенный снег, строга.
Пред неприступно чистой гранью
Сама собой замрет нога!

* * *

И ветра набегал порыв.
И ветвь нависшая шептала.
Тропа всходила на обрыв.
У темной грани замирала.

Воды речной чернела гладь.
И начинал туман сгущаться.
И было тяжело дышать.
От ветра. От любви. От счастья!

Москва

Художник С. Трофимов

Владимир ЧИВИЛИХИН

НАДЕЖДА НА БУДУЩЕЕ*

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКОВ И ПИСЕМ

1. Кончаловской Н. П. ** (по черновику)

Дорогая Наталья Петровна!

С трепетом посылал Вам свои книжки и с таким же чувством раскрыл сегодня Ваше письмо. (Оно шло долго — Вы послали его на издательство, а я работаю в «Комсомолке».) Спасибо, спасибо, еще и еще раз спасибо за Ваше чудесное послание. Не буду говорить, как это много для меня, буду долго помнить это редкое Внимание.

* Окончание. Начало в № 10 за 1991 г.

** Н. П. Кончаловская — поэтесса, прозаик.

Ваши добрые слова рассматриваю прежде всего как аванс, который я должен отработать. Полностью согласен с замечаниями. Я теперь острее вижу, сколько в «Серебряных рельсах» огрехов и, конечно, при переиздании перепашу всю книжку.

Безусловно, две последние главы снижают книгу и надо писать заново, очевидно, одну главу на одном вздохе. Многие недостатки (Вы, я считаю, еще были ко мне снисходительны) объясняются тем, что писал ее в так называемое «свободное от работы время», то есть по воскресеньям и ночам. Я ведь скоро два года как служу в «Комсомолке» редактором отдела литературы — это расстрел в рассрочку — так много для этого занятия требуется времени и сил.

У нас с Вами сходятся мысли и об оформлении книжки. Я настаивал, между прочим, чтобы на вклейке внутри (это называется форзацем) были помещены карты, правда, не в таком выразительном исполнении, какое подсказываете Вы. Однако издательство побоялось удорожить книжку.

Откровенно говоря, Наталья Петровна, с жизнью А. Кошурникова, насколько я ее проследил и обдумал, со смертью его завязано так много психологических, социальных, эстетических, хозяйственных и моральных узлов, что этот материал мог стать темой для большого художественного произведения, полемичного, глубокого и невероятно нужного. И у меня часто щемит сердце оттого, что не решился я на такой подвиг. Понимал — не вытяну, понимал — надо мне еще долго грызть руки и лить горючие слезы за письменным столом, прежде чем взяться за такую работу, а все-таки жалко и тягостно.

Что ж делать? Книжка пошла, в таком ее виде...

Прошлый год у меня счастливый. Героиню моей повести «Здравствуйте, мама!», публиковавшейся в «Комсомолке» три года назад, весной наградили орденом за дела, которые я описал. Осенью было принято решение правительства по «Шуми, тайга!» — ребятам отдали всю Прителецкую падь, 300 тысяч гектаров, а совсем недавно дневник А. М. Кошурникова, оставшиеся его документы и вещи взяты в Музей революции. Там уже целый стенд.

Наталья Петровна! Если б вы присоветовали мне настоящего скульптора, который бы изваял группу Кошурникова с друзьями — это же такая тема для подлинного художника! Представляете — на перроне ст. Кошурниково плот в волне, а на нем — симфония страстей и мыслей!..

Я очень, очень рад, что Вас тронули темы моих книжек. А мне ведь все это близко — я там родился и прожил 18 лет. На меня наползают оттуда темы и не дают спокойно жить. Ведь Сибирь — это не только бездонный кладезь природных сокровищ, это — неисчерпаемый океан человеческих характеров. Или мне это только кажется, потому что я больше знаю тамошних людей?

В прошлом году и другое большое событие было у меня — С. И. Щипачев пригласил меня и сказал, чтоб я подавал в Союз. На другой день мне написали хорошие напутствия Борис Полевой, Илья Котенко и Евгений Рябчиков. Секция очерка меня рекомендовала, теперь еще одно чистилище. Дрожу, но приму как должное, если мне и откажут. Хотя, я думаю, должны принять — у меня четыре повести, из них три вышли книжками, а четвертая — выйдет в конце этого года — начале следующего.

Еще раз перечитываю Ваше письмо и просто не могу успокоиться, и сил прибавляется от того, что есть у нас живые души.

Я очень хотел бы с Вами встретиться, поговорить о разном. Доброго здоровья и успехов во всем. До свидания.

С уважением В. Чивилихин. 1961 г.

2. Михалевич А. В. *

Уважаемый Александр Владимирович!

Благодарю Вас за то, что Вы помянули мою повесть «Серебряные рельсы» в одной из литгазетовских статей.

Я заметил это поздно, потому что очень долго пробыл в Сибири, в местах, куда газеты не доходят, и познакомился с Вашей статьей сравнительно недавно.

Статья Ваша интересная, важная, написана с сердцем. Я не вижу никакого умаления моей работы, в противопоставлении — «но самую удивительную повесть домысливает жизнь», хотя, откровенно говоря, так противопоставлять нельзя и давно хочется, чтобы кто-нибудь поразмышлял о документальной литературе, она того уже заслужила.

Да, вот взять героев Брестской крепости. Подвиги их удивительнее любой повести, но достоянием мира, истории, литературы их сделал С. С. Смирнов, человек необычайной профессиональной честности, крепкого партийного закала, взваливший на себя гигантский труд, ни на мгновение, я думаю, не задумывавшийся над тем, что этот труд не окупится для него в денежном выражении.

Не знаю, правильно ли будет здесь ссылаться на А. М. Кошурникова, но ведь о нем до меня писали Б. Рудерман и А. Коптелов, а дневник, оказывается, был опубликован полностью за пятнадцать лет до того, как я о нем услышал. Обо всем этом я, несколько лет изучавший А. М. Кошурникова, узнал уже после того, как почти закончил свою работу. В чем тут дело? Видно, в том, что меня в свое время целиком захватил этот человек, я собрал о нем все, что только было, думал о нем днем и ночью, прокомментировал на 80% его технический дневник в соответствии с образом, который вырисовывался из всего материала о нем.

Я написал далеко не шедевр. Больше того, иногда жалею даже, что вообще написал. Сейчас бы все сделал куда лучше. Страшно досадую, что не создал тогда фигуры, которая соответствовала бы, была б соразмерной, скажем, знаменитому герою Б. Полевого. Но уверен, что к образу А. М. Кошурникова люди еще будут обращаться и он займет свое истинное место. Вы посмотрите, Ал. Вл., что сделали англичане со своим Робертом Скоттом. Его дневник может быть сближен с дневником А. Кошурникова — и там и тут беспримерное мужество перед лицом неминуемой смерти. Дети Альбиона сотворили из Скотта икону, воспитывают на нем скаутов и молодежь, кстати, не только в своей стране. Между тем Р. Скотт при всем его мужестве был честолюбивым и завистливым человеком, интриганом, суперменом в худом смысле этого слова. А Кошурников — наш, свой, советский, смысл его жизни и смерти понятнее нам, и он был

---

* А. В. Михалевич — писатель.

благородным человеком, лишенным позы и суперменства, был тружеником. Несмотря на очевидную мою недотяжку, Кошурников начал жить новой своей жизнью, он уже работает — помогает строить молодые души. Мне кажется, в какой-то степени я помог ему возродиться и сделаться полезным.

И вообще говоря, по читательским письмам — а их у меня скопилось несколько тысяч — я вижу, что документальное повествование, обладая особым обаянием достоверности, хорошо срабатывает. Хотя само слово «документальность» — плохое. Когда я его слышу или вижу в печати, то такое ощущение, будто меня бьют по морде листом железа: грому много, а толку чуть. Это объясняется, видно, тем, что мы порядочно поднапортили, печатая слабые, сырые «документальные» повести. Но ведь и в «чистой» прозе серятины хоть отбавляй, так ведь? Значит, если говорить о документальной литературе, нужно судить и о качестве ее.

Убежден, что эта разновидность литературы имеет большое будущее. Вспомните Льва Толстого, который однажды сказал, что литератору в будущем станет стыдно выдумывать про какого-то Ивана Ивановича, он будет просто описывать жизнь как она есть, это не точная цитата, а суть мысли.

Вы заметили, что в старой литературе, конечно, подобного не было? Я это объясняю тем, что пафос документальной литературы — у т в е р ж д е н и е. Хорошей, между прочим, подпоркой этому жанру служат подлинные документы — дневники, письма, записки. «Комсомолка» тут сделала немало. Вспомните дневники В. Головинского, записки В. Степанова, письма О. Панковой и Вали Чунихиной. В газете я все время дрался за эти бесценные штуки и удивляюсь, как до сих пор не издали томик или два — вот был бы подарок комсомольскому работнику, да и любому живому человеку! А почему, между прочим, нет в школьных программах Чекмарева и Кубанева? Вот материал для нескольких нескучных уроков! Написали бы Вы где-нибудь об этом!

А разве не замечательно, что столбовые произведения нашей литературы, на которых воспитывается молодежь, сделаны на прочнейшей документальной основе! Я имею в виду «Железный поток», «Чапаева», «Как закалялась сталь», «Молодую гвардию», «Повесть о настоящем человеке». Поставленные в ряд, эти книги приобретают новую силу и качество — Вы согласны?

Что у меня нового? В «Комсомолке» давно не работаю. Перевели в «Молодой коммунист» членом редколлегии. С. Павлов сделал это для того, я думаю, чтобы не отпускать меня из своей системы, потому что я навострил лыжи совсем. Курирую там очерки и вопросы литературы. Кстати, не напишете ли Вы, Александр Владимирович, нам в журнал? Это интересный журнал, правду говорит. Полистайте-ка. Тираж у него большой, пишите статью на любую тему...

Пишу сейчас повесть на сибирском материале о рабочих. Не документальную. Получается интересно, однако в прозе «чистой» я — новичок и посему больше грызу руки, чем пишу.

Задумал еще одну интересную вещь. Есть материалы для проблемных очерков. В общем, работы по горло.

В Москве в СП тухло. Еще надоели чижики-пыжики! Последний роман в «Юности» начинается так: «У попа была собака. Он

ее, естественно, любил». Тьфу! Писать традиционно стало сейчас уже оригинально, вот дожили!

Посылаю Вам свою недавно вышедшую книжицу. Я не считаю ее произведением, которым имею право гордиться. Но Вам интересно будет, потому что она на украинском материале*. И в дальнейшем я не думаю пренебрегать жанром, обращающим на пользу общего дела факты жизни, жанром, в котором — я убежден — таятся огромные резервы.

Я что-то расписался, извините. Давно не писал таких длинных писем. Телефон прекрасное изобретение, но он убил начисто эпистолярный жанр литературы, и самое, может быть, дорогое, — общение живое меж людьми.

До свидания.

В. Чивилихин

20.XII.1963 г.

3. Кетлинской В. К.** (по черновику)

Здравствуйте, Вера Казимировна!

Только вчера увидел Ваш отзыв на мою повесть «Про Клаву Иванову». Досадно, что я не успел получить Вашего письма до засыла повести в набор.

Ваш отзыв мне очень дорог. Дело в том, что писать я начал будто в самодеятельности участвовать, сделал несколько книжиц, их отмечали, похлопывая меня по плечу, но вот такого отношения старшего товарища, какое проявилось на страничке Вашего письма, я не предполагал. С Союзом ведь получается какая-то ерунда. Тутошние сборища я стал ненавидеть. Не знаю, как у Вас в Питере, а здесь что ни скажут — все поперек пуза, все не о том, все с ужимками тщеславия, ласкательства-приятельства, с поглядами вокруг и вверх; тянут друг дружку за уши и за что ни попадя, а кто по-другому думает — стараются убедить его в том, что он дурак. И нет главного, того, зачем Союз создавался — подлинной, искренней заботы об отечественной, как говорилось в старину, словесности.

Вы, может быть, не поверите, Вера Казимировна, но некоторые московские литераторы... после того, как прочли повесть, даже вроде бы перестали замечать меня, не здороваются. Но тут уже черт с ними, не все же пока считают, что главная, столбовая фигура в нашей молодежной прозе — мятущийся, сомневающийся во всем, даже в своем сомнении недоносок, «интеллектуал»... И я убежден в том, что в нашей литературе народность на новом этапе грядет. Посмотрите, например, как крепко работает Виктор Астафьев! Талант просто прет из его рассказов «Старая лошадь», «Конь с розовой гривой», из повестей. Пяток таких авторов да поддержку им минимальную, и мы не будем к старости краснеть за свое время...

Ваши добрые слова в мой адрес наградили меня, я их отработаю за столом, а Ваши пожелания намотаю на ус и при подготовке повести к изданию учту. Мне они важны и потому еще, что заставляют внимательнее смотреть на фразу, на абзац. Только последнее Ваше замечание я не могу принять. Конечно, когда Спирин на сыром снегу, коленопреклоненный, обливается пе-

---

* «Здравствуйте, мама!»

** В. К. Кетлинская — писательница.

ред Клавой горючими слезами — это пошло до тошноты. Мелодраму эту я сниму, но историю все же пускай читатель сам закончит. Мне кажется, это он сможет сделать после всего того, что узнал о героях, особенно о рассказчике, Петре Жигалине. Может, это тот случай, когда читателю надо дать воздуху?..

Ваше «Плато выше туч» еще не читал, номера пока нет, но прочту обязательно.

Желаю Вам, Вера Казимировна, творческих успехов, хорошего настроения, «Мужества» на новом этапе. Еще я заметил, что Ваш отзыв написан 2 мая, и еще раз благодарю за редкое по нынешним, негорьковским временам Внимание. Нет, есть у нас еще кой-чего! Недавно я получил интересное и большое письмо от Н. М. Грибачева, с которым я лично не знаком, вернее, так знаком, вприглядку. Он пишет, что прочел повесть в журнале, «хотя уезжает в отпуск и дел до черта». Силен! Не только внимательно прочел, но даже письмо мне прислал, да еще какое. Нет, есть. До свиданья!

6 августа 1964 г. Москва.

В. Чивилихин

4. Красновскому *

Тов. Красновский.

Преподавание литературы в школе — настолько обширная и сложная тема, связанная с таким множеством других проблем, что коротко, в сущности, ничего не скажешь. Тут и вопросы общекультурные, имеющие тесную связь с темой, и роль Академии пед(агогических) наук, и недостатки вузовской подготовки будущих учителей, и принципы составления учебников и хрестоматий, и современное состояние книжного дела и т. д. Это — огромный комплекс вопросов, и решаться он должен всесторонне, однако сие неосуществимо и все сваливается на бедную голову учителя.

Что же касается первейшего долга учителя литературы в школе, то он, на мой взгляд, состоит прежде всего в том, чтобы привить детям любовь к литературе, а знание ее — результат прививки, что-то вроде неизбежного побочного продукта. Только как это сделать? Не знаю. Это должен знать школьный учитель, иначе он не учитель, а пономарь. И если сам учитель не любит (следовательно, не понимает и не знает), скажем, «Слова о полку Игореве» — с этого великого произведения русской и мировой литературы начинается все, — как он может привить любовь к нему детям? С уважения и любви к старорусской литературе, связанной с уважением и любовью к родной истории, должен зарождаться желанный процесс, определяющий все последующее. На примере самых выдающихся памятников нашей литературной старины учитель обязан раскрыть красоту, глубину, сложность, величие, гуманизм начальной отечественной словесности. Это хорошо понимали сто лет назад. Посмотрите гимназические учебники столетней давности — и все станет ясно. Без этого важнейшего начального дела все дальнейшие усилия бессмысленны.

(60-е годы) В. Чивилихин

---

* Красновский — сотрудник Лаборатории литературы НИИ СиМО.

5. Парфенову В. Ф.*

Здравствуй, Виталий!

Получил от тебя письмо с договорами, отчетом, с описанием того трудного положения, в котором ты сейчас.

На днях я более или менее разделался со своими делами, много чего заслал в набор, еще кой-какие дела поделал и вот освободился. Все это время обдумывал статью о нашем общем деле** — ты тоже, кажется, считаешь, что надо выступать, тем более, что в конце декабря наш юбилей: пятилетие Кедрограда.

И вот передо мной лежат какие-то наметки статьи, я перебираю документы о последних событиях и решил написать тебе.

«В конце концов я понял, что эта идея комплексности, хотя и хорошая уже на делах, а не на словах, она никому не нужна. Страшно все ломать и работать по-новому, по старинке работать легче: «Было бы сейчас, пока мы сидим в креслах, а потом хоть потоп». В общем, это никому не нужно, а биться, как рыба об лед, тоже не дело... Если опять ничего не выйдет, придется плюнуть на все. И вообще я уже страшно устал...»

Это отрывок из твоего письма прошлогоднего. Почти ровно год прошел с того времени, а что, по существу, изменилось? Изменилось, но в худшую сторону. Вот вехи этих событий: 1. Отдача в рубку Еланды и Нырны. 2. «Великолепный» жест М. М. Бочкарева*** — «а вот им место, кедроградцам, на Колдоре». 3. Фактическое снятие с работы Жидеева и тебя, несмотря на то, что 1963 год был, можно сказать, годом осуществления нашей мечты. 4. Затяжки с перебазированием Кедрограда (с нашей стороны — ради спасения идеи) в отсталый леспромхоз. 5. Провокация Вашкевича с разгоном специалистов Кедрограда. 6. Обман с планом (договаривались на 100 тысяч $м^3$ (рубок. — *Е. Ч.*), а сейчас сколько?) 7. Ни денег, ни времени на опытные работы...

Это очень важное письмо, Виталий, и прошу читать его внимательно. «Идея никому не нужна?» Так ли? Была нужна Мотовилову, Мукину, Яблокову, Хлатину, Каплану, тебе, мне — вот уже полдюжины лиц, а сотням других? Идея нужна! Государственной экономике, лесному хозяйству, народу в конечном счете. Однако, перебирая события прошедшего пятилетия, выстраиваешь в ряд главное:

За пять лет в Кедрограде сменилось шесть директоров, дважды, а то и трижды поменялся состав специалистов (всякий раз процентов на 90) и рабочих (процентов на 99), трижды пересобачивалась территория, дважды гробились деньги на лесоустройство и проект, дважды переносилась центральная усадьба хозяйства.

Это все не случайно. Идея кое-кому не нужна, вот в чем вопрос. Он даже посложнее, чем в такой категоричной формулировке. Хозяйство по комплексному использованию кедровой тайги и нужно, и ненужно тт. Бочкареву и Вашкевичу. Нужно

---

* Парфенов В. Ф. — инженер лесного хозяйства, один из создателей и руководителей Кедрограда.

** Создание первого в стране хозяйства по комплексному использованию богатств кедровой тайги.

*** Бочкарев М. М. — первый зам. министра лесного хозяйства.

затем, чтобы на призывы и нажимы начальства, ученых и общественности по поводу кедровой проблемы отвечать: «Мы занимаемся ею, даже создали опытное предприятие, ждем от него результатов, помогаем ему и т. д.». В то же время они искусственно держат хозяйство в прогрессивном параличе, и им это нужно затем, чтобы, не дай бог, получится хороший результат — тогда ведь придется все леспромхозы кедровой зоны переводить на этот принцип работы. Так, как было эти пять лет, хорошо! И хозяйство вроде есть, занимается проблемой, мол, а пока можно хлестать кедр по всей Сибири с возрастающей свирепостью. Вот когда оно уж покажет себя, тогда посмотрим...

Но я убедился, Виталий, что при таком отношении к делу наших с тобой руководителей — ничего не будет. Еще раз подумай над событиями последнего года... и над тем, почему они начались тогда, когда **Кедроград получил, наконец, первый фактический успех, подтверждение идеи даже без осуществления проекта.** С каждым днем я все больше убеждался в том, что это — продуманные и целенаправленные акции. Тебе сообщали студенты МЭИ о своих беседах с Бочкаревым и Вашкевичем? Рассчитывая на неосведомленность студентов, они непроизвольно раскрывают карты...

Итак, я готовлю статью «Пятилетие Кедрограда», правдивую и наступательную. Если ты согласен с основным принципом, который я выразил в этом письме, — помогай. Надо это делать сейчас, а то упустим момент. Бочкарев и Вашкевич ясно чего сейчас хотят — затянуть тягомотину еще на 5—10 лет, а тогда от кедровой тайги званья не останется, и эти люди будут в других креслах. И тут не только в этом дело. Люди-то не железные, и я в первую очередь думаю о тебе. Я знаю — ты честный человек и хороший коммунист, можешь тянуть, пока не сдохнешь, а Бочкарев с Вашкевичем только порадуются. Наверно, надо идти на бой. И идти мне, так как я от них независим...

Сейчас, получив это письмо, ты никому его не показывай, дело тут серьезное. Я даже считаю, что бумага Никифорова об оплате подсочников ПИБ (проектно-исследовательское бюро. — *Е. Ч.*) за счет себестоимости, попытка Вашкевича разогнать II лесоустроительное совещание тоже входят в этот ряд акций.

И вот я прошу тебя, впервые за эти пять лет да́же не прошу, а настаиваю, чтоб ты срочно мне ответил.

Ответь на ряд вопросов:

1. В чем выражался прорыв Иогача? Какой (поточнее) убыток он дал в 1963 году? Как в том году справился с программой? (Тут ты лучше меня знаешь, что написать, чтоб я понял, в какой дыре был Иогач).

2. Что оставили из нажитого и дареного в Уймени? Книги — сколько? Хирургический инструмент? Палатки? И т. д. перечисли, что они, если по совести, могли бы отдать.

3. Сколько специалистов из Уймени сейчас на озере? Сколько рабочих?

4. Подробно, какие постройки новые оставили вы в Уймени?

5. Как сейчас положение в ГАОЛПХе? (Горно-Алтайский опытный леспромхоз. — *Е.Ч.)*. Как с планом? **Какие трудности создавало в этом году управление?** Я знаю о сетках и мешкотаре,

но ты тут мне освети — что вы предпринимали, чтобы собрать орех, сколько взяли фактически?
6. На новый год, я слышал, вам увеличили план? На сколько? А как с расчетной лесосекой? Перерубаете?
7. **Очень важное!** По Вашкевичу надо бить наотмашь, он тут вас бьет, не стесняясь, клевещет...
8. Добавь все, чего я не знаю и что мне поможет.

Статью думаю писать с утверждающей концовкой. Ведь новое наше правительство ориентирует всех просто: нужно дело, опора на науку и опыт, отпор волюнтаризму. Тему подведу к кедровой проблеме. Буду требовать срочной помощи Кедрограду, возможности проводить опытные работы, срочного проекта и т. п. Что еще надо? Думаю, что толк будет. В конце всего есть у меня, Виталий, последний козырь — попрошусь на прием к Председателю Совета Министров РСФСР тов. Воронову и обскажу ему все. А иначе мучиться тебе там еще десять лет — и вся жизнь пройдет, и кедр сибирский дорубят до гольцов, до болот.

Жду срочного ответа. Найди время. Ты сам понимаешь, что это сейчас важнее всего.

В. Чивилихин

10.XII. 64 г.

P. S. Конечно, позитивным аспектом статьи будет опыт Кедрограда, пусть и небольшой, но полученный в очень сложных условиях. Об этом хорошо в записке сказано, которую ты мне прислал, в специальных статьях. Тут ничего не надо добавлять, кроме, пожалуй, «пушки Парфенова» — напиши подробнее, что сейчас с перевозкой прицепов, пошло дело?

Вчера я съездил в Общество охраны природы и взял у них решение (стенограмма у меня раньше была). Ты помнишь, что там было? Доклады Мотовилова, Крылова, Колесникова, твой.

В решении опыт Кедрограда официально зафиксирован, много интересных рекомендаций и этот документ тоже хорошо ложится в статью — сразу после него началось...

В. Чивилихин

6. Палагиной В. В. *

Уважаемая товарищ Палагина!

Извините, не знаю Вашего имени-отчества, поэтому обращаюсь так официально.

Передо мной лежат два тома редактируемого Вами «Словаря русских старожильческих говоров». Считаю, что филологи Томского университета делают большую и благородную работу, редкую по нынешним временам. Не мне судить о научном значении этой работы, хотя оно, несомненно, велико. Скажу попросту о том, как отношусь к ней я, рядовой русский писатель.

Словарем не только можно пользоваться, не только изучать его, но и читать. Для меня и других писателей-сибиряков и несибиряков ваш труд — замечательное подспорье в работе, однако я скажу все же о чтении. Мне лично занятие сие доставляет истинное наслаждение. И дело совсем не в том, что я родился в Мариинске, долго жил в Тайге, бывал во многих деревнях, которые посетили диалектологические экспедиции томичей-фило-

* В. В. Палагина — доцент Томского университета, редактор «Словаря русских старожильческих говоров».

логов, и радость узнавания **родины** через Вашу работу ни с чем не сравнима. Дело в более существенном, принципиальном. В современной нашей литературе есть тенденция к обесцвечиванию, дистилляции, обеднению языка, противоречащая великим традициям великой русской литературы. Ваша работа настораживает слух, прививает вкус к народному слову, позволяет заглянуть в его семантические глубины, выявляет огромные резервы современной литературной речи...

Не так давно при встрече в Москве с директором Западно-Сибирского книжного издательства тов. Китайником А. У. мы говорили о необходимости переиздания этой конторой «Словаря старожильческих говоров» более крупным тиражом. Ничего утешительного я пока не услышал, но идеи своей не оставляю. Сообщите мне, пожалуйста, свои соображения на этот счет. Может быть, стоит организовать тут письмо писателей? Как Вы сами, лучше меня зная весь фон, смотрите на свой труд?

Сердечно благодарю Вас и весь коллектив томских филологов за труд. С нетерпением жду выхода очередного тома. Как мне его добыть? Когда предполагается закончить все издание?

С уважением Владимир Чивилихин
19 марта 1967 года

7. Грибачеву Н. М.*

Многоуважемый Николай Матвеевич!

Недавно в присутствии товарищей Вы сказали мне, что я «отошел» от борьбы, «занимаюсь только своим кедром»...

...Вот относительно моего «отхода от борьбы» хотел бы сказать несколько слов. Вы, очевидно, имеете какие-то претензии к моей общественно-политико-литературной работе за последние 2,5 года? Какие? В чем выражается, на Ваш взгляд, мой «отход»?

Посмотрите, Николай Матвеевич, как я жил и работал эти годы. С января 1965 года по настоящее время я написал и опубликовал 17 статей и очерков по различным вопросам литературной, хозяйственной, политической жизни... «Организовал» за это же время 7 авторских выступлений в печати — ученых, инженеров, студентов... Выступил с тремя большими речами — на XV съезде ВЛКСМ, на Челябинском выездном секретариате СП РСФСР, на пленуме СП РСФСР.

За это же время я съездил: в Читу, в Бурятию, на Байкал (все три поездки — раздельные), в ГДР, в Японию, на Волгу, два раза на Украину, в Челябинск, в Ташкент. 10 поездок! На днях выезжаю в Кемерово и Новосибирск, а оттуда в Комсомольск-на-Амуре. В середине лета я должен непременно побывать в Киргизии. Комментировать этот абзац я не буду, скажу только, что из всех этих поездок лишь две — творческие. Во всех других случаях кому-то надо, чтобы я поехал.

За последние 2,5 года я дал пять рекомендаций в СП, прочел и отрецензировал десятки рукописей, объем переработанной рукописной продукции только по читинскому семинару — около 120 печ. листов.

А заседания, на которых все же делается какая-то обществен-

---

* Н. М. Грибачев — писатель.

но полезная, гражданская работа? Чего я только не член! И ЦК ВЛКСМ, и редколлегии журнала «Молодая гвардия», и бюро секции прозы МО (Московской писательской организации. — *Ред.)*, и редколлегии «Молодой сибирской прозы», и Центрального Совета Общества охраны природы, и Центрального совета бюро пропаганды СП СССР, и Комиссии по государственным премиям, и председатель Всесоюзного жюри по школьным сочинениям и те де, а всего 16 общественных должностей...

А сколько перелопачено писем, сколько проделано работы, которую никто и никогда не учтет! Я, например, не располагая квартирным телефоном, только путем переписки соединил девять семей, разрозненных войной.

Да, конечно, я еще занимался кедром. И буду им заниматься. Это не самоцель, а необходимость. Конкретная хозяйственная проблема расширяет для меня круг думающих людей, знакомит с глубокими социальными, эстетическими, философскими вопросами, помогает чувствовать себя нужным. Один бог знает, чего стоило подготовить в прошлом году проект решения Совмина СССР по кедровым лесам, членом комиссии по подготовке которого я состоял!

За эти же 2,5 года я каким-то чудом сумел написать многотрудный очерк «О чем шумят русские леса?», в котором предугадал три решения правительства. За этот же срок написал и опубликовал большую и, на мой взгляд, очень серьезную повесть «Над уровнем моря», подготовил новую редакцию повести «Здравствуйте, мама!», начал работать над следующей вещью.

Я делал все это не для себя и не для того, чтобы кто-то «имел мнение», я написал все это не для того, чтобы оправдаться в чем-то, но как же мы... все-таки любим жрать друг друга! Разволновавшись и вдруг подбив свою работу за период, в который я, по Вашему компетентному мнению, «отошел», я прихожу к выводу, что живу неправильно. Я забыл, что такое отдых, почти не хожу в театр или кино, не могу позволить себе съездить на дачу или на рыбалку. Ни разу я не пользовался Домами творчества или санаториями СП, 8 лет вообще не отдыхаю как следует. Здоровье сдает, иногда подскакивает давление, по вечерам мучат невралгические боли, а по утрам рвет — сказывается застарелое заболевание желудка.

Не подумайте, что я жалуюсь. Наверно, я буду жить так же. Только знаю, что могу свалиться. И вот тогда-то уж Вы или кто другой с полным основанием скажет — «отошел».

И еще одно, самое злое. Многие из нас не меньше вашего переживают теперешний «июль 41-го года» в идеологической работе. А Вам, человеку умному и серьезному, полковнику литературного фронта, не к лицу вносить разброд в редеющие ряды солдат и младших сержантов.

2 июня 1967 года

В. Чивилихин

8. Порману Р. Н.*

Уважаемый Рэм Николаевич!

К сожалению, я не думал над проблемами, которые Вас волнуют, и могу написать лишь с ходу.

* Р. Н. Порман — доцент Башкирского государственного педагогического института.

Вы пишете, что мне будто бы ближе Леонов-гражданин, а не Леонов-художник. Это предположение неверно, как неверно само противопоставление. Леонова, как всякого большого художника, я воспринимаю в целом — его идеи, мысли, образы, поэтику, стиль поведения, позицию, характер. Все это неразрывно и даже дополняется и обуславливается взаимодействием. Есть тут другой вопрос — о примате гражданина над художником в личности, в практике писателя. Я, так же как и Леонов, считаю аксиомой такой примат, естественным состоянием творческой личности наших дней. И вот исходя из этого надо, наверно, подходить к Леонову и проблеме его влияния. Это будет научно. Иначе, Рэм Николаевич, Вы, мне кажется, легко соскользнете на формальные, необоснованные натяжки, на отыскивание мелочных подобий в стиле, образах и прочем.

Как всякий самородный талант, Леонов неповторим, и подражать ему нельзя. В заметках «Уроки Леонова» я пишу, например, что леоновский прием художественного иносказания — прессование реальности до символов — это принципиально новый ракурс в образном видении мира, щедрый вклад советского писателя в культурную копилку человечества. Этот способ концентрации идейно-философского подтекста не применял никто в мировой литературе, это леоновское, и искать это у нас, молодых писателей нового поколения, — бесполезно.

Если же идти по упомянутой вами «деревенской теме», то это вообще малоплодотворное занятие. Вы вот поминаете дискуссию в «Литературке», называете Леонова среди первых «деревенщиков». По-моему, это какой-то не тот разговор. Не знаю уж, кому это понадобилось придумывать этот термин — «деревенщики»?! Знаете, за дискуссией я не следил, у меня нет времени читать глупости. Извините за резкость суждения, но ведь для настоящего писателя абсолютно неважно, какой фон взять, какое полотно натянуть, чтоб сэкранизировать на него идеи и образы, которые ему не дают спокойно жить. А критическая болтовня о фоне часто уводит в сторону от главного.

Поясню простым примером. В «Уроках» я пишу, как один московский журнал разослал к 50-летию анкеты: какой, дескать, герой ближе всего Вам, полнее отвечает духу времени в литературе о гражданской войне, индустриализации, коллективизации, отечественной войне, современности. Ну хорошо, а если мне ближе всего герой, который не был прямым участником всех этих больших событий?

Действительно, «Русский лес» не относится ни к одному из означенных периодов, и если исходить из этой анкеты, то классический роман советской литературы как бы вне ее? Это же не так! Больше скажу — Иван Вихров, с его глубинным и обостренным чувством истории, с его стремлением «заступиться за родничок», с его борьбой против «вертодоксов» и «притворяшек», с «плебейской неукротимостью в достижении цели» и т. д., полнее подавляющего большинства остальных героев нашей литературы отвечал, отвечает, долго еще будет отвечать «духу времени». Иван Вихров учит быть гражданами и патриотами всех нас, где бы мы ни служили Отечеству — в армии, в науке, в литературе, в партии, в деревне или на заводе.

Для меня «Русский лес» — самая «леоновская» вещь, но возьмите «Метель» или «Нашествие». И там, и там писателем движет

главное, коренное, хотя экран, фон взят очень разный. А «Evgenia Ivanovna»? Совсем уж чуждый, «потусторонний» фон. Но этот бриллиант в нашей литературе сияет бесконечными гранями, в которых свет любви к родине — только лишь первый, самый очевидный луч...

Но давайте возьмем нескольких писателей, берущих деревенский фон, и перейдем ближе к делу, потому что Вы настойчиво спрашиваете, кого я числю в «леоновском строю». Исходя из очень конспективно изложенных выше соображений, из сути их, я считаю, например, маленькую «Карюху» Михаила Алексеева более «леоновской», чем все потуги целой обоймы молодых наших «деревенщиков» (о них я еще скажу). Или вот вдумайтесь в романы Анатолия Иванова — «Повитель» и «Тени исчезают в полдень». Эти книги очень «леоновские» и совсем по другим причинам, чем «Карюха». Какой в них бесстрашный взгляд в глубины человеческой психики, какое ясное видение врага, какая невысказанная мука художника, вынужденного ради будущего своего народа копаться в патологических изломах людских душ! Писатель своими образами кричит о том, чем он одержим, чем болен; и хотя в романах А. Иванова взят деревенский фон, он вполне мог быть иным.

А Солоухин «деревенщик» потому только, что он лучше остального знает деревню, у него оттуда слова, кунсткамера характеров, знание пейзажа, примет, красок, запахов и т. п., но дело в сути его идейно-творческих устремлений, наиболее полно раскрывающихся в публицистике последнего времени, и за это Л. М. Леонов числит его в своем активе.

Или возьмите молодого «деревенщика» Вячеслава Марченко, его повесть «На исповедь», опубликованную в прошлом году журналом «Молодая гвардия». Не надо также мучиться отыскиванием «леоновского» в повести «Дом» Аскольда Якубовского. И доброе отношение Старика ко мне я не отношу за счет того, что тоже много пишу о лесах и природе.

Вы интересуетесь, как конкретно я использовал «Уроки» Леонова в своей работе, в каких-то имярек повестях? На этот вопрос мне самому ответить невозможно. Я считаю свою скромную работу в литературе вполне самостоятельной, и речь может идти только о духовном начале, о схожих идеалах, о критериях добра и зла, о понимании главного, сближающего нас. А о своей работе очень трудно говорить. Помню, я даже отмолчался, когда на мою повесть «Елки-моталки» набросились, как собаки, потому что считал это ненужным да и видел к тому же, какими нитками были шиты мешки, в которые меня хотели упрятать. Родион Гуляев, дескать, убийца, и я оправдываю убийцу, доказывая будто бы, что такой человек, как Гуляев, имеет право убивать таких, как Евксентьевский, что я якобы против интеллигенции, а мой идеал — ограниченный таежный парень, «дуб» и т. п. Между тем доказать, что Родион убийца, по тексту повести — невозможно, да этот поступок и не в «образе». Хотя главное-то в другом — спекулятивные критики почувствовали, что я по сути хотел сказать, и эта суть была им поперек пуза.

В Сибири ежегодно сгорало по 2—3 миллиона гектаров леса, прочтите мое «О чем шумят русские леса»? — «Октябрь» № 9, 1965 год, и судьба этих лесов натолкнула на повесть, на фон. Сложное мы время переживаем; есть люди, которые «гасят по-

жары», есть люди, «возжигающие» их. Интересно мне недавно написал один читатель; он понял, что сломанная нога в повести «Над уровнем моря» — нечто большее, чем сломанная нога, и спасение идет от этого большего.

Письмо мое неожиданно получается длинным, у меня даже рука устала, и я не знаю, к делу ли я все это пишу. Понимаете, вот было штук семь или восемь рецензий на повесть, а сказал главное — простой читатель. И вот, Рэм Николаевич, Вы, как литературовед, затеявший интереснейшее исследование, должны много и объемно думать. Я поспешил, между прочим, в прошлый раз, назвав некоторых писателей. И Вы, мне кажется, спешите в своем выборе объектов. Скажу откровенно — зная некоторые аспекты сегодняшней жизни, я в последнее время буквально возненавидел «умилительную» литературу. Как много способных ребят пошло по легкому пути! Можно очень любить своих бабок и дедок, можно написать о них целые книги, на тысячу ладов благодарить их словами за добрые человечьи черты, воспитанные в нас, но как мы реализуем те надежды, что инстинктивно связывают наш народ с человеком, выделяют его из своей среды как художника? И если писатель уходит от серьезных проблем времени, то как трудно, наверно, вашему брату-литературоведу отличить, где тут «творческая манера», а где трусость, лень и подлость! Сколько развелось в прозе общепсихологических медитаций, гедонистического эпикуреизма, фиксаций неясных ощущений, пошлого эпигонства в стиле, умилительно-лакировочного отношения к людям, природе. И я бы с удовольствием прочел в Вашей работе попутное исследование о «нелеоновском» в современной литературе. Вот еще одна болячка молодой литературы, в том числе «деревенской»: изображать «простых» людей опрощенными, бесталанными, несчастными горемыками. Это большая тема...

Вы спрашивали, над чем я работаю. Вот в «Москве» № 2 за этот год идет мой очерк «Земля в беде», обязательно посмотрите. Обдумываю новую повесть. Знаю пока «фон» — горы Тянь-Шаня, да жанр — это будет, наверно, эпистолярная повесть. Все остальное рождается. Должна в этом году выйти книга в «Сов. России» — «Любит ли она тебя?», там есть кое-что. Это — публицистика на тему «Человек и природа».

До свидания, желаю успеха в работе. Жму руку.

Извините за скоропись, очень устал.

В. Чивилихин

22.2.68 г.

9. Керженцеву Н. И. *

Уважаемый товарищ Керженцев!

...Болея теми же болячками, что и Вы, я при первом сегодняшнем очень беглом просмотре ваших материалов понял, что они представляют интерес, хотя на мой взгляд — очень специальны и место им законное — в специальном журнале или сборнике. Особенно это касается сообщения третьего.

Наиболее интересно, по-моему, сообщение второе — о принципах лесопользования. Я точно так же, как Вы, думаю о вреде догматизма в современном лесопользовании, о лесоводстве-твор-

* Н. И. Керженцев — пермский ученый-лесовод.

честве, о необходимости выработать современный «символ веры» лесовода. Я читал и Орлова, и Морозова, и Ткаченко, слежу за новинками, много ездил по тайге за последние 10 лет и куда строже Вас отношусь к теперешней нашей практике в лесах, считая, что лесное хозяйство почти повсюду в России подменено сейчас лесной промышленностью; рубки леса, как один из элементов лесного хозяйства, стали довлеть над всем и вся, под них построена организационная структура, планирование, финансирование, система наказаний за нарушение правил пользования лесом, деятельность инспекций и т. п. Об этом я и пишу сейчас большую статью. Ведь ныне не исполняются уже устоявшиеся, узаконенные лесоводственные правила и нормы — нигде не соблюдаются размеры расчетных лесосек, ведется неправильная разработка их, практикой отринута необходимость непрерывного лесовозобновления, неприкосновенность охраняемых государством лесов; все пошло к чертям! В связи с этим меня волнуют моральные проблемы, а история Кедрограда дает тут мне бездну материала. Кое-что я пишу о связи лесов с другими элементами природного комплекса, кое-какие меры подсказываю и т. д. Пришлось перебрать порядочно периодической прессы последних лет.

Не знаю, как и чем Вам помочь — моя власть не распространяется дальше моего письменного стола. Если б я редактировал, скажем, «Лесное хозяйство», Ваша статья с ходу бы появилась, однако бодливой корове бог рог не дает, как говорится...

Дайте мне с недельку сроку; я внимательно прочту Ваши материалы и тогда решу — выслать Вам их или что другое...

С уважением В. Чивилихин

10. Шолохову М. А.

Здравствуйте, дорогой Михаил Александрович!

С глубоким уважением к Вам и неизменной любовью — В. Чивилихин. Счел возможным послать Вам газету с моим выступлением на последнем пленуме СП. Там есть немного о Вас; не ругайте, если что не так. Пленум «Писатель и пятилетка» был довольно странный. Почти ничего о прозе и иных жанрах, все было подменено очерком. А это же неверно и тревожно. И так в силу многих причин писатель пошел в прошлое, даже аз грешный и то собираюсь. (Вы-то меня, наверное, поймете, потому что моя книжка «Земля в беде» — сборник очень нужных очерков — была отпечатана в «Сов. России» тиражом 75 тыс. экземпляров, и... весь тираж изрублен в лапшу.)

А в пленумовском докладе и выступлениях художников определенных позиций не были упомянуты в качестве публицистов, забыты многие славные имена и произведения — Л. Леонов, Н. Грибачев, М. Шагинян! Потом уже неловко поправлялись в публикациях материалов и в тассовских отчетах (в том числе базируясь на этом моем выступлении). Не хотелось бы понапрасну Вас ничем огорчать, но многие думающие мужики на вопрос «как оно?» взялись отвечать: «Хуже, чем было, но лучше, чем будет».

От имени великого множества людей разрешите Вас поблагодарить за позицию на последних академических выборах. Затевалась встреча с Л. М. Леоновым, и он звонил Вам, но Вы, к сожалению, были больны. Нельзя ли к этому вопросу вернуться? Потому что это — очень нужно настоящему и будущему, нам и нашим вослед идущим. И есть интересные, обещающие ребята! Если я прослышу, что Вы в Москве, — можно позвонить Вам на сей счет? Иногда мысли заедают и жить не дают, думаешь — не сесть ли на самолет и не слетать ли к Шолохову, посоветоваться, но боюсь, что не примете.

Желаю Вам доброго здоровья, успехов за письменным столом. Марии Петровне поклон и благодарность за стародавнее и необыкновенное гостеприимство. Ивану Семеновичу тоже большой привет.

Ваш В. Чивилихин

1967 г.

11. Холину А. Т. * (по черновику)

Уважаемый тов. Холин!

Давно уже получил Ваше письмо, но не отвечал, так как надеялся со дня на день прокрутить пленку. Магнитофона, однако, подходящего не нашел и вот решил написать Вам, не оставив себе полного представления о присланных Вами материалах. Я не специалист лесного дела, интересуюсь им лишь как литератор, и, думаю, мне квалифицированно не разобраться в Вашем деле. Отталкиваясь от Вашего письма, хочу задать Вам несколько вопросов.

1. Вы много пишете о научно-технической революции. Пожалуйста, растолкуйте мне это понятие. В чем суть этой революции, каковы ее существенные признаки. Была ли, на Ваш взгляд, когда-нибудь раньше научно-техническая революция и будет ли когда-нибудь еще? Или она, так сказать, перманентна? Приложим ли этот термин (обществоведческий, социальный) к технике и науке? В чем же отличие нашей научтехреволюции от такого же процесса, скажем, в США? Может ли научтехреволюция сама (если она, конечно, происходит!) устранить такие явно существующие в жизни вещи, как расточительство, бесхозяйственность, безответственность, разбазаривание народного, государственного добра, приспособленчество в науке, карьеризм и службизм в органах управления лесным делом?

2. Вы пишете, что Ваша формула «устанавливает, что природе русских лесов соответствуют не сплошные концентрированные рубки, а выборочные; что сплошные рубки не научны, установлены волевым способом». Полноте! Никакая формула и машина не могут установить, волевым или каким другим методом ведется хозяйствование. Это может установить человек, что он давным-давно сделал, задолго до любых формул или счетных машин. И то, что природе любого стихийного леса не соответствуют сплошные концентрированные рубки, тоже давно установлено, и на эту тему написаны горы бумаги.

Машина может подсчитать экономичность того или иного способа рубок. Растолкуйте, прав я или нет? В связи с этим мне

* А. Т. Холин — инженер лесного хозяйства.

совершенно неясен вопрос об экономической стороне дела, характеризующей Ваше открытие. Наверно, можно с 1976 года получить дополнительно 35 млн. м³ древесины в европейской части страны за счет внедрения выборочной системы, но ответьте, пожалуйста, на вопрос, сколько они потребуют единовременных и растянутых на пятилетие капитальных вложений? И самый главный вопрос — откуда эти деньги взять.

3. Кто виноват в том, что 97 процентов рубок не научны? Вы говорите, что наука. Так ли это? Не завышаете ли Вы возможности лесной науки?

4. Знаете ли Вы о том, что шведы недавно отказались от выборочных рубок, подсчитав — не без помощи машин, — что сплошные (но не концентрированные, а различные другие) рубки с последующим хорошим лесовосстановлением наиболее экономически выгодные?

5. Почему Вы считаете, что у нас существует разделение лесодобывающей и лесопроизводящей отраслей? Минлесхоз РСФСР — это по сути Минлеспром РСФСР, он рубит в истощенных уже лесах сверх всяких норм, и план ему все увеличивают. Гослесхоз СССР — контора, лишенная прав, и руководит сейчас теми же рубками.

И множество других вопросов возникает при чтении Вашего письма. Пожалуйста, ответьте мне, правильно ли я понимаю Ваше открытие и если ошибаюсь, то где и в чем.

В. Чивилихин

3.8.71 г.

12. Звереву А. И. *

Уважаемый Алексей Ильич!

Обращаюсь к Вам как литератор, вот уже около двадцати лет интересующийся лесными делами, в частности, вопросами рационального использования сибирского кедра, о чем я не раз писал в своих статьях и книгах.

Сибирская ореховая сосна, являясь самой ценной древесной породой Сибири, имеет большое хозяйственное, общеэкономическое и эстетическое значение. Это источник специальной (в том числе незаменимой карандашной) древесины, терпентина (полностью заменяющего валютный канадский), ореха (пока самого дорогого в стране), пушнины и лекарственного сырья (только в кедровниках обитают соболь и марал, растут женьшень, маралий и «золотой» корень).

Данные науки и практики говорят о том, что наиболее выгодной для народного хозяйства является комплексная эксплуатация кедровников. В этом плане интересен пятнадцатилетний опыт Горно-Алтайского опытного лесокомбината, однако он, к сожалению, не распространяется...

И есть один вопрос особой государственной важности — восстановление кедра. В настоящее время заготавливается более 10 миллионов кубометров кедровой древесины в год, оголяется более 50 тысяч гектаров кедровников. Восстановление же кедра, как породы весьма специфической в этом смысле, почти не проводится. Кедровые леса почти повсеместно сменяются лиственным мелколесьем. Каждое предприятие и управление занимается

* А. И. Зверев — министр лесного хозяйства РСФСР.

самодеятельностью — с многочисленными ошибками и неудачами. В Сибири до сих пор нет серьезного производственного опыта восстановления кедра, имеется много нерешенных практических вопросов, связанных с задачей восстановления и расширения кедровых лесов.

Во время последней своей поездки по Сибири осенью 1973 года я пришел к выводу, что сибирскому лесному хозяйству крайне нужен крупный базовый опытно-производственный питомник кедра. Беру на себя смелость внести предложение об организации такого питомника на базе Тайгинского лесхоза Кемеровского областного управления лесного хозяйства.

Тайгинский лесхоз площадью 70 тысяч гектаров расположен на Транссибирской магистрали в стокилометровой лесной полосе, соединяющей северную, томскую тайгу с лесами кузнецкими и шорско-алтайскими. Этот район вместе с прилегающими обширными лесными пространствами длительное время подвергается усиленной лесоэксплуатации из-за своего географического положения — первый после Урала лесной форпост Сибири, сплавные реки, густая сеть железных дорог, развивающаяся промышленность, рост населения и связанная с ними растущая потребность в древесине. И именно этот район, занимающий к тому же центральное положение относительно западносибирских областей, должен стать удобной, очень нужной для всей Сибири школой кедровосстановления.

Тайгинский лесхоз — интересное предприятие, за производственные успехи получившее несколько лет назад первую премию и знамя министерства, направляет свою деятельность на постепенную замену насаждений из второстепенных пород более ценными лесами. Ежегодный объем посадок — 650 гектаров. К сожалению, кедром занимается всего 135 гектаров, сосной, которая не является здесь коренной породой, — 415 гектаров. На местных тяжелых почвах, при тысячемиллиметровых годовых осадках тут от века рос кедр, а в настоящее время освободившиеся за последние годы площади покосов и картофельных полей интенсивно зарастают кустарником и осиной...

Уважаемый Алексей Ильич! Прошу рассмотреть данный вопрос и в случае положительного отношения к нему принять соответствующее решение о базовом питомниковом хозяйстве, где в производственных условиях практически отрабатывались методы хранения, яровизации, стратификации кедровых семян, подготовки почвы, выращивания и защиты саженцев, способов их транспортировки, механизации посадок и ухода и т. п. Добавлю еще, что от подмосковного города Пушкино до Владивостока у лесной науки нет ни одного опорного производственного пункта и им мог бы стать Тайгинский кедровый питомник, в 50 километрах от которого, кстати, расположен аэродром, связанный прямым рейсом с Москвой и сибирскими городами.

13 мая 1974 г. С уважением В. Чивилихин

13. Роланду (ГДР) *

Дорогой Роланд!

Посылаю тебе книжку «Уроки Леонова», редактором-соста-

* Роланд — доктор филологических наук, литературовед, исследователь творчества Л. Леонова.

вителем и одним из авторов которой я являюсь. Возможно, она у тебя есть уже, но, думаю, лишний экземпляр не помешает — дашь кому-нибудь из серьезных немцев, знающих русский. В Союзе книжка разошлась мгновенно, и я давно уже не могу отыскать ни одного экземпляра ни в текущей книжной торговле, ни у букинистов. Неудивительно — книжечка стоящая, на мой взгляд, а Москва получила всего 900 экземпляров, хотя тут одних членов Союза писателей (они, конечно, как ты знаешь, не все писатели) — 1500 душ.

Обращаюсь к тебе с одним предложением. Издательство попросило меня подготовить второе издание этой книжки. У меня собирается кое-что новое и очень интересное, и сразу же подумал о тебе. Среди иностранных исследователей творчества Л. М. Леонова, известных мне, ты ближе других к духу книжки, к исходным принципам ее.

Не мог бы ты на основе своих работ и, главным образом, лейпцигского интервью с Леонидом Максимовичем сделать во второе издание хорошую статью? На мой взгляд, самое было бы лучшее — взять это интервью и дать его с зачином и концовкой в виде статьи, вставив также по своему усмотрению мысли, связанные с твоими взглядами на творчество Леонова.

Надо только учитывать особенность издания — это не академический, узконаучный труд, а первая в нашей стране книжка о замечательном художнике-философе, рассчитанная на широкого читателя. Заголовков по-прежнему не будет, и сохраняется ответственность автора за индивидуальность изложения, подхода к теме. У тебя выигрышно то, что ты встречался с Л. М. Леоновым, а я стараюсь по возможности подбирать именно таких авторов.

Итак, жду твоего согласия, а еще бы лучше статьи. Конечно, надо делать ее на русском, на базе публикации интервью в «Литературной России». Размер — 25—30 страниц на машинке. С Новым годом!

Жму руку и жду. Твой В. Чивилихин

26.17.74 г. Москва

14. Михалкову С. В. *

Уважаемый Сергей Владимирович!

Как договорились, сообщаю свои соображения о некоторых перспективных мерах по улучшению природопользования.

1. Необходимо дополнить Конституцию строкой о священной обязанности каждого гражданина СССР беречь и преумножать богатства природы.

2. Очень важное, поэтому пишу подробнее. Закон об охране природы в СССР, который, как Вы сказали по телефону, сейчас разрабатывается, надо бы подтолкнуть на скорый выход. Помню, десять лет назад, в сентябре 1965 года, я впервые в печати высказал мысль о необходимости Лесного закона. К концу года Президиум ВС СССР назначил рабочую группу, но работала она неторопливо, устраивая полные перерывы до полутора лет, и Закон до сего дня не вышел! А нам ох как аукнется это десятилетнее беззаконие... Два года назад в проекте его появился странный, нелепый пункт, и, как я Вам рассказывал, Леонову,

* Михалков С. В. — писатель.

Пескову и мне пришлось писать тов. Брежневу, который поддержал нас. Это, можно сказать, подробность, а закона-то все нет и нет, и неизвестно, когда он явится на свет божий. Как бы не получилось такого же с общесоюзным законом о природе, в которой положение сейчас таково, что не только год, но и каждый день дорог.

3. Еще подробнее, потому что слишком уж важно. Все природоохранительные законы необходимо подкреплять соответствующими статьями гражданского и уголовного кодексов. Дело в том, что действенность Закона об охране природы в РСФСР, например, практически равна нулю. Семь лет назад я писал в книге «Любит ли она тебя?» о том, что за время действия этого закона не было в республике ни одного случая привлечения к ответственности за его нарушения, а статья 22 Закона, согласно которой должны быть разработаны конкретные меры по его исполнению, сама не выполняется. Комиссия по разработке этих мер собралась раз-два и самораспустилась. В той же книге я писал о том, что законодательный разнобой, упование на силы общественности, не наделенной правами, местничество, отсутствие единой юридической системы мер, вытекающих из законов республик, ставит истца (общество) и ответчика в неодинаковые правовые условия. В тот год, скажем, когда выходила книга, на Украине, в Узбекистане, Грузии, Азербайджане, Литве, Киргизии и Эстонии вообще не предусматривалась уголовная ответственность за умышленное, злостное загрязнение атмосферы. Не думаю, чтобы положение сильно сейчас изменилось, это бы надо проверить... Возьмите, например, вчерашний, от 8 июня 1975 года, номер «Комсомолки», где описывается, как распоряжением председателя Чимкентского облисполкома запускается в Аксу-Джабаглинский заповедник полмиллиона голов скота для пастьбы. Это чистой воды преступление, но при чем тут газета, разрешающее или, скажем, запретительное распоряжение из Ташкента либо Москвы? Короче, должна быть в стране, наконец, правовая, а не волевая основа в использовании природы...

4. Назрела необходимость в создании общесоюзного межведомственно-надведомственного органа по охране природы и сырьевым ресурсам, наделенного полномочиями и правами. Такие органы уже созданы на Украине, в Белоруссии, в Азербайджане и, может быть, других республиках — это надо уточнить. Правда, в Азербайджане он превратился в орган по уничтожению природы, о чем не раз писала «Литературка» и что лишний раз заставляет задуматься о союзном органе. Кстати, общегосударственные, федеральные органы по охране природы, окружающей среды созданы уже в США, Швеции, ФРГ, Новой Зеландии, Норвегии и других развитых зарубежных странах.

5. Ради краткости процитирую сам себя: «Для того чтобы вопросы охраны природы и рационального природопользования постоянно были в центре внимания советской обществености, хорошо бы открыть газету или еженедельник «Родная природа», научный ежегодник «Природопользование», восстановить выходивший с 1928 по 1935 год журнал «Охрана природы». В мире выходит множество таких изданий, у нас ни одного специализированного нет.

6. Пункт, связанный с предыдущим и весьма деликатный, но Вы, надеюсь, найдете приемлемую форму, если сочтете возмож-

ным коснуться его. Газеты, журналы, издательства в силу таинственного, устного, но повсеместного распоряжения 1968 года все еще не могут печатать проблемные статьи о природе, если они связаны с критикой...

7. Хорошо бы поднять вопрос о природоведческом образовании и воспитании детей, юношества, о проблемах подготовки воспитателей и учителей для этих целей. Все это по Вашей части, как академика педагогики, а я этого вопроса не знаю, хотя чувствую, что в нем таится бездна резервов для общего блага.

8. О роли печати, радио, телевидения, кино, театра, литературы в этой теме непременно надо бы сказать, тут уж Вам карты в руки, как создателю и шефу «Фитиля», как председателю Российского СП. Из писателей, последовательно разрабатывающих тему, Ф. Т. Моргун называл на одной из предыдущих сессий Верховного Совета СССР Леонида Леонова, меня и Василия Пескова. Обращался к этой теме также Владимир Солоухин, Олег Волков, калининец Петр Дудочкин. Не густо.

Здорово, если Вы выступите «пошире», как подобает писателю, а не только о недрах. Очень буду рад, если Вы, Сергей Владимирович, скажете полезное для дела слово, и я готов прочитать природоохранительную его часть, если это Вам поможет в оттенках.

9 июня 1975 года

С уважением В. Чивилихин

15. Скопу Ю. С. *

...Здравствуй, Юрий.

Получил и прочел твои «Открытки с тропы». Хорошая книга, свежая, свидетельствующая о том, что публицистика наша потихонечку развивается, и народу на роток не накинешь платок. Только мне кажется, что это не «книга раздумий», а «книга впечатлений», и это тоже неплохо — непосредственность, искренность, типичное в мимолетном всегда были добрыми качествами в русской публицистике, хотя всем нам страшно далеко до первой и лучшей публицистической книги (объемом всего в печатный лист!), я имею в виду «Слово о полку Игореве»). Хорошо, что ты вспомнил о Василии Шукшине, однако надо бы повыразительнее сказать где-то к месту о фильме «У озера». Так-то получается. «Светлое око Сибири» прочло сто тысяч человек, а гнусный этот фильм просмотрели десятки миллионов, если не сотня; ложь сейчас бежит не на коротких ногах и даже не на длинных, а величаво шагает на ходулях.

Ты молодец, что добился новой публикации о Байкале, было трудно, предполагаю и даже знаю, для меня уже стало невозможным вымаливать на коленях право любить свою страну, но думаю иногда, неужто все в литературе заменится жвачкой, иногда очень даже мягкой и сладкой, то есть «художественной»?

10.6.75 г. Жму руку. Вл. Чивилихин

---

* Скоп Ю. С. — писатель.

16. Сулейменову О. О.*

Здравствуй, Олжас!

Книгу и письмо получил. Письмо очень интересное, а книгу пока не прочел и, наверное, не прочту в ближайшие недели — работаю и даже газет не беру в руки. У меня был тяжелый инфаркт миокарда, я долго не мог прийти в себя, и только недавно снова захотелось жить и писать.

И знаешь — какое странное совпадение! — меня тоже потянуло в историю. Быть может, потому что ступил одной ногой туда, где мы все, к сожалению, будем. И еще одно совпадение — я тоже интересуюсь далекой киевской, точнее — черниговской стариной. Дело в том, что с 1946 года я фактически обрел в той земле свою вторую родину — все родные, и мать в том числе, живут там, в Сибири никого не осталось. А «Словом о полку Игореве» интересуюсь с отрочества, благодаря этому интересу поступил в МГУ (когда-то и слушал Н. К. Гудзия, приходя на его семинар даже с другого факультета)...

Но все это так, между прочим. Ты хорошую, «братскую» надпись сделал на книге. Вполне возможно, что мы с тобой какие-нибудь дальние братья, даже по крови — ведь уже в десятом поколении у каждого из нас более чем по 2000 прабабок и прадедов. Геометрическая прогрессия размножения позади нас, и сходящийся клин количества людей перемешивал в древности кровь куда интенсивнее, чем сейчас, и есть, конечно, подспудный смысл в выражении и понятии «все люди братья»...

На первой же странице письма ты меня огорошил — «памятники славянского языка и письма VII в. до н. э.»! Если это так, то это — бесценное и вполне сенсационное открытие, которое заставит многое-многое пересмотреть.

Кузьмина не читал, как вообще никакие журналы не читал, но слышал, что он твою книгу кроет почем зря. Арамейской письменной культурой никогда не интересовался и не знаю, прав ты или нет.

Спасибо за добрые слова в конце. Желаю здоровья, остальное будет.

В. Чивилихин

3.2.76 г.

17. Пятакову В. И.**

Уважаемый Виталий Иванович!

Поздней осенью я получил от Вас интересное письмо, но вовремя не ответил — заболел...

Вы пишете любопытные вещи, особенно любопытные для меня, немного интересующегося в последнее время древней русской историей.

Думаю, что первым норманистом был первый русский историк Нестор, который в силу тогдашних политических и религиозных тенденций отстаивал, утверждал независимость Руси от Византии и потому шел на фиксацию легенд. А что за язык чудский, которым, как Вы говорите, Вы владеете? «Чудью» в древности именовали эстов, а это, наверное, другое? Угро-финское? Но если верить Вам и Вашим исследованиям, то как быть с Гостомыс-

* Сулейменов О. О — писатель. Речь идет о его книге «Аз и Я».

** Пятаков В. И. — краевед.

лом, последним славянским князем новгородцев, с Вадимом Новгородским, если Рюрик, узурпировавший власть, был славянином, а не скандинавом?

И еще у Вас промелькнуло, что Вы знаете (или изучаете) древненовгородский язык. Нет ли в нем отгадок некоторых темных мест, например «Слова о полку Игореве»? Ученые до сего дня, скажем, не знают, что такое «По нем кликнула К а р н а (?) и Ж л я (?) поскакала по русской земле, размыкивая огонь в пламенном роге». Не знают, что это за страна имелась в виду — «Хинова» и т. д. и т. п. Или вот, скажем, не было ли в староновгородском языке таких слов, как «свычай» (привычка), «ногата» (денежная единица), а также «резана», «зегзица» — не то кукушка, не то чайка, не то кулик? Или вот это место: «Тъй (Всеслав Полоцкий) клюками (?) подпръ ся о кони, и скочи къ граду Кыеву...» переводится так: «Он хитростями оперся на коней и скакнул к городу Киеву...» Нет ли в староновгородском языке другого значения слова «клюками», «клюка»? Было ли в староновгородском языке слово «господин»?

Короче, Вы меня заинтересовали, сообщив, что «можно писать много». Буду рад получить от Вас письмо.

27.IV.76 г. С уважением Вл. Чивилихин

18. Астафьеву В. П.

Добрый день, Виктор!

Давно собираюсь тебе написать, да ты знаешь нашу лень на письма, написываешься и без них.

Поздравляю тебя с русско-северной весной, хотя и поздней, и холодноватой. Рад, что печатается новая твоя вещь, я ее еще не читал, но прочел отрывок в «Литературке». Здорово, что ты пошел на тему, которая мучит меня вот уже лет двадцать, да так, что я несколько отравлен ею. Только надо всем нам сообща бить в эту точку. И хотя, как я убедился, мы мало что можем сделать, однако люди потом не про всех скажут, что вот, мол, жили, знали и помалкивали в тряпочку. А скажут, ежели пойдут с котомкой по миру...

В твоих родных местах меня интересует одна фамилия, семейство. Объяснять почему — долго и тебе совсем неинтересно. Фамилия эта — Юшковы. В переписной книге Красноярска и Кр-го уезда за 1671 год (XVII век!) в Павловской деревне, что ниже Красноярска по Енисею, числился «Ивашко Семенов сын Юшков, а у него детей Якунька 11 лет, Потапко 10 лет». Но почему и с чем я обращаюсь к тебе? Ты же из Овсянки, лежащей неподалеку от устья Маны? Не помнишь ли ты из детства или рассказов старших этой фамилии в родной своей деревне? Я приведу тебе бумагу, но уже из XVIII века про эту Овсянку: «Сия многолюдная и зажиточными крестьянами населенная деревня заслуживает как редкой какой пример размножения человеческого рода в обширных сибирских степях будь упомянута. Вся деревня, исключая токмо некоторых дворов, населена одною роднею, которая в сей деревне 25 больших и зажиточных семей щитает, и столькими же в многие другие вдоль Енисея лежащие деревни разделилась. Праотец сего многочисленного потомства, именем Юшков, пришел едва за 100 лет из России в сию страну, которую тогда киргизцами по случаю населения весьма беспо-

коили. Он имел 7 сыновей, из коих один, сказывают, убит киргизцами, а прочие 6 размножили племя и зделались ныне отцами 55 семей». Так вот, слышал ли ты в Овсянке или округе эту фамилию? Сколько сейчас в деревне дворов?

27.IV.76 г. Жму руку. В. Чивилихин

19. Комягину И. П. *

Уважаемый Иван Петрович!

Нет, никакой особой причины, мешающей мне обмениваться с Вами взглядами на борьбу, как Вы пишете, «за улучшение природы людей и Земли», не существует. Просто я несколько отравлен этой темой, не вижу реальных путей к реализации некоторых давно высказанных мною в печати предложений, и кроме того, ушел сейчас с головой и потрохами в историю, где всегда и все было примерно так же. Кроме того, я был очень огорчен известными Вам некоторыми недавними тезисами, прозвучавшими с высокой трибуны, точнее, отсутствием позитивных положений в связи с фиксированием данных о снижении урожайности ряда с/х культур за пятилетку, падением качественных характеристик земледельческой продукции, то есть того, чем через Вас и Ваши данные — я тоже заболел.

Кроме того, один крупный дядя назвал в частном, правда, разговоре мои взгляды и некоторые сочинения патриархальщиной. В принципе-то мне плевать, но жаль просто, что мнение такое существует, влияя на ярлыкообразное мышление служилых литературных людей. Да, боже мой, в своих некоторых «патриархальных» публицистических работах я предугадал несколько решений партии и правительства и у меня три пуда писем.

Вот скоро приезжают к нам десять иностранных писателей дискутировать по теме «Природа, общество, писатель», и меня пригласили с нашей стороны оппонировать, но я рискую сорваться и наговорить непотребного. В то же время существует в литературе опасность скатиться к пошлому словотолчению и жеванию мягкой и сладкой «художественной» жвачки, к расхожему рассудительству по поводу подшефной нашей с Вами темы.

Иногда думаю, что люди — то же самое природное сырье, дешевеющее с каждым днем из-за своеобразных эрозионных процессов, снижающих валовую урожайность и качество подлинно человеческой продукции.

Недавно состоялся «круглый стол» в «Литературке», где обсуждались статьи по лесным проблемам, в частности моя, напечатанная 2 июля 1975 года ** — довольно серьезная (и я бы хотел знать Ваше мнение о ней, применительно, быть может, к земле и Земле); так вот — виднейшие лесные ученые, уровень их подхода к делу настолько поразили меня, что я больше никогда в жизни не желаю быть свидетелем подобной беспомощности, трусости, приспособленчества русских людей...

Думаю, что один из главных путей — добиваться подлинного экономического учета труда природы в диалектическом, практическом единении с трудом человека. И как было бы хорошо.

* И. П. Комягин — инженер-гидромелиоратор.

** «Так сколько же деревьев в лесу».

если б хоть один оратор на минувшем съезде произнес бы с трибуны слово «навоз»!

Как Ваше здоровье?

В. Чивилихин

27.IV.76 г.

20. Карнабеду А. А. *

Уважаемый Андрей Антонович!

С удовольствием вспоминаю наше знакомство, с благодарностью — наши беседы на Валу и в Пятнице и вот решил написать Вам, надеясь на вроде бы возникшее между нами понимание и товарищество...

По приезде зимой из Чернигова я, исполняя Вашу просьбу, тотчас позвонил Петру Дмитриевичу Барановскому, поднявшему из руин бесценную Параскеву Пятницу, передал Ваши приветы, чем он остался весьма доволен и сказал мне, что очень любит Вас и ценит. Вскоре после этого мы со стариком впутались в тяжелую битву за Крутицы, интереснейший московский памятник XVII века, где, в сущности, была образована первая Российская академия наук во главе с Епифанием Славинецким, выпускником Киевской духовной академии. Приказные палаты крутицкого подворья, двести лет почти занимаемые армией (со времен Екатерины II), удалось освободить для составления проекта и реставрации, но их без ведома Барановского стали заселять складами и конторами. Нервотрепка и драка, бумаги и заседания; однако отстояли, и в этом есть некоторая моя заслуга. У П. Д. Барановского я довольно часто бываю, во время съезда возил к нему группу писателей. Старику сделали удаление катаракты с одного глаза, он стал хоть немного видеть, но болеет и страдает за известные Вам повсеместные ненормальности с каменной стариной. Сейчас я, как член государственной республиканской комиссии по премиям за произведения искусства, пытаюсь убедить начальство, что этот человек имеет право на отдельную премию за свой реставрационный подвиг, растянутый на полвека. Дай-то бог.

Только что вернулся из месячной поездки по Польше. Был в Варшаве, Лодзи, Кракове, Закопане, Жешуве, Сандомире, Родоме, Гданьске, где по желанию Ивана Мазепы был переделан в ворота языческий черниговский серебряный идол, Сопоте, Мильборке. Интересного много увидел, но об одном наблюдении важно для меня было бы Ваше мнение. Если мы можем говорить о русской или, скажем, изначально-славянской архитектуре, связанной с византийским опытом, можем говорить об украинской архитектуре, то у поляков так вышло, кажется, что за тысячелетнюю историю они не смогли выработать национального стиля, даже в элементах, а не в целом. Везде романское, неороманское, готика, ренессанс, эклектика и модерн, но ничего польского. Это меня поразило, я думаю о причинах этого явления и хотел бы услышать Ваше мнение как специалиста.

И есть у меня к Вам, как знатоку черниговских домонгольских памятников и истории, два вопроса.

Первый. Мы с Вами внимательно посмотрели Спаса, Борисоглебский и Пятницу. Но я почти ничего не знаю об Ильинской

* А. А. Карнабед — член Союза архитекторов СССР.

церкви и Успенском соборе. Перед отъездом я собрался с Вами лезть в пещеры Болдиной горы, однако скопилось множество дел неотложных, связанных с родственниками, купил в тот день, кроме того, 17-томный словарь академический у Ваших черниговских букинистов, а это почти три пуда, и не явился к Вам, чтоб договорить и, в частности, посмотреть Ильинскую церковь Я знаю, конечно, что она — единственная домонгольская бесстолпная церковь в стране, но какое место она занимает в общем архитектурном наследии прошлого, чем оригинальна другим, кто ее (примерно) мог построить из черниговских князей — не ведаю. Кроме совершенно общих сведений, не знаю Успенского собора, Троицкого монастыря. Внутри не был. Не можете ли Вы меня просветить хотя бы в нескольких фразах?

Второе дело. Когда мы были в Спасе, то на южной его стене, внутри, приметили место, где висела доска с перечислением черниговских князей, погребенных в этом соборе. Куда она делась? Я знаю список этих князей, и вот недавно прочел у Рыбакова, будто князь Игорь Святославлич тоже похоронен в этом соборе! Откуда он это мог взять? На доске имени этого не значилось. Может, есть какие-то другие источники?

Петр же Дмитриевич Барановский считает, что князь Игорь похоронен у северной стены Борисоглебского собора. Я спрашивал у него, откуда эти сведения, и он назвал мне одну книгу, которой в Москве я найти не могу. Автора П. Д. не помнит. Издана книга в Киеве до революции. Называется. «Чернигів и півничче Левобережье». (Извините за варварскую транскрипцию). Так вот, дорогой Андрей Антонович, не знаете ли Вы этой книги? Есть ли в ней более или менее доказательные сведения о месте погребения князя Игоря? Для меня установить это чрезвычайно важно! То есть не то, что пишется в этой книге, а то, соответствует ли оно малейшей истине. Я пока в принципе против гробокопательства, потому что 1) нельзя, не по-человечески трогать святые могилы; 2) если же это делается в необходимо-научных целях, то необходимо располагать действительно научной методикой для сего деликатного дела; 3) истинно законными гарантиями, что знания, полученные при этом, не будут употреблены во вред общему, оправдаются историей.

(В скобках скажу, что я втайне был рад, что Герасимов не успел по Вашему подвижению «воссоздать» облик князя Глеба Мое глубокое убеждение, что этот Герасимов был бесчестный человек, аферист, сделавший из Ярослава Мудрого — иезуита, из Андрея Боголюбского — неандертальца, из Буй-Тур Всеволода — мерзкое лицо пресыщенного римского патриция времен распада империи латинян. На каком основании, извините?

Это слишком серьезно, чтоб походя забыть авантюру Герасимова. Если Вы думаете по-другому — я готов выслушать самую уничтожительную критику.)

И есть еще одно дело, важное для истории нашей культуры: судьба фрески св. Феклы. Есть ли в Чернигове, дорогой Андрей Антонович, документальные данные о том, по чьему решению и как была снята и законсервирована эта бесценная фреска? Кто и как осуществил консервацию? Состояние фрески после сего акта? Где и как она хранилась? Кто видел ее в последний раз и когда? Значилась ли она в Черниговских запасниках, например, в 1940 году? Кто по фамилии и судьбе была та ху-

дожница, что скопировала ее в 1924 году? По чьей инициативе? Что это значит — «фреска погибла в 1941—1945 гг.»? В 1941, 42, 43, 44 или 45-м году?

Извините за некоторую бессвязность моих вопрошений, но, если можете, посильно ответьте мне...

24.VIII.76 г. Ваш В. Чивилихин

21. Леонову Л. М.

Дорогой Леонид Максимович!

Посылаю Вам только что вышедший мой сборник «По городам и весям». Это далеко не полный итог двадцатилетней работы в подшефной нашей теме. Нет, например, «Светлого ока Сибири» и «О чем шумят русские леса», отнявшей у меня когда-то столько сил. Но и за тем, что осталось, всего полно — дальние поездки и изучение трудных проблем до безошибочной ясности, заседания и хлопоты в государственных, научных, хозяйственных и самых распорядительных конторах, последующие споры письменные и устные почти по каждому выступлению, деловые записки и даже практическое участие в созидательном — я, скажем, как это ни смешно сказать, являюсь автором начальной главы к техническому проекту Кедрограда. И сверх всего этого — часто мучительные, известные Вам раздумья, драка с пошлой клеветой на самое святое, изнуряющий темп в обыденной жизни и переключение внимания. Должно быть, не случайно за пятнадцать лет пребывания в Союзе писателей, согласно точным архивным данным московских больниц, попадал я в них одиннадцать раз. От этой так называемой борьбы давно пора сбеситься, что со мною временами, кажется, уже происходит.

К счастью, удалось в этой книге напечатать «Землю в беде» под псевдонимом «Земля-кормилица» с добавлением о моей поездке к Шолохову, на глазах которого происходит катастрофическое обеднение донских земель, упоминанием о нашей с Вами экспедиции в подмосковный колхоз имени Кирова, о некоторых успехах в борьбе с эрозией почв.

Вы правы, конечно, я слишком много времени потратил на все это, не дающее трудовых медалей и материальных прожиточных гарантий, да к тому же в ущерб прозе, только для меня, как я сейчас понимаю, нельзя было иначе; в какой-то момент мне показалось, что писать о цветочках на лугу — это все равно теперь, что писать о цветках на платке матери, когда ее у меня на глазах бьют палками по голове. Так вышло со мной, и нам не дано знать, какой способ приложения писательских сил дает наибольший конечный общественный, то есть подлинно гуманистический, результат.

Не видел еще, но мне читали по телефону несколько абзацев из Вашей статьи в «Книжном обозрении». Спасибо, только хорошо, что я попросил Вас убрать упоминание обо мне в предисловии к книге известного автора; в моем понимании Отечество — это сейчас в меньшей степени то, что он написал о нем, а в большей то, что о нем писал Ваш покорный слуга. Вы что-то не звоните, и если обиделись на меня, то зря; жизнь не слишком длинна, чтоб нам с Вами тратиться на недоразумения по всяким пустякам...

Выходом своей книжки я доволен, оформлена просто и тактично, хотя в ней почти бесчисленные корректорские, подчас самые нелепые ошибки.

Желаю Вам здоровья и хорошего рабочего настроения в работе над романом...

4.XI.76 г. Поздравляю с праздником. В. Чивилихин

22. Распутину В. Г.

Добрый день, Валентин!

Благодарю за присылку однотомника. Хорошо пишешь, густо, крепко, по-русски, без глупинки к тому же, коей щеголяют иные из нас. Даже думаю, что есть в твоем взгляде что-то очень старорусское, быть может, даже старославянское, — от тех голубых времен, когда наши предки, становясь человеками, открывали для себя краски мира сего.

Советовать я тебе ничего не имею права, но будь везде еще строже с языком. Ну, вот некоторые мелочи — как я бы не написал...

От души поздравляю с прекрасными вещами, так и надо; ну их всех куда ни то подалее. Будешь в Москве, звони.

21.IV.77 г. Обнимаю. Вл. Чивилихин

23. Чивилихиной И. В.

Здравствуй, Ира!

Как ты там, родная девочка? Наверное, даже пальцы после работы не держат ручки, чтоб черкнуть нам несколько слов? Не болеешь ли? Пожалуйста, сообщи!

А я в эти дни, когда шел дождь и было холодно, представлял себе, как вы все там в поле собираете картошку и хлюпаете носами, а платочка нельзя достать, потому что руки в земле. И вспоминал, как мы в 1943 году — мне было тогда 15 лет — техникумом тайгинским собирали картошку на полях близ станции Тутальская в Сибири. Выпал ранний мокрый снег, и нас бросили спасать военный урожай. Рукавиц и перчаток не было, мы жгли костры на поле, чтоб время от времени греть руки, их крючило от холода, а мы дали клятву не оставить в земле ни одной самой маленькой картошечки, потому что был голод. Было весело. Вечерами мы тоже пели.

У нас новости такие. Сдали документы на прописку. Мама работает, учит своих оболтусов. Дома нет ни горячей, ни холодной H_2O. Я решил сделать тебе подарок — мой библиотечный набор мебели переходит в твою собственность, а я себе куплю другой. Этот для тебя будет очень удобным — там есть где хранить и пластинки, и стихи, и учебники, и книги, и будущие рукописи, и твои любимые маленькие штучки-дрючки. В октябре я еду в Югославию, привезу тебе книг, хочу показать твои переводы автору цикла о Владимире, если он живет в Белграде... Когда вас возвращают? Дадут ли отдохнуть? Додержись, дочь, молодцом, немного осталось!

27 сентября 1978 г. Отец

24. Карнабеду А. А.

Уважаемый Андрей Антонович!

Давным-давно получил Ваше письмо, но был очень, по завязку занят капитальным ремонтом «новой» своей квартиры и переездом, накопилась куча писем, и мне на нее было даже страшно смотреть...

А Вас, я гляжу, все мучит Черниговский некрополь... Хотите знать откровенную мою точку зрения? На первый взгляд она Вам может показаться кощунственной, но не спешите, подумайте. Чернигову более тысячи лет, там самый древний каменный храм Руси, и это единственный восточнославянский город, в котором сохранилось п я т ь домонгольских памятников архитектуры. В Чернигове — я это попытаюсь доказать — было написано гениальное «Слово», не имеющее аналогов в мировой литературе всех времен и народов. Со временем, я уверен, главным монументом города станет комплекс, посвященный автору и его творению — этому комплексу должно быть подчинено все древнейшее — площадь, подход к Десне, Вал. Это будет деянием общечеловеческой значимости. А насчет могил в центре города, то позвольте выразить уверенность, что не за горами день, когда они будут перенесены даже с Красной московской площади в специальное место, в Пантеон.

Совершенно кощунственно, или я уже однажды Вам писал, трогать грубыми орудиями археологические могильники! Кстати, на каком основании акад. Б. А. Рыбаков счел черниговские кости одной из могил за останки Буй-Тур Всеволода? На каком основании авантюрист-гробокопатель Герасимов «восстановил» облик брата князя Игоря в одном варианте бородатым и волосатым, в другом — голым, как колено? Сделал из Андрея Боголюбского неандертальца, а из Ярослава Мудрого — иезуита?

Кстати, мы так с Вами и не договорили о двух важных вещах. Где, на Ваш взгляд, похоронен князь Игорь? На каком основании Рыбаков считает местом его захоронения Спасо-Преобр. собор? Ведь он не значился на доске, сданной в металлолом! (Попутно — не пора ли черниговцам вновь отлить и повесить эту доску?)

Подписал Петр Дмитриевич * дарственную на все, что у него есть, но инвентаризацию, опись никто пока не делает, а время идет. Боюсь, что судьба его наследства будет печальной...

Пишите мне на досуге.

С глубоким уважением, Вл. Чивилихин

25.2.79 г. Москва

25. Карнабеду А. А.

Уважаемый Андрей Антонович!

Рад весточке от Вас, хотя письмо Ваше и безрадостно. Сочувствую Вашим несчастьям и очень хорошо понимаю Вас. Сам, как Вы знаете, пережил инсульт и потерю сразу двух родных братьев.

---

* Барановский П. Д.

Гибель памятников Чернигова, о которых Вы пишете, — деталь общей картины, она выглядит еще более дикой на фоне благоприятного и позитивного, что все же есть в подшефном нашем деле.

В Москве — то же самое, что у вас. Но ничего, делается кое-что, в частности объявлен архитектурно-историческим заповедником кусочек Замоскворечья, где я сейчас живу, но разрушители не дремлют в других районах. Один из ценнейших — Старый Арбат. Над ним стоит пыль, и мы ничего не можем поделать. От Композиторской улицы осталось два дома, в Трубниковском переулке — один. Снесена вся четная сторона Староконюшенного переулка, вся нечетная — Карманицкого, Большой Коковинский исчез полностью. Сносятся каменные здания XVIII века, русский классицизм и XIX — ампир. Варварство! От всего этого больно на душе, тяжело на сердце.

Заболел я в прошлом году, сдав в печать часть романа-эссе «Память». Я над ним работал семь лет. Там есть много об истории, кое-что о Чернигове, но в дальнейшем будет больше.

В связи с предстоящей работой хочу попросить Вас об одном одолжении. В «Науке жизни» год-два назад была опубликована статья одного архитектора московского о древних русских зодчих, в частности о церковной и княжеской сажени. И вот, нельзя ли, исходя из размеров Параскевы Пятницы, определить, по какой мерной единице она строилась? По княжеской или церковной? Это было бы очень важно...

Прислал мне большое письмо из Киева подвижник-энтузиаст А. С. Бугай, математик, изучающий Змиевы валы; я о нем и его открытиях написал несколько страниц в «Памяти».

Ваша цветная фотография Параскевы очень сгодилась — скоро у меня будет необыкновенная картина, будете в Москве — посмотрите.

В феврале 1982 года П. Д. Барановскому исполняется 90 лет. Черниговцы должны бы как-то отметить этот юбилей. Старик слаб, теряет память. В моей «Памяти» о нем кое-что написано тоже.

Желаю Вам покрепче стоять против бед и беречь здоровье. А что случилось с сыном?

Жму руку. Пишите на досуге, будете здесь, заходите, я живу напротив Третьяковки.

2 декабря 1981 года В. Чивилихин

26. Воинову С. С.

Уважаемый Святослав Святославович!

Обрадован и поражен Вашим письмом. Обрадован, потому что увидел и узнал, какое Вы великое дело затеяли — все о «Слове»! Сообщаю Вам, что в Москве группа энтузиастов-деятелей культуры несколько лет хлопочет о создании Музея «Слова о полку Игореве» в столице. Намечено очень подходящее помещение — два этажа в отреставрированном уже памятнике архитектуры в Крутицах. Это — монастырь очень древний, расположенный недалеко от Таганской площади.

Есть, кстати, неплохая музейная экспозиция о «Слове» в чер-

ниговской Параскеве Пятнице и Черниговском областном музее.

Поражен Вашими успехами. 550 книг, 88 изданий поэмы, даже не верится, что это собрано с 1976 года! Теперь я буду по мере возможности собирать все о «Слове». А место мы своим коллекциям найдем подобающее. Интерес к «Слову» сохранится, пока живет наш народ и его язык. А многие тайны «Слова» еще ждут своего раскрытия. В издательстве «Современник» скоро выйдет мой роман-эссе «Память». В нем немало строк посвящено «Слову» и есть несколько текстуальных догадок. К сожалению, не могу сейчас предложить Вам ничего ценного, кроме «Слова о полку Игореве» (Ленинград, 1949, «Библиотека поэта, малая серия») и «Слова» в переводе Аполлона Майкова (Ярославль, 1971). Оба этих издания у Вас, конечно, есть. А нет ли у Вас каких-нибудь не нужных Вам книжных дубликатов?

Жму руку. В. Чивилихин

12.XII.81 г. Москва

27. Белову В. И.

Уважаемый Василий Иванович!

В последнее время не мог читать ничего, поэтому прошу извинить, что с твоим письмом познакомился только сегодня.

Жаль, что ты, достаточно меня зная, подумал было о том, будто я «оправдываю» и т. п. Прощаю тебя великодушно, потому как тебе неведомо, что цензура сняла у меня из № 11 печатный лист, из № 12 — семь полос. Было написано даже о варварском уничтожении нашими с тобой современниками памятников Оптиной пустыни, московского Петра и Павла на Преображенской площади, Казанской Божьей Матери на Калужской (Октябрьской), возведенной в память 600 тысяч русских солдат и офицеров, погибших при освобождении Болгарии сто лет назад. Болгарская интеллигенция была осведомлена о планируемом, начала хлопотать, чтобы взять на болгарский кошт реставрацию храма и полную экспозицию памятного музея; мы писали письмо Тодору Живкову...

Из «Памяти» убирают все цепляющее. Сняли очень важное место об уничтожении единственной в мире карликовой липовой рощи в ярополецком парке дворца Чернышевых, о раскопанных в прошлом году могилах Е. Р. Дашковой и князя М. М. Щербатова, осквернении праха Багратиона...

О разрушении памятников сейчас убирают все и везде. После ухода В. И. Кочемасова ВООПИК работу свою свернул. Нет председателя, нет зама, нет надежд. Но даже когда все это было, я потратил полтора года, чтобы добиться специализации одного из московских ПТУ для подготовки рабочих-реставраторов и снятия с храма Всех Святых на Кулишках доски «Площадь Ногина».

Прими-стерпи взаимные упреки. Ты пишешь о том, что в Вологде было 84 памятника, осталось 10—12. Зачем ты мне это пишешь? Лишний раз травануть душу? Почему ты об этом не сказал ни разу в печати? Почему у тебя в «Ладе» (мое высокое мнение о нем ты знаешь) все лад да лад, в том числе и хорошие слова о деревянном зодчестве Русского Севера? А вот передо мной лежит список погибших за последние 20 лет и гибну-

щих сейчас памятников Севера, заметки о проблеме молниеотводов, туристов, развлекающихся полымем храмов, о сжигании уже отреставрированных памятников пропившимися реставраторами, прячущими концы в огонь. Если ты всего этого не знал, работая над «Ладом», тогда прости... *

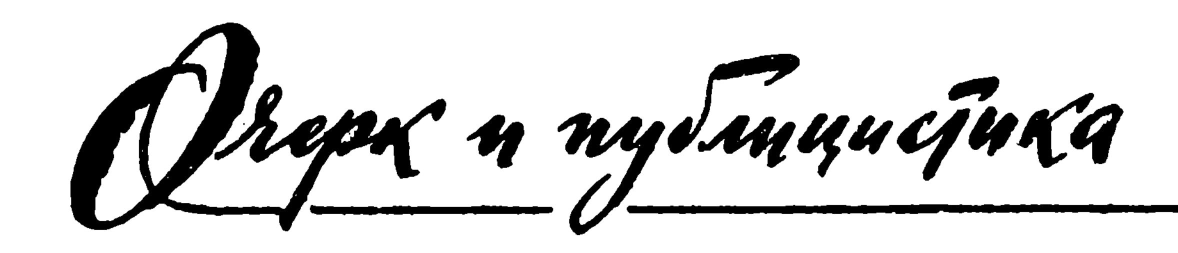
Все мы нуждаемся в большем понимании друг друга, потому что живем в тяжелое время. Ты заметил, что «бурными аплодисментами» одобрил XXVI съезд предложения Кунаева, Рашидова и Гафурова о повороте к ним сибирских рек? Северные же — тропка к сибирским. Вспоминаю свои строчки из «Земли в беде» о повороте северных рек на юг (по первоначальному проекту). За десять лет мне удалось их напечатать шесть раз, и, возможно, это хоть в какой-то микроскопической мере помогло похоронить тот дикий проект...

24.12.83 г.

Жму руку. В. Чивилихин

Публикация подготовлена Е. Чивилихиной

* «...Да потому и не выступил, что не печатают, все выкидывают...» — из ответного письма Белова В. И.

Юрий СОКОЛОВ

ПРОДАЖА

(ХРОНИКА ОДНОЙ СДЕЛКИ)

На модном брифинге ленинградские «отцы» города и области рассказывали журналистам о проекте развлекательного Центра.

Даже такие ответственные лица, как предгорисполкома В. Я. Ходырев, секретарь горкома партии А. Н. Герасимов, не могли представить себе, что это будет за развлекательный Центр. Недостаток информации восполнил автор «идеи», заведующий кафедрой вычислительных систем Ленинградского института авиационного приборостроения, профессор М. Б. Игнатьев.

Профессор Игнатьев, избранник судьбы, посетив Диснейленд в США, был так очарован аттракционами, что невольно задался вопросом: «А почему такого увеселительного городка нет в Ленинграде?» В Доме ученых, где Игнатьев руководил секцией роботов и искусственного интеллекта, его группа давно разрабатывала идею сверхуниверсального павильона, в котором многие могли бы найти себе забаву по интеллекту. Десять лет ухлопано на «творчество», исписаны тысячи страниц.

И вот проектанты заинтересовали заморского дядю Сайруса Итона-младшего. Желание принять участие в строительстве высказали еще ряд крупных фирм и финансистов разных стран мира. В июле 1990 года был подписан протокол о намерении вложить капитал в гостинично-развлекательную индустрию на северном побережье Финского залива. В ноябре подписано соглашение на совместную разработку технико-экономического обоснования.

Духовный отец проекта так и продолжал бы витийствовать о теоретических разработках развлекательного Центра, о семиуровневых моделях свободного времяпрепровождения, но с каждой минутой нарастало волнение — он уловил на себе холодный взгляд человека с узким лицом. От этого повелительного взгляда Игнатьеву стало не по себе. А человек с аккуратно причесанной головой, сидевший за левым плечом первого секретаря обкома, все пристальней вглядывался в тщедушного очкарика, который говорил: «Идея страны чудес, ее состав, структура и местонахождение вычислены с помощью системного анализа и современной информатики...»

Они были в одной делегации. Именно после той самой удачной поездки в Штаты Он стал приглядываться к Игнатьеву. Его вполне устраивал специалист, способный к «нетривиальным» решениям.

Ведь именно Игнатьев был главным закоперщиком выставки «Интенсификация-90», которая вознесла его прежнего покровителя на недосягаемую высоту. После уже эту выставку иначе как «Интенфикция» и не называли, потому что представленные экспонаты-роботы были изготовлены в единичных экземплярах.

Некогда он работал в крупнейшей внешнеэкономической конторе. Он знал, что в уставе фирмы, заключившей сделку, предусмотрен один процент на представительские расходы. Только один процент. Если допустить стоимость строительства в пять миллиардов долларов, то полста миллиончиков перепадет всевозможным толкачам, функционерам. Но разве сравнимы их возможности и Его? На одной из конфиденциальных встреч не зря же Ему дали понять, что компания высоко оценивает Его воздействие на чиновников, от которых зависит принятие необходимых решений. Вожделенный куш будет переведен на Его имя в один из зарубежных банков. Мы условно назовем Его Посредником. Лица́ Его, вполне телегеничного, никто не видел на экранах телевизоров. Терпение, сдержанность, осторожность, любезность — все эти добродетели сослужили Ему хорошую службу. С женщинами обходителен. С властными чиновниками — на равных. У них есть уважительные причины относиться к Нему терпимо: сами не раз пользовались Его неоценимыми услугами. И в сегодняшней ситуации именно Его послали в деловую поездку за рубеж.

Каким бы сильным ни был лидер, но если страна нища, живет взаймы, он не сможет вести политику, разговаривать на равных за столом переговоров. Чтобы расплатиться с долгами, нужны нефть, газ, лес и прочие дары щедрой родной природы. А поскольку валюты все равно не хватает, приходится закрывать глаза на неразумные сделки, соглашения. Посредник знал неспособность «отцов» — из-за обремененности строительством дорогостоящей дамбы — вывести городское хозяйство из кризисного состояния. И теперь, чтобы отдалить крах, связанный с этой глупой затеей, они готовы на любую сделку, вплоть до сдачи в аренду иностранцам земли.

...Затем председательствующий благосклонно предоставил слово главному заказчику импортного проекта Алхимову.

Мужиковатый, внешне простодушный человек с депутатским значком на лацкане пиджака с воодушевлением заговорил о создании одного из крупнейших совместных предприятий в нашей стране с участием многих иностранных фирм, а также о том, что нашу сторону в этом деловом начинании будет представлять исполком Ленсовета. Вклад исполкома в это совместное предприятие — земельный участок, жилые помещения для строителей и эксплуатационного персонала, энергоресурсы на производстве всех работ...

Говорил заказчик обо всем этом со знанием дела для непосвященных, собравшихся в зале, а Посредник знал, что, насколько советская сторона стремится в качестве вклада увеличить земельные массивы под увеселительный Центр, настолько компаньоны стремятся уменьшить проектируемую площадку под гостинично-развлекательный комплекс, сокращая ее до компактной, порядка ста пятидесяти — ста восьмидесяти гектаров. И если оценивать отводимые под строительство этого первоочередного сооружения зе́мли по цене 1,2 миллиона за гектар, то и в этом случае наш вклад по официальному, завышенному курсу не превысит десяти-

пятнадцати процентов от суммы стоимости первой очереди, даже с учетом стоимости отводимой земли.

— И еще нам предстоит обеспечение инфраструктуры в границах Центра, — продолжал Алхимов, — в общем, нулевого цикла. За нашими партнерами — основное строительство с обеспечением его самой передовой технологией, техникой, оборудованием для гостиниц, спортзалов, аттракционов.

Однако выступавший умолчал о том, что советской стороне предстоит создание целого комплекса вспомогательных сооружений, обслуживающих Центр, включая и строительство дорог, пристаней и прочее. Этот набор определенных правил, обеспечивающих успех деятельности компании при создании совместных предприятий, был хорошо известен Посреднику. И теперь, когда Алхимов сказал, что работа над созданием совместного предприятия для нас совершенно новое понятие, к которому мы, честно говоря, еще не привыкли, Посредник посмотрел на его мясистые уши и пожевал губами. Он был доволен «своим человеком», который держался молодцом, говорил хорошо поставленным баритоном о Канаде, о городе Эдмонде, где на огромной площади под крышей создан целый городок из старинных домов, канала, по которому плавают каравеллы, подводные лодки, крокодилы и акулы. Там есть и сад зверей, и детская железная дорога, обширный каток и не менее гигантский бассейн с пляжем и искусственной морской волной.

На вопрос из зала о сметной стоимости развлекательного Центра первый секретарь скосил глаза на Алхимова, но, услышав обтекаемый ответ, смолчал. Посредник отметил этот выразительный взгляд, многозначительное молчание. Он отличался особым чутьем, умением безошибочно распознавать психические колебания своего шефа. И на этот раз не ошибся: «Первый одобрил обтекаемость ответа».

— Почему мы рассказываем о Канаде? — перевел речь в привычную плоскость Алхимов. — Это объясняется легко. Дело в том, что Канада близка нам по природным условиям. Для нашего развлекательного Центра выбрали территорию на северном побережье залива в районе Лисьего Носа...

Весть о том, что на Лисьем Носу намереваются строить международный туристский развлекательный Центр, произвела на жителей поселка впечатление разорвавшейся бомбы. Давно закончилась война, новые поколения знают о ней лишь по книгам да кинофильмам, и, казалось, ничто не предвещало угрозы, наоборот, даже повеяло некоторым обновлением: заговорили о правовом государстве, о гласности, демократии, плюрализме мнений...

Возле Дома культуры поселка толпился народ.

— То, что нам на жизнь дадено, хотят уничтожить! — донесся хрипловатый голос.

Пенсионер Лебедев приблизился к толпе. Он только что из телефона-автомата, от продовольственного магазина, звонил в райисполком, пригласил представителей на собрание жителей поселка. Каково же было его удивление, когда он позвал посельчан пройти в помещение, а оно оказалось закрытым.

— Райисполком запретил давать ключи, — сказали ему.

— Где директор, говорить будем! — шумели посельчане.

—.Директор ушел.

Все стояли ошеломленные: «Что же происходит? Нас хотят поставить перед свершившимся фактом?! Ах, как же далека от нас советская власть!»

Недоуменные и горькие вопросы взвинчивали, объединяли, вызывали в душе каждого мучительные волнения.

Лебедев предложил принять резолюцию собрания, которое протестует против строительства. Кандидат наук Кафтанов, рослый, лет пятидесяти мужчина, с усмешкой на обветренном лице, усмотрел в этом предложении очередное хлопание крыльями. Но инженер Ракицкий, рассудительный человек, был другого мнения и вызвался грамотно написать этот документ.

Вскоре в городской газете «Ленинградская правда» было опубликовано письмо, в котором обеспокоенные жители Лисьего Носа писали: «Районные и городские советские органы не сделали попытки выяснить наше отношение к данному строительству, и мы были поставлены перед уже свершившимся фактом»...

Только 16 декабря в поселок на вечер вопросов и ответов приехали представители Ленгорисполкома. За стол президиума, которого здесь никто не избирал, приехавшие сами усаживались по чину: из горисполкома в первом ряду, из райисполкома — во втором.

В зрительный зал Дома культуры «Чайка» невозможно было протиснуться, за два часа до собрания зал был забит. Люди толпились в фойе и на улице.

Заместитель председателя горисполкома Букин, в прошлом матерый торговый работник, а ныне один из тех, кто подписывал «Соглашение», в своем вступительном слове начал с самой наболевшей сегодня социальной проблемы.

— И эта главная проблема, чем занять людей, почему они пьянствуют, шатаются по подворотням, и заставила нас задуматься: а как эту проблему решить?

Насколько Букин изворотлив в коммерческих делах, настолько же слаб он в искусстве убеждать. Этого не мог не заметить Алхимов, сидящий в первом ряду за столом президиума. На встрече он чувствовал себя хозяином положения: как же, его подпись первой стоит под историческим «Соглашением» с американцами, он, можно сказать, «закоперщик» этого центра.

Когда заговорил главный архитектор города о том, что под Центр требуются большие территории, сельскохозяйственные земли занимать не можем, а северная словно бы предназначена для размещения различного вида отдыха, — в зале загудело тревожней.

— Население города растет, — старался перекричать шум главный архитектор. — В связи с ростом населения территориальные изменения неизбежны, как для нас неизбежными являются старость и последующая смерть.

Обстановка, замечал Алхимов, накалилась. И даже когда профессор Игнатьев подошел к микрофону и стал рассказывать об американском Диснейленде, где ему посчастливилось побывать, какие он там видел чудеса, то жители поселка закричали:

— Не надо нам Америки!

Председательствующий тщетно пытался водворить тишину: голоса его не было слышно, а к микрофону приблизиться — не посмел потревожить важно и торжественно восседавшего Алхи-

мова. Тем временем в адрес сидевших в президиуме сыпались вопросы: «Почему в рабочую группу не включили представителей поселка?!», «Что будет с землей, на которой века живут люди?!», «В газетах пишут, что дачный поселок не пострадает, а тем временем проведена инвентаризация домов!», «Почему владельцев мелкого рогатого скота предупреждают о необходимости «в случае чего» быстро аннулировать свою живность?», «Куда денутся многочисленные базы отдыха и пионерские лагеря ленинградских предприятий?», «А церковь, Князь-Владимирская церковь?».

Алхимов, почувствовав всю важность момента, подошел к микрофону.

— Товарищи! Успокойтесь! Я отвечу на ваши вопросы, — начал он, нажимая на слова. — С вашего позволения, председателем рабочей группы являюсь я.

Шум в зале поутих. Алхимов горделиво поглядел на миловидную женщину с желанием понять по ее прелестным глазам, какое произвел на нее впечатление. Но женщина только вопросительно смотрела на него, не более.

— Что из себя может представлять этот Центр? — продолжал он. — Мы должны представить, что это ни какое-нибудь сооружение, которое находится под какой-то конкретной крышей... Это нечто большее, что мы себе до конца и не представляем. Сегодня можно говорить, что на облагороженной территории будет организовываться совершенно новая инфраструктура, в состав которой войдут самые...

На этом слове Алхимов запнулся, спохватившись, что в его планы не входило называть конкретные сооружения гостинично-развлекательного комплекса. Сказать о суперотелях, внеразрядных виллах, где не всякий иностранец, а лишь толстосум позволит себе поселиться, казино и прочие интимные увеселительные заведения — это означало подбросить охапку хвороста в разгорающийся костер недовольства людей. И мысль сознательного слуги лжи во спасение приняла неожиданно иное направление.

— Создается несколько комплексов, так мы условно скажем, развлечений, то есть строительство гостиниц, магазинов и строительство аттракционов, конкретные названия которых сегодня указать сложно. Где это собираемся размещать? А это собираемся размещать западнее Лисьего Носа. Как вы себе представляете, по оси дамбы, между дамбой и Лисьим Носом.

Именно этого не представляли и не хотели представлять собравшиеся и опять зашумели, загомонили.

— Но! Товарищи! — поднял руку Алхимов, требуя тишины. — А восточнее Лисьего Носа будет комплекс культуры и отдыха. Сегодня в наших запасниках и музеях находится такое количество картин, предметов прикладного искусства, которые не в состоянии посмотреть поколения людей. И не надо думать, что картины выставлять можно только в Эрмитаже или в Русском музее. Имея современную технику, построив прекрасный выставочный зал, где будет прекрасное освещение, микроклимат, можно картины выставить так, что они лучше будут восприниматься. — Алхимов прицельно глянул на женщину и продолжал: — Мы будем глубоко видеть те прелести, которые выражены художником. А у самого восточного среза этой инфраструктуры предполагается создать центр спорта с беговыми дорожками, теннисными кортами и еще что-то, что-то и вот еще что...

— А поселок?! Что будет с Лисьим Носом? — в вопросе послышался Алхимову явный вызов.

— Ну, первоначально, Лисий Нос не предполагается сносить. И мы об этом вам заявляли в газетной статье официально. Но! Территория для зоопарка по площади больше, чем Лисий Нос, то есть поселок Лисий Нос становится частью инфраструктуры этой территории.

В зале горько засмеялись.

— Что же, вместо зверей, что ли? — заметила женщина в каракулевой шапочке с первого ряда.

В очередной раз Алхимов отер потеющую шею, скомкал мокрый платок.

— Ну почему смех?! — недоуменно вопросил он. — Если потребуется перебазировать часть домов для тех, кто не захочет в квартиры, то наиболее подходящей площадкой будет Горская.

Беспокойно завозились, горько засмеялись, послышались возмущенные до дрожи голоса. Алхимов запнулся.

— Начнем говорить так, — озадаченно продолжал он подбирать слова. — Чем Горская не такая же наша Родина, как Лисий Нос?

— На Горскую все успеем, — смиренно произнесла старушка из первого ряда. — В Горской кладбище. Никто не минует...

— Гм, кладбище... — Это было неожиданностью для Заказчика. — Так, та-ак... Понятно. Ну что же, все, что говорится здесь, будет учтено, — продолжал он, подосадовав, что попал впросак. — Кроме всего прочего, мы разрешим разобрать дом, его строения пронумеровываются, выплачивается провоз и сбор дома на новом месте.

— А как же земля? Ее с собой в горстке не увезешь. Начинай сначала, осушай, выкорчевывай.

— Ну, товарищи, еще ничего не известно. Окончательное решение, куда снести дома, будет принимать правление совместного коммерческого предприятия. И это логично!

От этих невзначай сказанных слов весь зал, как единый организм, задвигался, заколебался, зашумел, будто лес в бурю или море в шторм.

«Значит, жить или не жить нам на своей родной земле, будут решать коммерсанты?!», «Не много ли на себя берете, «отцы» города?», «Землей торговать — последнее дело. Это же Ро-ди-на!»

Жители поселка Лисий Нос и слушать больше не хотели ни о каком увеселительном Центре. И едва Алхимов в запарке опустил свое грузное тело на стул, к микрофону подошла жительница поселка Галина Михайловна Паткуль.

— Отдать нашу родную землю?! Историческую! Здесь Александр Невский воевал! Петр Первый! Во время Великой Отечественной наш поселок был «малой землей». У нас есть школа-восьмилетка, детский сад-ясли, педучилище, детский областной дом ребенка, магазины, универмаг. Наш поселок жизнеспособный. И ликвидировать его ни в коем случае нельзя.

Гулом одобрения и аплодисментами были поддержаны ее слова. Покрасневшая, с горящими щеками и блестящими серыми глазами, смотрела Галина Михайловна на возбужденных людей в зале. Трудно было ей сдерживать волнение, голос звенел:

— Ну и какое наше предложение?! Может быть, в районах Ленинграда отдельно построить небольшие сооружения наподобие Диснейленда. Можно его построить отдельно? Можно! И художе-

ственную галерею можно. А Лисий Нос сохранить для ленинградцев!

Галину Михайловну проводили благодарными аплодисментами.

Еще не успел председательствующий предоставить слово следующему оратору, как молодой вихрастый парень, проталкиваясь к сцене, выкрикнул:

— Я за Центр!

Алхимов, сидевший сумрачным, оживился, расплывчато заулыбался, широко махнул рукой, приглашая сторонника развлечений к микрофону.

— Я строитель на дамбе, — заговорил тот, поводя пустыми глазами с мертвым стеклянистым блеском. — Учтите, я не сумасшедший. Член партии. Мой портрет висит на Доске почета. А теперь... посмотрите на себя! Вам по пятьдесят-шестьдесят лет. Вы старичье!

Люди, словно воды в рот набрали, с минуту пребывали в шоковом состоянии. Но вот зал взорвался неистовым возмущением. Чей он? Откуда родом?! Да разве узнаешь... Из общежития небось. Кого только не согнали на явно вредную для природы стройку — бетонщики, бульдозеристы, шоферы, монтажники. Спешили воспользоваться установленными льготами да квартирами вне очереди. Семь тысяч со всех сторон понаехало. Получат квартиру и... тягу со стройки. А чтобы не выселили, квартиру бронируют, а сами вербуются на Север, через год возвращаются. Сколько очередников-ленинградцев недополучило долгожданного жилья из-за строительства дамбы! И вот теперь один такой «ресурс» без роду и племени, перекати-поле пришел оскорблять чувства местных старожилов.

— Долой! Гнать в шею! Архаровец! — гремел зал.

Дамбиста сменил у микрофона пенсионер Лебедев и поведал хотя и близкую, но до боли обжигающую историю, которую ни зачеркнуть, ни переписать.

— Я всю жизнь и все девятьсот дней блокады прожил на земле, за которую русские солдаты еще от времен Петра до последней Отечественной отдавали свои жизни! — говорил он. — Мне хочется напомнить соотечественникам, что если Дорога жизни через Ладогу была единственной артерией города, стиснутого мертвой хваткой вражеской блокады, то Лисий Нос был основной веной, без которой невозможны были бы существование Ораниенбаумского пятачка, Кронштадта и его фортов. Лисий Нос в те трагические годы являлся одним из главных опорных пунктов обороны Ленинграда. Здесь располагался истребительный авиаполк, вдоль нашего берега были установлены батареи дальнобойных орудий, здесь курсировал бронепоезд до самого пирса, не говоря о многочисленных частях сухопутных войск. Но что надо отметить: ни один немецкий снаряд не упал на Лисий Нос. Так вот, что не сделали фашисты, теперь хотят снести иным способом. И этим сегодня, как никогда, пытаются воспользоваться те, кто в недавнем прошлом именовался «слугами народа».

Андрей Борисович Паткуль не думал выступать. Но в переломные исторические моменты он не мог оставаться равнодушным созерцателем или прятаться за спину других. Так было в сорок втором, когда его с трехмесячным стажем приняли в партию как отличившегося в боях, так и в сегодняшней ситуации, с «психической атакой» управленцев на жителей Лисьего Носа. Не мог

стерпеть и выходки молодого партийца с дамбы, где Андрею Борисовичу, уже пенсионеру, пришлось работать сторожем у въездных ворот, или, как он шутливо называл себя, «привратником».

Высокий, седой, кряжистый, подошел он к микрофону.

— Паткуль Андрей Борисович, ветеран войны и труда, участник Парада Победы! — представился он. — Еще что-нибудь сказать?!

— Знае-ем! — одобрительно загудел зал.

— То, что сейчас происходит, — это не просто экономическое решение какое-то, это просто политический вывих, ребус. Продается земля. Я знаю, когда мы шли с товарищами в бой, мы бились за Родину! — и, понизив голос, произнес: — И за Сталина бились. Теперь мы не будем биться за руководство. — И опять голос обрел уверенную крепость. — Но за Родину будем драться! Чужой земли не хотим, но и своей не отдадим!

Тягостной озабоченностью закончилось для Алхимова это шумное собрание. Было над чем призадуматься. В июне завершается технико-экономическое обоснование, побережье залива превратится в гигантскую стройку, а жители Лисьего Носа артачатся.

Долго не расходились по домам жители поселка.

Кто-то предложил написать письмо Генеральному секретарю.

По словечку, по строчечке рождалось это письмо, в котором люди, повергнутые в трепет и отчаяние, просили вмешательства. Подписалось под тем письмом тысяча семьсот человек. Отправили его по почте, заказным с уведомлением и стали ждать ответа.

...Каждую пятницу в конце дня в Доме культуры собирались жители поселка послушать членов созданной в поселке инициативной группы.

В инициативную группу вошли молодые кандидаты наук, весьма компетентные специалисты, инженеры, ветераны войны, рабочие-умельцы, движимые одним желанием: все отдать ради спасения своей малой Родины. Жизнь, помимо повседневного труда на производстве и в научных учреждениях, хлопот по доставанию продовольствия и товаров первой необходимости, озаботила их обязательным и необходимым в интересах соотечественников делом, наполняющим их существование иным, объединяющим смыслом.

Занятые сбором необходимой информации, они побывали в Доме ученых, в Доме архитектора, где знакомились и с архитекторами, которые были на стороне Игнатьева, а также и с теми, кто не разделял его убеждений. Именно противники проекта наиболее живо откликнулись на просьбы представителей поселка Лисий Нос, отнеслись к ним с сочувствием и вызвались оказывать во всем посильную помощь.

Так стало известно, что принятое горисполкомом решение о расселении жителей поселка в других местах не выполняется из-за того, что власти столкнулись с сопротивлением жителей и представителей общественности.

Выяснилось и то, что идея создания Центра родилась задолго до первой официальной встречи американцев с представителями горисполкома. Оказалось, еще весной представители компании осматривали местность, после чего в Институте генплана начали готовить Проект комплексного развития Карельского перешейка.

В приложении № 5 этого документа, представляющего собой за-

дание на строительство новых объектов, был указан и Центр развлечений.

Активисты убеждались, что их тревога, разрастаясь, перекинулась и на Ленинград.

А на отправленное в ЦК письмо была получена открытка, в которой говорилось: «На наш входящий номер... ответ готовит Ленгорисполком». Тем временем в кабинетах горисполкома готовили учредительные документы, «увязывали» вопросы о передаче земли под строительство, по телексу сообщали своим заокеанским партнерам уточнения по готовящемуся проекту, чтобы все это в откорректированном виде нашло место в генеральном плане.

В городе начались санкционированные митинги. Правда, их в самый последний момент городские власти почему-то запрещали, как это случилось в феврале на Исаакиевской площади, куда устремились потоки людей в надежде на встречу с «мэром» города. Но их не допустили к Мариинскому дворцу, под крышей которого размещается исполнительный аппарат Ленгорсовета. Милиция с помощью снегоуборочных машин оттеснила толпу с площади на Красную улицу, где возмущенным выступающим дали возможность выпустить патриотический пыл, а организаторов за нарушение порядка и проведение митинга сочли необходимым привлечь к административной ответственности.

Ничто не помешало В. Я. Ходыреву принять решение, в котором определена генподрядная организация по строительству развлекательного Центра — ЛенГЭС *. Главному архитектору поручалось сформировать и возглавить творческую группу для разработки предпроектных предложений. А разработка технико-экономического обоснования такого крупномасштабного строительства была поручена кооперативу «Инженер».

А сроки выполнения... Предпроектные предложения должны быть поданы к 13 февраля 1989 года, а ТЭО — к 1 июня 1989 года. Финансирование упомянутых работ поручалось производить за счет капитальных вложений ГлавУКСа на 1989 год. Контроль за выполнением решения возложен на заместителя исполкома Ленсовета т. Букина Г. А.

Проблемой Лисьего Носа заинтересовались честные журналисты.

Знакомясь с жителями поселка, один из них обнаружил известные для русской истории фамилии соратников Петра — плотников, корабелов, строителей укреплений, ратных сотоварищей. Петр и тогда призывал искусных иностранцев помогать делу, а не отнимать у русских возможность самим постигать науку трудиться. В четыре года Петр достиг того, что люди его были «бодры и учреждены»: с такими людьми была надежда отбиться от могущественных в то время врагов. И теперь потомки и наследники славных дел не утратили мастерства, не обленились, не спились, а стремятся к новой усиленной деятельности. И раз у этого дела оказались такие активисты, люди в высоком смысле слова, значит, Россия собирается.

---

* ЛенГЭС — управленческая энергетическая организация, возглавлявшая строительство дамбы. Высвободившуюся после окончания работ технику предполагалось пустить на возведение Диснейленда.

— А есть ли альтернатива Центру? — поинтересовался журналист Федоров.

— Конечно же, есть! Вот нам говорят о нехватке музейных и выставочных залов, — сказал начальник производства Селезнев. — Да освободите прекрасные дворцы, великолепные залы, занятые различными организациями, под выставочные и концертные залы, и проблема решена.

Федорову рассказали, что иностранных туристов возят только в престижные места и чрезмерно разрекламированные парки, которые перегружены, в то время как десятки парков Пушкино, Гатчины, Павловска, Петродворца, Ломоносова не эксплуатируются и практически не посещаются.

Федоров слушал, кое-что записывал, а потом сказал:

— Ребята, вы же понимаете, что решать будут на сессии горсовета... У вас там есть ваши депутаты?

— Наши депутаты Усанов и Севенард — главные строители дамбы, — горестно усмехнулся шофер Ярошевский, держа натруженные руки на коленках. — Они не поддерживают лисьеносовцев.

Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник ВНПОбумпром С. Строев на одном из семинаров в Ленинграде ставил вопрос: «Как можно подписывать соглашение на строительство гигантского комплекса, который резко ухудшит стоящую на грани катастрофы экологическую обстановку в восточной части Финского залива?..»

Загрязненность Невской губы объясняют теперь неочищенными сточными водами города, а также возросшим применением химикатов в сельском хозяйстве и... строительством дамбы.

Прежде здесь гнездовались утки, ловилась рыба, и во время перелета останавливались на отдых миллионы птиц. А в сторонке, в тихих, укромных местах, заросших камышом, селились ондатра, нутрия и бобры, завезенные сюда из заповедника.

Теперь повсюду здесь только масса гниющей жидкости, подпертой дамбой. Невская самоочищающая губа превратилась в отстойник нечистот.

И теперь, разрабатывая технико-экономическое обоснование на строительство развлекательного Центра, кооператоры обсуждают, какой же все-таки вариант очистки выбрать: со сбросом в Финский залив или предварительную локальную, со сбросом в Северные очистные сооружения?

В это время в борьбу против Центра вступило еще одно неожиданное лицо. Сначала на митинге у Казанского собора, затем в Доме культуры Ильича и, наконец, в программе «Общественное мнение» по Ленинградскому телевидению выступил с обращением молодой человек, назвавшийся Виталием Лукьяненко, сообщив, что его тесть Алхимов, находясь в Канаде, рассказывал ему, как он там жил и что в случае заключения контракта он получает куш и со своим внуком уезжает в Канаду.

— Вы, понимаю, думаете, что я нездоров, — продолжал Лукьяненко, — но я ответственно заявляю... Вот мое заявление на имя прокурора и на имя секретаря обкома партии Соловьева, которому я передал письмо через референта.

Лукьяненко воспитывался в семье офицера, чекиста-разведчика, тянулся к оперативной работе в ОБХСС, был в органах на хорошем счету, женат; влиятельный, с большими связями, тесть мог обеспечить продвижение по службе. Виталий пользовался доверием тестя, которого искренне уважал. Отношения в семье были мирные, очень хорошие. Все, что говорилось тестем, Виталий прямодушно пересказывал своим товарищам и говорил с оттенком горделивости за тестя, дескать, вот какой человек, ему даже работу в канадской фирме предлагают, кредитную карточку завели.

Но, узнав о продаже Лисьего Носа, он не стал держать язык за зубами, как это советовал тесть.

Брак распался. Из органов милиции уволился. При осложнившихся отношениях с тестем ему там работать не дадут. Пришлось поступить воспитателем в детский сад, где его стали называть «усатый нянь». Ребенка у него отняли. Сначала похитили из детского сада, а потом по суду оставили по месту жительства матери.

Алхимов уверял: «Никакой материальной заинтересованности и предложений со стороны канадцев не получал. И этого, как я понимаю, и не требовалось. Их высокая культура в этом плане не позволяет это делать».

— Я даже не знаю, что такое кредитная карточка, — заявил на суде Алхимов, обратившийся туда с просьбой защитить его честь и достоинство.

— Вы читаете журнал «Америка»? — спросил Лукьяненко.

— Да, я выписываю и читаю.

— Так вспомните, в первом номере было написано о кредитной карточке. Я обратился к вам за разъяснением, и вы четко объяснили мне, сказав, что фирма точно такую же карточку завела на ваше имя.

— Гм, не припомню такого случая. И первого номера «Америка» не читал, — побагровел Алхимов, злясь на зятька.

Когда адвокат предложил извиниться перед Алхимовым и выступить с опровержением, Виталий решительно отклонил это предложение.

Тем и закончился суд.

Посредник удобнее уселся в кресле и перечитал то место стенограммы выступления Виталия, где разговор касался отъезда в Канаду:

Теща: «Тебя Соловьев не выпустит».

Тесть: «Соловьев ничего не узнает. Я все буду делать через своих людей в Москве. А когда узнает, будет поздно»...

Насколько он знал его, еще в бытность секретарем райкома, держал себя Алхимов с показной скромностью, от покупки машины отказался, во всеуслышание заявляя: «Зачем она мне — чтобы обо мне говорили». И в Канаде он берег свою репутацию. А вот поди ж ты — кредитная карточка... Какие же у этого юноши доказательства, что тесть отдает Лисий Нос в обмен на жительство за границей?

Посредник позвонил своему адвокату.

— Вопрос серьезный. Нужно встретиться.

Почти в то же время в одном из московских кабинетов, где предрешаются внешнеэкономические вопросы, проходила конфиденциальная беседа:

— Ленинградским властям надо понять, насколько привлекательны перспективы делового партнерства, настолько и сложны. Они проявляют непростительное благодушие.

— Но граждане ни экономически, ни психологически не готовы.

— Что значит не готовы? Пора бы решить этот вопрос для себя: нужна вам или не нужна чужая помощь?

22 июня в 15 часов в Белом зале Главленархитектуры поспешно собрали совещание на тему «Экологические проблемы размещения Большого туристского культурно-развлекательного Центра в районе Лисий Нос».

Совещание проводилось, несмотря на резко отрицательное отношение видных ученых, писателей, народных депутатов СССР, самых различных слоев населения к идее развлекательного Центра; несмотря на то, что 27 мая на санкционированном митинге заместитель председателя горисполкома Авдеев заявил, что все работы по Центру в Лисьем Носу прекращены.

Из стенограммы совещания:

«...Надо действовать наверняка. Не допускать ошибок, подобных тем, что были допущены при строительстве дамбы, целлюлозно-бумажного комбината в Приозерске. В последнем случае было все: и положительное ТЭО, и прекрасный проект, и выделенные фонды. Не было только одного — положительного отношения общественности, и этого оказалось достаточно, чтобы комбинат прикрыли».

— Что такое семьдесят восемь тысяч «против» на фоне пяти с половиной миллионов человек населения? — заявила дама-эксперт. — С другой стороны, в томах предпроектных предложений указана другая цифра — восемьдесят процентов опрошенных высказались «за» строительство Центра.

Однако дама-эксперт умолчала, что 80 процентов — это результат самого первого телефонного опроса, когда только городская молодежная газета впервые тенденциозно проинформировала своих читателей о благах и прелестях заморского чуда.

Подводя итоги совещания, председательствующий О. А. Скарлото подчеркнул: «Значит, в первую очередь провести экологическую экспертизу... хотя и сейчас уверен, что экспертиза будет положительной...»

Что же все-таки произошло? На митинге говорили, что горисполком морально готов закрыть проект, — и вдруг такой поворот! Вполне вероятно, из какой-то руководящей инстанции последовала рекомендация...

«...Как уже сообщалось, 12 июля состоялся пленум Ленинградского областного комитета партии, рассмотревший организационный вопрос... Пленум удовлетворил просьбу Ю. Ф. Соловьева о переходе на пенсию.

Генеральный секретарь внес предложение избрать первым секретарем Ленинградского обкома партии Бориса Вениаминовича Гидаспова, члена бюро обкома, председателя правления межотраслевого государственного объединения «Технохим»... В результате тайного голосования 106 голосами против двух Б. В. Гидаспов избран первым секретарем Ленинградского обкома КПСС» («Ленинградская правда»).

Посредник находился среди ста шести человек, принимавших участие в работе пленума, и был одним из тех двоих, кто голосовал против «волгаря», как называл он Гидаспова.

«На этого подвижника в науке вряд ли можно рассчитывать... Неужели все псу под хвост?»

В исполкоме Ленсовета перед депутатами выступила директор компании «С. Итон уорлд трейд» госпожа Клара Рис. Парламентариям показали киноролик о подобных увеселительных центрах Канады и Японии. Мнения депутатов были неоднозначными.

Клара Рис лично встретилась с противниками проекта. Она просила ленинградцев не принимать ее только как представителя частной американской компании, которая прилетела диктовать свои условия, но и как компаньона в совместном сотрудничестве.

Однако членам комитета «Лисий Нос» — инженеру Ракицкому, преподавателю вуза Богданову, главному конструктору предприятия Судейкину, шоферу Ярошевскому, капитану первого ранга в отставке Осипову, судовому механику Печникову, кандидату технических наук Паткуль — трудно было почувствовать себя равноправными партнерами деловой американки.

Председатель горисполкома В. Я. Ходырев 15 мая по Ленинградскому радио признался: «Даже я, кто, казалось бы, близок к этому делу, не знаю до конца, что же это все-таки такое. И никто не знает досконально».

А вот госпожа Клара Рис знала! Помимо того, что их компания, прежде чем решиться на совместное предприятие под Ленинградом, изучила экономические, политические, юридические факторы, географические характеристики, данные о наличии питьевой воды, прозондировала возможность дополнительного вложения миллиардных средств в сельское хозяйство и легкую промышленность — и не вместо Центра, а вместе. Может, именно поэтому дама и держалась уверенно, чувствуя себя в положении человека, заказывающего музыку. Приехавший на эту встречу журналист Федоров задал вопрос: «Почему вы навязываете свой проект вопреки желанию населения Ленинграда?»

— Мне хотелось бы знать, на основании каких фактов предлагали людям высказываться «за» или «против»? — поинтересовалась Клара Рис. Речь у нее медлительная. Хотя она понимает и говорит по-русски, решила прибегнуть к услугам переводчика. Было видно, что у деловой женщины немалый опыт ведения дискуссий. А наши — со своей доверчивостью, прямотой и желанием во что бы то ни стало отстоять правое дело — напомнили Федорову ополченцев сорок первого года.

Галина Михайловна Паткуль, говоря об экологической ситуации, вызвала улыбку заморской гостьи.

— Не улыбайтесь, это трагедия, — говорила Паткуль. — В курсе ли вы дела, что над Ленинградом нависла угроза нехватки питьевой воды?

Конечно же, Клара Рис в курсе. Ей известно, что в озеро Разлив попадают загрязненные радиацией воды из Песочного. Известно и другое... Именно под территорией, на которую претендует их компания, недавно обнаружено природное водохранилище. Пусть говорят, что запасы питьевой воды незначительны и составляют меньше одного процента всей потребности города, время покажет, откуда будет осуществляться водозабор: из озера Разлив или из скважин.

Зал вопрошал:

— Почему не опубликованы данные социально-экономического исследования специалистов Ленинградского университета?

Документ этот в самом деле хранится за семью печатями. В нем утверждается: «...Концепция в целом безусловно преувеличивает потенциальные выгоды советской стороны и фактически игнорирует возможные негативные последствия». Обнародовать это сейчас, когда город ветшает на глазах, когда по улицам города невозможно стало ездить, когда инвалиды и блокадники доживают свой век в коммуналках, трудящиеся десятилетиями стоят в очереди на жилье, когда не хватает продовольствия и товаров первой необходимости, — в этих условиях, разумеется, обсуждать документ невозможно.

Был поднят и вопрос о массовых захоронениях расстрелянных в годы репрессий — их останки, возможно, находятся на той территории, которая отводится под увеселительный Центр: «...Мы слышали сто раз, что Морская включается, как и территория Левашовской пустоши... Там расстреливали людей, и мы не позволим... Мы ляжем поперек бульдозеров!»

— Все это в конечном счете ваши внутренние проблемы, которые, конечно же, должны быть решены, — заявила Клара Рис.

Завершая встречу, деловая американка подчеркнула, что они будут покупать местную валюту, то есть рубли, у них есть право такой покупки, так что местное население сможет посещать гостинично-развлекательный комплекс и пользоваться всеми услугами.

Вопреки ожиданиям, никто из присутствующих не выразил восторга. Удручало и то, что еще и контракта нет, а американская сторона уже и теперь принимает такие решения, которые подрывают национальные интересы Родины, интересы трудящихся. Похоже, что право такой покупки рублей пойдет по привычным «черным» дорогам.

— А ваша фирма вознаграждает тех, кто активно помогает проталкиванию проекта? — спросил Федоров американку.

Алхимов тяжело посмотрел на задавшего вопрос, словно тот вынул из его кармана миллион.

Клара Рис довольно-таки спокойно ответила:

— Каждая компания платит больше или меньше. Это же частное дело и зависит от компании.

Капитан первого ранга в отставке Осипов, ветеран войны, подводник, решил, что время пришло и ему сказать.

— Послушайте, Клара Рис, меня внимательно, — начал он резковатым голосом. — Мы уважаем деловитость американского народа. Мы приветствуем всякие деловые связи с американцами, дружбу приветствуем. Но... мы будем поднимать народ, проводить митинги и упорно добиваться юридически прекращения этого дела.

— Понятно, — ответила в раздумье Клара Рис по-русски. — Конечно, мы не будем строить Центр в городе Ленинграде, если он городу не нужен. Но я вам могу сказать с полной уверенностью: не будет строиться Центр здесь, он будет строиться где-нибудь в другом месте...

Возвращаясь со встречи, задумавшийся Федоров не заметил, что с набережной свернул и подошел к Исаакиевскому собору. Длиннющая очередь терпеливых соотечественников ожидала, ко-

гда же можно пройти в собор, подняться на смотровую площадку, взглянуть с высоты птичьего полета на город мировой славы и его окрестности — святую жемчужину родной страны. То и дело к Исаакию подъезжали комфортабельные автобусы «Интуриста». Иностранцы, полные достоинства и важности, проходили в собор через специальный вход. «Это зависит от советской стороны, в какой пропорции пускать советских и иностранных туристов», — вспомнились Федорову слова Клары Рис. Взглянул на другую очередь. Так же безропотно стояли наши сограждане за мутноватым напитком. А неподалеку, возле киоска с надписью «Продажа только на валюту», за столиками пили из ярких баночек соки иностранцы.

И тут Федорову вспомнился рассказ депутата, испытавшего жгучее чувство стыда, «когда его сын очень хотел попить из такой баночки, готов был даже выпросить ее у зарубежного гостя, тем более что в мусорном ящике уже копались мальчишки, выбирая оттуда порожние банки». Депутат не был уверен, что в Центре будет иначе.

После публикации статьи Фёдорова «Коммерческая тайна Лисьего Носа» партийный актив города предложил снять Букина с работы, Ходырев после долгих и мучительных сомнений и раздумий, не дожидаясь решения депутатов на предстоящей сессии, сам ушел в отставку.

Алхимов хотя и оставался на прежнем месте, но потерял авторитет, а это означает конец головокружительной карьеры.

Комитет «Лисий Нос» вступил в ассоциацию «Экология и мир».

Галине Михайловне Паткуль позвонили из обкома КПСС. Товарищ, который с ней беседовал, был сама любезность, терпеливо, не перебивая, выслушал, затем пообещал передать все ее вопросы Борису Вениаминовичу Гидаспову, оставил свой телефон. Вкрадчивым голосом Посредник * (а это был именно он) произнес: «Если будет туго, звоните».

26 августа 1990 года по Ленинградскому телевидению ведущая передачи «Лисий Нос — особое мнение» с очаровательной улыбкой сообщила:

— Ну что же, можно кричать: «Ур-ра!» Решение принято: отказаться от проекта. Но вы посмотрите, от чего отказываетесь!

Ленинградцам показывали многочисленные кадры, снятые в подобных центрах Канады и Японии...

Прелести Диснейленда и других увеселительных центров умело смонтированы вперемешку с нашими лесными и заболоченными берегами у Лисьего Носа и разваливающимися аттракционами.

Со стыдом и огорчением ленинградцы видели, как искусно подогревались потребительские настроения...

---

* Посредник — лицо реальное. В 1988 году автор установил, что этот человек был на руководящей работе в Ленинградском обкоме КПСС.

А. БЕЛЯЕВ

НАХАЛЫ У ВЛАСТИ... РУСИЯНАМ НАПАСТИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Редакция помещает данное письмо-статью из-за рубежа без комментариев, опустив в нем лишь пространно изложенные всем известные факты истории. Заметим только, что обсуждаемые во всем мире политические события в СССР заставляют всех снова и снова возвращаться к истокам русской нации, русской исторической миссии, русского характера. Не мог обойтись без этого и А. Беляев, хотя его позиция — это позиция уже вполне «озападнившегося» человека, в силу чего порой и смешивающего действительно вековую русскую идею с частным и смутно понимаемым им «еврейским вопросом». В целом же мы — за широкое, проясняющее истину обсуждение историко-политических проблем в СССР мыслящими людьми планеты.

Родину мало любить — за нее нужно бороться!

НАШЕ ОТЕЧЕСТВО в опасности. Оно может превратиться в колониальную территорию Запада. Мне, прошедшему долгий путь от Халхин-Гола до Берлина и прожившему в лагере врагов 40 лет, это совершенно ясно. Беда стучится в наши ворота!

ВАШ ДОЛГ, дорогие друзья, бить в набат! Ваш голос — это голос тех, кто бесстрашно шел в бой за Родину!

Посылаю вам для публикации мои посильные увещевания соотечественникам — это, возможно, мой последний «выстрел подкалиберным» в защиту моего Русского * народа.

* * *

Светлой памяти Владимир Иванович Даль, составитель «Толкового словаря русского языка», был в высшей степени человеком добросовестным, беспристрастным, аккуратным и, уж без всякого сомнения, неоспоримым авторитетом в толковании слов родного языка.

Начиная статью о нашем бедственном положении как народа, мы прежде всего обратимся к В. И. Далю за разъяснением слов нашего заголовка. Стр. 1275: «Нахал, наглец, бесстыдник, взять нахально силою, наглостью»; второе слово стр. 1166: «Напасть, ж., беда, бедствие, несчастье, злыдни; нападки судьбы, рока».

И еще: «Встарь писали: «Руская Правда»; «только Польша (?) прозвала нас Россией, россиянами, российскими, по правописанию латинскому, а мы переняли это, перенесли на кириллицу свою и пишем «русский». Хотя на всех языках настоящее название Русия: Руссланд — по-немецки, Рашия — по-английски, Руссия — по-испански и так далее» (стр. 1745).

---

* Русского — здесь и далее — авторское написание **(ред.)**.

Как видим, еще один печальный факт из нашего прошлого, спасибо Владимиру Ивановичу за то, что он не только указал на источник слова, но и напомнил: что мы это переняли. Да у нас это так уж и повелось, благодаря «помощничкам» и толмачам — все руское затирается, заменяется иностранщиной, предается забвению, и подчас можно только диву даваться: откуда это у нас взялось? За последние пять лет американизация руского языка настолько привилась, что в этой области сделано сегодня больше, чем за всю нашу историю.

Нельзя не удивиться, что насильное внедрение иностранных слов в наш обиход, как правило, связано со словами из западного лексикона. Ведь если вернуться к слову: «Россия» — хотя последняя и предана политическому остракизму, все же следует определить, почему «Россия», не «Русия» — кажется, разница не очень большая (для посторонних), но ведь это слово «Россия» лишает нас связи с нашим корнем: Киевской Русью. Странно, почему никто (кроме В. И. Даля) не обратил на это внимания? И если это продумать глубоко, то причина становится ясной.

Парадоксально то, что Польша сегодня, когда она говорит с западными людьми, утверждает, что Киев — польский город, захваченный рускими. Как видим, наши западные соседи нахальством обеспечены на многие столетия. Непомерная гордость их, питающаяся из соска католицизма, фанатизм поляков настолько очевидны, что в США совсем еще недавно говорили: «поляки больше католики, чем папа римский», ну а теперь, когда «наместник Сына Божия на земле» — поляк, то гордость выросла пропорционально высоте собора св. Петра в Риме.

С петровских времен католическая церковь лезет к нам в дом, последняя гитлеровская инвазия была инспирирована Ватиканом — папа Пий XII благословил нацистов на поход против России, а после Победы через 24 часа «отпустил все грехи нацистов за всю вторую мировую войну»!!!

Ныне же в странах восточного христианства растет не только страх перед экономическим порабощением и эксплуатацией со стороны Запада, но также страх религиозной колонизации католической церковью. К страху, который грозит погружением в экономическое и моральное болото, примешиваются комплексы неполноценности. «Восточная церковь, — сказал митрополит Иован, — не настолько сильна, как католическая, которая одновременно является и государством. Повсюду она имеет нунциатуры.

Словения становится клерикальным государством. В то же время роль Православной церкви в политической жизни будет очень мала».

Такая умная голова, как Амфиохиос, признает за западной церковью, что она в историческом плане более действенна и эффективна.

Катастрофа для Европы была бы неизбежной, если бы Запад попытался использовать свое нынешнее превосходство в попытке навязать Востоку свою волю, свой дух и свой образ мышления. «Потребительство, возможно, опаснее, чем был коммунизм, — предупреждал Амфиохиос во Вршаке, — оно ведет к превращению человека в вещь».

Если вернуться к истокам нашего существования как культурной народности, мы увидим, что формирование характера славян в

послехристианский период было подвергнуто сильному влиянию Идеи Православной церкви. Исходя из основного принципа Христианского Вероучения, «главная цель существования Христианина на Земле — это стяжание спасения своей души», — остальное все второстепенное, добавьте сюда, что сам Иисус Христос сказал: «да не будет среди братьев ни иудея, ни эллина, ни римлянина». Эти два краеугольных камня уже диктовали сознанию Христиан — а Киевские Славяне приняли новую Веру не поверхностно, а всей глубиной своего чувства, — что племенное родство должно отойти на задний план. Церковь именно и призывала свою паству, то есть большинство нашего Народа, к этому идеалу, дабы обрести Царствие Божие — предав все земное если не забвению, то, во всяком случае, презрению как тленное. Главным мерилом истинного Христианина Руси стало понятие смиренности, это понятие постепенно вошло в обиход, становясь основным «Верую» и определенным антиподом католической спеси.

Уже в первые годы XII столетия Рим организовал Первый крестовый поход. «Христианские» рыцари из знатнейших домов Европы разграбили Константинополь, не пощадив и греческих храмов. Сразу же там был посажен латинский Патриарх, а заодно и Император. Правда, их власть оказалась короткой (2 года); с уходом крестоносцев в Европу вся затея рухнула.

Все семь крестовых походов, начатых из империалистических притязаний Рима, кроме вреда, ничего не принесли, но зато объединили мусульманство, пробудив в нем те же самые захватнические стремления — толчок к усилению Османской Империи. Однако и это не избавило Рим от иллюзий: Усилиями венецианских купцов (переодетых иезуитов) турки согласились атаковать Константинополь, но потребовали артиллерию и канониров, что им и было дано. В 1453 году Османы овладели оплотом Православия — Рим торжествовал. Разоренная, поверженная Греция бросилась за помощью к Христианскому Западу. В результате должна была признать Примат Римского первосвященника и подписать Флорентийскую Унию. Этому предшествовала в 1438 году сделка о включении в Унию и Руси, но сговор провалился, несмотря на то, что Московский Митрополит Исидор (грек по национальности) подписал Флорентийскую Унию и вернулся в Москву в рясе Римского кардинала. Он был тут же посажен в тюрьму, бежал из-под стражи и покинул Московское государство.

Взбешенный Рим принимает решение завоевать Московию, создаются коалиции, меняются короли. Польша, Литва, ливонские рыцари, все идет в ход, но руские продолжают держаться. Захвачены Киев, Чернигов, Смоленск, но еще держатся Псков и Новгород, наконец, удается внедрить в Москву верных людей. Насадить в Царский Двор врачей-итальянцев и с их помощью довести больного щитовидной железой Царя Ивана Грозного до психического расстройства. По стране начался разгул опричнины: шестьдесят семь княжеских родов Киевского корня было уничтожено. Доведенный до неистовства, Царь в припадке убивает своего собственного сына (1582 год). Через два года он умирает.

Связанные с Польшей князья начинают смуту против Бориса. В 1591 году Данилка Битяговский в Угличе убивает наследника — Царевича Димитрия, вину валят на Годунова, наемные распространители слухов успешно убеждают народ в этой версии, дожившей до наших дней. Хотя совершенно очевидно, что Царь

Борис не имел никакого мотива к убийству Царевича. Годунов был законный Царь, утвержденный Боярской Думой.

Удивляет наивность не только Годунова, но и всех руских людей — державших при дворе Царицы и Царевича в Угличе польского агента М. Битяговского в качестве управляющего хозяйством.

Это качество характера руских людей, дожившее до наших дней, — принимать всех и вся за честных, порядочных и верных слуг без разбора, — приносит нам хронические несчастья и произвол иностранцев на нашей собственной земле, обильно политой Руской кровью. Мы никак не научимся быть хозяевами в своем собственном доме. Так было — так есть!!!

...Польская армия в Кремле — Рим торжествует!!! Продавшийся Гришка Отрепьев заводит при руском царском дворе католические порядки... Но недолгой была радость иезуитов — главных вдохновителей овладения Русью...

Созывается Земский Собор Всея Руси... Избирается на Царство Михаил Федорович Романов — чудом спасшийся от польских головорезов... За ним царствует его сын Алексей Михайлович... Рим не оставляет усилий овладеть Русью изнутри, для этой цели наступление направляется на опору государства — Православную Церковь. Подкупом восстанавливаются старые связи, из Греции появляется целая «бригада» теологов с задачей «исправления Богослужебных книг в Русской церкви». Они, видите ли, были очень «озабочены» порядком Руского Обряда, для верности текстов они привезли «правильные книги» из Венеции, в Италии иезуиты страдали бессонницей при одной только мысли, что на Руси неправильно служат Богу...

Появляется темная личность Максим (Грек) — якобы родился в Албании, учился в Италии, в Москву послан как переводчик богослужебных книг. Кем послан? Почему Римского образования, может быть, совсем не грек, скорее всего итальянец — кто их там разберет, — одно известно: Максим, а дальше темна вода в облацех... «Этот грек», как говорится, взял быка за рога, он немедленно «нашел» массу неточностей в книгах, переведенных с греческого на церковнославянский. Как видим, руские «умники» поверили басне, что грек знает лучше славянский, чем сами его обладатели. И пошла писать губерния... Дело тянулось долго, сам автор или, вернее, проводник «римских забот» — Максим был уличен в ереси и связи с мутившими народ боярами — странно, для чего? Какое отношение имели смутьяны к богослужебным книгам? Об этом знал только Рим!!! Кончил он в заточении, в монастыре — но его дело его пережило, при Алексее Михайловиче, дело «исправления» книг опять вытянули на свет Божий. Интересно то, что исправлению должны были подлежать в основном книги, устанавливающие порядок богослужения, а не догматическая или каноническая основа Православной Церкви. В Риме прекрасно понимали, что поднятие вопроса о канонах или догмах Православия будет немедленно отвергнуто, поэтому лукавые иезуиты взяли обрядовую сторону церковной жизни, более доступную и хорошо известную для народа, и без сомнения эта установившаяся веками суть существования большинства руских — была бы встречена сопротивлением. Как во всяком подстрекательстве, детали, скрытые на первый взгляд, выплывают наружу позже. Мы уже упоминали, что инициатива «исправления» пришла из Рима —

через Максима «Грека». Теперь в 1649 году из Киева приехали в Москву «ученые» Богословы. Но в чьих руках был в это время Киев? В польских, то есть в руках Рима; и в Москве сторонники унии с Римом делали дело развала церкви, то есть разрушение главной силы Руси.

Почему никто не исправлял книг в Болгарии, с которых были списаны Руские? Разве не ясно... Никон, 6-й Патриарх Московский и Всея Руси с 1652 года, крестьянский сын, недостаточного образования, но с сектантской ревностью и неровностью характера, пройдя путь от простого священника до Патриарха, сыграл роковую роль в развале Единой Православной церкви Руси.

От высокопарной Идеи — «Москва — Третий Рим» — остались рожки да ножки, которые доедаются на наших глазах. Процесс разрушения Руской Церкви, начатый с Никоновских реформ, не был безболезненным, народ сопротивлялся как мог. Без сомнения, стрелецкие бунты тоже в какой-то степени инспирировались религиозными потрясениями на Руси. Конечно, царские историки не увидели, вернее, не хотели видеть, что за староверами была основная масса населения. Мы не ставим вопроса, кто был прав. Но если судить по огромному количеству жертв, то замалчиванием этого этапа нашей истории устранить его нельзя.

Изобразить всю эту эпоху только борьбой между боярскими родами за власть просто смешно; эта аргументация была нужна выходцам из Немецкой Слободы, сбившимся вокруг Петра Первого, для проведения закона о том, что наследники Царского престола лишаются права жениться на девицах руского происхождения!

Петр Первый одним росчерком пера превратил в неполноценных граждан половину населения Руской Земли. Руское Дворянство проглотило и это и поспешило «сшить» себе родословные с заграничными предками. Ведь стоит только вдуматься в это нахальство немцев и прочей отборной швали: на Руской Земле — Руской Царицей не могла быть Руская женщина!!! Видано где-нибудь в мире подобное? Ну хотя бы в той же Германии мог существовать подобный издевательский закон? Какая нам цена как народу! Грош! Мы оскорбили раз и навсегда наших собственных матерей, сестер и дочерей!

Происками советников-иностранцев Петр Первый издал и новый закон о престолонаследии (1722 год), якобы для предотвращения распрей среди родственников царя. Как известно из истории, борьбу за престол этот закон не отменил. Крови было пролито немало.

Был убит наследник Царевич Алексей. Перед этим «неожиданно» умерла жена Царевича Алексея София Вюртембергская в 1715 году, и вскоре Алексея «пленила» пленная финка Ефросинья; кто-то же побеспокоился, чтобы простая девка попала ко двору? При розыске против Царевича ее показания были решающими в обвинении Алексея в измене Отечеству. Ясно, что те, кто был заинтересован в устранении Наследника, позаботились о поставке ему «подруги» — которая была агентом его же врагов. Подобную же «ошибку» Царь совершил в канун Полтавской битвы (1709 год), выдав своих верных людей — Кочубея и полковника Искру — в руки врага руского народа Яна Мазепы, который их

и обезглавил. Как и в деле Царевича Алексея, в деле Кочубея и Искры сыграло решающую роль иностранное окружение Петра, и особенно Шафиров (Шапиро). Царь ужасно переживал казнь Кочубея и Искры, но через девять лет (1718 год) повторил ее по отношению к своему собственному сыну. Встает вопрос, кто же правил страной, Император-Самодержец Всея Руси или иностранная камарилья, пригретая им же и постепенно так овладевшая всем и вся в Петербурге, что даже жизнь своего собственного сына Царь оказался бессильным защитить. После такого факта все громкие титулы вроде «Великого и гениального» становятся пустым звуком, созданным для прикрытия действительного положения вещей. Трюк, который был повторен в 1930—1940 годы по адресу другого «Великого и лучезарного».

Вот что пишет энциклопедия Брокгауза и Эфрона (том II-й, стр. 1298): «Гордон Патрик, правая рука Царя Петра Первого, ревностный католик, имел влияние на В. В. Голицына и через него стремился усилить влияние Папы Римского в Москве». Как говорится, комментарии излишни. В объективности немцев из Лейпцига (Брокгауз и Эфрон) не приходится сомневаться, скорее здесь умаление существовавшего.

В XX веке на авансцену Руской Державы вышли новые силы, вооруженные новыми Идеями... Агентура Антанты под руководством Родзянко и инструкциями шефов союзных миссий принудили Николая II к отречению, война явно шла не в пользу Германии — делить плоды победы Англия, Франция и США были совсем не намерены с четвертым союзником, особенно отдавать Германские и Турецкие колонии, а главное, Дарданеллы и Ближний Восток... «Новое» Временное правительство продолжало кричать и исполнять: «Война до победного конца»!!! За что? Что могла принести нам Победа? Мы не имели никаких территориальных притязаний на нашей Западной границе. Единственное желание Руси было получение права контролировать пролив Дарданеллы, для выхода из Черного моря. Ну, конечно, горячие головы кричали: «защита братьев Славян на Балканах», но это был вопрос второстепенный, и воевать ради этого Столыпин никак не соглашался, это стоило ему жизни. Тупые головы в Германском генштабе продолжали верить в победу, если им удастся воевать на одном только Западном фронте. Идея фикс — вывести Русь из войны. Для этой цели были брошены большие деньги. Социал-демократы всех оттенков бросились, «как куры на просо», на немецкую операцию дестабилизации России и вывода ее из войны. Деньги не пахнут, если вопрос идет о захвате власти на одной шестой Земной суши... «Власть валялась в грязи», — определил Владимир Ильич...

...Как же повел себя Руский народ — особенно его ведущий слой? Увы! У Руских, уже в который раз, мозги не сработали как нужно! Страна разделилась: одна часть защищала сторону временного правительства (в новом варианте, но со старой сущностью), другая встала стеной, поддержав группу Ленина — Троцкого, обещавших «мох и болото», — но опять-таки составленную из иностранцев, ряженных в тоги носителей новых идей социальной справедливости. Руководители так называемого «белого движения» в основном были люди, принимавшие активное участие в процессе отречения Романовых: «царь нам вовсе не кумир» — был лейтмотив на Юге России.

Ленин, установивший партийный максимум — 250 тысяч рублей зарплаты в месяц, уже в 1918 году был физически устранен от власти — лидерство перешло к Троцкому. Его псевдоним говорит о многом: «Тротциг» — по-немецки значит упрямый. Лев Давидович получил эту кличку от своего учителя немецкого языка, которым Лева владел в совершенстве. Беспощадный как лидер, благодаря своему характеру он восстановил против себя всех своих сподвижников, включая родственников, например зятя, Каменева Льва Борисовича. Троцкий потерял свое место, но дело его продолжало жить. (Бывшие вожди, как овечки, брели в скотобойню, некоторые даже кричали «ура» — своему палачу, так сказать, верх раболепства...) Германия, планируя очередной «дранг нах остен», аккуратно поставляла фальшивые документы об «изменниках» в Москву — мясорубка, организованная наследниками Троцкого, работала полным ходом. Плановое уничтожение «врагов народа» особенно сказалось на командном составе Красной Армии.

Неудивительно, что предложение Гитлера «о ненападении» было с радостью и облегчением принято в Москве, при всем бахвальстве: воевать было некому!!! На этот раз Германский генштаб оказался куда дальновиднее, чем вооруженные «передовой идеей» стратеги... Случилось чудо — те, кто втоптал в грязь все руское прошлое, запели соловьями о Суворове, Кутузове, и еще куда страшнее, о Святом Александре Невском... и о многих других... Не менее удивительно, что «Иваны, не помнящие родства», как бы проснулись от летаргического сна, старые гены ожили... Руский Богатырь вдохновился, научился побеждать... и победил... Немедленно черная жаба Идеологии и террора снова покрыла Рускую землю. Не только герои, но и Трижды Герои Советского Союза больше были не нужны — партия устами троцкистов требовала пополнения Северных концлагерей даровыми рабочими руками... Иваны снова побрели для удобрения тундры — так же, как они брели в Гитлеровские лагеря военнопленных, где «христианская Европа» уморила голодом и рабским трудом 3,5 миллиона руских мужчин, что подтвердил германский канцлер Коль и не покраснел от стыда...

Вспомним Нюрнбергский процесс... тоже «культ личности» — тем не менее международный трибунал нашел виновными все окружение Гитлера в преступлениях против человечности, а именно в уничтожении миллионов невинных людей... Соратники фюрера совершенно справедливо — были повешены... А как же обошлись с Советскими палачами? Вероятно, КГБ «не знало их домашнего адреса». Они в свое время, соревнуясь в изобретении подхалимных терминов «любимому вождю», — не знали, что творится у них «под окном»...

Думаем, что дело было гораздо проще: в основном уничтожался славянский элемент населения, поэтому ни доморощенным, ни иностранным «борцам за мир и братство народов» просто было неуместно вспоминать о таких мелочах: миллионах каких-то руских; их даже никто и за людей не считал!!! Международная юриспруденция практикует привлечение к ответственности за жестокость («круелити») в обращении с животными. Оказывается, что советские граждане не имеют прав, применяемых во всем мире для защиты животных.

Луганский слесарь Ворошилов на 17-м партийном съезде — «съезде победителей» — доложил: «мы сознательно устроили

голод на Юге страны для уничтожения крестьян-кулаков, как класса»... Как реагировали делегаты? Аплодисментами, это значит, что 6 000 000 трудовых людей вместе с детьми и стариками были уморены голодом под бурные аплодисменты делегатов «съезда победителей» ВКП(б). Обратите внимание, что Ворошилов сказал «мы».

Не менее бесчеловечным и бессовестным было подписание пакта Риббентроп — Молотов в 1939 году. Ведь если бы Советский Союз занял твердую политику защиты мира, о которой он талдычил перед этим десятки лет, то вполне вероятно, что не было бы и второй мировой войны, и следовательно, холокаста с миллионными жертвами.

Кровь еврейских детей нельзя смыть (или замолчать) с рук пособников нацистской Германии... Все ли евреи в Советском Союзе чувствуют угрызения совести? Не кажется ли, что кое-кто продолжает способствовать созданию условий для нового холокаста на одной шестой части Земной суши, во славу расистской идеологии. Ведь во всей Западной Европе все, что связано с нацизмом, как-то: идеология, эмблемы, книги, видеокассеты, фильмы — запрещено законом, а распространители этой дряни подлежат наказанию. Как же с теми, кто Советско-Германским пактом развязал руки гитлеровцам, дав им возможность залить всю Европу кровью? Большинство из них до сих пор не осуждено, хотя бы постмортем, а, наоборот, их «захоронили» (ибо слово «погребение» неприменимо к подобным субъектам) на почетном месте у стены руской святыни Московского Кремля!

Неудивительно, что настоящие евреи спешат покинуть страну с такой идеологией, где диалектика своими пируэтами покрывает все злодеяния, а ненаказуемые преступники и их последователи, несмотря на всю тяжесть обвинений, продолжают служить партийной Иерархии как достойные провозвестники грядущего «справедливого» социализма с человеческим лицом. Свалить всю вину на Джугашвили просто не удастся, как не удалось это в Нюрнберге!!! Жертвы холокаста и жертвы Второй Мировой войны вопиют к небу, и никакая болтология-демагогия не сможет бывшее сделать не бывшим...

Нечиста совесть и лидеров Западных демократий — особенно представителей германской расы.

Боль жертв холокаста была чужой болью для Западных правительств, как была чужда им боль Руских крестьян, погибших в концлагерях и на полях сражений Второй Мировой войны. Они продолжают не только паломничать в Кремль, давать кредиты, и никто из них даже не смеет сказать, что страной правят коммунисты, лишь бы последние дали возможность грабить природные богатства Руской Республики. Выгода, прибыль — вот ценности дегенерировавшего Запада, а что кровь — главное, это не их кровь, стоит ли об этом беспокоиться. Еще совсем недавно из-под каждой подворотни раздавался крик: «Хороший коммунист — это мертвый коммунист», теперь новые моральные правила: «коммунист тоже может быть хорошим католиком», добавим, главное, чтобы он был послушным другом Запада... Прагматизм сожрал последние остатки совести у глашатаев Демократии, а душу они продали уже давно...

Пресса принесла страшное известие: молодой поляк (23 г.) самокастрировал публично себя, в знак протеста против закона,

запрещающего аборты... Уже на больничной койке наивный человек ждет сообщения, что его примеру последовал Лех Валенса — президент Польши, у которого в доме действительный демографический взрыв... Если вся Польша не последует примеру ясновельможного электрика, то в начале следующего столетия немцев придется «потеснить» подальше на Запад, в империю франков, откуда они и пришли; поляки надеются, что москали им в этом помогут, москали всегда помогали полякам против германцев... Вероятнее всего, несчастный кастрат хотел произвести впечатление на Папежа (Папу Римского), надеясь, что последний, также последовав примеру инициатора, покажет всем правоверным, «где спасение от демографической катастрофы».

Но разочарованный инициатор массового оскопления остался в дураках, подобно многим инициаторам и в других политических областях жизни...

Новая Религия... Белый Дом принесет спасение, стоит только его задобрить и не спорить с ним — и стараться поставлять Америке все, что нужно, и покупать все, что ей не нужно — и так мы доберемся до «лучезарного будущего»...

Ну, а самостоятельность? Куда там, «не до жиру — быть бы живу», что нам надо: «кусочек хлеба и вагон масла»... Эта вера в добрые намерения США привела многих вершителей судеб к разбитому корыту. Стоит оглянуться назад, чтобы понять, как «дружба» с англосаксами чаще всего превращается в ловушку — если обстоятельства переменятся, а их политика (запланированная заранее) сменит курс... Не нужно ходить далеко за примерами: вот главные из них. Гитлер, как всем известно, пришел к власти легально (33% голосов); зная суть гитлеровских намерений, «финансовые бароны» не жалели денег, чтобы помочь ему укрепиться у власти. Через Мюнхен, а также сдачу Польши, Франции и пр. подтолкнули его к авантюре завоевания мира, как будто они об этих намерениях не знали. Когда Гитлер увяз на необъятных Русских просторах... «обстоятельства изменились», это их излюбленная фраза, на авансцену вышли: демократия, борьба с тоталитаризмом, антирасизм и т. д. Как, разве они ничего не знали об этом раньше?.. Разбитая в пух и прах Германия превратилась в придаток стран-победительниц (исключая СССР, последний больше содержал ГДР, нежели имел выгоду)...

То же самое получилось с Польшей и Чехо-Словакией. Создавали в 1918 году, «обстоятельства изменились» — в 1938—1939 годах отдали на «съедение» Гитлеру... Следует заметить, интересовался ли кто-нибудь таким вопросом? Почему Гитлеровская Германия дала независимость Словакии и Хорватии? Ведь это тоже «славянский навоз», а сербов, например, резали в свое удовольствие...

Совсем свежий пример с Саддамом Хусейном: как известно, дружба с США началась у Саддама в трудные дни войны с Ираном. Американцы помогали вовсю: оружием, советниками и пр. Выиграв войну, Хусейн укрепился доверием в благих намерениях США. Затеялся спор с эмиратом Кувейт о границе и нефтяных полях... Хусейн обратился к американскому послу с вопросом: «что думают США, если Ирак аннексирует Кувейт?» Протокольная запись от 25 июля 1991 года гласит: «США не будут вмешиваться в конфликт между арабскими государствами»! Вот ответ посла Априла Гласпай... Ясно говоря, Хусейн получил «зеленый свет» и бросился в атаку...

...Всем известно, какому разрушению и каким человеческим жертвам подвергся Ирак... Какова же мораль правительства супердержавы? Имея возможность предотвратить жертвы, человеческие страдания и разрушение всей страны, созданной трудом целых поколений, США не задумались о правах человека, о которых они так любят говорить! Зная диктаторскую сущность режима Саддама Хусейна — США умышленно не отделили народ от власти! Результат: народ пострадал, а властители продолжают царствовать... Американцы и их союзники рядятся в белые ризы победителей и героев над маленьким народом, кровь сотен и сотен тысяч жертв не только забрызгала мундиры американских военных, она покрыла в несколько слоев дипломатические фраки фальшивых чиновников госдепартамента... Приходим к тому же выводу: кровь арабских детей не может тронуть арийскую совесть германской расы — совести просто нет. Наши простофили считают, что американцы — другой народ. Напомню, что немецкого происхождения американцев в США 48% плюс 30% англосаксов, которые тоже германской расы. В отличие от германцев Европейского континента, американские хуже, потому что они не битые, а битье иногда очень полезно, для сбития спеси. Вот яркая деталь: фотография бывшего президента США Никсона, которому ни один порядочный американец руки не подаст... В Москве старому клеветнику на все советское и руское — почет и уважение ...Высокие руководители готовы обнять этого прохвоста; он не заслуживает другого имени, потому что по пути из Москвы он остановился в Вильно и тут же «наклал» в шляпы руководителей, выступая перед неофашистами-литовцами на площади... В Москве утерлись рукавом и ждут очередного визита какого-нибудь проходимца из-за океана...

Чему же научились в правительстве СССР на уроках Саддама Хусейна? Как показывает поток визитеров в Москву и поведение лидеров правительства СССР, никаких конкретных выводов не сделано... Упорное сопротивление отделению республик от Союза — это как раз то, что нужно Западным стратегам: всегда готовый предлог для интервенции... Ведь всем совершенно ясно, что удержать Прибалтику силой не удастся, и в конце концов Центр будет вынужден уступить давлению Запада. Так зачем же усложнять ситуацию, если дело безнадежное? Смотрите: если бы Хусейн подчинился требованию ООН, то не было бы разрушения всего Ирака, армия была бы сохранена, а с нею и политическое влияние в Персидском заливе... А сейчас — битые черепки и еще более важное: полная гегемония США на Ближнем Востоке...

Присмотритесь и изучите, что происходит в Югославии, спросите сербов, где причина их разлада? Хотите вы у себя вторые Балканы?

Вы еще имеете возможность исправить последствия ошибок долгих десятилетий и начать строить обновленное и сильное государство, с монолитной структурой, основанной на поддержке всего Руского народа. Вспомните: кто выиграл Победу во Второй Отечественной войне? Уж только не застрельщики сепаратизма. Многие из них кооперировали с нацистами, это элемент деструктивный, и нет смысла удерживать их силой! С Богом!

30 марта 1991 г.
Австрия

Сергей ЩЕРБАКОВ

РУКАВИЧКИ-ВАРЕЖКИ

— Всегда она разная. Издали — голубая. Поближе подойдешь — бирюзовая. А взмахнет крылышками — и словно маленькая радуга вспыхнет. Прямо тропическая птичка. Вон воробей, с какого боку к нему ни подходи — все равно серый. Почему так? Оказывается, у зимородка перья свет отражают. Они у него составлены из несметного количества черных, белых, бурых волосков, которые при движении образуют бесконечное количество цветовых сочетаний... Знаешь, сколько оттенков цвета может человеческий глаз увидать?.. До двух тысяч.

Мы сидели на берегу Оби, и Геннадий Кузьмич Клепиков (я зову его то Геной, то Кузьмичом — он мой давнишний старший товарищ) рассказывал мне о зимородках, за которыми наблюдал этим летом.

— А умные до чего!.. Сядет зимородок на ветку ветлы над рекой, помет из себя выбросит и ждет. А когда рыбка, думая, что это червячок, подплывает к помету, он сразу камнем падает вниз и ныряет за ней под воду...

Каким миром, покоем веяло от этих рассуждений. Как стосковались наши истрепанные души, нервы, память рук и сердца по нормальной жизни.

— Устали люди! — вздохнул я.

— Люди-то не устали, — возразил Кузьмич. — Земля от людей устала. Пора уже посты насчет земли начать собюдать. Попоститься насчет земли — иначе ничто и никто нас не спасет... Еще десять лет назад Обь в два раза шире была и воду из нее еще пили. А сейчас попробуй напейся — сразу пронесет... Все о нефти беспокоятся, а у нас скоро вода дороже золота будет.

Я согласился с Кузьмичом, но не мог представить, как же людей заставить любить землю. Мы-то, наоборот, нацелились еще приналечь на нее — плохо, видите ли, мы пока одеваемся, едим маловато, комфорта нам не хватает! Нам бы как в Америке, тогда мы о постах еще подумаем, может быть... Так я думал и не находил ответа. Кузьмич же всю дорогу до самого дома молчал, и только взявшись за калитку, промолвил: «А возможно, это будет только тогда, когда человек станет жить в достатке. Не в роскоши, не в богатстве, а в достатке. Замечательное русское слово «достаток», ныне почти забытое».

Вспомнил я, как в прошлом году мы с Геной увидали одного мужика на берегу Оби. Он долго приглядывался к нам, и казалось, готов был унырнуть в кусты. Наконец, распознав Гену,

расслабился. Оказывается, весь страх его был из-за двух стволов белотала да трех окуньков. Мужик покурил с нами, посетовал, что рыбалка нынче так себе, и на прощанье сказал: «Ладно, чего зря ноги шеркать, еще один ствол срублю на черенок». Гена с улыбкой «разрешил» ему срубить еще два-три. Мужик возразил: «Не-е, два мне не нужно — пока до дому дойдешь, весь дух из тебя выйдет». Лишнего такой человек не возьмет, дальше достатка не пойдет... Но много ли таких людей у нас осталось? Этот мужик да Кузьмич, который частенько повторяет, что сам со стариками живет хорошо. Мол, картошки на весь год накопано, капуста, огурцы, помидоры тоже свои, а в лесу грибы-ягоды есть — только не ленись. В засадке двухметровый кабан носом землю роет — к ноябрьским заколем. Что еще человеку нужно?!

Глядя на незавидный домик Кузьмича, я размышлял о том, что может привести людей к достаточной жизни. Конечно, крестьянская жизнь! Не фермерская, не арендаторская, а именно крестьянская. Все в ней как-то так устроено, что и захочешь безнравственно жить, так сразу сам себе и напакостишь.

После обеда Кузьмич взялся читать журнал с моим рассказом. Зная, что он ни одной запятой не пропустит, я сидел как на иголках. И Кузьмич не заставил себя долго ждать — поднял голову: «Любишь ты прилагательные... Говорил тебе, вычеркивай их безжалостно. Пишешь, праздничная скатерть... Просто скатерть, и все. Раз, скатерть, значит, праздничная».

Я взволновался. Замечание было довольно серьезное для писателя — в неточности, в многословии, в незнании народной жизни. Кузьмич образован энциклопедически, школу жизни прошел еще ту, и писатель он талантливейший. Почти всегда в спорах со мной он оказывался прав, да я раньше и не спорил с ним, сразу видел, что чепуху мелю. Но нынче, уже в который раз, я никак не мог согласиться с ним. Но только в Москве я понял, что к чему. Я попытался составить более-менее цельную картину быта крестьян из Гениного родного села Быстрый Исток и сравнить с бытом моего родного села Мухоршибирь. В результате этого составления и сравнения я пришел к тому, что мы правы оба.

Село Гены Быстрый Исток на берегу Оби, но хорошего строевого леса поблизости нету. Потому дома строят в основном незавидные. В доме обычно большая кухня (заодно она же и комната) и за дощатой перегородкой возле печки крохотная спаленка, в которой две кровати, и развернуться там уже негде. Потому гостей принимают в кухне-комнате за обычным обеденным столом. Только вместо повседневной клеенки стелют скатерть. В Быстром Истоке прибавлять к слову «скатерть» праздничная совершенно излишне. А мое родное село Мухоршибирь в тайге, строевого леса предостаточно — дома у нас ставят просторные, высокие (бывает, с завалинки до окна кое-как пальцами дотянешься!). Кухня в наших домах обыкновенно тоже большая, но гораздо меньше комнаты. Празднуют у нас всегда в комнате, где в центре стоит стол, всегда застеленный повседневной скатертью (только уж у самых бедных людей и этот стол застелен клеенкой), которую в праздники меняют на более дорогую, праздничную.

Гена дочитал рассказ до конца и молчком собрался в центр. Уже перед самым выходом все же нашел добрые слова: «Ты их (редакцию) Василисой своей подкупил. Хорошо она у тебя вышла».

Купив хлеба, мы толкнулись в дверь соседнего одноэтажного здания. Она была заперта. Я спросил, что здесь находится. Оказалось, редакция. Кузьмич предложил подождать сотрудников на скамейке возле остановки автобуса. Только закурили, как мимо прошел крупный внушительный мужчина в плаще и в шляпе. Кузьмич кивнул ему вслед:

— Не замечает... Муж моей сестры.

— Зав. полем, — догадался я. Гена глазами подтвердил.

Много раз Кузьмич зарекался писать в газету, но, когда обижали невиновного человека, притесняли слабого, натура не выдерживала — брал в руки перо. А в последний раз пришлось вступиться за стариков, в том числе и за родного отца. Учредили местные власти заказы для ветеранов. Отец Гены давно уже дальше двора не ходит, и Гена пошел вместо него. Пришел, а ему говорят в комиссии, сразу созданной непонятно по чьему почину, мол, одного паспорта мало, надо еще пенсионное свидетельство, ветеранскую книжку и т. п. Гена взволновался: «Товарищи дорогие, вы же меня знаете и отца моего тоже. Выдайте мне эти талоны, пожалуйста, а то я и так с работы отпросился, не отпрашиваться же мне во второй раз». Ему строго разъяснили, мол, здесь не частная лавочка, где могут поверить в долг, а комиссия, и мало ли мы кого знаем, мы тут все друг друга знаем — тем более, порядок есть порядок. Ну, такой логики Гена никогда не мог спокойно вынести, раздраженно спросил: «Кто вас просил эту комиссию создавать? Что вы здесь бюрократию разводите?» На него сразу прикрикнули, намекнули, что не тебе, мол, разжалованному корреспонденту, забулдыге плотнику, порядки здесь наводить, права качать. Хлопнул Гена дверью, за пайками этими оскорбительными больше не пошел, зато написал в газету заметку, в которой, пересказав происшедший случай, поразмышлял, откуда и зачем возникают у нас все и всяческие комиссии, заполонившие страну. Мол, не страна у нас, а сплошные комиссии, советы, отделы, подотделы, и потому добрая половина наших людей чем-нибудь да заведует, а другая половина мечтает заведовать. Для полноты идиотической картины осталось нам учредить должность заведующего полем, и тогда Салтыков-Щедрин в гробу перевернется — такое даже ему в голову не приходило...

Потому мы с Геной без лишних слов поняли друг друга, когда я назвал его родственника зав. полем...

Посреди площади к нашему заву подошел еще один зав (он тоже был в плаще и шляпе и выглядел так же внушительно). Они разговаривали, и наш зав спокойно смотрел в нашу сторону, но нас упорно не замечал, то есть давал понять, что он не видит нас законно, что ли. Гена пояснил: «Стесняется». Он был в сапогах, в телогрейке, в старой кроликовой шапке — в той самой одеже, в которой ходил плотничать. Да еще трехдневная седая щетина. Гена зава жалел, пытался немножко оправдать, но я видел, что будь даже Гена одет поприличней, то зав. полем едва ли бы снизошел дальше кивка, а уж уважать Гену его никто не заставит. Я разглядывал типовую шляпу, ти-

повой плащ и читал как по писаному его раз навсегда сложившееся мнение о Кузьмиче: «За что его уважать? За то, что имел положение и по собственной дурости потерял его. Уважаемую работу ведущего корреспондента краевой газеты, партбилет, семью! За то, что когда жалели его, мол, как же ты так, Гена, ведь мог как сыр в масле кататься, а он с гонором отвечал: «а я не хочу как сыр в масле — склизко». К тому же и этот зав, как и другие завы, знает прекрасно, что Гена пострадал не за пьянку, как было записано. Это сказка для маленьких детей да для простых честных советских тружеников. У нас ведь не пьют только младенцы! А все завы тоже люди, даже больше люди, чем другие, и, как говорится, ничто человеческое им не чуждо — они и сами любят зубки пополоскать, и они-то уж знают, что в нашей стране к пьяницам отношение было самое распрекрасное. Я думаю, что в застойные годы нашим идеалом стал именно пьющий человек. Нет, не в канаве валяющийся, а умеющий пить. Таких людей у нас и по сей день уважают, с которых все как с гуся вода. Я и сам долгое время смотрел на них с завистью и мечтал утром не прятаться дома, не стыдиться людям в глаза глядеть после пьянки, а чтобы вечером, выпив литру водки, утром помыться, побриться до синевы, натереть щеки одеколоном и довершить всю процедуру (моя бабушка никак не могла освоить этого слова и так до смерти все говорила «процендура») волевым зачесыванием волос мокрой расческой и потом идти как ни в чем не бывало руководить людьми. Это не всякому под силу после литра водки, наверное, поэтому все завы у нас как на подбор крупные, крупношеии, с крепкими зубами и стальными нервами. Выработался у нас новый тип людей, руководящий...

Мы курили на скамейке возле редакции, зав-родственник разговаривал уже с двумя завами, по-прежнему не замечая нас. Зато явный бич, появившийся на перекрестке, сразу увидал нас и решительно подошел. Вместо приветствия, как своим, уверенно сунул ладонь: «Дай закурить». Кузьмич, не обращая внимания на застывшую в воздухе руку, осадил его: «Я тебе должен, что ли? Что ты ко мне пристал». Бич, ничего не понимая, постоял в недоумении и пошел своей дорогой, ворча под нос, что было бы кому нос задирать, только не нам. Зная Генино доброе сердце и щедрость, я тоже удивился такому обороту — даже руку не дал. Промелькнула грешная мысль, что он из-за зава-родственника на биче зло сорвал. Но, вспомнив, что сам Гена всегда кормился плодами рук своих, не брезговал никакой работой, я все понял... Захребетников он презирал в любом обличье, как руководящем, так и в тунеядном.

Наконец пришли сотрудники редакции. Оказалось, что Гена дал в газету свой рассказ, его обещали сегодня напечатать, но почему-то не напечатали.

На обратном пути Кузьмич мой помрачнел. Это было для меня удивительно — всю жизнь никто не мог упросить его дать рассказы для публикации, а теперь он не только сам дал, но к тому же расстроился не на шутку. Значит, что-то с ним произошло, чего я не заметил. Правда, совсем недавно у него был инфаркт... И все же непонятно. Понятно только, что ему очень важно, чтобы рассказ этот напечатали. Нет, что-то здесь много сошлось, на этой публикации... Я спросил: «Зарубили?»

— Да нет пока. Тянут уже полгода... Хотел тебе показать. Опять завтраками кормят.

— Ну, так завтра еще сходим. Не беда, — попытался я утешить его. Но утешение мое не подействовало — вскоре я заметил, что мы рулим в сторону от нашего дома. Видеть, как мужики пьют, я уже просто-напросто устал, но глаза у Кузьмича были как у бездомной собаки, и я промолчал. Я заметил, что он чаще всего бывает в двух крайних состояниях — либо в тоске, либо все с шуткой, со смехом. Нормального, покойного состояния раздумчивости, самого необходимого для жизни (чаще всего люди сходят с ума, кончают с собой, когда им не хватает такого вот срединного состояния), у него почти уже не бывает, разве что когда он выпьет (потому у нас и пьют так много, и больше самые хорошие люди). Наверно, потому у матери не поворачивается язык ругать Гену за выпивку, а по праздникам она с в о и м и м а т е р и н с к и м и р у к а м и наливает ему крепкого домашнего пива. Нет, не спивает, спасает сына!.. Господи, как у нас все перевернулось!

Синеглазый мужик Ефимыч, плотник на пенсии, к которому по его одинокости многие идут отвести душу, значит, и выпить, встретил нас радостно, сразу достал десятку, но Кузьмич отодвинул ее на край стола, достал свою, и квартирантка Зоя побежала за самогоном к знакомой бабке-спекулянтке. Без стука, словно выходил на минуту во двор, вошел молодой мужик Васька. Узнав, что я писатель, он все никак не отставал от меня, чтобы я написал, как он достает самогон (только чтоб фамилию не называть), а потом взялся утверждать, что фашисты несли нам не рабство, а европейскую культуру. Ефимыч с Кузьмичом стали доказывать ему, что он совсем рехнулся и что нашим газетам да журналам верить нельзя, как и прежде. Спросили и меня, а что, мол, у вас в Москве думают. Я ответил, что думают, наверное, как Васька (газеты-то да журналы в Москве, мол, выходят), потому я приехал сюда в Быстрый Исток к Гене, здесь узнать истину. Мужики одобрительно посмотрели на меня и обращались ко мне уже по-свойски.

Перед тем, как пить самогон, несколько раз капали его в пепельницу и жгли — не ацетон ли. Никто толком не знал, как это определить — то ли когда все сгорает чистенько, то ли когда чернота остается. К единому мнению так и не пришли, а потому порешили, что принесенное Зоей питье — самогон. Разговор перекидывался с одного вопроса на другой, но больше всего доставалось перестройке и государственным мужам. Даже Ефимыч согласился, что дальше так жить было невозможно, но и так глупо, как сейчас, тоже нельзя. Сходились на том, что «строгать-то у нас начали, но кладут пока струганными вниз». После второго стакана разговор потерял стройность — один тянул в лес, другой по дрова. Гена, желая ублажить меня, попросил Ефимыча рассказать о Курской битве. Тот охотно выполнил его просьбу: «...гоняли нас, гоняли с одного участка фронта на другой, до того мы дошли, что солнышко за тучу зайдет, так нас сразу от холода всех трясет... Ладно, техники у нас в этот раз больше, чем у немца было. В первый раз за всю войну! А то бы несдобровать нам». Но Васька и тут выказал свою начитанность, вставил свое «веское» слово, взятое, видимо, из журнала «Огонек» или из «Аргументов и фактов», мол,

ничего ты, Ефимыч, не знаешь, хоть и сам воевал. Ефимыч не на шутку обиделся, а Гена осадил Ваську ехидным простым вопросом: чем командовал Конев, армией или фронтом? Васька заикнулся было, мол, это неважно, он все равно лучше Ефимыча знает про Курскую битву, он много прессы выписывает, а у Ефимыча только радио на стене, но Ваську никто слушать не захотел, и он наконец-то примолк.

Хотя выпил он примерно пол-литра самогона, вышагивал Гена как трезвый. С ног его сшибить невозможно, он из тех косолапых русских мужиков-силачей, которые стаптывают каблуки внутрь, а не наружу, как все. Самогон довел его до срединного жизненного состояния — по дороге к дому он частенько останавливался. То беседовал с мужиком, вышедшим на крыльцо стрельнуть у нас папироску, то со старой женщиной с прутиком в руке, собравшейся загнать во двор гусей да засмотревшейся вдаль, то с парнем в шляпе (кочегаром он работает). Все встречные хвалили Генины статьи, напечатанные в районной газете, просили писать еще. Он значительно взглядывал на меня — видишь, мол, как меня в Истоке уважают!

Возле нашего дома стоял посреди дороги коренастый мужик в зеленой телогрейке, в зимней коричневой шапке-ушанке набекрень. Я тотчас вспомнил поговорку Гениной матери бабы Шимы: на пьяном шапку не поправишь. От выпитого лицо его было малоподвижно, глаза медленны, словно он долго был на морозе. Откуда-то из своих заоблачных высей он поглядел на нас:

— Выпьем, Гена?

— Пошли, — опередил меня Кузьмич (я только хотел толкнуть его в бок, мол, хватит пить).

Но, уже открывая калитку, Гена, видимо, засомневался — уж очень из далеких высей мужик глядел на нас — спросил: «А что у тебя?»

Тот с достоинством похлопал себя по заднему карману брюк. Мне показалось, что карман пуст, во всяком случае, водочной бутылки там не было. Гену же мгновенно перекосило: «Стеклоочиститель?! Тогда — до свиданья». Мужик так же свысока посмотрел на нас замедленным взглядом и, словно по облакам, где не было надежной почвы, двинулся дальше. Чувствовалось, что он пьян как раз настолько, что ноги уже слушаются плоховато, но сами идут куда надо, а руки же становятся настолько цепкими, что если схватятся за что-нибудь, за бутылку ли, за грудки кому, то их уже никакому силачу не отодрать.

Господи, представилось мне, как такой мужик мог бы жену на одной руке по деревне носить людям на радость, и, наверное, прапрадеды его (хотя бы тысяч пятьдесят) бились за нас на поле Куликовом. Наверняка бились — если даже водка и стеклоочиститель не смогли до сих пор превратить его в ничтожество. Он еще и хлеб растит, и рыбу ловит (тунеядца Гена в дом к себе не пригласит!), да и дома у него крыша наверняка не протекает... Господи, сколько бы он мог чудес сотворить!..

Во время ужина пришел старший брат Гены Николай. Не заходя в избу, он через порог спросил, куда поставить известку. Мать с радостной поспешностью надела телогрейку и вышла к нему в сени. Потом она сидела на кровати возле двери, а старший сын рядом на тяжелом табурете. Гену приход брата почему-

то не обрадовал. Николай вежливо спросил, где мы сегодня были. Гена ответил в двух словах, а мать устало и тревожно переводила глаза с одного сына на другого. Николай поерзал-поерзал и не выдержал: «Достали?» Я догадался, что это он про самогон. Гена пристально посмотрел на него: «Нет, не достали». Николай с явной обидой и осуждением укорил: «А я бы достал, если бы мне нужно было». Гена перестал есть, сверкнул глазами: «Ну и доставай иди». Стараясь выглядеть спокойным, Николай встал: «Гена, ты что сегодня как ежик? Ничего тебе сказать нельзя». И тут Гена закричал: «А что ты к нам лезешь?! Надо тебе — иди доставай, если ты такой ловкий». Николай торопливо вышел из дома, а Гена, не глядя на мать, все же досказал, что хотелось: «А я-то думаю, что это он зачастил к нам. То рыбу утром принес, то известку теперь. Глядите, мол, люди, какой я добренький, как о родителях забочусь». Он не стал договаривать до конца, но мы и так его поняли. Гена попытался есть дальше, но кусок не лез ему в горло. Мы сидели и молчали. Гена взглядывал внимательно на мать, но она не откликалась. Тогда он неожиданно спросил: «Мама, кого ты больше любишь, меня или Николая?» Мать даже как-то выпрямилась, было заметно, что ей неловко, а в ее глазах, обращенных к сыну, я прочитал: «Ты же знаешь, у матери ответ один — все дети одинаковы, какой палец ни укуси, каждый больно. Зачем ты спрашиваешь?» Конечно, Гена знал это и без ее взгляда, но ему хотелось услышать ее мнение о ссоре с братом, и она понимала это, но говорить не хотела. А Гена не отступался: «Ну, хорошо. Тогда ответь, кто из нас проще?» Мать посмотрела вроде бы тем же взглядом, но даже я заметил ее слабую виноватую улыбку, мол, я мать, и Николая мне тоже жалко. Для Гены хватило и такого молчаливого признания. Ему только поддержка-то и нужна была. Что он проще Николая, было ясно и так. Николай живет у жены под каблуком, а она из тех женщин, которые всегда глядят на вас с таким выражением, будто что-то кислое во рту держат, и слова из них не выжмешь. Вот и приходится Николаю, мужику доброму, но слабохарактерному, изворачиваться во всем, чтобы угодить жене. На выпивку у нее не выпросишь ни копейки, и вот он думал угоститься у брата с матерью, да не получилось.

Чтобы вернуть всем хорошее настроение, Гена попросил мать: «Мама, расскажи про деда». Она заотнекивалась: «Да что, Гена, про него рассказывать. Я уж столько раз рассказывала». Но я догадался, что это обычная приговорка. Так и вышло.

Генин дед, ее отец, до сорока лет пил смертным боем. Нет, жену и детей он никогда пальцем не тронул, но такой шумный и здоровенный был, что они от страха обмирали, когда он приходил пьяный. Голос у него гремел, как иерихонская труба. На пристани закричит, а жена на другом конце большого села, стоя на крыльце, запечалится: «Опять наш загулял». Был он первым кулачным бойцом в селе. Уже стариком шестидесятилетним, если их улицу чужие били, то он в чем был выскакивал на подмогу или сами парни звали его. И вот после очередного гуленья да кулачного боя проснулся он однажды утром, а его мать к нему подступила: «Ну, что, сынок, делать будем? Ты от водки никак отстать не хочешь, первая она твоя подружка. Жена, дети тебя боятся. Давай-ка поезжай ты в Барнаул и всту-

пай в общество трезвенников либо уходи от нас подальше — больше так жить нельзя. Решай». Сын встал с лавки, встряхнул головой, крякнул: «Нет, мамочка родимая, ни в какой Барнаул я не поеду и из дому от семьи никуда не пойду... А с сегодняшнего дня ни грамма в рот не возьму». И слово свое до смерти держал.

И я вспомнил: лет десять назад мы сидели с Геной напротив бутылки в скверике недалеко от Улан-Удэнского вокзала. Водка нас уже не веселила, уже было обо всем переговорено. Так сидели мы, хмуро думая о завтрашнем дне, и вдруг Гена повел богатырскими плечами, словно стряхнул с них всякую нечисть: «Дед мой до сорока лет гулял, а потом сказал «все» и больше вина даже не пригубливал. Так и я, Серега, стукнет мне пятьдесят, и все». Гене уже идет шестой десяток! Захотелось мне напомнить ему те слова, но я не напомнил. Зато мать на вопрос Гены, похож ли он на деда, махнула рукой: «Не-е, вы не в нашу породу, не в Пирожковых удались, вы Клепиковы». Выходит, права она?

Прошел этот душевный вечер возле печки. Мать легла незаметно. И все она делала так, незаметно. Отец же Гены, до того весь вечер молчавший, показал мне на ухо: «Плохо слышу... Вечером засыпаю, думаю, ну, сегодня ночью помру. Утром просыпаюсь, нет, жив еще». Так он говорил каждый вечер, и я понял, насколько Гена устал...

Как всегда перед сном, мы пошли покурить в сенцы. В этих сенцах, остекленных наподобие веранды, было немало нами переговорено. Но почти каждую ночь, будто забыв, Гена пересказывал, как летом приезжал к нему сын и как он ездил в Ленинград к пасынку. Правда, с каждым разом он находил все больше подробностей. Как сын осуждал свою мать, мол, ты же знаешь, что она ненормальная, как пасынок называл его отцом (хотя раньше всегда называл дядей), как жена пасынка все хлопотала вокруг него: Геннадий Кузьмич да Геннадий Кузьмич.

Так повторять один и тот же рассказ могут только очень добрые, но несчастные люди. Бывает, они по многу лет живут одной встречей с любимыми людьми и не устают рассказывать о ней. Это рассказ-самовнушение, молитва, в которой черпают силы для жизни.

Есть у Гены еще одна подобная «молитва». Хотя бы раз в день он показывал мне с крыльца своего дома на ветлы рядом с калиткой, на Обь, на само село родное и утвердительно спрашивал: «Ну что, плохо у нас жить?» Я, конечно, кивал прекрасно, мол, а у самого сердце сжималось — устал мой Кузьмич без семьи, без справедливости...

На другой день в редакции нам вручили газету с Гениным рассказом «Рукавички-варежки». Дома я одним духом прочитал его. И чуть не заплакал. Написано замечательно, по-нашему, по-русски, без баловства голосом. Бессмысленно пересказывать своими словами прекрасное прозаическое произведение, но я отважусь хотя бы потому, что без «Рукавичек-варежек» моя хроника о встрече с Геннадием Кузьмичом Клепиковым будет далеко не полной, и еще потому, что это придаст мне твердости вы-

просить у Кузьмича его рассказы, и, может быть, какой-нибудь умный редактор их напечатает...

Итак, «Рукавички-варежки». На берегу большой реки жил одинокий мужчина. Еще не старый, но уже и не молодой. Часто он сидел на берегу и любовался парой голубых зимородков. Они казались ему тропическими птичками, по ошибке залетевшими в наши суровые сибирские места. Уж очень радужная у них раскраска перьев. Любовался он ими и пребывал в это время в том срединном состоянии душевном, без которого, как мы уже говорили, человек сходит с ума. А потом пришла осень, и зимородки улетели на юг. И осталась у мужчины одна работа, во время которой думаешь только о нужном. Мужчина жалел, что она находится так далеко, что иначе, как автобусом, не доберешься. Самое лучшее дело — чтобы она была сразу за порогом дома. Тогда не надо было бы ходить грязными улицами, слушать надоевшие разговоры людей о том, что в магазинах шаром покати и т. д. и т. п. Но приходилось каждое утро садиться в автобус и мучительно долго ехать-ехать, словно через убогость нашей жизни. Мужчина старался, нахлобучив поглубже шапку, дремать. Однажды его так подбросило на очередном ухабе, что он невольно открыл глаза и не поверил им — на спинке кресла перед ним сидела... та самая пара голубых зимородков. Да нет, не голубых, а радужных. Уж не галлюцинации ли начались? Мужчина встряхнул головой. Слава Богу, нет. Это были всего-навсего две вязаные рукавички. Но они восхитили его своей красотой зимородковой. Он поднял глаза и растепленным взглядом спросил: «Откуда у вас такие рукавички?» И женщина поняла его и так же одними глазами ответила: «Это не рукавички, а варежки. Рукавицы — это что-то рабочее, на конвейере сделанное, а варежки я сама связала. Вам они нравятся?» Они каждое утро встречались в автобусе (мужчина уже не жалел, что работа далеко, ему теперь хотелось, чтобы она была на краю света, и тогда бы он мог вечно любоваться варежками-зимородками). И с каждым разом их молчаливые разговоры становились все более волнующими. Он спрашивал: «Где же ваши варежки?» А она, лукаво улыбнувшись, доставала их из сумочки и надевала на руки. Или так же одними глазами виновато отвечала: «У дочери сегодня лыжи на физкультуре, и я дала ей, а то обморозит пальчики в перчатках. Правильно я сделала?» Мужчина одобрял ее материнскую заботу. Так они, не перемолвившись ни одним словом, узнали друг о друге очень многое. Что мужчина одинок, а у женщины есть муж и дочь. Потом женщина пропала, и зимородки больше не порхали в автобусе. И мужчина понял, что он полюбил эту женщину в варежках-зимородках, что он не может без нее жить. А когда она, наконец, снова появилась в автобусе, он все так же одними глазами воскликнул: «Где же вы пропадали целую вечность?» Женщина смутилась от такого вопроса: «Не вечность, а всего один месяц». И он сразу вспомнил, что у нее есть муж и дочь, и подумал, что сам похож на Желткова. Подумал он это для себя, но от нее не ускользнула и эта мысль: «А кто такой Желтков?» — «Герой рассказа Куприна «Гранатовый браслет», — вынужден был признаться мужчина.

Вот и все — рассказ заканчивается. Герой чувствует, что дальше у них не может быть по-прежнему: либо ниточка, связав-

шая их, оборвется, либо... И он вспоминает летних зимородков и думает, что до весны еще далеко — не скоро они прилетят...

В общем, рассказ без конца...

Чувствуя, что я потрясен, Кузьмич, не давая мне опомниться, признался, что все это было на самом деле с ним и с одной женщиной. Более того, он потому и нарушил свой зарок «не давать в газету своих рассказов», чтобы проверить, так ли все было на самом деле, и посмотреть, что же будет дальше. «Разделенная наконец-то великая любовь, — догадался я, — или снова трагедия Желткова». То есть он решился взять в соавторы саму жизнь — пусть концовку рассказа «Рукавички-варежки» она допишет! Но рукой жизни будет водить сама женщина в варежках-зимородках! А если она ничего не поймет? А если все окажется только Гениной фантазией?

Чтобы ослабить вероятное разочарование соавтором — ведь вполне возможно, что и в этом, частном для вселенского времени, случае снова «сапоги окажутся выше Пушкина», — я попытался обернуть все в шутку. Но куда мне тягаться с искусством, творящим саму жизнь! Гена так и остался в самом серьезном ожидании будущей концовки своего рассказа. И мне больше ничего не оставалось (а может, только это ему и нужно?!), как помолиться Богу: «Господи, спаси его».

Ранним утром мы шли на автостанцию. Свет редких фонарей, слепя глаза, превращал темноту в непроглядность. Мы не видели даже черноту домов, не то что дорогу, но и в этой кромешной тьме Гена шагал уверенно — ни разу мы не сбились с дороги в канаву, не наступили ни в одну лужу. Потом курили под огромными тополями. Я все думал о недописанной концовке «Рукавичек-варежек» и хотел сказать что-нибудь жизнеутверждающее, но слова не шли с языка. А уж подъехал автобус, как печь, выпускающий клубы горячего белого дыма. И люди радостно заспешили к нему. Вот уже Гена глухо сказал: «Серега, прости меня». И наконец, словно не я, а кто-то большой и мудрый спросил моим голосом: «Может, тебе из Москвы что прислать?» Это был, конечно, не я — я, привыкнув, что Гене всегда ничего не нужно, давно перестал спрашивать, что ему надо.

И он неожиданно согласился: «Пришли... Библию... Может быть, о верующем человеке писать буду...»

А чем закончились настоящие «Рукавички-варежки», я пока не знаю...

●

Юрий ДЬЯКОНОВ

ПРОСТИТЕ, ВЕЛИКИЕ ЛУКИ

«Редко можно встретить приятного, дружелюбного и добродушного русского. Их почти нет» (эстонский профессор Т. Маде, народный депутат СССР).

«Дети Шарикова» (В. Коротич, народный депутат СССР).

Может быть, это всплески сегодняшних необузданных эмоций?

«Нация Обломовых», «нация рабов» (Н. Бухарин).

В издании «Атмода» Народного фронта Латвии:

«Лев Семеныч, мы в России.
Мрак, бардак да перетак».

«Что такое русский народ? Бабий вой, краюха хлеба, водка, тьма...» (из письма воспетой ныне Нины Берберовой А. Керенскому). «В Великороссии необходимо применение жесточайшего насилия... Борьба двух идеологий... Речь идет о борьбе на уничтожение» (из памятки солдатам вермахта, озаглавленной: «Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир...»).

Но, может быть, наши дети легко в этом разбираются? Увы. Размышляя об успехах «массовой культуры», авторы газеты «Советская культура» цитируют стихи Слуцкого:

Человечество делится на две команды:
На команду «смирно» и команду «вольно» —

и восхищаются молодежной «контркультурой», которая, конечно же, в команде «вольно». А кто же встанет в строй, который покинули ветераны? Куда же мы идем? Или это уже край?

В переписке профессиональных преступников мы читаем сегодня: «пришло наше время». Символично название статьи, где это опубликовано: «Под контролем мафии».

Но тогда позвольте несколько вопросов.

Почему по отношению к явным русофобам, которых появляется все более и более, не применяется закон об уголовной ответственности за разжигание национальной розни? Ни разу! Случайно?

Случайно ли ни один «народный депутат» не пожелал почтить память о погибшем воине Ахромееве? Случайно ли приостановлена партия трудящихся, бойцы которой первыми вставали в атаку? Не реорганизована, не очищена от предателей и других негодяев, а именно «приостановлена»? Случайно ли съезд «народных депутатов» и «Комитет конституционного надзора» этого беззакония

«не заметили»? Случайно ли выброшены на улицы советы ветеранов, старики, защитившие нас от того фашизма? Потому что ветераны войны мешаются под ногами нового? Их не победил Гитлер. Но их, победителей, разогнала «катастройка», ее тайные и явные архитекторы.

Вот тут мы и вернемся к тем временам, когда молоды были фронтовики из Великих Лук — партизанка Вера Ивановна Кравченко, сын полка Володя Новиков, мой отец Герой Советского Союза Анатолий Александрович Дьяконов. Именно в ту пору рейхсфюрер СС Гиммлер отметил в памятной записке задачу уничтожения «народа недочеловеков» (то есть Веры Ивановны, ее поколения и, естественно, их сыновей, дочерей).

Я не могу спокойно, равнодушно смотреть, как идете Вы, Вера Ивановна, стуча на всю улицу своим деревянным протезом, с каким увлечением, с какой страстью рассказываете о своих родных гордых Великих Луках, как сияет девической, именно девической свежестью лицо много выстрадавшей женщины, матери прекрасных сына и дочери. Пожалуй, только в Москве, через месяцы после поездки, вчитываясь в воспоминания партизан, вглядываясь в фотографии, я начинаю понимать суть того ощущения, которое испытываешь, выходя в зимнем лесу на освещенную солнцем поляну, или когда пьешь родниковую воду. Глядя на Вас, Вера Ивановна, на Вашего сына Сашу, на дочь Люду, ставшую, как и Вы, педагогом, на внуков Святослава и Илью, на их румяные чистые лица, вспоминая домашний уют жилищ ветеранов, их детей, где все чуждо праздности, виночерпию, где много родных наших русских песен, спорта, веселья, — я, кажется, осознаю разгадку этой светящейся в лицах чистоты, этой, простите за необычность словосочетания, спокойной святости. Не монашеского смирения или постного ханжества, а спокойной радости победителей, точнее: победительницы и ее детей. Это про Вас сказал Некрасов:

Золото, золото, — сердце народное!
Сила народная, сила могучая —
Совесть спокойная, правда живучая!

Когда-то Вы, таясь, шли по берегу Ловати, по городу, захваченному очередной армадой «богоизбранных», «непобедимых». Но Вы победили их... Упаси только Бог, если читатель решит, что его знакомят с некой напыщенной особой, похваляющейся своими подвигами. «Не надо только вот про это... Расскажите про Володю Новикова... Про нашу любимицу плясунью-песенницу Машеньку Порываеву...»

Маша, отчаянная эта головушка, особенно любила «Песню с лимонкой». Ловко перекидывает из ладони в ладонь кругленькую гранату и озорно выводит:

У нас леса нехожие,
Дорожки неизвестные,
Пожалуйте, прохожие,
А мы девчонки местные...

Машеньку поймали с листовками Совинформбюро. Убили ее.

Но почему в размышлениях о Вере Ивановне у меня возникло такое высокое понятие, как святость? Для русского человека это

в порядке вещей: спокойно исполнять свой нравственный долг, как совесть велит. Вот эта победа над страхом, над унынием, над безверием — ради нации, ради ее спасения — и есть святость. И, лишенная восклицаний и фанфар, она все же — полная достоинства гордость — за себя (не посрамил род, отчизну), за свой народ. Ничего этого, конечно, Вера Ивановна не говорила, это я так мыслю. А чтобы вы мне поверили, расскажу о нескольких мгновениях жизни Веры Ивановны Кравченко...

НА ОСТРИЕ НОЖА

Обычно к окраинам Великих Лук из леса выходила деревенская девчушка в залатанном заячьем тулупчике, в обгорелых с загнутыми носами солдатских валенках, с самодельными галошами, а иногда — в лаптях; с корзинкой, в которой мороженая клюква «на кисель бабушке»...

Командованию срочно требовались данные о вражеском гарнизоне... 16 сентября 1941 года. Только заалела зорька, а командир отряда Андрей Дорофеевич Петров уже проверяет ее деревенскую «амуницию»... Дребезжит и скрипит плохо смазанная телега... Патруль! Стоят трое с автоматами. Рожи надменные... Проверка... Пронесло!

Предоставлю слово Вере Ивановне (из давних воспоминаний): «Милый, родной город! Как изменился он за один месяц. На улицах не слышно детских голосов, смеха. Чужая, лающая речь... Летний сад. Совсем недавно среди его кленов и тополей звучала музыка, и мы с подружками танцевали там. Теперь нет ни кленов, ни газонов, все вырублено, а образовавшийся пустырь обнесен колючей проволокой. Вижу истощенных, истерзанных людей. Они в строю получают «еду» — несколько полусгнивших морковок... Лагерь военнопленных.

Приемный пункт. Сдающих зерно — единицы. Немец-приемщик хвалит Николаева: гут рожь, гут. Николаев получает талон на выдачу соли, и мы отправляемся к Сеньковскому переезду. Здесь я расстаюсь со своим верным помощником и иду дальше одна. Выхожу к вражескому аэродрому. Насчитываю до десятка самолетов. Стоят в боевой готовности — значит, аэродром действующий. Оттуда — в другой район, туда, где, как сказал Петров, предположительно находится вражеский штаб. По дороге на рыночной площади замечаю очень большую колонну автомашин. По всему видно, расположились надолго.

Действую теперь смелее. Иду к своей школе. Зачем? Сама не знаю — просто потянуло. И это чуть не окончилось для меня трагически. У разбитого здания школы встретился некто Геруцкий, который, вероятно, знал, что я ушла в партизанский отряд. Он быстро вышел из-за угла на дорогу, где проходил в это время немецкий солдат, и, показывая в мою сторону, что-то быстро зашептал ему, а затем скрылся.

Бежать было поздно. На мое счастье, солдат, очевидно, не понял, что рассказывал ему предатель. Но на всякий случай он подбежал ко мне и стукнул прикладом...»

Очнулась Вера Ивановна, проползла через кювет, под забор в сад. Старушка проходила: «Детка моя, зачем же ты тут, уходи, немцы всех девочек ловят». Отползла к часовенке... Заметил обес-

силевшую Веру Ивановну Коля Тулупов, ее ученик еще до войны, помог перебраться через Крестьянскую улицу, садами, мимо техникума («мой храм наук, — вспоминает Вера Ивановна, — книги выброшены»), оттуда на улицу Мельницкую. «Женщина там кровь с меня смыла, до темноты продержала. От Сергиевской слободы уже одна пробиралась... Караулила, пока часовой не отошел в сторону от колючей проволоки, затем быстро — под нее, а там — канавкой в поле. И, наконец, лес. Я шла к нему, и мне казалось, что деревья протягивают навстречу ветки, как бы говоря: «Ну иди, иди быстрее, тебя здесь ждут!»

Поздней ночью она добралась до отряда. «Ну, молодец, дочка», — поцеловал ее Петр Алексеевич, комиссар. «Мне было так неудобно, что пожилой человек меня целует».

Вы не замечаете ничего необычного в интонации ее рассказа? Столь же неожиданны, замечу, были рассказы одноклассников отца в Урюпинске, куда я ездил, собирая материалы для книги о нем.

«Как мы отдыхали? Больше всего на санках катались с Черничкина сада... Песни пели. Много... Когда вино начали пить? Первый раз отец разрешил рюмку красненького, мне 22 года было» (а на санках и песни — это девятый класс). Так вот Вере Ивановне и сейчас *стыдно*, что любопытство взяло верх, что к школе своей потянуло (а вся ее жизнь с 1937 года по сей день связана со школой). *Неудобно* как-то, что ученик ее спасал, что «пожилой человек целует». Это какой-то совсем иной мир, как бы ни оплевывали его сегодняшние перестройщики. Как он нужен нам, этот мир, эта почти детская чистота, можно судить уже по тому, с какой яростью большинство средств массовой информации кричат о невозможности взаимопонимания отцов и детей.

ПИСЬМО РАБЫНИ

В то время рабынями назывались советские женщины, угнанные в «цивилизованную Европу».

Вера Ивановна и ее современницы плакали над письмом, дошедшим «оттуда». Вот это наивное письмо:

«Партизан мой дорогой, пора моя настала,
В последний раз я карандаш беру.
Кому б моя записка ни попала,
Она тебе писалась одному.

Прости-прощай! Что может дать рабыне
Немецкая фашистская земля?
Там, наверно, на какой-нибудь осине
Уже готова для меня петля...

А может, мне валяться под откосом
С пробитой грудью у чужих дорог,
И по моим по шелковистым косам
Пройдет фашистский кованый сапог.

Возможно, не убьют меня, не искалечат,
Пусть доживу до праздничного дня,
Но и тогда не выходи навстречу —
Ты не узнаешь все равно меня.

Все, что цвело — затоптано, завяло...
И я сама себя не узнаю.
Прощай, родной! Забудь все, что бывало,
И беспощадно мсти врагу за молодость мою!

Ты называл меня своею нареченной,
Веселой свадьбы ожидала я,
Теперь себя зову я обреченной —
Лихое горе дали мне в мужья.

Услышь меня за темными лесами,
Убей фашиста... мучителя, убей!
Письмо тебе писала я слезами,
И запечатала печалью всей своей».

Я не хочу его комментировать. Судите о нем сами.

ТРОЙНАЯ ПОРЦИЯ ХЛЕБА

Какой-то период Вера Ивановна была в отряде единственной женщиной. «Однажды, — вспоминает она, — мужчины привезли буханку хлеба. Делят хлеб на 40 человек. Мне дают большой кусок... (слушайте дальше. — **Ю. Д.**). Только после войны Мартынов Иван Андреевич, зам. командира отряда, признался: «Тебе тогда дали тройную порцию». Сегодня, когда «битва за лишний кусок» стала чуть ли не знаменем ряда политических движений, эта давняя история видится поистине евангельской.

Я ИЗРУБИЛ БЫ ГИТЛЕРА МЕЧОМ...

Увидев Веру Ивановну, ставшую инвалидом, в госпитале, ее земляк Григорий Дудин написал стихи:

Я изрубил бы Гитлера мечом
И вывернул бы душу наизнанку
За то, что стал он палачом
И ранил Веру-партизанку...

По-моему, это очень правильные стихи.

Осознание подвига Веры Ивановны и ее соратников приходит с пониманием своеобразия Великолукского сражения. Операция должна была сковать резервы фашистских войск, лишить их возможности маневра и переброски на другие участки фронта, особенно на Сталинградское направление. Успех операции лишил бы фашистов и транспортного узла, куда сходятся дороги с севера из Новгорода, Ленинграда, с запада — из Прибалтики, с востока — из Ржева, Москвы.

Сюда, продолжая развивать Московское сражение, двинулась 9 января 1942 года 257-я стрелковая дивизия 3-й ударной армии.

Командовал дивизией А. А. Дьяконов. Прорвав мощную оборону противника в районе озера Селигер, она прошла с боями более 200 километров. 29 января дивизия подошла к городу Великие Луки... Сквозь дымку морозного утра бойцы увидели силуэты каменных зданий, очертания прямых улиц, темные пятна садов и парков. К 22 часам части дивизии подошли к городу с севера и

северо-востока и завязали уличные бои. Но к утру был получен приказ приостановить наступление и перейти к обороне.

Предстоял штурм города.

И ныне очень многое зависело от разведки, от точного знания всей системы укреплений врага. Вот эти сведения и сумели добыть Вера Ивановна, другие партизаны-разведчики, войсковая разведка.

КАЖДЫЙ СОЛДАТ

Ныне многие средства массовой информации, «успешно» «разгромив» патриотов, немало сил отдают и «разгрому» Советской Армии. Создан образ «врага», олицетворяемый то придурковатым недочеловеком Иваном Чонкиным, то неким толстопузым глупым генералом, то персонажами книг В. Гроссмана и иже с ним, рассказывающих «правду» об «ужасной» Красной Армии, занимавшейся, оказывается, в основном совращением юных санитарок и мародерством. Особое сочувствие вызывают у читателей этих журналов и газет повествования о жестокости военачальников, лишь с помощью бесчисленных жертв сумевших, оказывается, замаскировать свое неумение воевать.

Так вот, все участники Великолукской операции помнят ее «снежный город». Что это такое? В течение полутора месяцев в глубине расположения дивизии на берегах реки Ловать были обозначены из снега, хвороста, веревок с флажками и т. п. улицы части города на направлении удара дивизии. Были обозначены выявленные разведкой огневые точки. На берегу Ловати был построен макет городской крепости — самой трудной для штурма цитадели. Созданные комдивом штурмовые группы отрабатывали на «снежном городе» тактику боев, и каждый солдат заранее знал «свой маневр», как учил Суворов, любимый герой Дьяконова. И в данном случае использовался именно опыт этого полководца, готовившего войска к штурму крепости Измаил на построенном ее макете («Великие Луки. 800 лет», Лениздат, 1966, с. 152—153; газета «Великолукская правда», 17.01.1969, с. 2—3). Вместе с С. М. Залеткиным, военным инженером, руководившим строительством, с другими однополчанами отца мы побывали в этих местах, беседовали с местными жителями, помнящими, как они вместе с бойцами строили «снежный город».

В воспоминаниях отца описывается, в частности, приезд к ним писателя А. Фадеева.

Великолукская операция описана в очерках А. Фадеева, Б. Полевого, Р. Бершадского.

Р. Бершадский описывает ход боев. Вот авангард миновал монастырский городок, идет дальше. С наступлением темноты гитлеровцы стали зажигать дом за домом, чтобы осветить прорвавшихся вперед и отрезать огнем от подкреплений. «Момент был тревожный. Тут Дьяконов принял очень смелое решение: не задерживаясь на подавление остающихся в тылу вражеских цитаделей, двигаться дальше. Блокированными гарнизонами отдельных фашистских опорных пунктов займутся другие отряды. Неприятельская оборона рассекалась таким маневром на предельно мелкие и совершенно изолированные куски. Дьяконов был уверен в безграничной отваге всех, кого он посылал в бой; на это и опиралось его решение».

Эта же тактика была использована А. А. Дьяконовым при осво-

бождении Южного Сахалина: опорные пункты врага, закреплявшегося на сопках, обходились, оставлялись в тылу, с последующим блокированием и уничтожением.

Очевидно, каждому здравомыслящему человеку ясна прямая связь «открытий» А. Сахарова об убийствах нашими войсками, находившимися в Афганистане, своих однополчан, попавших в окружение, с подобными же гнусными измышлениями аналогичных по духу и морали перестройщиков, сообщающих о том, что подвиги воинов Великой Отечественной, бросавшихся на амбразуру, были не только бессмысленными, но и вынужденными, ибо их сзади, оказывается (если они не кинутся на амбразуру), ждали пулеметы НКВД. Это сродни воспетой прессой картине художника Белова, где Сталин загоняет людей на войну. Что это, как не культ личности Сталина, если художнику и в голову не смогло прийти, что народ сам мог подняться на войну с врагом, даже без личного разрешения главнокомандующего?

Этого не понять людям, которые с легкостью необыкновенной меняют мировоззрение, мораль, родину, то бишь, простите, господа артемы тарасовы и синявские, страну пребывания.

Прошли месяцы, как остались вдали Великие Луки, а все идут письма от Веры Ивановны: «Юрий Анатольевич, не забудьте написать о сыне полка Володе Новикове...» Да разве забудешь этого и ныне энергичного, общительного человека, который трудится по сей день? Но вначале я хочу, чтобы отец познакомил Вас, читатель, с еще одним своим однополчанином. «Школа — опорный пункт немецкой обороны... Она торчит перед нами, изрыгая дымные трассы пулеметных очередей... Брать школу будет взвод старшего сержанта Смирнова... Отступая, гитлеровцы подожгли ее... Пожар погасили... После шквального минометного и артиллерийского огня немцы перешли в контратаку... Взвод Смирнова оказался отрезанным от главных сил полка... Третья ночь осады... Вдруг из нижней амбразуры фундамента вылез какой-то оборвыш.

— Здравствуйте, товарищи. Кто из вас старший?

— Я, — ответил Смирнов.

— Вот вам, — сказал мальчик, доставая из-под лохмотьев пакет. Мальчик оказался 14-летним Володей Новиковым.

...Внезапно по глазам резануло пламя: пробив стену, в комнату влетел снаряд. Взрывная волна швырнула одних на пол, других отбросила к стене. Через минуту последовал еще удар. И еще... Раненый Смирнов истекал кровью. Снаряды рвались в школе один за другим. Немцы, видимо, били в упор. Здание стало разрушаться...

Уже осела крыша, а дом Смирнова все еще вел огонь...

И вот по поручению Военного совета Московского военного округа в 1962 году выступаю с докладом на одном из крупных московских заводов. Рассказал о подвиге сержанта Смирнова. Клуб завода переполнен. Когда доклад кончился, кто-то крикнул из зала:

— Смирнов жив! Вот он!

Минуло 18 лет, а я все же узнал бывшего старшего сержанта Аполлинария Георгиевича Смирнова... Уважаемый рабочий-коммунист, уже после войны награжденный орденом Трудового Красного Знамени».

Журналист Великих Лук Л. Скатова пишет в очерке «Сын полка»: «В семье Новиковых было семеро детей. Из них — четверо сыновей. Новиков-отец, два старших сына, 17-летний Геннадий и 16-летний Тимофей ушли в ополчение. В школе № 1 на мемориальную доску навечно занесены их имена...

Усыновил Володю политрук старший лейтенант Владимир Иванович Виноградов... За участие в штурме Великих Лук Володя был награжден медалью «За боевые заслуги»... Был потом командиром взвода автоматчиков, штурмовал Кенигсберг. Здесь же получил ранение и орден Красной Звезды. Войну закончил в Пруссии в звании старшего лейтенанта. Внуку Владимира Владимировича сейчас почти столько же лет, как было его деду, когда тот мальчишкой ушел на фронт...» («Великолукская правда», 17.01.89).

Две рабочие судьбы. Защищали Родину. Трудятся для нее.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Мое последнее слово к Вам. К тебе, мой отец, лежащий с 1972 года в земле сырой. К Вам, Вера Ивановна, хранящей память. К Вам, Владимир Владимирович Новиков. К Вам, Аполлинарий Георгиевич Смирнов.

К вам, сержант Блинов, и Вашим товарищам, которые обвязались взрывчаткой, бросились на мост, взорвали его, чтобы выполнить приказ, захватить эшелон противника.

К Вам, Иван Семенович Сармин, девятиклассником взявшему в руки винтовку, многократно израненному воину, ныне украшающему Великие Луки удивительными по красоте цветами.

К Вам, генерал бывшей Народной армии ГДР Франц Гольд и погибший в боях Фридрих Аугустин, антифашисты, обеспечившие успех смелого рейда разведчиков 257-й дивизии в захваченные фашистами Великие Луки.

Мой низкий поклон Матвею Кузьмичу Кузьмину, жителю деревни Куракино Великолукского района. Куракино находилось на «ничейной» полосе, жители покинули деревню. В одном лишь доме немецким солдатам удалось разыскать 86-летнего крестьянина Матвея Кузьмина и его сына Василия. Их привели к офицеру. Тот предложил Матвею провести незаметно отряд в деревню Першино, пообещав за это хорошую плату. Поторговавшись, Кузьмин согласился и дал знак сыну, чтобы тот предупредил наших бойцов. Вражеский отряд двинулся в путь. Впереди шел Матвей Кузьмин. Перед позициями наших войск отряд появился на рассвете 14 февраля. Впереди шел старик в расстегнутом полушубке. Бойцы, предупрежденные Василием, подпустили гитлеровцев ближе и открыли огонь. Десятки фашистов были уничтожены сразу. Но гитлеровцы заметили, что вокруг Матвея Кузьмина солдаты не падают. На это обратил внимание и Матвей. Сорвав шапку, он крикнул бойцам: «Сынки, не жалейте старика! Бейте фашистских гадов!» — и тут же упал с простреленной головой. Застрелил его немецкий офицер.

Я склоняю голову перед Вами, экипаж танка под командованием младшего лейтенанта П. И. Шеметова. Они ворвались в крепость. Гитлеровцам удалось подожечь танк. Не желая сдаваться в плен, герои-танкисты направили горящую машину в пруд и потонули вместе с танком.

«Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая пересилила бы русскую силу!» — хочется повторить вслед за Николаем Васильевичем Гоголем.

Да разве можно забыть Ваше бесхитростное признание, Мария Афанасьевна Шакута, бывшая связная партизанского отряда: «Загнали нас фашисты в сарай. Думали — смерть. Не боялись смерти. Лишь бы не вешали». Разве этот спокойный рассказ Ваш в яблоневом саду забудешь? Или Ваше воспоминание, как вернулись Вы на пепелище (деревня Ваша на вершине холма показалась гитлеровцам прекрасным опорным пунктом и была сожжена): «Говорится в Библии: «Следу будешь удивляться». Мы пришли — ни следа... Посадили картошку...»

Не забуду я Вас, бабушка Лексунова Прасковья Яковлевна. В Вашем доме в деревне Пески стоял штаб, в Вашем доме жил отец мой. Звал «мамаша», «хозяюшка». «Уедет, еще темно, то на коне Орлике, то на велосипеде... Приедет, уже ночь, грязный весь (это был период строительства «снежного города». — **Ю. Д.**). Постираю ему... Ребятишек на велосипеде катал... В окоп ихний спряталась (от артналета. — **Ю. Д.**), только вышла из окопа — туда снаряд...» Мы посчитали с Прасковьей Яковлевной: дочке ее 71 год, ушла замуж Прасковья Яковлевна в 18 лет. Значит, ей 89. Фотографироваться вышли на скамеечку, очень переживала — не тот платочек второпях надела.

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...

Взгляните, соотечественники, на Великие Луки. С 1166 года город — бастион России. Я хотел сфотографировать на память его. Это не удалось. Запечатленной памяти нет. Нет старинной крепости, нет Сергиевского монастыря. Нет сорока храмов, что украшали город. Ныне это — населенный пункт, лишенный даже малейшего признака, что это русский старинный город.

Так, может быть, русским людям пора очнуться, вспомнить, кто они есть на этой земле, вспомнить героических предков и долг свой перед ними? Не пора ли?

Так сыновний поклон всем людям, что хранят память народа, хранят наше героическое прошлое, хранят любовь к нашей земле, к великому нашему Защитнику.

Спасибо Вам, дорогая Вера Ивановна с улицы Дьяконова!

И простите нас, Победители, Освободители Великих Лук, всего мира от т о г о фашизма, что мы, Ваши сыновья и внуки, не протестуем против издевательств над Вами бесов «катастройки», покорно даем нагуливать жирок плутократам, сионистам, русофобам, продавшим Вас и всю страну «дяде Сэму». Но верю, зазвучит еще на просторах Родины «антимасонский» (по мнению журнала «Искусство кино») гимн:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Верю, не сможет «проклятая орда» долго терзать наш великий Русский Народ.

Литературная критика

Владимир ВАСИЛЬЕВ

НЕНАВИСТЬ

(ЗАГОВОР ПРОТИВ РУССКОГО ГЕНИЯ)

Лжа что ржа: тлит.

Народная пословица

I

Среди литературных наставников, непосредственно повлиявших на творчество автора «Красного колеса», Солженицын назвал в 1976 году Дос Пассоса, у которого он учился монтажу документального материала и своеобразному, кинематографическому воспроизведению действительности (см. лирические главы-экраны в эпопее), М. Цветаеву — с ее умением, по Солженицыну, уплотнять, концентрировать прозу, и Е. Замятина — как своего предшественника по синтаксису.

Надо думать, с течением времени жадно ловящая и суетно распространяющая по всему белому свету откровения писателя журналистика не замедлит пополнить этот список новыми — столь же интересными, сколь и необязательными в случае с Солженицыным — именами. Хотя и сегодня очевидно мощное воздействие шолоховского «Тихого Дона» на замысел и осуществление солженицынской эпопеи, вынашиваемой ее автором с юношеских лет, — воздействие, помогшее прозаику уяснить для себя главное в рассматриваемом им времени — концепцию поворотных, узловых моментов в русской революционной действительности начала века. Достаточно, кажется, не вдаваясь в долгие рассуждения, указать на эти принципиальные вехи в истории Отечества — август четырнадцатого, октябрь шестнадцатого, март семнадцатого, апрель семнадцатого, дабы понять: пространное «Красное колесо» пишется Солженицыным по Шолохову, несмотря даже на то немаловажное обстоятельство, что рукою его автора водит Нечто безымянное и бестелесное, некий Путеводитель с прописной буквы, сам Господь Бог — Путь и Истина и Жизнь, в чем нас стараются горячо уверить не только сам Солженицын, но и зарубежные и отечественные почитатели его дарования.

Нельзя далее не заметить, что, подобно тому, как Шолохов композиционно поставил Дон и казачество в эпицентр своего

романа, так и Солженицын намерен, по свидетельству французского слависта Ж. Нива, сделать земли закумского русского «Дальнего Запада», куда из-под Воронежа пришел, гонимый Петром Великим, пращур писателя, колыбелью «Красного колеса». У Шолохова — донское казачество, непокорное и свободолюбивое рыцарство России со своим уставом, свычаем и обычаем; у Солженицына — дикие степи Закумья, «где каждый жил на свой вкус и лад, отделенный от соседей обилием земли». «Тихий Дон», — пишет Нива в книге, русский перевод которой был предварительно прочитан и одобрен Солженицыным, — это те же края (что и в «Красном колесе». — **В. В.**), только у казаков». Солженицын, по признанию Нива, «влюблен в книгу Шолохова («Тихий Дон». — **В. В.**), потому что его собственная эпопея «соседствует» с нею»[1].

Когда основные несущие конструктивные образы большого полотна не без помощи Шолохова определены во времени («узлы»), пространстве (относительно степей Закумья) и в выборе центрального, коренного типа русского человека, каким он видится писателю, остальное хотя и трудоемко, но технически выполнимо — дело в сроках и работоспособности.

Близость «Красного колеса» «Тихому Дону» представляется, как ни странно, тем очевиднее, чем яростнее нападки Солженицына на Шолохова, художника и человека. Известно, Солженицын обвиняет последнего в том, что «тот «украл» «Тихий Дон» у казацкого писателя Крюкова, который, вероятно, появится в одном из «узлов» (автор признался в этом в минуты откровенности, чрезвычайно у него редкие)»[2]. Появление Крюкова в качестве персонажа «Красного колеса», по всей видимости, призвано расставить все точки над і в вопросе об авторстве «Тихого Дона» и послужить давно, еще в 1974 году, обещанным Солженицыным доказательством в пользу того обстоятельства, что Крюкову 1917—1919 годов по плечу «было мастерство такой высоты, какую мы видим в «Тихом Доне»[3].

Судя по смыслу и качеству обвинений М. Шолохова в плагиате, эти обвинения в конечном счете упираются во взаимоотношения Шолохова и Солженицына, которые (взаимоотношения) еще не стали предметом сколько-нибудь серьезного исследования. Покуда пишут и говорят поклонники А. Солженицына, почитатели же Шолохова молчат, изредка прибегая к протестам в сязи с совсем уж надуманными и неприличными выходками против любимого народом писателя (случай с Е. Евтушенко[4]). Ситуация, напоминающая «бескровный» февраль 1917 года и те кулачные бои станичного значения, которые вспоминались Ф. Крюкову на улицах обуянного революционным пафосом и натиском Петрограда. На этих кулачках «всегда была особая категория героев — около подлинных бойцов, решавших исход боя, солидных, немножко тяжеловесных, скромных. Коротконогими дворняжками около них бегала эта мелкота, трусливая мразь, при поражении непостижимо быстро разбегавшаяся, исчезавшая, как дым, —

---

[1] Нива Жорж. Солженицын: Главы из книги. — Дружба народов. 1990. № 5, с. 236.
[2] Там же.
[3] Русская мысль. 1975, 16 янв.
[4] Евтушенко Е. Фехтование с навозной кучей. — Литературная газета. 1991, 23 янв., с. 9.

а при успехе несшаяся впереди всех, всех затмевавшая наглостью буйного торжества над сбитым противником. Она била лежачих, топтала, пинала, гоготала, издевалась... Галдела, бесстыдно хвасталась, себе присваивала заслугу успеха» [1], цинично исповедуя культ ложно понятой свободы и забулдыжного мужества, проистекающего из нравственного убожества.

II

Поначалу ничто не предвещало взаимного отчуждения в отношениях этих двух писателей. Шолохов был одним из тех, кто восторженно воспринял появление повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в ноябрьской книжке «Нового мира» за 1962 год. По словам А. Твардовского, он «просил... передать поцелуй» [2] ее автору. Спустя месяц, 17 декабря, они впервые увидели друг друга на приеме Н. С. Хрущевым деятелей литературы и искусства на Ленинских горах. Атмосфера приема «в верхах» — главным образом то, с каким триумфом «прошел» на нем Солженицын, — в подробностях вспоминалась и обсуждалась в кругу знакомых ставшего знаменитым писателя, а затем еще и два дня «переживалась» с экрана (51-й номер киножурнала «Новости дня»). Не имевшая чести присутствовать на приеме Н. Решетовская тем не менее довольно обстоятельно описывает его ход и исход, применительно, разумеется, к Солженицыну: «В пиршественный зал, превратившийся теперь в зал заседаний, Александр Исаевич направился один. Щелчки аппаратов заставили его низко опустить голову. У двери в зал, не поднимая глаз, обходя чью-то плотную фигуру, он вдруг услышал голос Твардовского:

— А это, Никита Сергеевич, Солженицын!

Александр Исаевич тотчас же отозвался:

— Спасибо вам, Никита Сергеевич, не от меня, а от миллионов и миллионов людей! — сказал он, обеими руками пожимая руку Хрущева.

— Вы знаете, мне понравилась ваша вещь; очень правдиво написана, — ответил Хрущев.

Кинорепортеры при этой сцене не растерялись: крутят аппараты, освещают, подносят микрофон...

Кто-то подает знак Солженицыну обернуться. Тот видит перед собой Шолохова.

— Михаил Александрович?..

Пожимая друг другу руки, они только и произнесли:

Шолохов: — Земляки?..

Солженицын: — Да. Донцы» [3].

Обращают на себя внимание крупный план и интонация, трудно передаваемая на письме, с какою было произнесено это «Михаил Александрович?..». Видимо, оценкой Шолохова (в передаче Твардовского) Солженицын дорожил и искал в авторе «Тихого Дона» старшего товарища и покровителя. Примечательно, что

---

[1] Крюков Ф. Обвал. — Русское богатство. 1917. № 2, с. 369.

[2] Письмо А. Т. Твардовского К. А. Федину. — Огонек. 1989. № 47 (ноябрь). С. 6.

[3] Решетовская Наталья. Александр Солженицын и читающая Россия. — Дон. 1990. № 1. С. 90.

через три дня после встречи на Ленинских горах, 20 декабря, Солженицын направил в Вешенскую письмо-открытку: «Глубокоуважаемый Михаил Александрович! Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам мое **неизменное чувство:** как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона»...»[1].

Новое совещание руководителей партии и государства с творческой интеллигенцией в марте 1963 года вряд ли обогатило отношения между Шолоховым и Солженицыным, хотя они несколько и отличались от предыдущего «в сторону заморозков». Известно, правда, что на совещании выступил Шолохов, а Солженицын по окончании встречи позвонил по телефону помощнику Первого секретаря ЦК КПСС В. С. Лебедеву и, как следует из докладной записки последнего, «просил... если представится возможность, передать его самый сердечный привет и наилучшие пожелания Вам, Никита Сергеевич. Он еще раз хочет заверить Вас, что хорошо понял Вашу отеческую заботу о развитии нашей советской литературы и искусства и постарается быть достойным высокого звания советского писателя»[2].

Безусловно, открыто выступить с трибуны и позвонить по телефону в порядке частной инициативы — не одно и то же. Второй вариант предпочтительнее не только потому, что он не дает делу огласки, но и потому, что он сообщает сказанному качества особой доверительности и надежности, чем не обладает речь, произнесенная с кафедры и обращенная как бы ко всем вместе и ни к кому в отдельности. Есть в таком типе человеческого поведения и еще один немаловажный нюанс: выслушав и обдумав выступления всех, высказаться последним, причем с листа, по заранее заготовленному тексту, ибо все до мелочей необходимо учесть, поскольку «ясно, что погода меняется»[3].

Солженицын не обманулся в предчувствиях. В 1964 году автор «Одного дня Ивана Денисовича» вопреки его страстному желанию, о чем недвусмысленно свидетельствуют воспоминания Решетовской, не стал лауреатом Ленинской премии по литературе, а в 1965-м произошло, по крайней мере, два выдающихся — каждое по-своему — события: присуждение М. Шолохову Нобелевской премии и арест А. Синявского и Ю. Даниэля.

Названные события очень тесно связаны в сознании Солженицына.

Начать с того, что арест Синявского и Даниэля предвосхищал возможность преследования самого автора ходивших в копиях «Пира победителей», «В круге первом» и «Архипелага» — опасения такого рода не однажды высказывались людьми из его близкого окружения. Н. Решетовская прямо говорит, что «Александр Исаевич боялся ареста... И тот страх, который постоянно жил в нем, начиная с последних лагерных лет, с начала конспиративного, тайного писательства, отныне усиливается непомерно»[4].

---

[1] Судьба Шолохова. Специальный выпуск «Литературной России», посвященный 85-летию со дня рождения М. А. Шолохова. 1990. 23 мая. С. 19. Подчеркнуто автором статьи.

[2] «Не приемлю роман в его неверии...». Вокруг жизни и творчества А. И. Солженицына. — Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 146.

[3] Дон. 1990. № 2. С. 115.

[4] Дон. 1990. № 3. С. 109.

Л. Копелеву, близкому другу Солженицына, «совершенно ясно: чем сильнее будет протест общественности против посадки Синявского и Даниэля, тем труднее будет арестовать Солженицына. И дальше его усилия будут действительно направлены на то, чтобы возможно больше ширить кампанию протеста и возмущения арестом Синявского и Даниэля»[1].

До начала процесса, как и следовало ожидать, ряд зарубежных писателей обратились к Шолохову с призывом «приложить свои добрые усилия» в защиту Синявского и Даниэля[2]. Среди подписавших письмо к правительству шестидесяти двух литераторов (с просьбою разрешить им взять осужденных на поруки) имени нобелевского лауреата, однако, не оказалось, равно, кстати, как и имени Солженицына, отказавшегося поставить свою подпись со словами: «Негоже русскому писателю искать славы за границей». «Самое замечательное, — комментирует процитированное заявление Солженицына М. Розанова, — что в этот момент уже все его произведения были переправлены за границу и готовились там к публикации»[3].

В истории, связанной с арестом и процессом над Синявским и Даниэлем, задерживают на себе внимание два наиболее скверных момента, проистекающих из одного лукавого соображения: то, что хорошо для Солженицына, — плохо для Шолохова.

С подписанием письма 62-х картина очевидна. Сложнее с выступлением Шолохова на XXIII съезде КПСС, в котором он не призывал, как ныне пытаются представить дело, к жестокой расправе над осужденными: «к стенке их — и вся недолга»[4], а напоминал о правовой реальности 20-х годов: «Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а «руководствуясь революционным правосознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти оборотни!»[5]. Действительно — «не ту», и оспаривать этот факт и бессмысленно, и печально. Но, с другой стороны, худшая по сути ситуация с Солженицыным оценивается совершенно иначе.

Когда родители Ольги Карлейль, внучки Леонида Андреева, рискуя жизнью и благополучием семьи, вывезли из нашей страны за границу рукописи «В круге первом» и «Архипелага ГУЛАГ», Солженицын, не удовлетворенный оперативностью изданий его произведений за рубежом, впоследствии обвинил Карлейлей в том, что они задержали перевод и выпуск «Архипелага» из меркантильных расчетов и тем самым отсрочили «начало распада коммунистической системы». Поддавшаяся на увещевания Солженицына (служение ему, Солженицыну, «он считал справедливым и нормальным, такой подвиг во имя его произведений, полагал он, украсит любую биографию») О. Карлейль была буквально потрясена черной неблагодарностью и клеветой своего

[1] Дон. 1990. № 3. С. 109.

[2] См.: Волгин Игорь. Возвращение с прогулки (К урокам одного политического процесса). — Юность. 1990. № 12. С. 60.

[3] Советы писателей — опасная вещь: Запись фрагментов вечера Розановой и Синявского в филиале Литературного музея в Трубниковском, сделанная А. Мокроусовым. — Alma Mater. 1991. № 3 (янв.).

[4] См.: Скуениекс Кнут. Памяти друга. — Даугава. 1989. № 6. С. 40; Медведев Феликс. Беседы с Андреем Синявским и Марией Розановой... — Книжное обозрение. 1990. № 4. С. 8 и др.

[5] Шолохов М. Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 8. С. 327.

кумира и, кроме всего прочего, поставлена им в положение заживо погребенного человека, «так как любое слово Солженицына в то время не подвергалось сомнению».

«Моим родителям, — рассказывает Карлейль, — мы обязаны появлению книг А. И. Солженицына на Западе по-английски и по-русски, а может быть, и сохранностью их, если бы события повернулись в России иначе. <...> Невыносимо обидно было, когда именно Александр Исаевич нас обвинил в задержке публикации и в том, что из-за этого его «Письмо вождям»... не имело того воздействия для Запада, которое, как он полагал, произвело бы, будь он уже автором «ГУЛАГа». ...Солженицын верил: появись «ГУЛАГ», может быть, сегодняшние «вожди» послушали бы его и предприняли реформы в России, которые он предлагал»[1].

Факт, конечно, поразительный, но еще неожиданнее его истолкование З. Богуславской: «Мысленно я пытаюсь пройти вместе с Ольгой (Карлейль. — **В. В.**) ее путь, внутренне примерить ее поступки к себе (Карлейль написала книгу об «инциденте» с Солженицыным. — **В. В.**) и понимаю, какое порой бывает несовпадение взглядов на события у людей внутри страны и извне. Думаю я и о том, что **для великих свершений история часто жертвует далеко не обычными людьми,** что великое имя А. И. Солженицына... останется символом подвижничества во имя миллионов замученных в сталинских лагерях»[2].

В подчеркнутой мною фразе, чтобы вполне ее понять и не задаваться риторическими вопросами (разве суд над Синявским и Даниэлем разворачивался не во исполнение «великих свершений»?), достаточно слово **история** заменить на собственное имя **Солженицын.** Становятся ясными те поистине величайшие услуги, которые оказываются автору «Архипелага» многочисленной пишущей публикой, и те гигантоманские допущения, какие позволяет себе и культивирует вокруг себя сам писатель — в смысле его персонального влияния на жизнь в родной стране и развитие мировой истории.

Вернемся, однако, в 1965 год. Протесты против суда над Синявским и Даниэлем не оправдали надежд «лидера независимой интеллигенции» — рассчитывать на поддержку Шолохова в аналогичной ситуации Солженицыну вряд ли приходилось. Между тем нависала реальная (отчасти осуществившаяся) угроза «разгрома» солженицынского архива и ареста рукописей прозаика.

Солженицын судорожно работает над «Архипелагом», дабы успеть своевременно передать его за границу и из-за рубежа обеспечить себе защиту мировой прогрессивной общественности. В декабре 1965-го, а возможно, это поздняя вставка в «Архипелаге», хотя Решетовская уверяет, что в ней отразились состояние и настроение Солженицына именно данного времени, он весьма своеобразно оценит поездку Шолохова в Стокгольм на Нобелевские торжества. В нарушение тематической и хронологической цельности книги, Солженицын не без гипертрофированной гордости напишет: «В дни, когда Шолохов, давно уже не писатель, из страны писателей растерзанных и арестованных поехал получать Нобелевскую премию, — я искал, как уйти от шпиков в

[1] См. об этой истории: Богуславская Зоя. Европейки в Америке: Четыре биографии. Четыре судьбы. — Юность. 1991. № 1. С. 70—73.

[2] Там же. С. 73.

укрывище и выиграть время для моего потайного запыхавшегося пера, для окончания вот этой книги»[1].

В начале апреля 1966 года для Солженицына и его окружения окончательно проясняется позиция Шолохова, выразившего чувство стыда «за тех, кто пытался и пытается взять» Синявского и Даниэля под защиту, «чем бы эта защита ни мотивировалась». В конце мая в ответ на выступление Шолохова на XXIII съезде КПСС появилось открытое письмо Л. Чуковской Михаилу Шолохову, с многозначительным уточнением: «автору «Тихого Дона». В известных кругах оно было воспринято как «классика самиздата» (Л. Копелев), потрясшее «весь мир» и позволяющее говорить о ее авторе как о выразителе «целой эпохи» (В. Корнилов). Характерные самооценки диссидентства 60-х годов и отличительный признак третьей эмиграции с ее нестерпимой саморекламой и оголтелыми претензиями поучать всех и вся, с ее эгоцентрическими сочинениями, возводящими почасту мелкотравчатые страдания и гонения небольшой группы лиц в степень основного смысла и главной цели жизни.

Действительно, сколько непреходяще ценного и мощного духовно сохранила и создала для России первая русская эмиграция — вывезенные ею «белые» архивы и музейные реликвии былого государственного величия страны, необозримые мемуарные свидетельства и ученые изыскания по истории первой мировой войны, революции и войны гражданской, фундаментальные труды по истории старой России, философии, народной нравственности, социальной психологии, религии, несущие на себе отпечаток глубокого и основательного, пытливого, нелукавого и искреннего русского ума; какие художественные таланты — Бунин, Шмелев, Ремизов, Зайцев, Замятин; каков размах духовной жизнедеятельности — сотни газет и журналов, издательства, свои храмы, школы, гимназии, кадетские корпуса, университеты, общины и колонии, казачьи станицы и хутора...

На этом фоне вторая волна «исхода» довольно скромна — дает о себе знать иная социальная природа: рядовые труженики войны, среди которых выделяются преданное союзниками незаконно интернированное казачество и добросовестные летописцы его трагедии.

И все же, что ни говорить, но всех перекричала и затмила самая поверхностная, замусоренно-пенистая и резонерствующая третья волна, вот уже более двадцати лет пережевывающая величайшие потрясения в отечественной истории и обогащающая нас рассказами о том, как в хрущевские времена бульдозерами сносили выставку нового авангарда; сколь жестоко преследовались отважные авторы примитивного «Метрополя» (некоторых даже исключили из Союза писателей); каким гонениям — за тунеядство — подвергался великий Бродский, и требовалось недюжинное мужество, чтобы протокольно зафиксировать судебный процесс над ним; одному писателю в Литфонде отказали в шапке из ценного меха, и тот сделал из этого факта выдающуюся повесть о непереносимых страданиях человека в Советском Союзе, повесть, само собою, превосходящую по качеству и глубине проникновения в человеческую психологию гоголевскую «Шинель»...

---

[1] Солженицын Александр. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. Опыт художественного исследования. — Новый мир. 1989. № 11. С. 71.

Возвышающимся утесом, омываемым мутною волною, и должен восприниматься А. Солженицын среди этого непроточного искусственного водоема. Человек политизированного сознания и склада ума, составивший себе имя в бурные 60-е годы не без помощи диссидентства, он несет в своем творчестве, наряду с серьезными ценностями, и самые худшие свойства эмиграции третьей волны, являясь отчасти самым яростным ее выразителем.

В преддверии большого писательского собрания (май 1967-го) Солженицын написал «Письмо IV Всесоюзному съезду советских писателей» и разослал его копии по двумстам пятидесяти адресам. В письме предлагалось «принять требование и добиться упразднения всякой — явной или скрытой — цензуры над художественными произведениями»[1]. С трибуны съезда прямого ответа на послание Солженицына не прозвучало, однако слова Шолохова «о наших ревнителях свободы печати»[2] Солженицын мог отнести и на свой счет.

В письме, помимо требования отмены цензуры, Солженицыным подымались и вопросы, относящиеся к его творчеству, в частности, об изъятии органами КГБ романа «В круге первом», чем объяснялась задержка с печатанием произведения в «Новом мире», о клевете на писателя в прессе, о том, что его старая пьеса «Пир победителей», сочинённая еще в лагере, выдается недоброжелателями за «самоновейшую» и что работа прозаика «окончательно заглушена, замкнута и оболгана». Поскольку секретариат правления Союза писателей затягивал, вопреки данному автору обещанию, с рассмотрением его письма на одном из своих ближайших заседаний, Солженицын в сентябре напомнил о себе новым документом, в котором настаивал на опубликовании повести «Раковый корпус» «безотлагательно», в упреждение «ее неконтролируемого появления на Западе»[3].

Решено было, наконец, назначить заседание секретариата на 22 сентября. В особой редакции, комментирует документы Союза писателей СССР 1967—1970 годов Ю. Буртин в журнале «Октябрь», приглашение присутствовать на секретариате направлялось и Шолохову, но оно, по его словам, осталось без ответа[4]. Между тем в письме А. Твардовского К. Федину (январь 1968-го) первый, с неудовлетворением говоря о многомесячном прохождении на секретариате «дела Солженицына», ссылается на слова Шолохова, якобы «без обиняков» высказанные в его письме: «не допускать Солженицына к перу»[5].

Твардовский имеет в виду письмо Шолохова в секретариат СП СССР от 8 сентября 1967 года, и, следовательно, Ю. Буртин ошибается: автор «Тихого Дона» не уклонился от обсуждения «щекотливого» вопроса. «Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом», — пишет М. Шолохов. — Поражает — если так можно сказать — какое-то болезненное бесстыдство автора», указывающего «со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные партией и Советской властью...» И далее:

[1] См.: Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов: Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей СССР, 1967—1970. — Октябрь. 1990. № 9. С. 167.
[2] Шолохов М. Указ. соч. С. 338.
[3] Октябрь. 1990. № 9. С. 171.
[4] Там же.
[5] См.: Огонек, 1989, № 47 (ноябрь), С. 7.

«Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в оперативном стиле, да еще виршами такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! О содержании и говорить нечего. Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными стараниями автора?

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нержина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы — изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма съезду писателей в мае этого года), что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, — человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37-го года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям и молодым особенно.

Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить» (публикуется впервые; подчернуто мною. — **В. В.**).

Твардовский неточно цитирует и комментирует фразу из шолоховского письма («без обиняков»). «Обиняки» все же были, и о них Солженицын наверное знал со слов главного редактора «Нового мира». При всей резкости тона и отдельных выражений, Шолохов очень тонко подметил и сформулировал социально-психологическую природу и «Пира победителей» и «В круге первом»: «болезненное бесстыдство» «злости и остервенения» (включающее в себя и элемент наслаждения, упоения злостью), «мания величия». Форма «Пира победителей» не просто плоха — «неумна» и др. Нечто сходное — приблизительно, конечно, — можно найти в оценке названных произведений у К. Федина и К. Симонова. Последний, к примеру, отмечал неверие Солженицына «в здоровую основу нашего общества» и говорил о сталинских главах «В круге первом» как о написанных «со слепой злобой, а потому и почти с полной потерей таланта»[1].

Примечательно, что Федина и Симонова, не говоря уже о других прозаиках, для Солженицына словно не существовало. Среди политических противников, как их понимал Солженицын, он различал только Шолохова; остальные в его сознании представали в образе анонимной безликой массы. Факт, психологически свидетельствующий о такой точечной собранности и целеустремленности, какая не оставляет уже внимания ни на что другое, кроме

[1] Отзыв К. М. Симонова о романе А. И. Солженицына «В круге первом». — Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 149, 150.

одной «преследуемой жертвы». В «Открытом письме Секретариату Союза писателей РСФСР» (после исключения Солженицына из членов Союза писателей в ноябре 1969 года) Солженицын писал со свойственной ему духоподъемностью: «Слепые поводыри слепых! <...> Расползаются ваши дебелые статьи, вяло шевелится ваше безмыслие — а аргументов нет, есть только голосование и администрация. Оттого-то на знаменитое письмо Лидии Чуковской, гордость русской публицистики, не осмелился ответить ни Шолохов, ни все вы, вместе взятые» [1].

Восстановить дальнейшую хронику углубляющейся неприязни Солженицына к Шолохову не представляется возможным — есть, правда, косвенные свидетельства на этот счет у других авторов, но я их опускаю из неуверенности в их надежности. Трехгодичный «провал» в истории интересующего меня вопроса объясняется тем обстоятельством, что к началу 1970 года диссидентство в нашей стране, будоражившее еще совсем недавно общественное мнение всякого рода открытыми письмами, заявлениями и «меморандумами», истощилось, измельчало, перессорилось между собой и стало трусливым и осторожным. Пример А. Кузнецова, попросившего политическое убежище в Англии в 1969 году и напечатавшего там очерк о своем сотрудничестве с органами КГБ, несколько отрезвил оставшихся диссидентов и посеял в их среде недоверие и подозрительность. Скажем, будущий автор книги о загадках творческой биографии Шолохова — Рой Медведев — подозревался В. Максимовым в связях с органами КГБ [2] и не далее, чем в прошлом году, откровенно признался в своей опытности по части устроения политических провокаций, предложив Твардовскому в 1968 году собственные услуги для выявления осведомителей в редакции «Нового мира». «С его согласия, — вспоминает Медведев, — я мог бы рассказать двум-трем сомнительным людям из своего (?! — **В. В.**) окружения сенсационную, но совершенно ложную историю о том, что, например, Твардовский читает на своей даче тайно переданную ему рукопись «Архипелаг ГУЛАГ» (в ту пору власти настойчиво ее искали, но не могли найти. — **В. В.**). <...> Ясно, что если через несколько дней кто-либо из окружения Твардовского спросил бы его об «Архипелаге», то этот человек или прямо или косвенно связан с КГБ или с осведомителем КГБ в «Новом мире» [3].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1974 года Солженицын был выдворен за пределы нашей страны. В том же году за рубежом была издана на средства Солженицына книга одного литературоведа «Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа)», скрывшего свое подлинное имя под инициалом Д*. Вслед за нею, в 1975-м, появилось исследование Р. Медведева «Загадки творческой биографии Михаила Шолохова».

Обе книги увидели свет в Париже, в издательстве «Имка-Пресс», возглавляемом литературоведом, профессором Сорбонны Н. А. Струве, страстным поклонником Солженицына, доходящим в своих высказываниях об авторе «Архипелага» до его полного обожествления: «он действительно пророк, провидец нашей исто-

---

[1] Октябрь. 1990. № 10. С. 194.

[2] См.: Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956—1980. М.: Книга. 1990. С. 363.

[3] Медведев Рой. Встречи с Александром Твардовским. — Подъем. 1990. № 7. С. 208—209.

рии», «тот, через кого Бог говорит», «человек сверхъестественный, который не укладывается в наши мерки», «у него особое видение, особое отношение к реальности, особый способ жить» [1]. С 1973 года этому издательству принадлежит право первой публикации всех новых произведений Солженицына; в его исполком, наряду с другими четырьмя членами, входит и жена писателя — Н. Д. Светлова-Солженицына.

Книгу Д* предваряет предисловие Солженицына; работу Р. Медведева представляет читателям его брат Жорес Медведев, который, по свидетельству Роя Александровича, «очень часто встречался в конце 60-х годов с Солженицыным» [2] (как и сам ее автор, о чем можно прочесть в воспоминаниях Решетовской). Что же касается Д*, то, судя по вступительному слову Солженицына к «Стремени...», анонимный литературовед также не понаслышке знал автора «Ивана Денисовича», во всяком случае, они состояли друг с другом в долговременной переписке, носившей характер обмена творческими идеями, связанными с проблемой авторства «Тихого Дона».

Нельзя обойти стороною и тот факт, что названия книг Д* и Р. Медведева словно вышли из одной головы и задуманы как бы одним человеком, поставившим себе задачей написать некую дилогию, довольно цельную по замыслу: вначале вскрыть «загадки» текста романа «Тихий Дон», а затем ударить по «загадкам» биографии его «лжеавтора», и получится великолепный подарок белому свету к 70-летию со дня рождения одного из гениев мировой литературы.

Необходимо далее указать и на более глубокое родство этих исследований. Изыскания Д* и Р. Медведева строго следуют «пакету» претензий к Шолохову и его роману, четко, по пунктам (первое, второе и т. д.) сформулированных Солженицыным на пресс-конференции в Стокгольме 12 декабря 1974 года (о них в своем месте).

Как стало известно совсем недавно, Д* — псевдоним Ирины Николаевны Медведевой-Томашевской, вдовы известного ученого Б. Томашевского. Ко времени ее смерти ей было немногим более семидесяти лет. Родившаяся в Женеве (Швейцария), она довольно поздно, в 1931 году, окончила Ленинградский историко-лингвистический институт и всю жизнь занималась изучением и изданием русских поэтов первой половины XIX века — Е. Баратынского, К. Батюшкова, Н. Гнедича, В. Озерова. На склоне лет Медведева-Томашевская взялась за Тихий Дон — роман и географический регион известного времени; и из этого, разумеется, вышел один большой конфуз. Даже «неофициальный историк» Р. Медведев вынужден сегодня согласиться с профессором Принстонского университета Германом Ермолаевым, еще в 1975 году камня на камне не оставившем от беспомощной и наивной книжки Д*, и признать, что его предшественница обнаружила в своем исследовании «плохое знание... истории Верхне-Донского восстания и всей вообще истории гражданской войны на Дону, а также плохое знание географии Донского края и даже неточное знание текста самого романа «Тихий Дон». «...Литературовед Д* слишком часто опирается на необоснованные интерпретации и

---

[1] Струве Н. «Ни одна страна не заручена от беснования». — Лит. газета. 1990. 14 ноября. С. 8.

[2] Медведев Р. Указ. соч. — Подъем. 1990. № 9. С. 215.

ложные посылки и... не сумел поэтому доказать свой тезис о существовании в «Тихом Доне» авторского и соавторского текстов»[1].

Любопытно в связи со сказанным вернуться к предисловию Солженицына, который был «очень обнадежен, что литературовед высокого класса... взялся, между многими другими работами, еще и за эту. Западу, где не принято выполнять никаких работ бескорыстно, будет особенно понятно, что Д* не мог слишком много времени тратить на работу, которая его не кормила. Поймет и Восток хорошо: на работу, которая могла обнаружить Д* и привести к разгрому всей его жизни» (стр. 11).

Каков, однако, тонкий расчет, бьющий на чувствительность не искушенного в советской действительности читателя! Прямо-таки само собою возникает в воображении подсказанный Солженицыным образ бескорыстного Д *, ради установления подлинной правды жертвующего куском хлеба и в дополнение ко всему еще и вершащего свой высокий подвиг в квартире, осажденной с лестничной площадки кэгэбистами, или в библиотеке с ее подозрительными соседями за столом. Самое же неординарное в предисловии Солженицына — цитируемое автором письмо Д* к нему, написанное литературоведом за месяц до смерти: Медведева-Томашевская обращается к своему неформальному наставнику как мужчина к мужчине. В целях конспирации, что ли, о которой они условились заранее? Или Солженицын представил письмо в своей редакции, путая тем самым следы советским «ищейкам»?

Автор книги, по словам Солженицына, умер «среди чужих людей», и «даже нет уверенности, что не пропали его заготовки и труды последних месяцев» (стр. 12). Вновь «тайна» и «загадка» — о предположительно пропавших «заготовках и трудах», в которых, надо думать, и содержится аргументированное, бесспорное доказательство шолоховского плагиата. Ибо, говоря о пропавших трудах, Солженицын далее многозначительно интригует читателя: «В который раз история цепко удержала свою излюбленную тайну» (стр. 12).

В действительности же дело обстояло иначе. Медведева-Томашевская, по сообщению ее дочери, З. Б. Томашевской, опубликованному в газете ленинградских писателей «Литератор» (1991, апрель, № 13 (67), работала над книгой о «Тихом Доне» в Крыму, Гурзуфе, куда к ней наезжал Солженицын и, возможно, привозил ей «некоторые материалы из архива Крюкова, фотокопии первых изданий «Тихого Дона» (стр. 7). Солженицын, как никто другой, был посвящен, следовательно, в ход работы Медведевой-Томашевской и в содержание ее «заготовок и трудов». Более того: он же, полагает З. Б. Томашевская, «и позаботился увезти все написанное и архив из Гурзуфа. После смерти Ирины Николаевны в доме не осталось ничего» (стр. 7). Ирина Николаевна скончалась 26 октября 1973 года, предисловие Солженицына к книжке Д* помечено январем 1974-го. Два месяца, среди других неотложных занятий, понадобилось Солженицыну, чтобы разобрать бумаги покойной, привести их в порядок и составить из них некое подобие книги.

Возникают вопросы: не мистифицирует ли Солженицын читателя и не грешит ли он перед памятью Медведевой-Томашевской?

---

[1] Медведев Р. Загадок становится все больше. — Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 202.

Однако от таких вопросов удерживает «Обращение к соотечественникам», написанное Солженицыным накануне его насильственного изгнания из родной страны — 12 февраля 1974 года. В нем есть такое суровое напутствие остающимся в России людям: «Итак, через робость нашу пусть каждый выберет: остается ли он сознательным слугою лжи... или пришла ему пора отряхнуться честным человеком, достойным уважения и детей своих, и современников. И с этого дня он:

— впредь не напишет, не подпишет, не напечатает никаким способом ни единой фразы, искривляющей, по его мнению, правду...» [1].

В тексте письма Д* (то есть Медведевой-Томашевской), как, впрочем, и в самой книге, можно порой поймать себя на ощущении, что имеешь дело с интонацией, энергией слога, стилем и синтаксисом самого Солженицына, прибегающего довольно часто в известных случаях к излюбленным метафорам и редким ядреным словам, употребляемым ради расширения усыхающего русского языка. К примеру, в письме Д *: «За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три новые главы, которыми, наконец, завершилась *(удовлетворяя)* часть историческая. Эти главки нужно сейчас только *подтесать и угладить,* к чему, надеюсь, уже помех не будет» (стр. 11), Характерные для Солженицына вставки в скобках, инверсии с определениями и глаголами в конце предложения, сравнения писательского дела с искусством столяра, редкое словцо «угладить». Сравним, скажем, с оригинальною его прозой из «Октября шестнадцатого»: об искусстве письма как обработке леса: «...удел твой — с терпением гнуться у верстака, *обтачивать, опиливать, выбирать* четвертные пазы, пока вложенный труд не станет дороже всякого дерева...» [2].

Р. Медведев, заинтересованный поисками подлинного автора «Тихого Дона», в своем отзыве о третьем томе «Архипелага ГУЛАГ», написанном им в июле 1976 года для зарубежной прессы, так характеризует методы и полемические приемы Солженицына в его борьбе с политическими противниками: «Возмущаясь большевиками за многие из тех негодных средств, которые они применяли для достижения благой, по их мнению, цели, Солженицын сам нисколько не стесняется в средствах. В полемическом пылу он слишком часто стал прибегать и к явным искажениям, и к передержкам, к сознательному замалчиванию фактов, а также к тенденциозному очернению людей, с чьими взглядами он не согласен. Это пренебрежение моральными категориями со стороны Солженицына-политика подрывает доверие значительной части читателей и к Солженицыну-художнику. Вот почему многие из них спрашивают себя — ...не прибегает ли он и здесь к фальсификации?» [3].

При всяком удобном случае Р. Медведев не забывает сказать о своем принципиальном расхождении в политических взглядах с Солженицыным, но оба они на редкость единодушны в отношении к Шолохову и дискредитации его таланта. Находя, вслед

---

[1] Цит. по: Солженицын А. Жить не по лжи! Актовая лекция. — Комс. правда. 1990. 1 сент. С. 1.

[2] Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках. Узел II. Октябрь шестнадцатого. — Наш современник. 1990. № 2. С. 126. Здесь и далее курсив автора статьи.

[3] Медведев Р. О третьем томе «Архипелага ГУЛАГ».—Правда, 1990. 26 авг. С. 4.

за Г. Ермолаевым, книжку Д* беспомощной, Медведев, подобно Солженицыну, продолжает настаивать на плодотворности гипотезы Медведевой-Томашевской об авторе и соавторе «Тихого Дона», основу которой составляют идеологические соображения. «Тихий Дон», — указывает Солженицын, — написан **в чужом ключе** по отношению к собственному автору. Автор (не будем говорить Шолохов) посвящает всю книгу защите донского казачества **против иногородних** и его сепаратизму от России. Шолохов же — как раз иногородний и всей своей деятельностью проводит линию, противоположную автору этого романа»[1] (выделено им же).

Грубо расчленяя роман на текст, написанный подлинным автором (скажем, Ф. Крюковым) и соавтором (Шолоховым), Солженицын, Д* и Медведев руководствуются в своей гипотезе, как ни странно, опять же гипотетическими допущениями, то есть одну ложь громоздят на другую. Подлинный автор, по их мнению, должен обязательно разделять идеи особой казачьей государственности, быть донским националистом, с подозрением относиться к России и с презрением к иногородним; соавтору же, напротив, вменяется в обязанность политическая программа, связанная с проведением точки зрения русского мужика и единой неделимой России.

Для человека, сколько-нибудь знакомого с реальной историей гражданской войны на Дону, вульгарная социология подобного людского расклада самоочевидна. Что же касается непосредственно Ф. Крюкова, то его при всем желании невозможно уличить в чувстве сугубого казачьего национализма. Вообще, считал Крюков, и простым, рядовым, неграмотным казакам не безразлична мысль о воссоздании единой России, но выполнение ими «долга перед родиной аскетически чуждается какого бы то ни было громогласия и орнаментовки»[2].

Ф. Крюков не представлял себе вольного Дона без свободной России и считал казачество не особой нацией, а рыцарством русского народа, ибо в нем, казачестве, вековой русской историей отобраны, взлелеяны и развиты те волевые начала и духовные качества русского человека, благодаря которым собиралась и созидалась Россия в одно из самых крупных и мощных мировых государств. И в пору (по Крюкову), когда «иуды искариоты продают великую Россию за сребреники», подвигая ее к бездне «надгробных рыданий, великих утрат» и «потерь безвозвратных», казачество должно взять на себя всю тяжесть и всю ответственность «за воссоздание великого Отечества»[3]: «...Великая страдалица, Россия, родина-мать, вперила скорбный, трепетный взор, ждет, надеется и верит... Ибо не верить не может, чтобы дивные сокровища души лучшего чада ее родимого — казачества, — героизм, порыв к жертве, святое самоотвержение — были прожиты до последней пылинки на диком торжище красного угара и беснования углубленной революции...»[4]

Примитивная и не выдерживающая критики концепция о двух авторах «Тихого Дона» возникла на почве псевдонаучной под-

---

[1] Русская мысль. 1975. 16 янв.

[2] Крюков Ф. Усть-Медведицкий боевой участок. — Донские ведомости. 1919. 1 (14) окт. С. 2.

[3] Крюков Ф. Знамя Мануила Семилетова. — Донские ведомости. 1919. 11 (24) дек.

[4] Крюков Ф. Войсковой Круг и Россия. — Донская война. 1918. № 1. С. 5.

мены художественного сознания писателя его идеологической, политической ориентацией. Аналогичная проблема возникает сегодня и в связи с творчеством самого Солженицына. Наиболее ярко и остроумно ее сформулировал А. Синявский: «Я далеко не разделяю его (Солженицына. — **В. В.**) публицистики, не в восторге от его «Красного колеса». У нас даже была идея: Солженицына подменили чекисты перед высылкой на Запад, и надо создавать комитет: «Отдайте нам Солженицына!» [1]. Природа концепции о двух авторах — не в художественном феномене Шолохова, а в беспомощности и вульгарности исследователей этого феномена, в их неумении постигнуть шолоховский гений в целом. «Всякие попытки увидеть в одном писателе двух писателей, — говорил недавно Д. Лихачев, отвечая на анкету «Год Солженицына», — представляются мне сомнительными. Они, скорей, говорят о неспособности авторов подобных «шуток» осмыслить творческую личность во всей ее сложности и многогранности» [2].

В жертву этой надуманной концепции — вершинного достижения лженауки и политической техники — приносятся и биография Шолохова, и его «Тихий Дон».

III

«...По своему происхождению и социальному положению, — пишет Медведев, — Шолоховы были «иногородними», и формирование молодого Шолохова протекало вне казачьей среды и казачьих традиций» [3]. Почему — «вне», если Шолохов родился, рос, воспитывался на Дону, женился на истой казачке, дочери бывшего станичного атамана личного почетного гражданина П. Я. Громославского (казачьи традиции не позволили тому же Ф. Крюкову, к примеру, взять в жены «иногороднюю»). Главное же заключается в том, что род Шолоховых, упоминаемый с третьей четверти XIV века, не просто формально — генетически связан с Доном. И историку Медведеву должно быть известно о заселении Дона выходцами по преимуществу из Рязанского княжества, откуда (г. Зарайск) более-менее систематически просматривается родословная Шолохова по отцовской линии с первой половины XVII столетия в семи поколениях, начиная с Фирса Шолохова (ок. 1644 — между 1708-м и 1715-м) и кончая отцом писателя, Александром Михайловичем Шолоховым (1865—1925). Фирс Шолохов лил пушки и, по предположению литературоведа В. И. Старикова, погиб в Полтавском сражении. Шолоховы, поближе во времени к автору «Тихого Дона», занимались мукомольным делом и слыли на Дону и зарайщине «хлебными королями» — привозили с Дона зерно, мололи его в Зарайске, а муку отправляли в Москву. Фамилией Шолоховых до сих пор полнится Зарайск; в городе сохранились два «шолоховских» дома (ул. Гуляева, 8 и 10) и останки большого мельничного строения. «Прадед мой (по отцу), — писал М. Шолохов, — еще мальчиком был увезен

---

[1] Alma mater. 1991, янв., № 3. С. 5.
[2] «Лит. газета». 1991, 10 апр. С. 10.
[3] Медведев Р. Если бы «Тихий Дон» вышел в свет анонимно.— Вопросы литературы. 1989. № 8. С. 153—154. В дальнейшем ссылки на эту, а также другую работу Медведева — «Загадок становится все больше», помещенную в названном номере журнала, — внутри текста.

на Дон. Не знаю, из какого он села и какой волости, но точно знаю, что был уроженцем именно Зарайского уезда...»[1] В начале нынешнего века мы находим на Дону титулярного советника Ивана Ивановича Шолохова, брата деда писателя, служившего в областном гражданском управлении Области Войска Донского[2]. Отец автора «Тихого Дона» владел мельницей на хуторе Кружилинском, откуда будущий знаменитый писатель не «вылезал» в детстве. «Родимые пятна» происхождения Шолоховых и их профессиональных занятий можно обнаружить и в «Тихом Доне». Вспоминаются прежде всего знаменитая сцена меж казаками и хохлами на моховской паровой мельнице в романе, а также московский военный госпиталь, где выздоравливал после ранения Григорий Мелехов, повстречавшийся здесь, в шестой палате, со священником в халате и синих очках, оказавшимся уроженцем города Зарайска (описанный в романе госпиталь, кстати, — глазная лечебница доктора К. В. Снегирева в Колпачном переулке, куда отец привозил девятилетнего Мишу с заболеванием натруженных от непомерного чтения глаз).

Отец Шолохова — Александр Михайлович, был образованным человеком и владел обширнейшей, насчитывавшей тысячи томов, библиотекой, собранной дядей писателя, зарайским купцом Николаем Михайловичем Шолоховым. По воспоминаниям отца, четырнадцатилетний Шолохов обсуждал с ним сочинения Спинозы. Так что все разговоры о формальном образовании Шолохова носят досужий характер, равно как и обвинения художника в языковой безграмотности. Медведев, к примеру, находит «весьма веско звучащими» критические замечания Г. Ермолаева по поводу фраз «мочился горячим потом», «Лиза валялась в кресле», «в задке, полулежа, сидел Лихачев» и т. п. (стр. 200), которые принадлежат Шолохову и которые не мог написать «основной автор» произведения Ф. Крюков. Действительно, Ф. Крюков, прозаик стилистически гладкий и, как он сам любил выражаться, полированный, написать подобных фраз не мог. Дело, однако, в том, что и Ермолаев, и Медведев «веско» критикуют Шолохова не по существу, потому как исходят в своих выводах из формальной логики, а не из духа художественной речи. Да, процитированные фразы формально неправильны, но они безукоризненно точны по существу, как художественные, и дают рельефные, скульптурные и вместе динамичные образы. И в этом смысле Шолохова надо сравнивать не с Крюковым, а с Гоголем и Львом Толстым.

«Загадок становится все больше» — таким образом озаглавил Медведев свою недавнюю статью о Шолохове. Убежден, количество загадок можно значительно сократить, если бы Медведев добросовестно обращался с фактами и сам не плодил бы новых вокругшолоховских тайн. О П. Громославском, тесте М. Шолохова, Медведев с необыкновенной уверенностью сообщает: «Известно, что в 1918—1919 годы он (Громославский. — **В. В.**) принимал посильное участие в белоказачьем движении и был в Новочеркасске одним из сотрудников газеты «Донские ведомости», которую редактировал в то время... Ф. Д. Крюков. Печатался П. Громославский и в некоторых других газетах и журналах. Есть сведе-

[1] Ленинское знамя. 1989. 2 ноября. С. 4.
[2] См.: Памятная книга Области Войска Донского на 1915 год. Новочеркасск, 1915. С. 13.

ния, что и старший сын Громославского... стремился к литературной деятельности и успел кончить литературный факультет в Петрограде. <...> Вместе с Донской армией отступали также Ф. Д. Крюков и П. Громославский. <...> Есть свидетельства, что Громославский помогал Ф. Д. Крюкову, а после смерти последнего похоронил его с группой казаков недалеко от станицы Новокорсунской. Можно предположить поэтому, что именно Громославскому досталась какая-то часть «кованого сундучка» с рукописями Крюкова...» (стр. 156).

Ясно покамест одно: факты, подаваемые без ссылок на источники, но манипулирующие читательским сознанием с помощью заклятий «известно, что», «есть сведения, что», «есть свидетельства, что» и выводов вроде «можно предположить поэтому, что», суть классический образец подметной провокационной литературы.

П. Громославский в 1918 и до лета 1919-го не мог находиться в Новочеркасске, потому что жил в это время в станице Букановской и слыл за человека, сочувствующего большевикам. Во время Вешенского мятежа вместе со старшим сыном вступил в красную Слащевско-Кумылженскую дружину. Летом 1919 года был захвачен белоказаками в плен, судим ими и приговорен к восьми годам каторги. Отбывал наказание в Новочеркасской тюрьме вплоть до освобождения города в начале 1920 года, после чего возвратился домой [1]. Так что быть как-то связанным с Крюковым, да еще и литературными интересами, Громославский не мог. Не мог он и сопровождать Крюкова до Новокорсунской: в середине января 1920 года Федор Дмитриевич, уже отрезанный от Новочеркасска, освобожденного 7 января, появлялся на короткое время в Екатеринодаре, а «20 января отбыл на север, вступив в ряды Донской армии для активной борьбы с большевиками» [2]. Каким образом они, по существу — враги, могли встретиться и для чего — неизвестно. Разве что для похищения крюковского кованого сундучка? Но тут кончается подлинный Громославский и начинается Громославский выдуманный — персонаж вымышленного Медведевым романа из эпохи гражданской войны.

Далее. Никаким, даже «третьестепенным» (Солженицын) литератором, как и его старший сын Виктор, умерший, кстати, от сыпного тифа в 1919 году и, следовательно, по этой причине не могший составить компании Шолохову в его литературных занятиях, П. Громославский не был. Ни в «Донских ведомостях», редактируемых Ф. Крюковым, ни вообще в 1918—1919 годах, а в течение буквально пяти месяцев 1919 года, ни «в некоторых других газетах и журналах» невозможно обнаружить ни слова за подписью Громославских, отца или сына [3].

История же со злополучным кованым сундучком дает, кажется, немеренный простор для фантастических и детективных построений. По одной из версий (воспоминаниям внучки крестницы Ф. Крюкова), сундук (не «сундучок») с крюковскими бумагами был зарыт при отступе казаков «около станицы Вешенской в лесу», а «когда возвращались назад», там зияла «только пустая

[1] Автобиография М. А. Шолохова 1937 года. — Судьба Шолохова (Спецвыпуск «Лит. России»). 1990. 23 мая. С. 13.
[2] Вечернее время. 1920. 23 янв.
[3] См. об этом также свидетельство земляка П. Громославского, хорошо знавшего его семью. А. Д. Солдатова: Прошу слова! — Москва. 1990. № 9. С. 206—207.

яма»[1]. Однако география пути, каким отступали белоказачья бригада и станичники-беженцы из Глазуновской, родины Крюкова, — на Михайловку, Софиевку и далее, дает основания усомниться в крепости памяти крестницы Крюкова[2]. Согласно другому изводу слухов — сундучок и переметные сумы с рукописями спустя два месяца (правда, «неизвестно в какой сохранности») после смерти писателя возвратились на Дон, в хутор Чигонаки-2, где жили сестры покойного[3]. По третьей легенде: сундучок сохранил и передал в надежные руки сопровождавший Ф. Крюкова до Новокорсунской помощник станичного атамана П. Шкуратов, ныне покойный писатель[4]. По четвертой: П. Шкуратов этот сундучок приобрел на Дону (Д *).

Верю: сундучок существовал. Но возникает другой, более существенный вопрос — а была ли в нем рукопись большого незавершенного романа? На этот вопрос вопросов я и постараюсь ответить в дальнейшем, а сейчас возвращусь к Медведеву и к сюжету со Шкуратовым, похоронившим Крюкова, в изложении автора «Загадок творческой биографии Михаила Шолохова».

«Близкий друг и земляк Крюкова, литератор-казак П. И. Шкуратов, умерший недавно в возрасте 82 лет, — рассказывает Медведев, — вспоминает о своих посещениях дома Крюкова и дружбе с сестрой Крюкова — Марией. В своих воспоминаниях Шкуратов приводит слова Марии: «Федя все пишет и пишет и даже боится выходить в сад. Письма идут, но он их все мне отдает, не читая, говорит: «Ответь, Маша, если нужно, а лучше всего сожги! Я пишу и не хочу ничего знать: пока мне хватит и этого». Шкуратов вспоминает, что и его Крюков принимал тогда очень неохотно. «Все шумишь, — говорил он, — шуми, а я пока подожду, да и хочется писать и хорошо пишется». В письме к московскому литератору А. В. Храбровицкому (от 2 июня 1970 года) Шкуратов сообщал: «Хорошо помню номер Усть-Медведицкой газеты «Сполох», в котором было напечатано интервью Крюкова корреспондентам, где Крюков подробно говорил о своем новом романе «Тихий Дон», первую книгу которого он закончил. В этой же газете были напечатаны и 7 писем Короленко Крюкову. Почти дословно, — свидетельствует Шкуратов, — помню один абзац письма Короленко Крюкову, где Владимир Галактионович пишет: «Вы напрасно сетуете на бестемье. Ваша область — это ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКОГО, и ее, область, Вы пишите, и этого от Вас мы и ждем».

Судя по содержанию воспоминаний, Шкуратов был с Крюковым примерно в тех же отношениях, в каких Хлестаков с Пушкиным; особенно замечательны шкуратовские фразы: «Все шумишь, — говорил он, — шуми, а я пока подожду... хорошо пишется» и «хорошо помню», «почти дословно помню». Умиляет также детская доверчивость Медведева, какую он с готовностью выказывает к «антишолоховским» источникам, и безусловная подозрительность, с которой он встречает факты, говорящие в пользу Шолохова.

---

[1] Аксенова Н. К. Письмо в редакцию. — Живое слово (Волгоград). 1990, февраль. С. 12.
[2] Крюков П. (приемный сын Ф. Крюкова. — В. В.). Станичники. — Сполох. 1920. № 5 и следующие.
[3] Мезенцев М. Судьба архива Ф. Д. Крюкова. — Коммунистический путь (г. Серафимович Волгоградской обл.). 1988, 16 сент.
[4] Лихоносов В. Племянница. — Слово. 1989. № 11. С. 73.

Ну, во-первых, бросается в глаза большая приблизительность в знании Медведевым предмета, о каком он столь свободно рассуждает. Шкуратов говорит о газете «Сполох», которая печаталась в Мелитополе; в ст. Усть-Медведицкой же издавалась газета «Север Дона». Потом: исходя из воспоминаний Шкуратова, можно подумать, что эта газета приближалась по объему к современной «Литературной», в то время как она была всего лишь двухполосным листком, по формату ненамного превосходящим школьную тетрадку, и напечатать семь пространных короленковских писем она не могла. С юмором можно отнестись и к вспоминаемому Шкуратовым интервью Крюкова корреспондентам — жанр, па нашей памяти освоенный не только провинциальной, но и центральной отечественной прессой. Семь короленковских писем Крюкову нетрудно обнаружить в редчайшем сборнике «Родимый край», посвященном двадцатипятилетию литературной деятельности писателя и изданном на средства Медведицкого союза кооперативов в Усть-Медведицкой станице в 1918 году. Это письма от 11 ноября 1898, 11 марта 1904, 25 и 27 июня 1913, 10 и 13 октября 1915 и 10 июля 1916. Ни в одном из них нет абзаца, дословно сохранившегося в памяти Шкуратова: вы, дескать, пишите Область Войска Донского, и «этого от Вас мы и ждем». Правда, в письме от 11 ноября 1898 года, в котором речь идет о путевых очерках Крюкова «На тихом Дону», увидевших свет в том же году в «Русском богатстве» (№ 8, 9), можно найти нечто похожее на шкуратовский абзац.

Короленко, в частности, писал Крюкову, переживающему состояние неуверенности в своем литературном призвании, следующее: «Меня очень огорчила та часть Вашего письма, где Вы пишете о своем «случайном визите» в литературу. Ваши очерки производят впечатление жизненности и даровитости. ...Все показывает, что Вам едва ли следует бросать литературу. Вы чувствуете сомнение относительно своей работы на темы из других «областей», кроме Области Войска Донского, то, значит, надо попробовать еще, и период искуса еще нельзя считать оконченным. Но не попробовать еще, кажется, будет грешно» (стр. 24). Остается добавить: никакого интервью Крюкова корреспондентам в названной книжке нету.

В доказательство своего предположения о Крюкове как «подлинном» авторе «Тихого Дона» Медведев приводит и другие факты. Вот они: «П. Маргушин (сотрудник «Донских ведомостей». — В. В.) вспоминает, что Крюков рассказывал ему о своих планах написать роман о вторжении большевиков в Донскую область и послал его в поездку для сбора материалов для этого»; существует также «свидетельство земляка Ф. Крюкова — писателя Сергея Сератина (Пинуса), который заверял друзей, что Крюков унес с собой в могилу «Войну и мир» своего времени, которую он задумывал написать» (стр. 216). При этом Медведев ссылается на Г. Ермолаева, а последний отсылает читателя в одном случае к «Письму редактору» П. Маргушина в сентябре 1974 года, в другом — к газете «Сполох» 1920 года. Я связываю эти свидетельства с естественной аберрацией памяти и у Маргушина, и у Серапина (Пинуса). Если предположить, что Маргушину в 1919 году было самое большее девятнадцать лет, то в 1974-м — за семьдесят, и память могла сыграть с Маргушиным такую же «шутку», какую сыграла со Шкуратовым.

Трудно также не увидеть: «Письмо редактору» Маргушина совпадает по времени написания с началом антишолоховской кампании на Западе, и у исследователя, естественно, возникает сомнение — а не организовано ли оно другими лицами, внушившими его автору свои «воспоминания»? Что касается Серапина, тот в 1920 году был уже довольно пожилым человеком и, пережив ужасы гражданской войны, где дни и месяцы по своей насыщенности событиями соперничают со многими мирными годами, мог и напутать в своих заметках, написанных к тому же по горячим следам утраты.

Однако некая прочная доминанта, осевшая в памяти названных свидетелей, все же есть, но связана она, к сожалению, с другим человеком, известным среди казачьей интеллигенции не меньше Крюкова. Этого человека на основе анализа студенческого дневника, введенного Шолоховым в текст «Тихого Дона», «вычислил» новый шолоховед Зеев Бар-Селла, эмигрировавший в 1973 году в Израиль. Бар-Селла одним махом перечеркнул (и справедливо!) все изыскания Солженицына, Д*, Медведева и других, резонно заметив, что «Крюков — писатель неплохой, не хуже Чирикова, и написал много, и публиковался часто, и откликался на события... А «Тихий Дон» написан гениальным человеком, никак по таланту не ниже Платонова. А раз Чириков не Платонов, то и Крюкову «Тихий Дон» написать не под силу. Да и не похоже... Все другое, одно общее — про казаков. Но ведь и про казаков не всякий роман «Тихий Дон»[1]. В течение шести лет, с 1982 года, Бар-Селла вместе с Майей Каганской «собирали улики, копили доказательства, опрашивали свидетелей», в результате явилась книга «Текстология преступления», первую часть каковой и предлагает покамест читателю исследователь. В ней не называется еще имени «истинного» автора, но определены параметры, в согласии с которыми следует его искать: «...донской казак по происхождению, учился в Московском Императорском университете, автор двух (кроме «Тихого Дона») книг, расстрелян красными в городе Ростове-на-Дону. В момент гибели ему еще не исполнилось тридцати лет» (стр. 95). Еще: «истинный» автор должен быть студентом именно в 1910-м и в январе — феврале 1911 года. Если Бар-Селла не мистифицирует с обнародованием имени «подлинного» автора «Тихого Дона», а похоже, что так оно и есть, то я не буду эксплуатировать и томить любопытство читателя, а назову это имя сразу: Роман Петрович Кумов, родившийся 25 ноября 1886 года (а не 21.XI.1883, как указано в Краткой литературной энциклопедии[2]) в станице Казанской, Области Войска Донского, и окончивший Московский университет по юридическому факультету в 1911 году; автор книг очерков и рассказов «Бессмертники» (1909) и «В Татьянину ночь» (1913); умер от тифа на больничной койке в Новочеркасске 20 февраля 1919 года.

Не все в деталях сходится с «вычислениями» Бар-Селлы, однако именно о Кумове доподлинно известно, что он написал роман о революции и гражданской войне на Дону и закопал его

---

[1] Бар-Селла Зеев. «Тихий Дон» против Шолохова. — Даугава. 1990. № 12. С. 95.

[2] См. автограф автобиографии Кумова, воспроизведенный в «Донской волне» (1919, № 10, с. 4).

рукопись на усть-медведицкой земле при очередном занятии станицы красными зимою 1919 года (в Усть-Медведицкую семья Кумовых перебралась вскоре после рождения будущего писателя). Слухи об этом романе под названием «Пирамида» — по топониму горы в двух верстах от Усть-Медведицкой, у подножия которой стояли насмерть белоказаки, а среди них и Крюков с Кумовым, в борьбе с «мироновской бандой» в 1918 году, — были весьма распространены среди пишущей казачьей интеллигенции, группировавшейся вокруг ежемесячника «Донская волна» в Ростове-на-Дону и газеты «Донские ведомости» в Новочеркасске. Виктор Севский (настоящее имя — Вениамин Алексеевич Краснушкин), уроженец станицы Константиновской, редактор «Донской волны», писал, потрясенный неожиданной смертью прозаика: «С трепетом перед мощным талантом в хрупком, как стебелек лилии, теле писателя мы будем читать роман Кумова «Пирамида», зарытый автором в рукописи в родной полоненной красными станице. Будем читать и плакать, ибо автор уже все свершил и, казак-писатель, погребен с воинскими почестями, как не хоронили ни одного русского писателя»[1]. По словам И. Сургучева, хотя и забытого, но очень неплохого художника, «выдающийся наш поэт, Кумов пел о донских степях, о травечоборе, о курганах, о казачьей славе...»[2].

Дарю этот сюжет последователям Медведева: в нем что-то есть. Только заранее предупреждаю: казак Кумов также не страдал донским национализмом и в письме В. Севскому от 18 июня 1918 года в решительном тоне говорил: «Я верю на самом деле глубоко и в русский народ, и в особый его жребий на земле, несмотря ни на что. Дон без Великороссии я не мыслю и не чувствую»[3].

Вообще работы Медведева оставляют впечатление трудов, написанных «со слуха». Медведев утверждает, что старший сын Громославского — Виктор — учился на литературном факультете в Петербурге, но был ли факультет с такой профессиональной ориентацией, и если был, то в каком учебном заведении? Вслед за Г. Ермолаевым он повторяет, что Крюков окончил Петербургский институт истории и философии (стр. 201), тогда как Крюков окончил историко-филологический институт, и его конкретные познания для возможного автора «Тихого Дона» были совсем не энциклопедическими. Первые два года он изучал общие предметы: закон Божий, логику, психологию и историю философии, педагогику, дидактику и школьную гигиену. Вторые два года (вся учеба была рассчитана на четыре годичных курса) шли предметы по специальности, перемежаемые практическими занятиями (не менее десяти уроков в год в гимназии). Будущий преподаватель истории и географии, Крюков изучал: всеобщую историю, русскую историю, политическую, физическую и математическую географию. Далее: Медведев почему-то Сергея Серапина (Пинуса), поэта, переводчика и критика, называет Сератиным (стр. 216), генерала Секретева — Секретовым (стр. 176) и т. п. О путанице с названиями газет, их выходными данными и незнакомстве Медведева с оригинальными источниками я

---

[1] См.: Донская волна. 1919. № 10. с. 4.
[2] Там же. С. 3.
[3] Там же. С. 8.

уже говорил. Когда в работах, подобных предпринятому Медведевым исследованию, почасту сталкиваешься с незнанием автором элементарной конкретики — основы основ, фундамента научного поиска, доверие к конечным выводам «труда» становится, мягко говоря, проблематичным — налет любительства и дилетантизма, проистекающий из бесконтрольной любви писать если не обо всем, то о многом, портит книги и статьи, вышедшие из-под пера Медведева. И вытравить этот порок, органически присущий сочинению Медведева, не смог даже такой опытный литературовед, как ближайший друг Солженицына Л. Копелев, специалист в основном по немецкой филологии, который, вероятно, консультировал Медведева хотя бы по теории литературы и который, возможно, забраковал его книгу о Шолохове в первой редакции. В дневнике Р. Орловой есть характерная запись, помеченная 16 февраля 1975 года: «...Пришел Рой Медведев — как обычно, без предварительного звонка. Принес новый вариант своей работы о Шолохове» (в это время в квартире Копелевых находился А. Сахаров) [1].

IV

Не лучшую осведомленность демонстрирует и Солженицын в кратком предисловии и биографической и литературной справке о Крюкове в книжке Д *, а также в некоторых главах «Красного колеса».

Так, Солженицын утверждает, что Крюков «...издает в Новочеркасске журнал «Донская волна» (стр. 192). Но журнал этот выходил в Ростове-на-Дону. И не Крюков издавал и редактировал его. Издатель «Донской волны» — товарищество «Донская волна» в лице его уполномоченного Н. Т. Добровольского; редактор — уже поминаемый мною Виктор Севский, поэт, прозаик и публицист, расстрелянный большевиками в 1921 году.

«В годы германской войны, — пишет Солженицын, — Ф. Крюков **неоднократно** бывал на фронте в санитарном отряде Г. Думы и собрал обильные **фронтовые** впечатления...» (стр. 192, подчеркнуто мною. — **В. В.**). Действительно, Крюков бывал на фронте, в составе думского «летучего» отряда, сформированного князем В. Геловани из студентов, курсисток и молодых врачей. Но только дважды и оба раза непродолжительно: зимою 1914/15 он выезжал на Кавказский фронт, в район Карса, и в начале 1916 года в Галицию. Передовых позиций Крюков в своем творчестве коснулся вскользь — он редко на них выбирался, и знакомство писателя с войною ограничивается по преимуществу изображением бивуачного быта санитарного лазарета, настроений солдат, офицеров, беженцев и коренных жителей прифронтового тыла. Об этом свидетельствует содержание больших циклов крюковских очерков «Около войны», «Силуэты» и других, печатавшихся на страницах «Русских записок» и «Русских ведомостей» в течение 1915—1916 годов.

В предисловии к книжке Д * Солженицын обнаруживает ред-

---

[1] Орлова Раиса. Копелев Лев. Мы жили в Москве. 1956—1980. М.: Книга, 1990. С. 238.

кую подозрительность ко всем тем писателям, которые так или иначе поддерживали Шолохова в его изнурительной борьбе с РАППом. Прежде всего, к А. Серафимовичу: «Видимо, истинную историю этой книги («Тихий Дон». — **В. В.**) знал, понимал Александр Серафимович, донской писатель преклонного возраста. Но, горячий приверженец Дона, он более всего был заинтересован, чтобы яркому роману о Доне был открыт путь, всякие же выяснения о каком-то «белогвардейском» авторе могли только закрыть печатание. И, преодолев сопротивление редакции «Октября», Серафимович настоял на печатании романа и восторженным отзывом в «Правде» (19 апреля 1928 г.) открыл ему путь» (стр. 6—7). Объяснение такой подозрительности находим у Д*, в незавершенной главе «В петле сокрытия»: «Маститый литератор (Серафимович. — **В. В.**) не только не открыл таинственного автора, но оберегал Шолохова — больше всех заботился о «петлях сокрытия» и в голоушевском «Тихом Доне» несомненно усмотрел «петлю» наихитрейшую, самой судьбой закинутую» (стр. 159).

С. Голоушев — художественный критик и искусствовед, печатавшийся под псевдонимом Сергей Глаголь, — оказывается (по Д*), пересылает через Серафимовича Л. Андрееву в газету «Русская воля» очерки «Тихий Дон», которые принадлежат не ему, Голоушеву, а некоему лицу, утаенному Серафимовичем. В примечаниях публикатора читаем: «В главке «Петля сокрытия» Д* не успел закончить свою мысль: те главы из «Тихого Дона», которые Голоушев предлагал Андрееву для «Русской воли», и были главами из уже писавшегося тогда романа Федора Крюкова» (стр. 168).

В самом деле — «петля наихитрейшая», если не знать, что Крюков мог напрямую, не обременяя просьбою Голоушева, с которым вряд ли был знаком, обратиться не только к Серафимовичу (их скрепляла многолетняя переписка, дружба, землячество, гимназия — Серафимович шел в ней двумя годами раньше Крюкова), но и к Андрееву (они знали друг друга в лицо по встречам в журнале «Русское богатство» и по литературным вечерам на квартире Андреева, куда Серафимович иногда «вытаскивал» Крюкова по своем приезде в Петроград). Тут, однако, петля особой затяжки: если даже Крюков и отпадает, все равно остается вакантное место, «тайна», «загадка». Если б, конечно, без всякого детективного «огорода» и тумана вокруг Серафимовича не было известно, что очерки «С тихого Дона» принадлежат перу именно С. Голоушева и с ними можно познакомиться в эсеровском «Народном вестнике» (М., 1917, № 12, 17 сент. и № 13—14, 28 сент.).

Даже то обстоятельство, что архив автора «Тихого Дона» погиб во время бомбардировки станицы Вешенской в 1942 году, Солженицын не преминул поставить Шолохову в вину: «Шолохов, как первый человек в районе, мог получить транспорт для эвакуации своего драгоценного архива предпочтительнее перед самим райкомом партии. Но по странному равнодушию это не было сделано. И весь архив, нам говорят теперь, погиб при обстреле» (стр. 8). «Странного равнодушия» Шолохова к своему архиву не было — как рачительный хозяин, он упаковал рукописи в деревянный ящик и передал его на хранение в районный отдел НКВД. Дальнейшая судьба этой части архива сложилась

драматично уже по «равнодушию» работников НКВД[1]. Не все, однако, погибло. На сегодня шолоховедение располагает разрозненными листами рукописи «Тихого Дона», относящимися к третьей и четвертой книгам романа, — сто тридцать семь листов автографов Шолохова, переданных писателю осенью 1945 года командиром одной из танковых бригад. В 1976 году к сохраненной танкистом рукописи добавился еще один лист, присланный прозаику А. Калинину одной из читательниц. В 1989 году исследователь шолоховского творчества Ю. Дворяшин обнаружил в ЦГАЛИ в папке с письмами и бумагами военных лет, приходившими в Москву на имя Шолохова, еще шесть страниц автографов. Наконец, в мае прошлого года известный московский журналист Л. Колодный опубликовал две сохранившиеся главы начала «Тихого Дона» — первый вариант задуманного романа[2]. Через несколько месяцев в статье «Куда закатилось «Пятое колесо»?» Л. Колодный сообщил о том, что располагает несколькими редакциями автографов первой и второй книг «Тихого Дона»[3]. На встрече с членами Шолоховского общества в Институте мировой литературы (26 февр. 1991) журналист дал понять: в его распоряжении находятся как раз те материалы, которые представлял автор «Тихого Дона» в комиссию Союза писателей, занимавшуюся делом о плагиате Шолохова в 1929 году, то есть материалы, в существовании которых сомневается Медведев.

Наиболее четко свои вопросы, относящиеся к проблеме авторства «Тихого Дона», Солженицын сформулировал на пресс-конференции в Стокгольме 12 декабря 1974 года[4]. Таких вопросов или пунктов (по Солженицыну) — семь. Некоторые из них я рассмотрел выше, остальные продиктованы сугубо личным творческим опытом и художественным вкусом Солженицына и в ответах или опровержениях не нуждаются.

Трудно найти предмет для серьезной полемики в таком, к примеру, наблюдении Солженицына: «Кто-то в книге уничтожает любимых героев автора, едва дав высказаться им... Ни один автор так не делает...» Во всяком случае, этот довод не универсальный закон, и следовать ему совсем необязательно: автор может «выразить себя» не только через «любимых героев», но и через нелюбимых, и в авторской речи.

Или: Шолохов вначале «показывает» высокий «темп работы», а потом «замолкает на 45 лет», «за последние 35 лет так вообще ничего». Солженицына могут, конечно, не устраивать «Наука ненависти», незавершенный роман «Они сражались за родину», «Судьба человека», вторая книга «Поднятой целины», но делать вид, будто названных произведений вовсе не существует, — претензия, граничащая с капризом.

Столь же странными выглядят и суждения Солженицына о языке «Тихого Дона», который год от года якобы «стирался» и «выглаживался» Шолоховым, чего не может «делать подлинный автор». Но ведь общеизвестно: язык романа обезличивался не Шолоховым, слишком доверявшимся в вопросах переизданий своих

---

[1] См. об этом: Запевалов В. Н. О судьбе шолоховского архива. — Русская литература. 1990. № 1. С. 232—235.

[2] Колодный Лев. Исток «Тихого Дона». — Московская правда. 1990, 20 мая. С. 3.

[3] Московская правда. 1990, 2 сент.

[4] Русская мысль. 1975, 16 янв.

произведений, а высокопоставленными редакторами. Вопиющий и единственный пример тому — издание «Тихого Дона» 1953 года, подготовленное К. Потаповым без согласования с автором. Во второй половине 50-х годов в издании Собрания сочинений в восьми томах (М., Гослитиздат, 1956—1960) Шолохов освободил текст «Тихого Дона» от редакторских искажений, вернувшись во многом к журнальной редакции романа.

Что же касается «высочайшей художественной ткани в романе» и «грубых пропагандистских вставок, которые читать нельзя, глаз и ухо не принимают» — «просто вот вырезано из газет и вставлено в нескольких местах», то дело здесь, думается, не в художественной немощи Шолохова, а в его верности истории, времени и правде.

Вообще «пятна» навроде комиссаров в казачьей среде и должны резать «глаз и ухо». Грубый пропагандистский язык, какой впервые осваивался пробужденным к политической деятельности народом, причем осваивался в его самых элементарных, грубых формах (например, у Платонова), — тоже живая историческая реальность, а отрицать то, что существует в жизни, и недальновидно, и небезопасно. В «Тихом Доне», кроме большевистской фразеологии, встречаются и яркие образцы белогвардейской клишированной пропаганды. Но на них-то по обыкновению ни один из противников Шолохова не обращает внимания — верный признак предвзятости в разговоре о художественных достоинствах эпопеи.

Вероятно, и сам Солженицын чувствовал недостаточность и декларативность своих претензий к Шолохову и его роману и, заключая пресс-конференцию, пообещал «представить публике» «уровень мастерства Крюкова», какого тот достиг к 1917 году, чтобы стать «подлинным» автором «Тихого Дона».

С той поры прошло немало времени, однако о труде Солженицына, посвященном художественному мастерству Крюкова-прозаика, нет никаких известий. Похоже, Солженицын выбрал для этой цели другой, более соответствующий природе его дарования жанр — не научное, а художественное исследование заявленной проблемы: именно в некоторых узлах своего «повествования в отмеренных сроках» автор «Красного колеса» и знакомит нас и с Крюковым, и с его работою над «Тихим Доном».

Окончание следует

УТОЧНЕНИЕ

В № 9 нашего журнала опубликован материал В. Спольникова «Как работают супершпионы Моссада». Автор, специалист в своем деле, заканчивал публикацию словами: «Моссад стучится к нам в дверь...» (стр. 212). Далее, начиная со слов: «А скорее всего уже вошел...» и до конца абзаца, следует ремарка, перу В. Спольникова не принадлежащая. Редакция приносит свои извинения читателям и автору за очень досадное недоразумение. В самом деле: Моссад стучится к нам в дверь или уже вошел?.. Вряд ли возможно ответить на этот вопрос однозначно, если у страны, о которой идет речь (бывший СССР), все двери нараспашку. И не только перед Моссадом.

Валентин СОРОКИН

ГОЛОС БОЛИ

Русские поэты... Почему молчит о них критика? Может быть, ей, равнодушной, ленивой, самоуверенной, недосуг опускаться до «банального» вдохновения лириков? Да нет. Не равнодушна критика и не ленива, просто и она сегодня занята политикой.

И все-таки книги Игоря Ляпина исчезают с прилавка, не дожидаясь ни похвалы, ни хулы. Чем же «берет» поэт читателей, чем тревожит и завораживает?

Думаю, остротою наболевшего. Смелостью. Грустью, гневом берет, берет словом, родным и несуетным, доверчивым и беззащитным — в любви к земле материнской, в любви ко всему, ради чего и явился человек в мир.

Стихи Игоря Ляпина, чутко реагирующие на «встречное» движение, устремлены в насущный день Родины. Слово и строка Ляпина не оглоушивают «офонареть-метафорой», не сверкают «олимп-претензией». Да и нужно ли это поэту, умеющему по-своему говорить о горько-обманутом, разоренном крае, о преданной и проданной деревне нашей, о зачумленном копотью городе:

Брат, отец ли, деверь ли,
Сын-сынок,
Как же это сделали,
Где же Бог?

Игорь Ляпин — поэт «простой». И творческая школа его — обычная. Он учился и учится до сих пор у Некрасова, у Твардовского. Его поэзии, как и творчеству этих больших русских мастеров, свойственна неторопливость повествования, продуманность деталей, сюжетность. И беспокойство. Разговаривает ли поэт с матерью, с любимой ли, с родной деревней — он всегда верующе виноват, молитвенно покаянен. Это и есть, на мой взгляд, некрасовско-твардовское беспокойство, несуетность и ответственность.

Ляпина не заботит оригинальность. Проблемы, к которым он обращается в своем творчестве, печально известны многим, но необычна для наших дней интонация стихотворения, напоминающая во многом плач крестьянина по невозвратно уходящему:

Сколько смято-скомкано
В жизни на поверку...
Вот село Базоркино
Снится человеку.

Он стоит, подавленный,
Под осенним ветром.
— Где ты, дом, поставленный
Прадедом и дедом?

Близоруко щурится,
Ищет добрый признак,
А родная улица
Тает, словно призрак.

Кто подсчитает, сколько их, таких вот Базоркиных, разорено «успехами» коллективизаций и химизаций, «успехами» революций и перестроек, кто? Ослепшие в бездетности и глухоте, нищете и налоговом иге, глядят дома на заросшие бурьяном кладбища, на кресты, упирающиеся в небо обугленными планками, как инвалиды культями, в синее русское небо, будто вымершие вместе с теми, кто покинул жилище отцов, кто не смог уже сопротивляться режиму государственного уничтожения русских деревень. И, рисуя эту жуткую картину духовного и физического опустошения, Ляпин находит слова и краски, обманчивая простота которых заставляет сильнее биться сердце:

Только свет предания
Льется на округу.
Даже от названия
Ни следа, ни духу...

Но опустелые деревни и осиротевшие погосты не молчат, не бездействуют. Они карают нас неуступчивой тоской, погибающими родниками, засорившимися пастбищами и пашнями и, страшно сказать, — убыванием народа, вырождением его.

Есть в поэзии И. Ляпина редкое в наше время «пульсирование» народности, происходящее, наверное, из корневой, кровной осознанности поэтом того, что без родной земли нет гражданина, а значит, и песни настоящей нет:

Явен дух исповедальный,
Дух сомнений и тревог.
А давно ли, беспечальный,
Луч закатный, свет прощальный
Я в упор не видеть мог?

В стихах и поэмах Ляпина нет претензий к Господу, да и не были они приняты на Руси, а есть нормальное «обвыкшее» российское поведение человека. Теперь ведь мода — хлопать по плечу Бога, мол, да, я грешник, а теперь, видишь, бороду отпустил, в церковь забегаю...

Но Ляпин пишет о тех, кто гоним и мучим своей заботой, как великой заботой Бога. И в одном из лучших своих стихотворений «Поэты Родины моей» он скажет:

То грянул гром, то взвился смерч...
Но жили гордо, хоть и горько,
Не берегли себя нисколько
И не взывали уберечь.

...Теперь-то видится ясней
Их роковая обреченность,
Их страшная незащищенность
От негодяев всех мастей.

В свое время, демобилизовавшись из армии, Игорь Ляпин пришел в «Современник», где заведовал редакцией по работе с молодыми, потом — поэтической редакцией издательства. Ему не забыть, как громили «Современник». Громили за стремление поведать о русской боли, за попытку сказать о нищете жизни, наброшенной на Россию как сеть. Не дрогнул поэт. Не предал. Не поддался уговорам словчить, накляузничать, отречься от друзей, от коллектива, собранного и увлеченного правдой. Да ведь и не могло быть иначе. Потому что живет в Игоре Ляпине душа, которая способна вместить в себя и обиду черкесов, и боль ингушей, и трагедию украинцев...

На мой народ обрушилась беда.
Тот год, как черный призрак, навсегда,
Навеки в нашей памяти застыл,
Забыть его ни права нет, ни сил.
Не знает жизнь опасней ничего
Всевластья человека одного.

Это из перевода Игоря Ляпина стихов балкарского поэта Салеха Гуртуева, испытавшего на себе вместе со своим народом, что значит антинародный «гуманизм».

Но что творится сегодня? Из Казахстана бегут. Бегут из Литвы, Армении, из Молдавии. Из Южной Осетии бегут и из Тувы. Бегут русские. Бегут украинцы и белорусы...

Те «переселения» кровью устраивались, и эти — с кровью устраиваются. Стыдно в наше время быть «травоядным» поэтом, но ох как трудно быть поэтом измученной России. Трудно, если оторопела душа, осознавшая всю трагичность движения страны к провалу.

Натерпелись мы, настрадались. Глянешь за спину отцам и матерям, а там — подпоясанные фуфайки, залатанные полушубки, стоптанные валенки да мордовские лапти — и бетонные котлованы под мартены и домны, выбегающие из дощатых оград теплые первые тракторы, скорее похожие на испуганных муравьев, чем на машины...

Куда ни шагнешь — «героика будней», а за ней — тюремное окошко на Бутырках, залитые кровью соловецкие кельи, русские кости на Колыме, ждущие свидетелей их безвинности, их жертвенности, их безвестности.

И эти недремлющие обелиски! Невеста не созреет, не утерев слезы около них, парень не помудреет, не постояв у братской могилы. А что делать тем, чьи мужья, отцы бесследно исчезли в подвалах НКВД, пали под Сталинградом, погасли безымянно, как вещая искра — в бездне?.. Как мало в судьбе русских радости, но и за малую частицу ее «...платишь болью, горечью, тоской».

Чем нам внуков-то воспитывать? Лениным, Марксом, Революцией? Революцию топчут не меньше, чем она топтала. Ее расстрелы — обернулись пыткой души, пыткой совести, пыткой веры и

надежды. А ведь Революцию-то у нас, у дедов и прадедов наших, выбили из рук. Выбили свердловскими красными терророрами, продразверсткой и раскулачиваниями, ягодовскими казнями, хрущевскими химизациями, брежневскими оргиями. Ей подлецы стран и народов придали такие милые и знакомые черты, что она сделалась зобастее кагана: все забирая, от куриного яйца до рязанской картошки, все выдавливая — от силы и молодости до самоуважения. И все это преподнося со страниц газет и журналов как счастье свободы, как сплошную ангелизацию Союза!.. И Лейба Троцкий теперь чуть ли не миротворец! Тот Троцкий, который уничтожал народ в глубине России, а вместе со Свердловым — и на ее окраинах...

Так чем нам, сегодняшним отцам и дедам, учить и воспитывать в жизнь вступающих? Только болью сердца. Только болью души по ослепшим миллионам домов безбрежной нищей России, которые поджидают сгинувших в кровавых туманах революций сыновей и дочерей, отцов и матерей, дедов и бабушек...

Поэт, вслушивающийся в шорохи трав, в серебряные звоны хлебов, всматривающийся в наплывающие голубые туманы, в переливчатые дожди, — счастливый поэт: с ним рядом, вокруг него — природа. Но есть поэт, что трава вареная: ничего нет в его слове — ни цвета, ни запаха. Пустота. Но Игорю Ляпину, срывающему голос над бурьянными ямами, останками храмов, над кладбищами, затоптанными копытами, ему, ищущему «твердь», чтобы выдюжить в горе, травоядность чужда. Очень уж боль скорбящая. Горе большое. А горе нес кто? Кто из русских мог кинуться на спасение русских соборов? Кто бы защитил священника, ученого, книгописца — русского, да еще в России? Сколько изломано, исковеркано, перечеркнуто, отброшено, уничтожено, осмеяно. Где государственная мудрость, если:

...на вольной волжской шири,
Непонятно что творя,
Нас каких святынь лишили,
Сколько кладбищ затопили
Рукотворные моря!

Плещут волнами тугими,
Тень наводят на плетень.
Сколько там лежит под ними,
Прогрессивными такими,
Наших сел и деревень!

Брат брата погубил. Сестра сестру погубила. С царской семьей расправились, как пьяные кровью живодеры на скотном дворе. Затерзали народ непокоем и «как чумою страну заразили».

Но ведь вчера пели «Бежал бродяга с Сахалина» и «Славное море священный Байкал», изучали биографии каторжан, подпольщиков, заучивали поэмы о них, героях Революции — вчера. И говорю я это все потому, что хочу повернуть читателей Игоря Ляпина к больному часу дня — к сомнениям, к дискуссиям. Огульно отрицая Революцию, мы огульно отрицаем и страдание народа, той его части, что откликнулась на ее зов. Отрицая Революцию, мы не успеем понять ее ошибок, не сумеем

исправить их на нынешнем пути — пути «демократии и перестройки». И разве вчерашние партократы и новоиспеченные «демократы» не доказали нам за короткий срок их «госдеятельности», что и они не заговорены от промахов и жестокостей, которые обернулись для нас тяжкими испытаниями?

Трудно переживает Игорь Ляпин рыночную сумятицу в умах и в домах, нежданную разруху и без того весьма разболтанного нашего хозяйства, нашего напряженного многоликого национального содружества:

Словно выстрелы, строки приказа,
Эхо долгое, словно в горах.
И уходят ребята «спецназа»
В раскаленный враждой Карабах.

Бьет приказ по взводам и по ротам,
Потому что, как видим, пока
Пресловутая дружба народов
На поверку — не очень крепка.

Потому и в долинах Кавказа,
У дунайской и волжской волны
На бесстрашных мальчишек «спецназа»
Обращаются взоры страны.

От качания черных беретов
Строй их видится жестким, тугим.
Что напутано властью Советов,
Выпадает распутывать им.

«Напутано властью Советов»... В драматическом сочетании этих слов — боль поэта, его тоска по нравственности, изъезженной «спецволгами», загрязненной «спецпремиями», «спецдачами», «спецакадемиками», «спецвождями», что прячутся за красным неодолимым флагом Революции...

Игорь Ляпин не бьет себя в грудь, вот, мол, мы-то какие прорицатели и честняги: о Ленине — нет стихов, о партии и Революции — тоже нет, но есть о цензурной инквизиции, о подвальных садистах, о разжиревших аппаратчиках.

А вот у Твардовского есть стихи и поэма о Ленине, есть стихи и о Сталине, о партии, о колхозах, уничтоживших самый крестьянский корень. Но есть у Александра Трифоновича еще и «Василий Теркин», и «Дом у дороги», «Я убит подо Ржевом» есть.

С жизнью хитрить — воду бреднем ловить. С творчеством хитрить — с жизнью разминуться. Дореволюция — жизнь, и Послереволюция — жизнь. Там — люди, и здесь — люди. Забывать про это — наивность...

Можно и нужно, наверное, посоветовать Игорю Ляпину быть более требовательным к плотности «звука» рифм, к «расцветке» слова, пластичности и многозначности фразы, можно что-то и не принимать в его творчестве, отвергать. Но неправомерно не видеть в Ляпине крепкого национального поэта. Он — открыт, он весь — в своем времени. Радостно или тяжко ему, одиноко или прилюдно, поэт живет, работает. Язык его стихов — прямой, искренний, идущий от родных русских литературных традиций. И это — сегодня, когда так легко потонуть в телеэкранном распутстве, в бездуховном оре, однообразии мелькающих на сценах

бесполых типов, не имеющих ничего общего с обликом русского.

Русская музыка — попрана, русский театр — оккупировали торгаши, прессу — чужие для нас журналисты, предательски сыплющие зло на Россию с «забугорных» точек, а книги — в руках у спекулянтов. Русский народ, рассредоточенный по республикам, угнетен ненавистью к нему, сфабрикованной враждебной прессой, он возвращается, а куда? Ни один высокопоставленный чин не научился произносить «русский беженец» и ничем ему не помог.

Казалось, руководство страны, пришедшее от пашен и цехов, наконец-то заселит молодыми славянскими семьями центральную Россию, умирающую от бездарных речей и прений, «реконструкций» и повелительных рекомендаций. Зря казалось. Руководство занято Кувейтом, Бушем, занято «двадцать первым веком».

Так каким же должен быть ныне русский поэт? Не замечать разорения русской земли, не замечать вытеснения с нее русского народа? Да возможно ли поступиться честью и самим смыслом поэта, уйти в «нейтралитет» совести?

Нравственность Игоря Ляпина в упрямых поисках сути, в ноющих в сердце сомнениях — в этих вечных спутниках поэта, сына России:

Бог не мил нам и дьявол не страшен,
Красной тряпкой обвис транспарант.
В мире нашем, в отечестве нашем,
В душах наших — великий разлад.

Разделяясь на красных и белых
И сшибаясь — полки на полки,
Как мы в этих запутались бедах
И в какие зашли тупики!

Мы, отважившись строить коммуну,
Начинали с разора страны.
И построили склеп да трибуну
У священной Кремлевской стены.

У себя в стране — страх нас держит, сомнения держат. Сами бежим из республик. От нас бегут — в Израиль и в иные уголки мира с нашими бриллиантами и золотом. Раньше-то, в Революцию, — вези, неси, раздирай, продавай, до сих пор у русских душа холодеет.

Отстроим ли взорванные храмы? Соберем ли разворованное серебро, золото, иконы? Хаос купли и продажи носит все это по планете...

Просионистская пресса вопит: «Мозги утекают!» А что же им не течь, коль они решили, что в России неуютно и «голодно»? Создать условия им надо — еще теплее, еще сальнее, но за счет опять же русских, удмуртов, башкир. А у русских, удмуртов, башкир — мозгов нет? Около шести тысяч врачей-евреев сидят без работы в Иерусалиме, уехав из СССР. Надо взять их детей к нам и учить на врачей...

Русскую землю обиходить, русские ослепшие дома заселить русской молодостью — зачем? Детей русских в центре России родить и вырастить — зачем? Мозги вон текут, мозги! Мозги надо удерживать! И такое проповедуется, такое внушается нам, которые и лягут в родную русскую землю, утыканную и оплакан-

ную обелисками наших отцов и дедов, в землю — расстрелянных и уморенных в тюрьмах тружеников, в землю — срытых, стертых церквей и соборов, в землю, где «окопались» предатели и торгаши:

Рынок. Купля и продажа.
Крест воистину тяжел.
Но куда, скажите, дальше?
Сам застой всесильный даже
Дальше этого не шел.

Мы, русские литераторы, прозаики, поэты, критики, особенно — критики, «не посрамим» хроническую дурь: распри, как занозы, глубоко пронзают нас. Пусть — нет белых. Пусть — нет красных. Но сегодня — уйма «русофилов», «антисемитов», «партийных», «беспартийных», «пролетарских», «антипролетарских», «верующих», «антиверующих», «монархистов», «антимонархистов», и это мы — русские литераторы, грамотно и безграмотно укоряем друг друга, оспариваем, сметаем с авторитетных трибун, воюем. А против кого?

Вот — и Ляпин? Отец — партийным работником был, а он о храмах печется? Мы без него убережем. Мы — беспартийные, мы, «русское зарубежье» изучающие, мы! У нас — бороды кустятся. Креститься умеем. Помню, один известный критик, почти «философ» русский, ведя встречу поэтов, посвященную храму Христа Спасителя, допрашивал нас, каждого, когда написано то или иное прочитанное стихотворение о религии, о соборе, не сейчас ли, мол, не конъюнктура ли?

Критик удивлялся по-детски, обнаружив: стихи прочитанные сочинены еще двадцать и тридцать лет назад и напечатаны в те годы, когда он, «философ», хвалил «Коммунисты, вперед! Коммунисты, вперед!», а ныне он, критик, оплевывает эти строки. И следит за нами — не смухлевали бы мы в датах перед ним и перед Богом. Дескать, вы тут безбожники, нарушители, а мне, мол, за вами смотри да смотри! Молитва — всегда и всюду с поэтом. Даже — с Маяковским! Ни Пушкин, ни Некрасов, ни Блок, ни Есенин, ни Твардовский не гасили Бога в себе, хотя порой кто-то, те же Есенин или Твардовский, и отрицали его. Но они — выше собственных отрицаний, совесть так и не разрешила им отбиться от креста, от веры. А вера их — русское слово — во имя матери-России!

Вот и у Игоря Ляпина, поэта одновременно лирического и активно-гражданственного, голос нравственности, голос боли в творчестве и в судьбе:

Россия, милая, доколь
Ты будешь почвой благодатной
Для своры хищной и развратной,
Смакующей твою же боль?

И место этому голосу — среди родного народа, в центре России, ждущей заботы о детях, о домах, широкоглазо распахнутых для счастья.

●

*РОССИЯ: ПУТИ ОСМЫСЛЕНИЯ**

ДА ВОЗВЕЛИЧИТСЯ РОССИЯ

Сегодня наша армия, как известно, подвергается ожесточенным нападкам пацифистов. Положение дел не новое: так уже случалось в истории. Обычно пацифистской истерике предшествовали или годы политического застоя, или наши тяжелые поражения в войнах.

Одну из таких ситуаций очень точно воссоздал в своем новом романе «Честь имею» ** Валентин Пикуль, рассказав, как отреагировало «общество» на поражение русской армии в войне 1904—1905 годов: офицеров встретили презрением. Многие военные стыдились тогда носить мундир, стараясь в людных местах появляться только в штатском. Главный герой романа мучительно терзался сомнениями: «Не стала ли русская армия зеркалом того упадка, морального и политического, который разъедает нынешнюю Россию?» Вчерашний поручик корпуса пограничной стражи, он, собираясь поступать в Академию Генштаба, умом понимал, что без армии ни одно государство существовать просто не может. Но, с другой стороны, апеллировавшие к эмоциям петербургские приятели смущали его риторическими вопросами: «Так стоит ли тебе вставать под знамена, поруганные врагом и обесчещенные в народе?»

Непросто было поручику в этих обстоятельствах сделать свой выбор. Он знал о причинах поражения армии в войне с Японией и видел необходимость политических и военных реформ. А для этого нужны были совершенно новые кадры и формы управления армейским организмом. В то бурное время, вызванное поражением царизма на Дальнем Востоке, как считал герой Пикуля, «для патриотов все наше прошлое, все настоящее и все

---

* Продолжаем публикацию серии материалов под общим названием «Россия: пути осмысления», начатую в № 8 «МГ» с. г.

** Пикуль В. Честь имею. Исповедь офицера российского Генштаба. Роман, М., Современник, 1989.

будущее воплотилось в одном великом и всеобъемлющем слове — Россия!». Это и определило его выбор — служение России.

К проблемам офицерского долга, армейской и флотской чести Валентин Пикуль обращался и в прежних романах.

Новый роман не просто развивает и углубляет любимую тему писателя. Он и построен во многом на новом для Пикуля материале, связанном с рождением и становлением русской контрразведки. Здесь, безусловно, трудно было удержаться от детективного сюжета. Но уже сама задача — раскрыть истоки и существо характера русского офицера — требовала отказа от дешевой занимательности. Пикуль сознательно сузил все эпизоды, касающиеся «черновой работы» разведчика, до минимума, написав их в излишне суховатой манере. Писателю важно было другое — дать военно-политическую картину первых десятилетий нашего века и отразить роль разведки в упрочении мира.

Сам роман написан в форме исповеди офицера российского Генерального штаба, который в силу обстоятельств даже под конец жизни не мог раскрыть своего имени. Но эта исповедь имеет свои временные измерения. Воспоминаниям о революционном прошлом, о том, как происходило становление офицерского характера и военной карьеры, предшествуют записи более поздних лет. Прием этот использован автором отнюдь не для того, чтобы с позиций уже нашего времени внести какие-либо поправки в оценки далеких событий. Все военно-политические комментарии Пикуль постарался вместить в свои постскриптумы к каждой главе. Цель чередования записей, полагаю, в другом — подчеркнуть преемственность лучших качеств русского офицера. Недаром герой писателя, приняв в семнадцатом году после долгих сомнений и раздумий сторону Советской власти, не стал отказываться ни от своих манер, ни от прежнего понимания служения Родине. Его отталкивали недисциплинированность некоторых руководителей новой власти и пренебрежительное отношение к истории и культуре родного народа. Но он понимал, что надо, отобрав все лучшее из старой русской армии, возрождать дух патриотизма и создавать новый армейский организм. Его сподвижник по Генштабу дореволюционных лет Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич считал: «Пока существует система государственного устройства, до тех пор будет необходима система оборонительная и охранительная».

Сама же биография офицера Генштаба развернута на фоне событий рубежа XIX—XX веков. Через восприятие своего героя писатель попытался отразить истинные причины возникновения первой мировой войны и осветить многие ее запутанные страницы, воскреся, например, правду о гибели армии Самсонова. Хотя с художественной точки зрения это не во всем, надо признать, ему удалось. Временами автор настолько оказывается увлеченным подробным и детальным описанием тех или иных событий, что надолго забывает о своем герое, а многостраничные исторические справки лишают произведение необходимой динамики. Думаю, это оттого, что писатель во многом отталкивался не от человеческих судеб, а от конкретных исторических фактов. Но такой прием таит немало опасностей. Что мало или плохо известно сегодня, завтра может получить широкое освещение в научных монографиях и учебниках. И если сейчас, в силу скверности общей нашей исторической подготовки, исторические ро-

маны воспринимаются прежде всего как учебники, то завтра они не будут читаться как справочники, к ним начнут относиться главным образом как к художественным произведениям. Пока еще вызывающие интерес эпизоды-«справки», главная цель которых заключена в просветительстве, после широкой публикации источников могут произвести отталкивающее впечатление.

К счастью, роман Пикуля увлекает прежде всего необычной судьбой своего безвестного героя, ставшего генералом как дореволюционной, так и Советской армий.

Автор достаточно полно раскрыл свое понимание офицерского характера и офицерской чести. Герой, от лица которого ведется повествование, — это интеллектуал, лучшие качества которого сформировались задолго до поступления в Академию.

Основы личности закладывались в семье и в какой-то степени в гимназии; именно семья прежде всего формировала интерес к прошлому своего рода и всей страны, пробуждала патриотические чувства, воспитывала уважительное отношение к армии. Академия с ее суровыми порядками только расширяла и углубляла кругозор офицеров, требуя во всем основательности и умения принимать самостоятельные решения.

Парадокс судьбы героя Пикуля в том, что по своему профилю он оказался похож на Наполеона, но характером резко от него отличался: «двойник» Наполеона, дав согласие служить в разведке, сразу обрекал себя на безвестность. Они расходились и в понимании офицерской чести. Герой Пикуля служил не ради почестей — ради Отечества. Через многие годы, задумав написать свою исповедь, он скажет: «Но пусть мое имя останется неизвестным в народе. Очевидно, так надо. Мы едим хлеб насущный, никогда не спрашивая: кто этот хлеб посеял, кто собрал его с наших полей?» В этом характерное проявление жертвенности российского офицера.

Да возвеличится Россия,
Да сгинут наши имена! —

таков был девиз офицера российского Генштаба.

И если Наполеон стремился к развязыванию новых войн, то герой романа «Честь имею» как разведчик видел свою цель в предотвращении возникновения вооруженных конфликтов.

Гордость за свой род отличает героя романа «Честь имею». Не открывая своего имени, он признается, что его фамилия есть в знаменитой «Бархатной книге», изданной Н. И. Новиковым в конце XVIII века, а род его числится от самого Рюрика.

Так вышло, что в самом герое слились воедино кровь русского и сербского народов. Но он никогда этого не стыдился. «Я всегда был горд за своих родичей, — признавался он. — Первые песни, которые я слышал, были «лазарицы» матери, в которых не слышалось слов о любви и радости, зато всегда воспевались народные герои, павшие в битвах». Поражение сербов на Косовом поле в конце XIV века было так же близко его сердцу, как и победа русичей на поле Куликовом. Не случайно герой Пикуля постоянно видел себя на Балканах. Но не праздным туристом и не указчиком, как кому жить. В его мечтах с юных лет было заложено стремление к славянскому союзу, к единству всех славян.

Здесь надо заметить, что почти весь роман «Честь имею» построен на сопоставлениях германофильских идей и размышлений о судьбах славянства. Это проявляется и в камерных сценах, рисующих домашние споры между главным героем романа и его отцом — потомственным русским дворянином-германофилом. Это отражается и в батальных сценах. Это видно и по описаниям работы генштабистов. Но ключом к пониманию сути этих сопоставлений является тот эпизод из исповеди героя, в котором он вспоминает себя в роли агента разведки российского Генштаба в Германии. «Здесь я должен сознаться, что никакой вражды к немцам как людям никогда не испытывал. Мало того, мне часто приходили в голову слова Руссо: «Война не есть отношение человека к человеку, а лишь отношение государства к государству. Государство не может иметь врагами отдельных лиц, а только само государство же!» Живя среди немцев, сам выдавая себя за немца, я не ненавидел их, а лишь боролся с немецким государством, в потаенных недрах которого уже вызревали опасные бациллы будущих войн с их опасной доктриной молниеносных «блицкригов».

Впрочем, автор отнюдь не идеализирует отношения и в славянском мире. Междоусобицы мешали, например, сплочению народов Сербии, Боснии, Герцеговины, Хорватии, Словении, Черногории и других славянских территорий и созданию обширного государства славян, каким позже стала Югославия. Борьба за самостоятельность славянских народов отягощалась непомерными амбициями различных группировок. Не случайно патриотическая организация сербов «Черная рука», во главе которой стояла такая сложная и противоречивая фигура, как Апис, скатилась на определенном этапе к покушениям, дав серьезные основания для создания из своих же рядов прямо противоположного движения «Белая рука».

Не случайно в романе многие события отражены с разных точек зрения. Автор дает слово и выразителям славянских интересов, и их противникам. Различные мнения сопоставляет и герой писателя. Это не просто его профессиональный интерес. Уже во время Великой Отечественной войны, по роду службы столкнувшись с пленным немецким военачальником Паулюсом, он скажет: «Кто забывает прошлое, тот остается без будущего. Наконец... если на войну смотреть лишь своими глазами, получим любительскую фотографию, но, глянув на войну глазами противника, мы получим отличный рентгеновский снимок».

Первая мировая война заставила все партии и общественные формирования переосмыслить свои взгляды на будущее мира. Стало ясно: без единства внутри нации прочный мир невозможен, что позже подтвердила, кстати, и вторая мировая война. Это и определило путь героя. «Я всегда был очень далек от политики, — признавался он под закат своей военной карьеры, — не вникал в социальные распри, не уповал на грядущее благо революции, но, смею думать, что именно любовь к Отчизне и к справедливости ее народных заветов повела меня туда, где я должен быть, и не кому-нибудь, а именно мне, бездомному бродяге, пусть выпадет то, что я обязан принять с чистым сердцем...»

Вячеслав **ОГРЫЗКО**

С ТАКИМ НАРОДОМ ВЕЧНО БЫТЬ РОССИИ

«Потрясение» * — вторая историческая драма Анатолия Парпары. В ней, как и в первом произведении из этого цикла, «Противоборстве», поэт обращается к одному из ключевых моментов нашей истории, стремится осмыслить процесс становления, мужания русского народа в условиях, требующих от него наивысшего напряжения.

Смутное время. Смоленск. Октябрь 1610 года. Тринадцатый месяц осады.

Сыны лихие Речи Посполитой,
Казаки запорожские, литва,
Французы, англичане, немцы,
венгры...
...В единый лагерь вражеский
сошлись.

Смоленский дворянин Надея Гусаков, проникший в родной город через подземный ход, узнает, что все, кто способен держать в руках оружие, вышли на крепостные стены, что в Смоленске уже полгода нет соли, что свирепствует голод, косит людей цинга, что «по сотне в день и больше мрут смоляне». Но, прибыв из Москвы, знает он и другое: из Калуги угрожает столице Лжедмитрий Второй; стремится к восстановлению царственного положения Марина Мнишек; из Крыма совершают набеги на русские города и села Кантемир-мурза и Джанибек; умер (по версии народа, отравлен по царскому наущению) талантливый воевода Михаил Скопин-Шуйский; Дмитрий Шуйский, имея почти пятикратный перевес сил, потерпел под Клушино поражение от гетмана Жолкевского, который, укрепив свою армию наемниками, незамедлительно двинулся к столице; царь Василий Шуйский низложен и пострижен в монахи.

Несчастная Россия, как овчарня,
Которую терзали злые волки,
А защитить бессилен был пастух.

Семибоярщина. Сложное, тяжкое время. Экономика страны истощена до предела. Россия изнурена двадцатилетней войной с Ливонией и внутренними противоречиями. Смуты, смуты, смуты...

Холопы
Стать господами жаждут.
А казаки
Боярствовать желают. А бояре
Примеривают шапку Мономаха,
Отталкивая друга и топя.

Правительство во главе с князем Мстиславским, напуганное недавним восстанием под предводительством Ивана Болотникова и вылазками «тушинского вора», изменяет Родине. Оно прися-

---

* Парпара А. Потрясение. М., Военное издательство, 1989.

гает польскому королевичу Владиславу, впускает в Москву интервентов, рассылает по городам грамоты с извещением об «избрании на русский престол сына польского короля», утверждает указ о сдаче Смоленска королю Сигизмунду Третьему. Страна на грани закабаления.

И когда правительство обнаружило свое полное банкротство, свою безнравственность и трусость, в момент величайшего исторического потрясения на передний план выходит главное действующее лицо истории — народ.

Не случайно автор сразу же после завязки выводит колоритную фигуру крестьянина Боженко Краснова. Именно Боженко (и таким, как он) придется принять на себя основной груз борьбы с иноземцами. Краснов наблюдателен, остер на ум, смел. Его речь образна, афористична, насыщена пословицами и поговорками. Потерявший всех своих родственников Боженко не собирается склонять голову перед врагом, готов защищать родную землю до смертного конца.

Выразителем общенародных интересов выступает организатор второго народного ополчения посадский человек Кузьма Минин. В тяжелейшую для родины годину он, говоря словами Пожарского:

...сумел начать великий подвиг,
Сумел продолжить, и в сердца людей,
То убежденьем ярким, то примером
Святого бескорыстия вложил
Надежду на счастливую победу.

Неспокойно на душе земского старосты. Не может он быть спокоен, когда Отечество в таком бедственном положении. «Что делать? Вокруг кого сплотиться? Кто избавит от стольких бед?» — терзают его вопросы. Нет покоя Кузьме и по ночам. Плохо спит, ворочается во сне, все зовет кого-то. Трижды уже являлся ему во сне Святой Сергий — так говорит предание — с призывом «возбудити спящих», поднять людей на борьбу против иноверцев. После долгих и трудных раздумий Минин приходит к выводу, что в борьбе с врагами надо опираться не на бояр и воевод, которые «привыкли в пожаре бед народных руки греть», а на простых людей, более отзывчивых и способных быстрей понять нужды родной земли. Именно они, «черные младые люди должны о государстве порадеть».

Исследуя истоки высокой нравственности народа, его героизма, любви к Отечеству, поэт подчеркивает, что они не возникают на пустом месте, а имеют глубокие исторические корни. Из рассказа Надеи Гусакова мы узнаем, что прапрадед его, человек гордый и свободолюбивый, был отважным защитником земли родимой при Иване Третьем. Дед Надеи за доблестную службу Василию Третьему получил дворянское звание. И сам Гусаков, как мы видим, достоин своих предков. Глубинная связь настоящего с прошлым просматривается и в речи старика, отдавшего на создание ополчения последние пять рублей, которые они со старухой копили в течение долгого времени, мечтая купить лошадь. Старик говорит Минину, что дед его «помог еще в народном ополченье Ивану Третьему».

Образам представителей народа противопоставляются обра-

зы врагов. Многотысячная армия иноземцев и их прислужников не обременяет себя какими бы то ни было моральными нормами. Захватчики убивают, грабят, бесчинствуют, проигрывают в карты русских детей, «дворянских дочек требуют в постель», глумятся над национальными святынями.

Один из главных персонажей, выражающих психологию интервентов, — польский король Сигизмунд Третий. Он долго готовился к этой войне: наблюдал, изучал, взвешивал складывающуюся в России обстановку, всячески старался поддержать разыгравшуюся в ней смуту. Выбрав для вторжения, как ему казалось, самый благоприятный момент, король ринулся на ослабленную Русь в надежде на скорую и бескровную победу. Но не хочет сдаваться Смоленск. Не желает воевода Шеин признавать Сигизмунда своим повелителем. А пока Смоленск стоит, ему, великому князю Великого княжества Литовского и королю Польши,

Придется мокнуть, мерзнуть и не мыслить,
Как подойти с осадою к Москве.

Все учел Сигизмунд перед войной: и ослабленную экономику, и разброд в правительстве, и брожение в низах. Одного не сумел учесть — мужества русского народа, его решимости драться до последнего.

Безнравственная позиция захватчиков достаточно полно выражается в драме репликой полковника Гонсевского:

Когда хотят по правде, не зовут
Полки чужие на свою столицу.

Он согласен, что ворвавшиеся в Москву полки ведут себя безобразно. Но победителей не судят. Правда, сам Гонсевский не совсем руководствуется этим принципом. Не судят-то не судят, но кто их знает, что у этих «варваров» на уме? Поэтому хитрит полковник, не лезет на рожон без необходимости, ждет момента, когда обстоятельства сложатся в его пользу и можно будет захватить власть в свои руки. А пока приходится учитывать обстановку. И Гонсевский терпит чопорность Мстиславского, выслушивает дерзкие речи Голицына, выдает «схизматикам» переусердствовавшего в утверждении католической веры польского офицера. Ну да ничего, придет еще его время, придет...

Автор изображает войну не только как столкновение армий, но и как противоборство идеологий, одна из которых зиждется на мирном труде, любви к родной земле, народной морали, другая — на хищничестве, ненависти не только к врагам, но и к союзникам, на безнравственности. Идеология «тех, кто веками хотели насиловать, жечь и топтать», жива и поныне. Мало того, она дает новые ядовитые всходы. А. Парпара в очередной раз показывает читателям всю ее неприглядность. Философско-историческое противопоставление этих двух сил в драме представляется и актуальным, и закономерным.

Моменты истории, подобные изображенным в драме, как правило, ставят людей в условия жестокого выбора: либо сражаться за Отечество, либо становиться предателем. Третьего не дано.

Те, кто старается уйти от этой альтернативы, отсидеться, не примыкая ни к какому лагерю, фактически становятся на путь измены, так как в случае победы врага потенциально — добровольно или под принуждением — уже готовы служить ему. Для большинства выходцев из народа позиция защитников родины является сама собой разумеющейся. Она впитана с молоком матери, взращена трудовым образом жизни, освящена потом и кровью, которыми полита родная земля. Для имущих же слоев проблема выбора встает во всей своей остроте. Вопрос заключается в том, что возьмет верх во внутренней борьбе: любовь к родине или своекорыстный интерес? Те, у кого чувство Отечества достаточно сильно, делают выбор без колебаний — быть с народом. Их не своротишь с избранного пути ни обильными посулами, ни подношениями, ни угрозами и притеснениями. Они предпочитают думать не о себе лично, а «о том, как землю русскую спасти». Так поступают Луговской, Голицын, Гермоген. Но, по выражению Льва Сапеги: «Увы, не каждый позволить может груз такой нести, как честь своя». Не под силу этот груз атаману Заруцкому, который мечется из стана в стан, выбирая, где можно урвать кусок пожирней. Не совладал с ним и Андрей Дедишин, пытающийся представить мужество смолян как безумство, а по сути оправдывающий свое предательство. Мешает честь Сукину с Сыдавным, свернувшим на путь измены. Не говоря уже о боярах Мстиславском и Салтыкове, для которых понятие чести просто звук пустой.

К счастью, не Салтыковы и Дедишины определяют ход истории, а такие, как Минин, Краснов, Гусаков, Пожарский, Иван и Завьялка Даниловы, сильные своей нравственностью, правотой своего дела, беспредельной любовью к земле родной, отвагой, милосердием к побежденным. И поэтому,

Какие бы зловредные витии
О пагубе земли ни голосили,
С таким народом вечно быть России,
И не в бессилии, а в доброй силе.

Увлекательный сюжет с первой же картины берет нас в плен и не отпускает до финальной сцены. Но самое главное, произведение заставляет задуматься о дне сегодняшнем, о нашем месте в делах своей Отчизны, о том, всегда ли мы поступаем так, как требует этого наша совесть.

Александр КОЖЕМЯКИН

НА ПУТИ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ

Нормальное течение жизни нашего государства находится в прямой зависимости от состояния межнациональных отношений, от духовно-нравственного здоровья каждого народа, составляющего СССР. Русская нация в силу своего исторического развития играет в этом процессе особую роль, составляя консолидирующее, цементирующее ядро исторической общности, которая сегодня именуется Советским Союзом. Оттого, сумеет ли она и дальше выполнять эту роль, зависит судьба нашего государства, да и в значительной степени судьба всей мировой цивилизации.

Ибо распадение нашей исторической общности, занимающей шестую часть земного шара, на многие десятилетия станет источником нестабильности и напряженности.

Опасность, которая угрожает Советскому Союзу и всему миру в результате ослабления русской нации, стимулируется мутной волной махровой русофобии, которой сегодня больны многие деятели науки и культуры как за рубежом, так и в нашей стране. Профессиональный хулитель исторического прошлого России, бывший ее гражданин, бывший член КПСС и бывший сотрудник журнала «Молодой коммунист», а ныне житель Нью-Йорка А. Янов уже много лет «успешно разрабатывает» концепцию неспособности России к самостоятельному развитию. В книге «Русская идея и 2000 год» (Нью-Йорк. Изд-во «Свобода», 1988), а также в своих лекциях, которые он в конце 1989 года прочитал в Москве, русская история представлена им как ряд безнадежных попыток «прорыва» к западной цивилизации, постоянно останавливаемых реакционным, черносотенным движением, в результате чего Россия до сих пор по его представлению остается «страной средневековья». Постоянно отмечая отсталость и неразвитость России, Янов сетует на то, что все попытки вмешательства извне, военные и экономические, до сих пор были безуспешны, однако считает, что в благоприятных международных условиях можно произвести в России коренные реформы в сотрудничестве с интернациональным сообществом и осуществить прорыв в европейскую цивилизацию.

А до тех пор нашему народу надо ждать и надеяться на помощь Запада, и чтобы не терять времени даром, выявлять и разоблачать сторонников реакционных, черносотенных сил, мешающих стране приобщиться к цивилизованному миру.

Книга Янова пронизана ненавистью к нашей стране, ко всему русскому, непониманием реальных исторических процессов, тенденциозным, антиисторическим подходом.

Впрочем, о книге Янова и упоминать не стоило, если бы идеи, представленные в ней, не являли собой модель антирусского мировоззрения, которым сегодня пронизаны некоторые писатели и публицисты, от Евтушенко и Коротича до Селюнина и Окуджавы.

В этих условиях весьма своевременно появление книги * доктора философских наук Троицкого Е. С., позволяющей читателю самому разобраться в очень сложном вопросе, жизненно касающемся каждого из нас и не получившем до сих пор должного внимания. Проблемы национального развития и национального сознания русского народа в советской литературе практически не поднимались.

Е. Троицкий убедительно показывает динамичность развития России. Отвергает нелепый миф о застойном характере русской истории, рисует могучий национальный потенциал русского народа. Россия, принявшая на себя удар варварских полчищ Орды, защитившая Запад от невиданного разгрома, сумела в те далекие времена построить и развить могучую государственность, объединить под своим крылом десятки народов, создать искусство, литературу, науку всемирного значения, ибо ценности,

* Троицкий Е. Русская нация: социалистическое преобразование и обновление. Социально-философские очерки. М., Советская Россия, 1989.

развитые в них, стали достоянием всего человечества. Что же это, если не развитие?

Троицкий подчеркивает значение исторической памяти России, истоки и корни русской нации. Вместе с тем он справедливо отмечает, что нация — это не только социально-экономическая, но также и природная категория. Опыт истории и современности подтвердил мысль о единстве нации с биосферой, что в наши дни проявляется в воздействии экономической ситуации на развитие национального самосознания. Ухудшение состояния окружающей среды подчас серьезно возбуждает в людях национальные чувства. Новый подъем самосознания и активности русской нации, по мнению автора книги, должен быть максимально целеустремленным, преобразующим и созидательным, преисполненным доброделания для России и всех ее народов. Ведь из истории мы знаем, что было немало случаев, когда энергия этносов растрачивалась на достижение иллюзорных целей, пагубных для ее носителей.

Автор решительно опровергает нелепые байки об отсутствии демократических традиций в русской нации. На убедительных исторических примерах он показывает, что Россия имела свою самобытную модель демократии. Вечевые, общинные принципы человеческих отношений пронизывают русскую жизнь. Русская община обладала такой суммой прав (самоуправление, выборы руководителей, гласное решение дел на сходке, совместное владение землей), какая и не снилась западноевропейскому обществу. Утверждения русофобов о жестокости российского государства, о государственном терроризме развеиваются в прах приводимыми Троицким данными. За 175 лет (в XVIII и XIX веках) в России по политическим мотивам было казнено всего 56 человек, в то время как в Западной Европе за этот период политические казни исчислялись многими десятками тысяч.

Определенным недостатком книги является попытка автора все многообразие национальной жизни ввести в прокрустово ложе «марксистской теории», учения, рожденного на другой национальной почве, навязывание которого принесло нам столько бед и трагедий. Особенно неубедительны рассуждения ученого о русской капиталистической и русской социалистической нациях. Приводимый самим же автором материал показывает, что нет наций социалистической и капиталистической, а существует одна русская нация, так же как не существует культур буржуазной и пролетарской, а есть одна национальная культура. Этот недостаток является результатом социальной инерции, которую сегодня испытывают многие ученые-обществоведы. Все мы еще, наверное, долго будем мыслить стереотипами уходящей эпохи. Главное — чтобы не сбиться с пути. Наша цель — национальное возрождение, и книга Троицкого — шаг вперед в этом направлении. У нас есть все для нашего возрождения. Мы обладаем огромными природными богатствами, мощной промышленностью, развитой фундаментальной наукой, великим культурным наследием, могучими вооруженными силами. А разве можно забыть о великой силе нашего национального характера, его неотъемлемых качествах — самостоятельности, предприимчивости, инициативе, несгибаемости и воле к победе, — которые всегда проявлял русский народ в годину тяжелых испытаний!

О. ПЛАТОНОВ

МЕСЯЦ НОЯБРЬ

1

Св. праведного Иоанна Кронштадтского чудотворца.

2

Дмитриевская суббота. Поминовение православных воинов, на поле брани убиенных за Веру, Царя и Отечество.

1853: манифест о войне с Турцией. Подталкиваемая Англией и Францией, гарантировавшими ненаказуемость, Турция стала действовать вызывающе. Начала стеснять православное богослужение у Гроба Господня в Иерусалиме в пользу католиков, отнимая этим право, завоеванное русскими.

1894: кончина Александра III на 13-м году его царствования в Ливадийском дворце в присутствии цесаревича (Николая Александровича) и отца Иоанна Кронштадтского. Незадолго до того государь сказал сыну: «У России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн!» Весть о кончине мощного и правдивого стража мира разнеслась по планете, везде встретив отзыв искреннего сожаления. По всей Франции были спущены флаги в знак национального траура. Премьер-министр враждебной Англии Солсбери публично заявил: «Александр III много раз спасал Европу от ужасов войны. По его деяниям должны учиться государи Европы, как управлять своими народами». К имени скончавшегося государя всеми единодушно присоединено звание «Миротворца».

3

1894: восшествие на престол царя-мученика Николая II.

4

Празднование Казанской Божией Матери (в память избавления Москвы и России от иноплеменных в 1612 году). Крестный ход в Москве в Казанском соборе, установлен царем Михаилом Феодоровичем.

1794: родился Михаил Яковлевич Диев, протоиерей, известный археолог и историк.

1891: скончался архимандрит русской миссии в Иерусалиме, а затем настоятель сначала Воскресенского монастыря, затем Троице-Сергиевой лавры Леонид (Лев Александрович Кавелин). Составил важнейшие описания рукописей и редких книг, автор многочисленных крупных трудов. Родился в 1822 году.

5

1582: Победа русского оружия, возглавляемого атаманом Ермаком Тимофеевичем. Освоение Сибири.

1721: Сенат поднес Петру I титул «императора, отца и Великого».

6

1688: празднество образу Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость».

1794: штурм Праги, предместья Варшавы, русскими войсками под водительством Суворова, в ходе войны против Польши. Штурм вышел кровавый: солдаты были озлоблены резней в Варшаве, когда поляки перерезали до 3 тысяч человек, в том числе целый батальон безоружный (прямо в церкви, во время приготовения к принятию св. Тайн).

7

1917: последнее Пленение Руси иноплеменными. Память всех, кто положил жизни за Веру, Царя и Отечество.

8

1612: взятие Московского Кремля (вторым) ополчением — Минина и Пожарского.

1753: в семье «галерного флота трубачевского мастера» родился Михаил Иванович Козловский, профессор скульптуры.

9

1114: скончался преподобный Нестор-летописец.

1905, указ о выходе крестьян из общины, начало Николаевской (Столыпинской) аграрной реформы.

10

1709: 58-ми лет от роду скончался святой Дмитрий, митрополит Ростовский. Он родился в декабре 1651 года под Киевом. Пострижен в 1668 году. Автор «Великой Четьи-Минеи».

1917: в № 1 «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» опубликовано следующее: «Всероссийский съезд Советов постановил: восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется. 8 января 1918 года в объявлении Совета Народных Комиссаров говорилось о «создании батальонов для рытья окопов из состава буржуазного класса мужчин и женщин». «Сопротивляющихся расстреливать... контрреволюционных агитаторов расстреливать на месте преступления».

12

1838: открытие железной дороги Петербург — Павловск — Царское Село, первой в России. В первые дни даром возили. Некто Куприян Зиновьевич ехал в числе первых, «весьма скоро, и народ перепуган был».

1821: в Москве в семье врача Мариинской больницы для бедных родился Федор Михайлович Достоевский.

13

1834: в Санкт-Петербурге родился Александр Порфирьевич Бородин, композитор, профессор химии, академик военно-медицинской академии, доктор медицины, происходивший из рода кня-

вей Имеретинских. Автор оперы «Князь Игорь». Умер 15 февраля 1887 года.

14

1761: письмо Ломоносова «О размножении и сохранении русского народа», в котором говорится об уменьшении смертности малых детей, воспитании различных докторов, устроении аптек, издании общедоступного лечебника, уничтожении излишества в пище и питье по праздникам, искоренении случаев насильственной смерти, драк, разбоев...

1851: открытие железнодорожного движения между Петербургом и Москвой (с 1855 года, после кончины Николая I — «Николаевская железная дорога»).

16

1112: скончалась великая княгиня Анна Всеволодовна, инокиня, дочь князя Всеволода Ярославича (в летописях Янка), сестра Владимира Мономаха. Устроительница первого в Европе женского училища, в которое, «обравше девиц, обучала их писанию, також ремеслам, пению и швению».

1788: родился Михаил Петрович Лазарев, русский адмирал, генерал-адъютант.

1890: скончался Никита Иванович Зуев, картограф и писатель, действительный статский советник. Автор множества учебных руководств и пособий по истории и географии. Автор капитального труда «Изображение главнейших и наиболее употребляемых штандартов, флагов, вымпелов и кокард всех государств в 5 частях света» (СПб., 1854), а также «Учебного атласа Российской империи», многих картографических, географических и исторических трудов. Человек добрый и доверчивый, он многое делал на свой счет и не выходил из долгов. Родился в 1823 году.

18

1470: преставление святого Ионы, архиепископа Новгородского (с 1458-го). Устраивал приюты для вдовых и сирых, заступался за новгородцев перед Иоанном III, прославился по случаю прекращения моровой язвы в 1466 году.

1693: родился Иван Иванович Неплюев, дипломат, устроитель Оренбургского края. В 1737—1739 годах вел переговоры с Турцией (Белградский мир); при Елизавете наместник кочевников, устроил быт поселенцев и казаков, открыл до 40 заводов. Управлял Петербургом в начале царствования Екатерины II.

1757: указ императрицы Елизаветы Петровны об основании Академии художеств.

1804: основание Харьковского и Казанского университетов.

1853: пал в бою лейтенант Григорий Иванович Железнов, 31 году от роду. Сподвижник адмирала Корнилова, адъютант его перед Синопским сражением. Сослуживцы открыто заявляли, что гордятся тем, что он им товарищ, человек скромный и бескорыстный. В рескрипте адмирала Корнилова по поводу гибели Железнова сказано: «Я приказал внести имя лейтенанта Железнова на мраморную доску в церкви моего кадетского корпуса, дабы морские офицеры наши с детства привыкали произносить оное с уважением».

19

1192; преподобного Варлаама Хутынского — сына богатого новгородца, жил отшельником на холме Хутынь, в 10 верстах от Новгорода, и основал здесь монастырь.

1567: преставление св. Германа, архиепископа Казанского. В 1566 году Иоанн Грозный вызвал его в Москву для посвящения в митрополиты, но Герман потребовал отмены опричнины и был изгнан.

1796: кончина императрицы Екатерины II. Воцарение 42-летнего Павла I.

21

Собор Архистратига Михаила и прочих Небесных Сил Бесплотных. Праздник Христова Воинства — покровителей русских патриотов (черносотников) и всех верно стоящих за Веру, Царя и Отечество.

1568: свержение митрополита Филиппа. Ссылка его в тверской Отрочь-монастырь. Убит в 1569 году Малютой Скуратовым.

1740: свержение Бирона и провозглашение регентшей Анны Леопольдовны. Бирон не управлял государством, а разорял страну в своих личных выгодах.

1770: родился Иван (Адам) Федорович Крузенштерн, адмирал, первый русский кругосветный мореплаватель, ученый, писатель.

22

Иконы Божией Матери, именуемой «Скоропослушница».

1625: преставился Зосима, игумен Унженский, Костромской епархии. За 12 лет (с 1613-го) «неславную и немногочисленную обитель» обратил в богатую и многолюдную. Многие угодья освободил от оброков, а монастырских крестьян — от подсудности местным воеводам.

23

1801: в Луганске Славяносербского уезда Екатеринославской губернии родился Владимир Иванович Даль — этнограф, лексикограф и писатель.

Будучи лютеранином, Даль к концу жизни пришел к заключению, что «лютеранство дальше всех забрело в дичь и глушь», и нашел для себя успокоение в учении и предании восточной церкви: осенью 1871 года он принял православие. Скончался 22 сентября 1872 года.

24

1434: святого и блаженного Максима, Христа ради юродивого, Московского чудотворца. В Москве церковь на Варварке, где и останки тела его находятся; возобновлена царицей Натальей Кирилловной.

1768: родился Виктор Павлович Кочубей, князь, дипломат, министр внутренних дел до 1812 и после 1819 года.

Составитель положения для эстляндских и лифляндских крестьян. Умер в 1834 году. Племянник канцлера Безбородко.

25

Иконы Божией Матери, именуемой «Милостивая».

1472: брак Ивана III с греческой царевной Софьей Палеолог. Константинополь пал в 1453 году. Иваном III был воспринят герб — символ верховной власти: двуглавый орел, впервые по-

явившийся в таком качестве в древней Мидии, затем бывший в Римской империи символом единства государства в эпоху разделения империи.

1891: скончался Константин Николаевич Леонтьев, великий русский философ, публицист. Родился 13 января 1831 года в селе Кудинове Мещовского уезда Калужской губернии, происходил из старинного дворянского рода Леонтьевых-Карабановых. Ему свойствен был дух аскетизма и героизма. «Мы прожили много, — писал он, — сотворили мало и стоим у какого-то страшного предела». Культурно-политический идеал свой Леонтьев выразил так: «Государство должно быть пестро, иногда и до свирепости; церковь должна быть независимее нынешней, иерархи должны быть смелее, властнее, сосредоточеннее; быт должен быть поэтичен, разнообразен в национальном, обособленном от Запада единстве, законы, принципы власти должны быть строже, люди должны стараться быть лично добрее — одно уравновесит другое; наука должна развиваться в духе глубокого презрения к своей пользе».

26

1730: в Москве в семье поручика лейб-гвардии Преображенского полка Василия Суворова родился сын Александр.

27

1263: кончина Александра Невского, 43-х лет, на обратном пути из Орды в Городце (Нижегородской губернии). Перед смертью князь принял схиму.

1894: бракосочетание государя-императора Николая II Александровича и государыни-императрицы Александры Феодоровны, умученных «от иудей и безбожников» в 1918 году.

28

Начало Рождественского поста.

1794: память преподобного Паисия Величковского. Он был собирателем и переводчиком на русский и другие языки святоотческих творений, результатом чего явилось изданное в России в 1793 году «Добротолюбие».

1860: пекинский договор с Китаем и окончательное присоединение Уссурийского края к России.

29

1884: умер Александр Никифорович Зырянов, писатель-самоучка из села, историк, географ. Автор десятков работ. Родился в 1830 году. В 50-х годах записывал народные песни и сказки, часть которых вошла в оба тома «Народных русских сказок» Афанасьева — «пермская» часть.

1907: речь Столыпина в III Государственной думе. Вот фрагменты ее: «Только то Правительство имеет право на существование, которое обладает зрелой государственной мыслью и твердой государственной волей... Когда дело идет о спасении Родины, тогда приходится прибегать к таким мерам, которые не входят в обиход жизни нормальной... Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины, он останется рабом, и никакой писаный закон не даст ему блага гражданской свободы...»

Составил Игорь ДЬЯКОВ

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

В связи с переходом на хозрасчет редакция не имеет возможности вести переписку с корреспондентами журнала в прежнем объеме и информирует своих читателей о том, что наиболее интересные письма будут публиковаться столь же широко, как и ныне, но без предварительного уведомления адресата.

Дискуссионная трибуна открыта для всех без исключения! «МГ» постарается учесть в своей работе самый широкий спектр ваших мнений и предложений! От вашего участия зависит популярность и актуальность «Молодой гвардии»!

Редакция не обязательно разделяет точку зрения авторов. Авторы несут ответственность за точность представляемой информации.

Материалы объемом до 2 печатных листов, а также фотографии, рисунки не рецензируются и не возвращаются. Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Художественный редактор Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 10.09.91. Подп. в печ. 10.10.91.
Формат 84×108 1/32. Бумага кн.-журнальная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 20,9.
Тираж 410 000 экз. Заказ 2183. Цена 3 руб.
(по подписке 1 руб. 25 коп.)
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения
«Молодая гвардия»: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на журнал, а также для переадресовки издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Союзпечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовке издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Союзпечати».

Уважаемые товарищи! Абонементный бланк, оборотную сторону которого вы видите перед собой, облегчит вам подписку на наш журнал. Подписка производится во всех почтовых отделениях и учреждениях «Союзпечати» без ограничения, но не забудьте ее оформить до 1 числа предподписного месяца. В розничную продажу журнал практически не поступает. Подписная цена в 1992 году на «Молодую гвардию» на год — 24 руб., на полугодие — 12 руб., на три месяца — 6 руб., на один месяц — 2 руб. Подписываясь на журнал «Молодая гвардия», вы поддерживаете возрождение Отечества!

Ф СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

АБОНЕМЕНТ на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Количество комплектов:

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	литер

на ~~газету~~ журнал **70544**

(индекс издания)

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

(наименование издания)

Стоимость	подписки	____ руб. ____ коп.	Количество комплектов
	переадресовки	____ руб. ____ коп.	

на 19 ____ год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс) (адрес)

Кому

(фамилия инициалы)

3 руб.
(по подписке — 1 р. 25 к.)

Индекс 70544

